

*«Самые ясные и обнадеживающие мемуары человека, живущего с шизофренией,
которые я когда-либо читал».*

Оливер Сакс, доктор медицинских наук, профессор неврологии и психиатрии
Колумбийского университета

Элин Р. Сакс

Не держит сердцевина: записки о моей шизофрении.

Некоторые имена и отличительные характеристики людей, описанных в книге, были изменены ради сохранения их анонимности.

Посвящается Уиллу и Стиву

«Ибо жизнь - это деятельность ума».

Аристотель, *Метафизика*.

ПРОЛОГ

Десять вечера, пятница. Я сижу с двумя однокурсниками в библиотеке юридического факультета Йельского университета. Они не слишком рады, что они здесь: это начало уик-энда, в конце концов, есть множество более приятных вещей, которыми можно было бы заняться. Но я непреклонна – мы должны работать вместе, нашей небольшой группе нужно подготовить юридический меморандум, нам нужно это сделать, нужно закончить работу, нужно его написать, нужно... Погодите минуточку. Нет, *подождите*.

«Меморандумы - это наказание божье. Они о чем-то важном. Это важное находится в ваших головах. Вы когда-нибудь кого-нибудь убили?»

«Меморандумы - это наказание божье,» - объявила я им. «Они делают заявления. Заявления у вас в голове. Так обычно говорила Пат. Вы когда-нибудь кого-нибудь убивали?»

Мои сокурсники смотрят на меня, как будто бы их - или меня – окатили ушатом холодной воды. «Шутишь, да?» - сострил один из них. «О чём это ты, Элин?» - спрашивает другой.

«Да про то же. Ну, вы же знаете. Небеса и ад. Кто есть что, что есть кто. Эй!» - сказала я, вскочив со стула. «Давайте вылезем на крышу. Да ну же, это не опасно».

Я почти несусь к ближайшему большому окну, вылезая через него и ступаю на крышу. За мной через пару секунд неохотно следуют мои соучастники. «Это настоящая я!» - заявляю я, размахивая руками над головой. «Сюда, во Флориду, к лимонному дереву! Сюда, во Флориду, к солнцу и в чащи! Где делают лимоны. Где живут демоны. Эй, да что это с вами, ребята?»

«Ты меня пугаешь!» - выпаливает один из них. : «Я возвращаюсь назад,» - говорит другой через несколько секунд. Они напуганы. Что это они, приведение, что ли, увидели? И, эй, погодите минуточку – они спешат наперегонки обратно через окно.

«Почему вы уходите?» - спрашиваю я. Но они уже внутри, и я остаюсь одна. Через несколько минут, нехотя, я тоже лезу внутрь.

Когда мы опять рассаживаемся вокруг стола, я заботливо складываю свои книги в небольшую башню, потом перекладываю бумаги. Потом перекладываю их опять. Я вижу проблему, но я не вижу решения. Это меня очень беспокоит. «Я не знаю, прыгают ли у вас слова по страницам, как у меня,» - говорю я. «Мне кажется, кто-то проник в мои записи. Нам нужно записать все связки. Я не верю в связки, но они держат все наше тело вместе». Я мельком поднимаю глаза от своих записей и вижу, что оба мои коллеги пристально на меня смотрят. «Я... мне пора идти». - говорит один. «Мне тоже». - говорит другой. Они нервно и поспешно собирают свои вещи и уходят, с туманным обещанием поработать со мной над меморандумом как-нибудь в другой раз.

Я прячусь в грудях книг почти до утра, сидя на полу, бормоча себе под нос. Становится очень тихо. Гасят свет. Испугавшись, что меня запрут, я наконец-то поспешно бегу к выходу, прячась в библиотечных тенях, чтобы меня не заметила охрана. Снаружи темно. Мне не очень приятно идти домой, в свою комнату в студенческом общежитии. И даже если я туда пойду, я всё равно не усну. Моя голова полна шума. Полна лимонов, юридических меморандумов и массовых убийств, за которые я буду в ответе. Мне надо работать. Я не могу работать. Я не могу думать.

На следующий день я в панике, и спешу к профессору М., умоляя дать мне больше времени. «Кто-то проник в мои записи». - говорю я ему. «Они прыгают без остановки. Я хорошо прыгала, потому что я высокая. Я падаю. Люди туда что-то подкладывают, а потом говорят, что это моя вина. Я была Богом, но потом меня разжаловали». Я начинаю петь мою песенку про Флориду и лимоны, вертясь по всему офису, мои руки развеваются, как крылья большой птицы.

Профессор М. смотрит на меня. Я не могу понять, что выражает его взгляд. Он тоже меня боится? Можно ли ему доверять? «Я за вас беспокоюсь, Элин». - говорит он. Это правда? «Мне нужно ещё немного поработать, потом, может быть, вы смогли бы придти к нам домой на ужин? Вы сможете?»

«Конечно!» - говорю я. «Я побуду тут на крыше, пока вы работаете». Он смотрит, как я опять выбираюсь на крышу. Мне кажется, что это - то место, где мне нужно быть. Я нашла там пару метров оборванного телефонного провода и соорудила себе прекрасный пояс. Потом я нашла отличный длинный гвоздь, сантиметров семь, и засунула его себе в карман. Никогда не знаешь, в какой момент тебе понадобится защита.

Конечно, ужин у профессора М. не удался. Подробности слишком утомительны, достаточно сказать, что через три часа я была в приёмном покое отделения неотложной помощи Йельской больницы в Нью Хейвене, сдавая свой провод-ремень очень приятному санитару, который утверждает, что он им восхищается. Но нет, мой спец-гвоздь я ему не отдам. Я кладу руку в карман и сжимаю гвоздь. «Люди пытаются меня убить». - объясняю я ему. «Они убили меня за сегодня уже много раз. Осторожно, это может коснуться и вас». Он кивает.

Заходит Доктор, он приводит подмогу – другого санитаря, на этот раз не такого приятного, который не собирается меня обхаживать или позволить мне оставить мой гвоздь. И как только он вырывает гвоздь из моих рук, со мной покончено. Моментально Доктор и вся команда его головорезов из приемного покоя бросаются на меня, хватают, поднимают высоко в воздух и швыряют на рядом стоящую кровать с такой силой, что у меня искры сыпятся из глаз. Затем они привязывают мои ноги и руки к металлу кровати толстыми кожаными ремнями.

Из меня вырывается звук, которого я никогда не слышала – полу-стон, полу-вопл, уже не совсем человеческий, полный ужаса. Потом звук выходит из меня опять, с силой вырывается из самого нутра, раздирая мне горло. Через несколько секунд я давлюсь,

захлёбываюсь какой-то горькой жидкостью, пытаюсь сжать зубы, но не могу. Они заставляют меня её проглотить. Они вынуждают меня.

Я прохожу через ночные кошмары и пот, и это не первая моя больница. Но эта - самая худшая. Связанная, без возможности пошевелиться, одурманенная, я чувствую, как моё сознание ускользает. Наконец, я полностью беззащитна, бессильна. О, смотрите, вон там, по другую сторону двери – кто это там, смотрит на меня через окно? Кто это? Это человек? Это происходит на самом деле? Я, как жук на булавке, беспомощно извиваюсь, пока кто-то размышляет, не оторвать ли мне голову.

Кто-то за мной наблюдает. *Что-то* за мной наблюдает. Это «*что-то*» ждало этой минуты много лет, насмехаясь надо мной, посылая мне видения того, что меня ждёт. Раньше я всегда могла бороться, отталкивать его, пока оно не отступит – не насовсем, но всё же до того состояния, когда оно становилось не больше, чем зловещим пятнышком, расположившимся на периферии моего зрения, пятнышком, которое было видно только уголком глаза.

Но теперь, когда мои руки и ноги пришпилены к металлической кровати, моё сознание расплзается в бесформенную лужу, когда никто не обращает внимания на мои попытки поднять тревогу, невозможно ничего сделать. *Я не могу ничего сделать. Будет неистовое пламя и сотни, может быть, тысячи мертвецов, лежащих на улицах. И всё это случится – всё-всё – по моей вине.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я была маленькой девочкой, почти каждое утро я просыпалась под ярким солнцем, чистым небом, под звук сине-зелёных волн Атлантического океана. Это было в Майами пятидесятых - начала шестидесятых: до Диснейленда, до восстановленного сказочного великолепия арт-деко Южного Пляжа, когда «кубинское нашествие» было еще всего лишь парой сотен напуганных людей, приплывших на самодельных лодках, а не культурным воздействием сейсмической силы. Главным образом, Майами был местом, где продрогшие нью-йоркцы спасались от зимы, куда после Второй Мировой Войны переехали (по отдельности) мои родители, уроженцы Восточного Побережья, и где они встретились в первый день учебы моей мамы в колледже Флоридского Университета, в Гейнсвилле.

В каждой семье есть свои предания, истории-талисманы, которые сплетают нас друг с другом, мужа с женой, родителей с детьми, братьев и сестёр между собой. Культуры, национальности, рецепты любимых блюд, фотоальбомы, дневники, письма или деревянный сундук на чердаке, или тот случай, когда бабушка сказала..., или когда дядя Фред ушёл на войну и вернулся вместе с... Дня нас, моих братьев и меня, первая история, которую нам рассказали, была про то, как наши родители влюбились с первого взгляда.

Мой папа был высоким, умным и заботился о сохранении своей стройной фигуры. Моя мама тоже была высокой, приятной внешности, с чёрными кудрявыми волосами. Она была общительной и открытой натурой. Вскоре после первой встречи мой папа поступил на юридический факультет, где сделал большие успехи. В последовавшем браке у них было трое детей: я, на полтора года позже мой брат Уоррен, а потом Кевин, через три с половиной года.

Мы жили в пригороде северного Майами в доме с низко спускающейся крышей, окружённом забором, во дворе которого росли манго, красный гибискус и дерево-кумкват. И в котором сменилось несколько собак. Первая любила зарывать нашу обувь, второй нравилось пугать соседей. Наконец-то, в лице третьей, маленькой упитанной таксы по имени Руди, у нас появился хранитель; он всё ещё жил с моими родителями, когда я уезжала в колледж.

Пока мы с братьями росли, у родителей было железное правило для выходных: суббота принадлежала им (это было время побыть вдвоем или сходить с друзьями в местный ночной клуб, потанцевать или просто поужинать). Воскресенье принадлежало детям. День зачастую начинался большой свалкой на родительской кровати, объятиями, щекоткой и смехом. Затем мы могли пойти в Грейнольдс парк, или в национальный парк Эверглейдс, или в городской зоопарк, или пойти кататься на роликах. Мы также часто ходили на пляж, мой папа был любителем спорта и учил нас играть в очередную игру. Когда мне исполнилось двенадцать, мы переехали в дом побольше, на этот раз с бассейном, и мы часто в нём играли все вместе. Иногда мы отправлялись на прогулку на моторной лодке,

катались на водных лыжах, а затем обедали на каком-нибудь небольшом острове недалеко от берега.

Телевизор мы тоже смотрели вместе – сериалы «Флинтстоуны», «Джетсоны», «Предоставь это Биверу», вестерн «Сыромятная плеть», и все другие ковбойские шоу. Шоу Эда Салливана и Дисней в воскресенье вечером. Когда сериал про адвоката Перри Мейсона¹ показывали во второй раз, я смотрела его каждый день после школы, удивляясь, как это Перри умудрялся не только защищать людей в суде, но и раскрывать все преступления. Мы смотрели шоу «В субботу вечером», собравшись вместе в гостиной и жуя печенье «Орео» и картофельные чипсы, пока моих родителей не накрыла волна «здорового питания» и они не перевели нас на йогурты и салаты.

В доме всегда звучала музыка. Мой папа любил джаз и рассказывал нам, что во времена его молодости увлекаться джазом считалось почти бунтарством. Наши с Уорреном коллекции записей были очень похожи: Битлз, Кросби, Стилз и Нэш, Дженис Джоуплин. Но на Манкиз наши вкусы расходились (мне они нравились, а ему ни капли), и он безжалостно дразнил меня за постер Питера Нуна из Херманс Хермитс на стене моей спальни.

И ещё были фильмы, выбранные моими родителями как «подходящие»: «Мэри Поппинс» и «Звуки музыки» были одобрены, но из-за одного из «Джеймсов Бондов» (не помню, какого именно, что-то с Шоном Коннери) между мной и папой разгорелась настоящая баталия: мне еще не было семнадцати и Бонд, с его мартини и девушками в бикини, был точно «неподходящим».

Некоторое время в старшей школе я работала за прилавком со сладостями в местном кинотеатре: «Может, еще Колы?» - что позволяло мне смотреть любые фильмы, какие мне хотелось, и многие из них по нескольку раз; кажется, я посмотрела «Билли Джека» раз двадцать. Мне довольно быстро стало понятно, что мне не нравятся страшные фильмы или же фильмы, наполненные тревожным ожиданием – фильмы ужасов были исключены, а «Сыграй мне перед смертью» Клинта Иствуда с его сумасшедшей женщиной-сталкером выбил меня из колеи на несколько недель. Когда директора кинотеатра ограбили вечером после закрытия, мои родители заставили меня уйти с работы.

Я признаюсь в активном братско-сестринском соперничестве с Уорреном. Как старшая, я старалась изо всех сил быть впереди, стараясь преуспеть во всём, чем младший брат ещё не мог заняться. Я первой научилась кататься на велосипеде. Когда он тоже научился, я ездила на своем быстрее и дальше. Я первой научилась кататься на водных лыжах, и затем

¹ «**Перри Мейсон**» ([англ. Perry Mason](#)) — американский телесериал производства *Paisano Productions*, транслировавшийся с сентября 1957 года по май 1966 года. [Перри Мейсона](#) сыграл актёр [Рэймонд Бёрр](#). В своё время сериал был «самым успешным и продолжительным среди сериалов об адвокатах»

каталась на них напропалую, чего нельзя сказать о брате. Я получала хорошие оценки, и следила, чтобы он об этом знал; он тоже занимался с усердием и получал хорошие оценки. Папа был не любитель похвал (считал, что они нас сглазят), поэтому он никому не раздавал комплиментов. Но мама нас хвалила, и мы с Уорреном соревновались, чтобы привлечь её внимание.

Что касается Кевина - поскольку он был намного младше меня, я относилась к нему, как к своему ребёнку. Одно из моих первых воспоминаний - о том, как он начал ползать, и как я волновалась, наблюдая за тем, как он научился передвигаться с места на место. Он не только был гораздо младше нас с Уорреном, он также был по натуре более общительным – с ним было гораздо легче водиться, и он любил просто быть вместе с нами, а не тягаться с нами.

Наша семья не была религиозной, но мы следовали основным еврейским традициям: ходили в Храм и соблюдали Дни трепета². В детстве мы ходили в еврейскую школу, а также отпраздновали свои Бат- и Бар-Митцву³. Хотя мне это подробно не объясняли, мне дали понять, что во многих местах и обстоятельствах евреи были не очень популярны, и что нужно быть скрытным и уважать себя, чтобы пройти свой путь в жизни. В отличие от папиных родителей, мы не соблюдали кашрут⁴; еще одна семейная легенда гласила, что, для того, чтобы впечатлить своих будущих свёкра со свекровью своей кошерностью, моя мама, чья семья никогда не соблюдала кашрут и даже не знала его правил, по ошибке заказала лобстера на ужин в тот день, когда мой папа представлял её своим родителям.

Внешне казалось, что моя семья была очень благополучной – как на обложке журнала, нарисованной Норманом Роквеллом, или из доброго комедийного телевизионного сериала пятидесятых. И действительно, моя мама была, как сейчас бы её назвали, «домашней мамой» или домохозяйкой. Она всегда была дома, когда мы возвращались из школы, следила, чтобы мы обязательно перекусили – до сих пор хлопья с холодным молоком для меня «еда из детства». Мы всегда ели вместе всей семьей, и хотя мама не много готовила (готовила домработница, а со временем мой папа пристрастился к готовке и очень в ней преуспел), в буфете всегда был пирог (хоть и магазинный), в холодильнике свежие фрукты, и свежее бельё в наших шкафчиках.

Однако за красивым фасадом всё было сложнее, как и в любой семье. Как и у всех родителей, у моих были и сильные и слабые стороны. Они были очень близки; на самом

² **Days of Awe**, в иудаизме дни между Новым годом (Рош ha-Шана) и Днем искупления (Йом Кипур)

³ **Бар-мицва** (ивр. בָּר מִצְוָה, буквально — «сын заповеди»), **бат-мицва** (ивр. בַּת מִצְוָה — «дочь заповеди»), в [ашкеназском](#) произношении **бас-ми́цва**) — термины, применяющиеся в [иудаизме](#) для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного [совершеннолетия](#).

3

⁴ **Кашру́т** (ивр. כַּשְׁרוּת, в [ашкеназском](#) произношении «ка́шрус») — термин в [иудаизме](#), означающий дозволенность или пригодность чего-либо с точки зрения [Галахи](#).

деле, они получали гораздо больше удовольствия в компании друг друга, чем с другими людьми, включая иногда и собственных детей. Как и многие пары пятидесятых годов, их сложно было представить отдельно друг от друга. Моя мама всегда была очень нежной с папой на людях, он с ней - не очень, хотя никогда не бывал пренебрежительным или грубым. Но всегда было понятно, что он был главным. Для моей мамы девизом всегда было: «Всё, что ты захочешь, дорогой!», как это было и для её мамы. Если у неё и были какие-то карьерные амбиции, когда она пошла в колледж, я никогда о них не знала; хотя она была центральной фигурой в успешном антикварном бизнесе, который мои родители начали вместе. Но всё равно, ничто не изменилось в их отношениях за прошедшие годы. Недавно моя мама призналась, что она отказалась от своих политических взглядов, чтобы разделить взгляды моего отца.

Со своей стороны, несмотря на чувство юмора, зачастую граничащее с непристойностью, мой отец мог быть очень бескомпромиссным в своих мнениях и реакциях. В его отношении к другим людям всегда была нотка подозрительности, особенно когда дело касалось денег. В этом он был копией своего отца.

Мои родители никогда не скрывали своего отвращения к религиозному фанатизму и расизму. Например, мы могли ругаться любыми словами, но любые расовые или национальные комментарии были всегда полностью запрещены. Каким бы провинциальным Майами ни казался в то время (мой отец часто говорил, что у этого города были все недостатки больших городов и никаких их преимуществ), напряжённые отношения между афро-американцами и кубинскими иммигрантами и беспорядки в 1970-м (во время которых полиция не раз беспокоила нашу афро-американскую домработницу), научили нас, что даже знакомый пейзаж в тумане предрассудков может непредсказуемо измениться.

Какими бы ни были их (и наши) недостатки, родители всегда нам говорили «Я тебя люблю», и в детстве, и сейчас. До сих пор они открыто проявляют нежность ко всем нам, и даже приветствуют моих друзей объятиями и поцелуями. Мои родители никогда не были жестокими, не были сторонниками наказаний, и никогда не применяли физическую силу, пытаясь привить нам дисциплину; они просто дали нам понять, с самого раннего детства, как много они ожидают от нашего поведения, и когда мы не достигали этой высокой планки, они подхлестывали нас своим разочарованным удивлением.

Мы также не нуждались особенно и в материальных благах. Мы были крепким средним классом, и с течением времени наше благосостояние возрастало. Мой отец, как юрист, имел дело с недвижимостью, покупкой-продажей земли и наследственными делами - все это росло с развитием Майами. Когда мне было тринадцать, мои родители открыли магазин антиквариата в пяти минутах езды от дома. Он тоже процветал, и родители начали покупать и перепродавать товары из Европы, что со временем стало означать две-три ежегодные поездки во Францию, а также то, что мы стали проводить много времени в Нью-Йорке.

Поэтому у нас не было забот о крыше над головой, насущном хлебе или ежегодных семейных поездках на каникулы. От нас ожидалось поступление в колледж, и подразумевалось, как само собой разумеющееся, что родители оплатят наше образование. Они были любящими, работающими, в меру целеустремленными (для себя и для детей) и, в большинстве случаев, добрыми. В общем, как это описывается в психологической литературе, «достаточно хорошими» - и они воспитали троих славных детей, нелегкое дело в те, да и в любые другие, времена. Мои братья выросли достойными мужчинами: Уоррен работает трейдером на Уолл-стрит, Кевин – инженер-строитель в Майами. Оба самореализовались в своих профессиях, у обоих - жены и дети, которых они любят, и которые любят их. И я знаю, что мою собственную склонность к работе в полную силу и стремление к успеху можно напрямую проследить от моих родителей.

Короче говоря, они дали мне то, что мне нужно было для того, чтобы реализовать мои способности и научили меня этому. И (хотя я не могла предвидеть или понять, насколько это будет жизненно важным для меня) они дали мне все необходимое для существования.

* * *

Когда мне было почти восемь лет, я неожиданно начала вести себя не совсем так, как хотелось бы моим родителям. У меня появились, как бы это назвать, небольшие странности. Например, иногда я не могла выйти из своей комнаты, пока вся моя обувь не была аккуратно расставлена и выровнена по линейке в шкафу. Или около кровати. Бывали ночи, когда я не могла выключить свет, пока все мои книги не были расставлены в правильном порядке. Иногда, вымыв руки, я должна была вымыть их во второй раз, затем и в третий раз. Ничто из этих странностей не мешало мне в моих ежедневных занятиях: я ходила в школу, участвовала в семейных трапезах, ходила играть. Но всё это требовало определённой подготовки, определённой... осторожности. Потому что Я должна была это сделать. Это просто было *так*. И это было испытанием терпения для любого, кто ждал меня у двери спальни или ванной: «Элин, ну же, мы опоздаем!» или «Автобус уйдёт!» или «Тебя отправили спать сорок минут назад!».

«Я знаю, я знаю». - отвечала я. «Мне просто нужно ещё кое-что сделать, и всё будет в порядке».

Вскоре после того, как в моей жизни появились эти странности, к ним прибавились ночи, полные кошмаров, которые приходили, несмотря на все предпринятые предосторожности с выравниванием и раскладыванием. Не каждую ночь, но достаточно часто для того, чтобы отбить у меня охоту ложиться спать. Когда выключался свет, темнота в моей комнате становилось невыносимой. И мне не помогало то, что я могла слышать (если бы я могла не обращать внимания на громкий стук своего бьющегося сердца) голоса родителей, доносящиеся из их комнаты дальше по коридору; мне не помогало то, что мой папа был большой и сильный, и храбрый, и бесстрашный. Я знала, что есть кто-то там за окном, кто-то, кто ждёт своего момента, когда мы все спим, когда никого нет на страже. *Ворвётся ли он в дом? Что он сделает? Убьёт всех нас?*

После трёх-четырёх таких ночей, я собрала всё своё мужество и рассказала обо всём маме. «Кто-то притаился за моим окном». - сказала я тонким и дрожащим голосом. «Во дворе. Он ждёт, пока вы с папой уснёте, чтобы придти и захватить нас. Сделать нам больно. Найдите кого-нибудь, кто заставит его уйти. Может, позвать полицейского?»

Выражение лица моей мамы было таким добрым, что мне было трудно смотреть ей прямо в глаза. «Ой, малышка,» - так она называла меня в минуты нежности – «там никого нет, никого нет в кустах. Никто не хочет сделать нам больно. Это твоё воображение. Хм, может, нам не стоит так много читать перед сном. Или может, мы ужинаем слишком поздно, и это твой животик играет в игры с твоим мозгом. Не будь глупышкой». С её точки зрения, инцидент был исчерпан.

Я старалась верить ей. Я, правда, очень старалась. И когда мы остались дома вдвоём с моим братом Уорреном, я призналась ему в моих страхах, и мы постарались, как могли, успокоить друг друга – вместе, набравшись храбрости, мы вышли проверить, не стоит ли и вправду кто-то за входной дверью. Конечно, никого там не было. Но мои ощущения не исчезли, и в течение долгого времени процесс засыпания был как бы соскальзыванием в состояние беспомощности. Я боролась с ним каждую ночь, забравшись с головой под одеяло, пока изможденный бессонницей растущий организм не брал своё.

Мне семь или восемь, я стою в загромождённой гостиной нашего уютного дома и смотрю через окно на солнечный день. «Папа, давай сходим в наш пляжный домик, искупаемся?» «Я же сказал тебе, что я занят, мне надо работать, Элин, и потом, может пойти дождь. Сколько раз я должен повторять тебе одно и то же. Ты когда-нибудь слушаешь?» - резко отвечает он.

Моё сердце уходит в пятки от тона его голоса: я его разочаровала.

И в этот момент происходит что-то странное. Моё осознание (себя, его, комнаты, физической реальности вокруг нас) моментально становится неясным, расплывчатым. Или шатким. Мне кажется, будто я растворяюсь. Я чувствую себя – мой разум чувствует себя – как замок из песка, когда песок ускользает с уходящим приливом. *Что со мной происходит? Это жутко, мне страшно! Пусть это закончится, пожалуйста!* Мне кажется, что если я буду стоять неподвижно и молча, это пройдёт.

Это ощущение гораздо сложнее (и причудливее) описать, чем чувство крайнего страха или ужаса. Большинство людей знает, что это такое - перепугаться насмерть. Если они сами этого не ощущали, то, по крайней мере, они видели это в кино, читали в книге, или разговаривали с испуганными друзьями или знакомыми – они, по крайней мере, могут это представить, вообразить. Но попытаться объяснить то, что я позже называла ощущением «дезорганизации» - это гораздо более сложная задача. Сознание постепенно теряет свою

связность. Твоя суть сдаёт позиции. Все рушится, не держит сердцевина⁵. «Я» становится туманной дымкой; целостный центр, через который мы ощущаем реальность, распадается, прерывается, как слабый радио-сигнал. Нет надёжного пункта наблюдения, из которого мы смотрим вовне, воспринимаем, оцениваем происходящее. Нет ядра, которое держит все вместе, через линзу которого мы смотрим на мир, позволяющего нам принимать решения и оценивать риск. Случайные моменты времени сменяют друг друга. Картинки, звуки, мысли, чувства не складываются в одну картину. Сменяющие друг друга моменты времени не выстраиваются в логическую последовательность, которая имеет смысл. И всё это происходит как в замедленной съёмке.

Конечно же, мой папа не заметил происходящего, ибо это всё происходило у меня внутри. И как я ни была напугана в этот момент, я интуитивно понимала, что это «что-то» нужно спрятать от него, нужно спрятать от всех. Это интуитивное знание, что «это» - мой секрет, который я должна хранить, а также другие навыки «маскировки», которым я научилась, чтобы управлять своей болезнью, стали центральными звеньями моего опыта жизни с шизофренией.

Однажды ранним вечером, когда мне было около десяти лет, никого не было дома в течение какого-то времени и почему-то - почему, не могу сейчас вспомнить, я была дома совсем одна, ожидая, когда все они вернуться. После захода солнца снаружи моментально стало темно. Где они все? Они сказали, что будут дома к этому времени. Внезапно я почувствовала уверенность, что слышала, как кто-то проник внутрь. Это на самом деле было не звуком, а каким-то убеждением, каким-то чувством. Угроза.

Это тот человек, сказала я себе. Он знает, что никого из взрослых нет дома, он знает, что я тут одна. Что мне делать? Я спрячусь в шкаф. Надо сидеть тихо. Дышать еле слышно, дышать тихо-тихо.

Я ждала в шкафу, охваченная страхом, окруженная темнотой, пока мои родители не вернулись домой. Прошло, пожалуй, не больше часа, но он тянулся целую вечность.

«Мама!» - выдохнула я, открыв дверь шкафа и заставив их подпрыгнуть от неожиданности. «Папа! В доме кто-то есть. Вы его видели? С вами всё в порядке? Почему... почему вас не было так долго?»

Они посмотрели друг на друга, и папа покачал головой. «Здесь никого нет, Элин». – сказал он. «Никто не входил в дом. Это твоё воображение».

Но я настаивала. «Нет, нет, я его слышала. Здесь кто-то был. Пожалуйста, проверьте». Вздыхнув, мой отец прошёл по всему дому. «Здесь никого нет». Его слова звучали не успокаивающе, а скорее пренебрежительно. Моё ощущение нависшей опасности не прошло, но я больше не говорила о ней с родителями.

⁵ Все рушится; не держит сердцевина[4 - В.Б.Йейтс «Второе пришествие»]...

Большинство детей проходит через такие же страхи, в пустом доме или пустой комнате, или даже в знакомой спальне, которая становится чужой, как только выключается свет. Большинство из них вырастают или их рациональный разум встаёт защитой между ними и страшилищем. Но мне этого никогда не удавалось. И поэтому, несмотря на энергичное соперничество с моими братьями, на мои хорошие отметки, на моё ощущение силы, когда я каталась на водных лыжах или велосипеде, внутренне я начала сжиматься, несмотря на то, что росла ввысь. Я была уверена, что окружающие могли видеть, как я напугана, как я застенчива и неадекватна. Я была уверена, что они говорили обо мне, когда бы я ни заходила в комнату, или как только я из неё выходила.

Когда мне было двенадцать, и я была маниакально озабочена дополнительным весом, который подростковый возраст добавил к моей фигуре (и ростом, который неожиданно появился вместе с ним - я почти достигла 183 сантиметров), я целеустремлённо села на экстремальную диету. К тому времени мои родители исключили из нашего питания хлеб, они постоянно говорили о необходимости считать калории, поддерживать здоровую, стройную конституцию. Иметь излишний вес считалось очень плохим признаком – это было непривлекательно, это означало, что кто-то либо был жаден, либо не умел себя контролировать. В любом случае, они пристально следили за всем, что мы ели.

Это было задолго до того, как стало модным и обычным следить за тем, что мы кладём в рот (и откуда оно взялось, и сколько в нём белка, и какое содержание углеводов, или где на инсулиновой шкале оно находится). Это было задолго и до того, как расстройства питания стали известны широкой публике: ни анорексия, ни булимия ещё не были широко известны, и, конечно, никто из тех, кого мы знали, не ходил к врачам или психологам по поводу набора или потери веса – да и ни по какому другому поводу. Всё, что я знала, это то, что я начала толстеть и что мне надо опять стать худой. И я поставила перед собой эту цель.

Я уменьшила свои порции вдвое. Я размазывала еду по тарелке, чтобы казалось, что я поела. Я отказывалась от картошки и пропускала воскресный завтрак. В школе я пропускала обед. Я разрезала мясо на мелкие кусочки, потом разрезала эти кусочки на ещё меньшие. Я перестала перекусывать и никогда не ела десерт. Я начала таять, но некоторое время никто ничего не замечал. К тому моменту, как кто-то обратил на это внимание, во мне было сто семьдесят семь сантиметров роста, и я весила всего сорок пять килограммов.

Однажды за ужином мой папа, предварительно откашлявшись, что, как я знала, было вступлением для серьёзного разговора, сказал: «Мальчики, вы можете идти делать домашнюю работу». - и я посмотрела на Уоррена с тревогой. *О чём будет идти речь? «Мама и я хотим поговорить с вашей сестрой кое о чём сугубо личном».* Мальчики ушли, предварительно бросив на меня взгляд, как бы говоря: «ха-ха, ну теперь ты попалась» - взгляд, которым так хорошо умеют награждать братья. Я сложила руки на коленях и приготовилась к любому повороту событий.

«Элин, - начала мама, - папа и я немного обеспокоены...». Тут её перебил отец. «Ты мало ешь,» - сказал он. «Ты слишком худая. Тебе надо больше есть».

«Я в норме». – запротестовала я. «Я ем то же, что и вы, что и все. Это просто я расту».

«Нет, это не так». – сказал отец. «Ты становишься выше, но ты не растёшь. У тебя кожа бледная и похожа на тесто, ты почти засыпаешь за столом, того, что ты ешь, с трудом хватает и мышцы, чтобы остаться живой. Ты похожа на беженца военного времени. Если ты только не больна – тогда мы обязательно пошлём тебя к врачу – я настаиваю, чтобы ты ела три раза в день. Потому что, если ты не больна, ты уж точно заболеешь, если будешь продолжать в том же духе».

Я возражала, спорила, протестовала. Я отстаивала свои диетические привычки. «Я знаю, что я делаю, и я в полном порядке». - сказала я.

«Твое отношение к этому печалит меня, - сказала мама. – Ты ведёшь себя вызывающе, уж не говоря о том, как ты выглядишь. Ты потеряла контроль над собой. А мы хотим для тебя совсем другого. Может быть, именно поэтому ты это делаешь?»

Этот разговор в различных вариациях повторялся последующие дни и недели. Они следили за каждым куском, который я клала в рот, и считали каждый кусок, который я не съедала. Они будили меня утром пораньше, готовили мне завтрак, а затем садились вместе со мной за стол и наблюдали мои попытки его съесть. На выходные они водили меня в кафе и рестораны обедать и ужинать. Столкнувшись с моим упрямством, они пригрозили ввести комендантский час и урезать мою квоту на походы в кино. Они сказали, что «примут меры». Они упрашивали, они пытались меня подкупить. Я чувствовала, как ослабевала под этим интенсивным давлением их бдительности и постоянных лекций.

Наконец я поняла, что с меня хватит. «Да вы меня с ума сводите!» - запротестовала я. «Я не больна, я не собираюсь умирать, со мной всё в порядке. Я знаю, что делаю. В конце концов, я потеряла вес своими силами, и я могу его набрать, если захочу».

Лицо моего отца приняло очень расчетливое выражение. «Хорошо, тогда докажи это». – сказал он. «Если ты думаешь, что всё в твоих руках, в твоей власти, докажи это – набери потерянный вес».

Я была взбешена. Моему отцу удалось наконец-то меня перехитрить и ловко заманить меня в ловушку, которую старательно расставлял в течение этих недель: взять меня «на слабо». И у меня не было другого выхода, как подчиниться его требованию, иначе он мог бы сказать, что я сдрейфила, и тогда у него было бы право делать то, что он считал нужным (что именно, он так никогда и не уточнил).

Итак, я решила есть. Что не было таким уж ужасным решением, поскольку так или иначе я всегда любила еду, любую еду, в любое время – я просто не хотела быть толстой. За три месяца я набрала свой обычный вес. «Вот видите!» - торжествовала я. «Я же говорила, что знаю, что делаю. Я сказала, что могу это сделать, и я сделала». Это ощущалось как важная победа: я довела себя до одного состояния, а потом сама же довела себя до

противоположного состояния. И всё это время я держала всё под контролем, или, по крайней мере, я так думала.

Я иногда думаю о той маленькой девочке, которой я была. Ещё не достигнув подросткового возраста, вполне возможно, что она обладала замечательной силой воли; она могла быть упрямой, или свирепой, или сильной, или бесстрашной – а может, она была просто отвратительной. Но чего у нее не было – так это контроля над тем, что происходило у неё внутри. И она узнает об этом, пройдя через огонь и воду.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На летних каникулах в старшей школе вместе с несколькими одноклассниками я поехала в Мексику, в Монтеррей, на летний интенсивный курс испанского языка и культуры в организацию с впечатляющим названием – Высшая Технологическая Школа Монтеррея – которую мы быстро стали называть «Монтеррей-Тек». Хотя я часто путешествовала вместе с родителями и уже бывала одна в летнем лагере, я никогда не была одна так далеко от дома. А тут мы ехали в студенческий городок колледжа в чужой стране, почти без присмотра.

Одна часть меня была радостно взволнована этой поездкой, возможностью быть свободной от постоянного родительского контроля, другая - встревожена, даже испугана. Не сложностью интенсивной языковой программы – к тому времени я довольно сносно говорила и читала по-испански и искренне интересовалась этой страной, которая с каких-то давних времён имела связь с кубинцами, перебравшимися в Майами. Но быть в незнакомом месте, заботиться о себе, быть вдали от предсказуемой рутины, которая давала мне некий комфорт – от этого у меня как будто образовалась язва в желудке. Эта язва уменьшалась по мере того, как я обустроивалась в комнате общежития, начала осваиваться на месте, но она не исчезла полностью.

В Тек приехали студенты отовсюду, и хотя дни были заполнены интенсивными занятиями и выходами в город (например, на экскурсию по историческим местам Мехико), вечерами и в выходные мы были предоставлены самим себе. Понемногу мы начали выбираться в

небольшие кафе или шумные кафетерии. Утра обычно начинались с кофе с молоком (café con leche) и иногда очень сытной сдобой, покрытой слоями тёмного мексиканского шоколада. Вечерами мы расшифровывали меню и заказывали куриные такос, эмпанадас или бурритос, запивая их лимонадом из лайма (а некоторые смельчаки - холодной текилой). После ужина кто-то мог предложить пойти в местный клуб, где я чаще всего стояла в сторонке – как ни люблю я музыку, всегда чувствую себя неуклюжей на танцплощадке, и мне не нравилось, когда на меня смотрели, особенно незнакомые люди.

Иногда рано вечером мы с друзьями просто гуляли по тем районам города, которые нам рекомендовали как «безопасные», около центральной площади, или *zocalo*. Девушки заглядывались на мексиканских юношей, мексиканские юноши заглядывались на девушек. Было много кокетства и хихиканья, и каждую ночь несколько подростков пробирались, спотыкаясь в темноте, в комнату общежития намного позже того времени, когда они шли в постель у себя дома.

Я была одной из немногих ребят в нашей группе школьных друзей, кто никогда не курил марихуану. Я всегда считала, что курить травку было плохо, что этого нельзя было делать, что даже если попробуешь марихуану, это может привести к плохим последствиям. Но потом даже самые последние из оставшихся, самых стойких, в нашей группе попробовали. После многих ночей, наблюдая за тем, как они закуривали, я, наконец, сдалась.

Я смотрела, как мой приятель взял зажжённый косяк из рук соседа, взял его в рот и вдохнул. «Держи, держи, не выдыхай!» - посоветовал кто-то. «Подожди пару секунд. Вот так, теперь можно». И он с присвистом выдохнул небольшое облачко дыма. Прошло несколько секунд, потом ещё несколько секунд.

«Ну?» - спросила я. «Что-нибудь чувствуешь?» Я еще даже не притронулась, но у меня в груди уже было странное чувство; как будто я ожидала, что его голова займётся ярким пламенем.

«Ну да, что-то» - сказал мой друг. «Что-то... мягкое. Я имею в виду, немного жжёт, но как-то мягко».

«Да какого чёрта!» - подумала я. «Эй, дайте и мне, я хочу попробовать».

Я не знаю, существует ли изящный способ вдыхать первый в жизни косяк. Он, в конце концов, горит, ещё и пепел, и дым. И, конечно же, это нарушение закона, поэтому вся процедура несколько подпольная, действующая на нервы – как будто вас приняли в некое секретное общество, и в голове играет заевшей пластинкой список всех опасностей, заключенных в марихуане, пока вы всеми силами стараетесь не показаться глупой или, что ещё хуже, не крутой.

В тот момент, когда я поднесла косяк к губам, я была абсолютно уверена, что мои родители как по волшебству появятся прямо передо мной – и что тогда? «Глупости». - подумала я. «Такого не бывает; они в тысяче километров отсюда». И я вдохнула. Естественно, я закашлялась, у меня защипало в глазах, и навернулись слёзы. Затем я

вдохнула ещё раз и стала ждать. И действительно, «резкое и мягкое» отлично описывает это ощущение. Тут я услышала свой смех. Потому что больше всего мне хотелось смеяться. На этом важный и сложный вопрос марихуаны был разрешён. «Нормально». – сказала я друзьям. «Я в порядке». И я вернула косяк моему приятелю.

Следующие несколько дней я периодически думала о том, что я сделала. Не могу сказать, что мне это *не* понравилось, но я не чувствовала горячего желания повторить этот опыт в ближайшее время. Это было нормально, но странно, вот и всё. В целом, я была рада, что это сделала.

Нет, я гораздо больше интересовалась мальчиками (хотя с этим мне в то лето и не повезло), наслаждалась тёмным, горько-сладким шоколадом, и на протяжении многих дней мне не надо было отвечать перед кем-то за свои действия. У меня появились новые друзья, я получила хорошие оценки и я увидела Мексику, красивую страну. Эксперимент с парой косяков был всего лишь небольшим происшествием того замечательного лета.

Через несколько месяцев после возвращения из Мексики, в первый год старшей школы, когда я волновалась о вступительных экзаменах и выписывала проспекты университетов, однажды вечером на выходных мы с друзьями поехали в авто-кинотеатр на открытом воздухе. Мы поехали на чьей-то машине; у меня уже были права, но я знала, что я ужасный водитель (я почти чуть не переехала кошку в первый раз, когда была за рулём рядом с мамой), и обычно предпочитала быть чьим-нибудь пассажиром.

«У меня есть мескалин, - внезапно объявил кто-то. – Кто-нибудь хочет?» Кто-то хихикнул, другой сказал «Ну да, конечно, почему бы и нет?» Я просидела около минуты, глядя через ветровое стекло на фильм на большом экране, раздумывая, что делать. Раздумывая, что я *хочу* делать.

«Да, - в конце концов, сказала я. – Да, я хочу».

Я запила маленькую таблетку глотком тёплой кока-колы. В машине воцарилось странное молчание (за исключением, конечно, звуков фильма из динамика, прикреплённого к окну машины). Казалось, что мы все затаили дыхание. Ждали. У меня сосало в желудке – от нервов? От таблетки? От ожидания неизвестного? Потом внезапно в желудке стало очень тепло, и тепло распространилось к лопаткам. Я сидела, сжав кулаки; теперь я почувствовала, как мои пальцы разжались, и руки упали раскрытыми ладонями на колени. И затем мы все выдохнули коллективное «*Оооооо, смотриши!*»

Изображение на большом экране начало колебаться, как жидкая акварель. По крайней мере, это было то, что я видела; каждый рассказывал о чём-то разном. У меня синезелёное перетекало в оранжево-розовое, жёлтое медленно сталкивалось с зелёным и коричневым, а кожа на лицах актёров стала похожей на растянутый пластилин. Окна машины были опущены, и ночной воздух казался жидкостью на моих руках и лице, как будто бы я плыла по поверхности тёплого бассейна. Снаружи полчища жучков сонно плавали в мерцающих огнях.

«Я хочу есть! – торопливо сказал один из нас. – Поехали, купим что-нибудь поесть». Ммммм, подумала я. Это, кажется, хорошая идея. Медленно я вышла из машины и направилась к бару, одна из наших девушек шла на пару метров впереди меня. «Осторожно! Не врежься в забор!» Она подскочила, оглянулась вокруг и засмеялась. «Здесь нет никакого забора, Элин, у тебя видения. У меня тоже, но заборов тут нет!»

Когда мы вернулись к машине, мы принесли второй металлический громкоговоритель, и потом смотрели один фильм, а слушали другой. Ни один из нас представления не имел, что происходило перед нами или внутри нас. Это не имело значения. Смотреть на этот диссонанс – это было нечто!

Остаток ночи и часть следующего дня я видела яркие цвета и сменяющиеся узоры, проплывавшие в воздухе вокруг меня – круги, верёвки и какие-то резиновые обручи, кристально ясные и очень яркие, как осколки разбитого стекла. Все изображения пульсировали, и, кажется, сопровождалась какими-то звуками, как будто бы я их слышала с очень далекого расстояния. *Возможно, так выглядят звуковые волны* – подумала я.

Сначала это было захватывающе и даже как-то комфортно, - ощущать все это - всё вокруг меня и внутри меня было так красиво. Однако, час за часом, всё это начало меняться, как-то темнеть. Острые грани там, где до этого были только округлости. Надвигалось нечто, нечто совсем недружелюбное. Вскоре мне просто захотелось, чтобы это нечто закончилось – я не могла это выключить, приглушить, и это начало мучить меня. Как будто в моей голове не осталось свободного пространства, чтобы видеть или слышать что-то ещё.

К вечеру галлюцинации прошли все стадии и постепенно исчезли. Родители ничего плохого не заметили; а мои братья к тому времени перестали обращать на меня внимание. В приступе смирения я пообещала себе, что больше не буду экспериментировать с такими медикаментами и наркотиками. Изменённое состояние сознания - это не для меня. Вот и всё.

И всё же это не было «всё». Даже после того, как галлюцинации прошли, я не могла заставить свой мозг и тело работать, как положено. Я никогда не испытывала похмелья, но думаю, что это похожее ощущение. Я была заторможенной, меня подташнивало. Я была не в духе, грустной и поникшей, не могла пробудить в себе никакого энтузиазма к учёбе, общению или чему-либо другому. Через несколько дней такого состояния я испугалась. Очень испугалась. Может быть, я повредила что-то внутри себя? Может, что-то испортилось в моём мозгу?

Итак, со смесью паранойи и бравады в равной пропорции, я решила рассказать родителям про свои эксперименты с наркотиками – правда, только про марихуану; я бы ни за что не призналась в употреблении мескалина. Я не знаю, на что я надеялась, что ожидала от них - успокоить меня, вселить ли уверенность, что всё будет в порядке, или даже отвести меня к врачу, который выпишет лекарство, которое моментально вылечит меня. Я просто понимала, что не вынесу больше этого состояния, когда я не могла даже взять в руки

книгу, чтобы не почувствовать головокружения от строчек, марширующих по странице. Это не могло больше так продолжаться, кто-то должен быть положить этому конец.

Это было в четверг после школы. В пятницу мы собирались всей семьёй поехать на Багамы на выходные (от Майами это всего в часе лёта). Отца ещё не было дома, я не знала, когда он вернётся, но решила, что не могу ждать.

«Мама,» - сказала я, несколько нервно. «Мне нужно сказать тебе что-то, и тебе это не понравится.»

Она посмотрела на меня с тревогой, соответствующей ситуации, и спросила: «Что случилось?»

«Я... я несколько раз принимала наркотики. В Мексике. Я курила травку. А потом ещё несколько раз, когда вернулась домой. Мне кажется, я от неё заболела.»

Она смотрела на меня огромными глазами. «Что ты имеешь в виду - заболела? Травка? Марихуана? О, моя дорогая Элин.»

«Ну, я не совсем *заболела*. Просто... что-то со мной не в порядке. Не то, чтобы меня тошнит или что-то в этом роде. Просто странные ощущения.»

Она кивнула с озабоченным выражением лица. Меня удивило, что она не особенно-то рассердилась. «Это очень серьёзно,» - сказала она. «И меня это очень огорчает. Нам нужно об этом поговорить. Но я думаю, что лучше подождать нашего возвращения с Багам, и только потом рассказать папе. Давай проведём приятный семейный уик-энд и обсудим этот вопрос, когда вернёмся.»

Я вздохнула с облегчением - это был разумный план. Мы поедем на красивый пляж с белым песком, будем купаться в красивом синем океане и проведём приятные выходные; пока настанет понедельник, может быть мне будет настолько лучше, что нам вообще не надо будет рассказывать об этом отцу.

Но, конечно, этому было не суждено сбыться. Как только мы вернулись домой из поездки, моя мама настояла на Разговоре, и рассказала отцу, что произошло.

«Элин, это всё очень серьёзно». - сказал папа. В его голосе слышалось намерение действовать, и немедленно, что было типичным для родителей 1960-х, когда их дети признавались в употреблении наркотиков. «Наркотики опасны, с ними нельзя баловаться. Ты и представления не имеешь, к чему это может привести. Ты должна мне пообещать, что это никогда больше не повторится».

К тому времени галлюциногенный эффект полностью прошёл. Я уже не была напугана и чувствовала себя нормально; я загорела, я была в полном порядке и не в настроении слушать лекции. И я заартачилась. «Ничего я не буду обещать. Всё уже в порядке, правда. Немного травки, тоже мне большая проблема. Я сама могу с собой справиться».

Он на это не купился. Наоборот, моё поведение - бравада, неприятие его беспокойства всерьёз, неуважительный тон - только подлили масла в огонь. «Это недопустимо!» -

сказал он, уже разгневанно. «Ты точно не имеешь представления, что для тебя хорошо, а что плохо. Если ты мне не дашь обещания, что этому положен конец, я приму меры.»

Мне в этом послышалось неприятное эхо наших споров о моём питании несколько лет назад: расплывчатые угрозы «мер», которые он собирался предпринять, чтобы пересилить моё упрямство. И вместо того, чтобы просто соврать или умиротворить его (или обратить внимание на выражения ужаса на лице мамы), я выпрямила свою 17-летнюю спину и сказала: «Папа, я могу делать всё, что хочу. У меня хорошие оценки, я вам не причиняю никаких хлопот, и у меня хватает ума понимать, что я делаю. И если я хочу курить травку, то я буду её курить. И ты мало что сможешь сделать.»

Естественно, что тут началось светопреставление. Отец повысил голос, потом и мама перешла на повышенные тона. Затем я подлила масла в огонь, заявив, что мне уже наплевать на хорошие оценки, что это всё равно ерунда и глупость.

Это было совсем не то, что надеются услышать обеспокоенные родители во время первой серьёзной конфронтации, касающейся наркотиков, но теперь, оглядываясь назад, я думаю, что это была типичная позиция подростка - блеф и бравада, и никакой заботы о последствиях. С другой стороны, это и не та позиция, которую бы заняла любая более или менее сообразительная девочка, если бы она действительно хотела принимать наркотики и избавиться от родительского контроля. Но это был конец 60-х, марихуана имела почти мифическую власть над любыми родителями; она могла испугать их и сбить их с толку. Культура была в кризисе на самых разных уровнях, все журналы и газеты каждый день были полны леденящими душу историями о последствиях употребления наркотиков.

Меньше, чем через неделю, мрачная и напуганная, я сидела на заднем сиденье родительской машины, сами родители в напряжённом молчании впереди - мы направлялись на день открытых дверей в учреждение под названием «Операция возврат», центр реабилитации наркоманов в Майами. Это был субботний вечер и по радио играли «Американский пирог» Дона Маклина. А я - я была на пути к выздоровлению.

* * *

Программой «Операция возврат» руководили «выпускники» программы Синанон, известной своим одним из самых жёстких и непримиримых в стране подходов к борьбе со злоупотреблением психоактивными веществами. Программа Синанон началась в Калифорнии в конце 1950-х и была известна высоким процентом успеха, хотя в конце 1970-х и сама программа, и её основатель, Чарльз Дедерих, приобрели дурную славу (Дедерих объявил Синанон религией и был даже обвинён в тяжёлом преступлении). Но всё это не имело никакого отношения ни ко мне, ни к заведению, которое я вскоре научилась называть «Центром».

Я не могла поверить, как быстро мой мир перевернулся с ног на голову. Мне не было позволено никакого нытья, торговли, уговоров. Печальная правда была в том, что меня подвело моё собственное вызывающее поведение, и тема была закрыта - никаких сделок,

никаких дискуссий.

Центр и его программа ежедневных посещений будет тем местом, куда я буду приходить после уроков в течение следующих двух лет. Каждый день я буду приходить туда в три часа дня, оставаться до восьми вечера, а потом возвращаться домой. Летом я буду там целый день каждый день. Вот и всё.

Для любого здравомыслящего человека эта реакция родителей на моё признание (или «моё маленькое глупое признание», как я стала о нём думать) была слишком жёсткой. Конечно, назвать меня «наркоманкой» было огромным преувеличением, кроме того, я уже призналась, по крайней мере самой себе, что мне не очень-то нравится эффект от наркотиков, которые я попробовала. Но мои родители были напуганы. И перед лицом моей подростковой бравады – моего отказа отречься от наркотиков и моей пропагандой ценностей контр-культуры – они имели право испугаться и искать средства исцеления. Но послать меня в настоящий реабилитационный центр? Где я буду окружена людьми, которые действительно принимают наркотики? Что я наделала!

Название «Операция возврат» пришло из раннего периода освоения космоса: этот термин описывал процесс горения капсулы во время возвращения ее на землю сквозь атмосферу. Нам сказали на первой же встрече, что большинство сотрудников центра – бывшие наркоманы; они знают все трюки, обманные тактики, распознают любую ложь, которые кто-либо из нас попытается использовать. Они пообещали, что к тому времени, когда они «справятся с нами», мы не только будем свободны от наркотической зависимости, мы никогда в жизни *ни за что* не переступим рамки закона, включая переход улицы в непопозвоженном месте.

Вы, наверное, думаете, что так как меня выдернули из комфорта повседневной рутины и я оказалась против воли в реабилитационном центре с очень строгим режимом – все это научило меня, к чему приводит сопротивление «властям», или, по крайней мере, вселило в меня осторожность. Но нет. Всего лишь спустя месяц мне пришлось на групповом занятии признаться («расколоться», в терминологии Центра), что я опять попробовала травку, на этой же сессии признался и парень по имени Матт – и мы быстро стали близкими друзьями (случай «товарищей по несчастью», я думаю).

Любой, кто нарушил правила Центра (коих было *множество*), был сразу же призван к порядку с помощью «усвоения урока» - публичного наказания, специально разработанного, чтобы унижить и усмирить нарушителя, в том числе и в назидание остальным. Наказание для Матта и меня было быстрым и болезненным: каждый из нас должен был носить на шее табличку с надписью «Я кусаю руку, которая меня кормит. Пожалуйста, помогите мне». Матт вдобавок должен был обрить голову налысо. К счастью, девочек от такого унижения избавили, вместо этого меня заставили носить уродливый вязаный колпак с помпоном. В те времена, да ещё и в Майами это не было очень модно.

Процесс моего усмирения не ограничился табличкой и колпаком: я должна была драить

лестницы Центра зубной щёткой, пока все ходили вокруг или мимо меня. «Ты здесь пропустила пятнышко». – сердито проворчит работник Центра. «Вернись вниз и начни сначала. У нас должно быть чисто. Каждая ступенька. Чтобы я не видел ни пятнышка грязи, когда ты закончишь». И поскольку основным назначением этого наказания было научить меня держать язык за зубами и делать, что мне говорят, мне было запрещено отвечать работникам Центра что бы то ни было – ни в оправдание, ни в защиту. На четвереньках, сгорбившись, всячески стараясь быть незаметной, я желала всеми силами, чтобы земля разверзлась и поглотила меня.

Пожалуй, самым худшим для меня было то, что другим участникам программы было велено меня избегать – это было частью наказания. Им было велено отворачиваться от меня, разговаривать только друг с другом, и никогда - со мной, до того времени, когда работники Центра не снимут запрет. Мне всегда нравилось иметь друзей, быть другом – теперь я была изгоем, парией, неприкасаемой, отверженной, изолированной, и в то же время выставленной напоказ – как грешник, закованный в колодки на торговой площади. И так будет продолжаться до тех пор, пока работники Центра не будут уверены, что я усвоила урок. Тогда, и только тогда я заработаю право быть «восстановленной в коллективе» Центра.

Этот ад продолжался две недели: тошнотворное время утренних походов в нормальную школу, где я пыталась сосредоточиться на школьных предметах, потом, как будто резкая смена передач в машине, возвращение в Центр, в унижительную ситуацию, потом домой вечером, измученная, настороженная и несказанно сердитая на моих родителей за то, к чему они меня приговорили.

В конце концов, естественно, эти «уроки» достигли своей цели: я никогда больше не принимала никаких незаконных препаратов. И начался лежащий в основе этого процесс ломки моего характера (который я не понимала тогда, но понимаю сейчас) и перестройки его по другим стандартам.

Хотя я вернула свою репутацию, я стала тише и отрешеннее – я ушла «в себя», как я стала называть это состояние позже, когда оно стало более выраженным. Мне нечего было сказать, если со мной не заговаривали, я даже не была уверена, что заслуживаю того, чтобы меня услышали. Я начала верить (или точнее *чувствовать*), что говорить было чем-то «плохим». Однажды, когда меня попросили сделать небольшой доклад, работник Центра отметил, что за эти несколько минут я сказала больше, чем за несколько месяцев. Возможно, это было началом моего отчуждения от мира, первыми признаками моей болезни, чем-то, чего я никогда раньше не испытывала, и что стало психологической привычкой, которая пульсирующей нитью пройдёт по всей моей жизни.

В этот период я прочла книгу Сильвии Плат «Под стеклянным колпаком»⁶. Хотя это был

⁶ Сильвия Плат ([англ. Sylvia Plath; 27 октября 1932 — 11 февраля 1963](#)) — [американская поэтесса](#) и [писательница](#), считающаяся одной из основательниц жанра «исповедальной поэзии» в англоязычной

вымысел, Плат так точно описала постепенную деградацию главной героини в разрушающую душевную болезнь, как будто она сама прошла через это. Я узнала себя в той, кем была главная героиня. «Я видела себя сидящей в развилке смородины, умирающей от голода только потому, что я не могла решить, какую из ягод выбрать. Я хотела каждую из них, но выбрать одну означало потерять остальные, и пока я сидела в нерешительности, ягоды начали сморщиваться и чернеть, и одна за другой они попадали на землю к моим ногам». Это я, подумала я. *Она – это я!*

Думаю, что на многих девочек-подростков книга Плат производит сходное впечатление, описывая чувство изоляции и отторжения (и неслабого страха), характерное для этого возрастного периода, особенно для чувствительных натур, зачастую живущих в мире книг. Днями напролёт я не могла перестать думать о девочке из этой книги и о том, через что ей пришлось пройти – почему-то это сделало меня беспокойной, расстроенной и рассеянной. Однажды утром в классе, думая о книге Плат, я неожиданно решила, что мне нужно встать, уйти из школы и пойти домой. Дом был в пяти километрах.

Пока я шла домой, я начала замечать, что цвета и формы всех предметов вокруг меня стали резче. И в какой-то момент я вдруг поняла, что дома, мимо которых я проходила, посылали мне сообщения: *«Посмотри внимательнее. Ты особенная. Ты очень плохая. Посмотри внимательно, и ты сама увидишь. Ты должна увидеть многое. Смотри, смотри».*

Я не воспринимала эти слова как сочетание звуков в буквальном смысле, не так, как если бы дома действительно говорили, а я их слышала; вместо этого слова просто появлялись у меня в голове – они были моими мыслями. Всё же я инстинктивно понимала, что это были не *мои* мысли. Они были мыслями домов, и это дома поместили их в мою голову.

К тому времени, как я входила в дверь нашего дома – через час, может быть два – я была уставшей, разгорячённой и очень испуганной. Я немедленно рассказала маме о том, что случилось в течение моей долгой прогулки, и как мне было страшно – читать эти мысли домов в моей голове. Очень разнервничавшись, она тот час же позвонила отцу на работу. Он примчался домой и после моего повторного рассказа о том, что случилось, быстро отвёз меня не к врачу, а в Центр. Я непреклонно отрицала приём наркотиков, мне поверили, и, хотя вокруг меня ходили на цыпочках в течение пары дней, инцидент прошёл без последствий.

Почти вся наша семейная жизнь теперь крутилась вокруг Центра. Родители меня туда отвозили и привозили домой. Родители всех детей Центра встречались каждые две недели на групповых сеансах; периодически устраивались семейные пикники и другие групповые развлечения. И, несмотря на постоянное чувство обиды на родителей за то, что меня запихнули сюда до окончания школы, я смирилась с этим и даже начала чувствовать себя довольно комфортно.

Большинство из нас с возрастом начинает понимать, что мы, в конце концов, будем принадлежать двум семьям (или воевать с ними): одной, в которой мы родились, и второй, которую мы создаём. Для некоторых подростков началом второй семьи становится футбольная команда, драматический кружок или дети, с которыми мы проводим каждое лето в лагере. Постепенно они заменяются или дополняются друзьями по университетскому общежитию или коллегами и друзьями с первой работы. Для меня процесс создания моей семьи начался в Центре. У нас было одно важное общее дело – построить жизнь без наркотиков, и даже больше – без зависимости от любого искусственного или химического стимулятора. У нас была общая цель, мы заботились друг о друге, нам было не всё равно, как мы себя чувствовали, что с нами происходило, как мы будем справляться, когда вернёмся в наш обычный мир – это были темы наших разговоров: борьба за то, чтобы быть сильными, решимость быть «чистыми» от наркотиков. Отказ сдаваться. Сражаться изо всех сил. Уступить, сдаться – это всегда, всегда непростительно.

Хотя я без особых трудов справлялась со школьными занятиями и домашней работой (я даже продолжала учиться на отлично), я чувствовала себя всё менее и менее привязанной к месту, где проходили уроки, и к другим ученикам. Весь мой день, в буквальном и переносном смысле был посвящён Центру – чтобы быть частью его сообщества.

Я научилась курить сигареты: если наши консультанты (руководители и сотрудники Центра), которые столько всего знали и полностью заслуживали моего уважения и подражания, курили, то тогда это было позволительно и мне. В то время никто не считал никотин наркотиком или даже веществом, вызывающим зависимость, которое было так же опасно, как и другие. Курение было частью повседневной жизни. Очень скоро меня невозможно было представить без пачки сигарет – пройдут десятилетия, прежде чем я смогу избавиться от этой привычки.

И именно в Центре я получила свой первый сексуальный опыт.

Джеку был двадцать один год, мне было семнадцать. Между семнадцатью и двадцатью одним – большой промежуток: столько времени занимает дорога через старшую школу и колледж. Огромный скачок в развитии происходит за эти четыре года. Принимая во внимание мой возраст, это, возможно, было и удобным моментом, но было много причин, по которым и место было неподходящим, да и сами отношения были ошибкой.

В Джеке – наркомане, находящемся на пути к выздоровлению, поколесившем по миру – было нечто невероятно привлекательное для чувствительной угрюмой девушки с живым воображением. Возможно, он и был очень испорчен наркотиками и другим жизненным опытом, но я видела другое. Я видела внешне интересного старшего, «умудрённого опытом» мужчину, который слушал меня и, кажется, действительно интересовался тем, о чём я думала. Мы бывали на одних и тех же встречах, проходили мимо друг друга в коридорах, пару раз вместе пили кофе, и когда он пригласил меня в кино, это было совершенно естественным. Держаться за руки, целоваться – это было захватывающим и

волнующим. А раз он бывал там, где я никогда не бывала, и знал о вещах, о которых я не знала, когда пришло время решаться на продолжение, я доверила инициативу ему.

Для меня в семнадцать лет это было головокружительным, опьяняющим опытом – как будто мы совершили нечто запретное (что так и было). Всё же, каким бы волнующим ни был первый опыт, я знала достаточно, чтобы понимать, что это был плохой секс. Я подозреваю, что вряд ли у кого-то все бывает замечательно в «первый раз», но это так меня страшило, что я почувствовала облегчение, когда это произошло. Так же, как и тогда, когда я покурила травки, моя голова не взорвалась, моё сердце не разбилось во время первого сексуального опыта, я не забеременела и не подхватила никакой ужасной болезни. Всё могло бы быть гораздо хуже.

Моя жизнь в Центре закончилась с окончанием школы. Я была убеждена (как и многие восемнадцатилетние), что вот-вот начнется самая замечательная часть моей жизни. Я не сомневаюсь, что я была сильнее, чем могла быть, благодаря этому сообществу, которое вложило в меня столько усилий. Я полюбила людей Центра – консультантов, других «пациентов» – и верила, что они испытывали то же чувство ко мне. Я была полна решимости никогда не разочаровывать и не подводить их.

Относительно борьбы с наркотиками, что было миссией Центра – да, это тоже был успех – хотя, конечно, я не особенно и употребляла наркотики до этого. Самое главное, чего достиг Центр, это то, что он смог вдолбить в меня несгибаемое отношение к болезням и слабостям: бороться. Ты можешь бороться, и ты можешь победить. Быть слабым – это поражение; сложить оружие – это сдаться; а сдаться – это отказаться от собственной силы воли.

Главным изъяном всего этого, однако, было отрицание сложных реалий окружающего мира и сложности и многогранности реальных людей. Это неправда, что всё можно преодолеть и победить силой воли. Есть силы природы и обстоятельства вне нашего контроля, даже вне нашего понимания, и настаивать на победе в таких ситуациях, не довольствоваться меньшим – означает искать душевного самоистязания. Правда в том, что не все битвы можно выиграть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Несмотря на красивую территорию и архитектуру университета Вандербильта в Нэшвиле – старые кирпичные здания, увитые плющом, большие зелёные лужайки – моя комната в общежитии первокурсников была довольно тусклой и неопрятной. Дома моя комната была спокойной, всегда чистой и убранной – наша домработница содержала её в чистоте и порядке, а мама священнодействовала над декором: следила за тем, чтобы на окнах висели симпатичные занавески, чтобы на кровати было яркое покрывало. Но в «Ванди» я была

предоставлена самой себе, совсем не подготовленная к решениям о том, как расставить мебель, подходит ли по цвету постельное бельё, куда лучше поставить письменный стол и с какой стороны поставить настольную лампу. Высокая, худая, неловкая в обществе, почти всегда в мятых джинсах (за много лет до того, как все студенты начнут их носить), с неопределённой причёской – я внезапно очутилась в ситуации, когда могла полагаться только на себя.

В начале семидесятых «Ванди» всё ещё беззаботно и счастливо жил в 50-х, а может быть даже и в более давнем периоде: я не преувеличу, если скажу, что оказалась на Старом Юге. С косными социальными нравами, жёстко запрограммированными половыми ролями для мужчин и женщин, он разительно отличался от других университетов, в которые я могла пойти учиться и которые более радушно приняли бы приятную еврейскую девочку (пусть и с некоторыми причудами и странностями и переменами настроения). Но эти другие университеты были на севере страны, а мои родители хотели, чтобы я осталась на юге, и в результате мы выбрали Вандербилт.

Моя очаровательная соседка, Сюзи, была моей полной противоположностью – миниатюрная живая брюнетка с соответствующим протяжным южным выговором и морем обаяния. Она знала жизнь, хорошо сходилась с людьми и стала популярной с первого дня своего пребывания в университете, особенно среди мальчиков. Когда звонил телефон, то звонок всегда предназначался ей. Она хорошо ко мне относилась, но её практически невозможно было застать дома, она всегда куда-то спешила.

Однажды днём, когда я занималась, Сюзи вошла в нашу комнату и спросила, не могла бы она посоветоваться со мной по поводу одной девушки, живущей в нашем общежитии.

«Конечно,» - сказала я, мне польстило, что кто-то, кто столько всего знает, хочет проконсультироваться со мной. «В чём дело?»

«Ну, - начала она, - это несколько неловкая ситуация, по правде сказать. В нашем общежитии есть девушка, которая... как бы это сказать... пахнет, что ли, не очень приятно. Мы тут как-то обсуждали друг с другом. Пытаемся решить, как лучше поступить, что делать».

«Что делать с чем?» - спросила я.

«Может быть, сказать ей? Что хорошо бы ей иногда принимать душ». – она сморщила носик. «И мыть волосы с шампунем. Понимаешь? Ничего такого особенного. Просто – ну, я не знаю. Что *ты сама* об этом думаешь? Думаешь, лучше ей так и сказать напрямую? Но это может её обидеть. Или может просто намекнуть или записку ей оставить? Не зловредную, конечно, такую, которая ей поможет. »

«Бог мой!» – сказала я. «Это сложно. Но это очень хорошо, что вы так о ней заботитесь. Я думаю, что лучше вам так прямо ей и сказать. Всегда лучше говорить с людьми без обиняков, по крайней мере, я так думаю».

Она кивнула. «Да, наверное. Но все же, мысль о том, что мы можем ранить чьи-то

чувства... Ну да ладно, спасибо, что ты со мной об этом поговорила».

Мне было интересно, что же Сюзи и её друзья решили сделать по поводу этой несчастной девушки, и какова была её реакция. Но мне никогда и в голову не пришло бы спросить. И уж точно мне никогда не пришло бы в голову (тогда), что этой девушкой из нашего общежития, которой не помешало бы принимать душ, о которой они говорили, была, конечно же, я.

Любой сторонний наблюдатель согласится, что многие первокурсники вдали от дома быстро становятся неряхами: в конце концов, впервые в их жизни никто не следит за тем, повесили ли они одежду на вешалку, прибрались ли в комнате. Но могу поспорить, что даже когда горы невымытого нижнего белья достигают потолка и комната общежития становится похожей на хлев, очень немногие из этих «детей» забывают регулярно принимать ванну, мыть голову или чистить зубы – потому что это уж точно приведет к концу их жизни в обществе. Что же тогда происходило со мной? Ведь меня вырастили заботливые и внимательные родители в семье с достаточным доходом, да ещё с двумя братьями, которые бы не смущаясь сказали мне: «От тебя воняет!» Так почему же я забыла самые базовые уроки - простую чистоту?

Шизофрения накатывается как медленный туман, незаметно становясь всё гуще и гуще с течением времени. Сначала дни ещё яркие, небо ясное, солнечный свет греет ваши плечи. Но вскоре вы замечаете, что вокруг вас собирается дымка, что воздух уже не такой тёплый. Потом солнце становится тусклой лампочкой, едва просвечивающей сквозь тучи. Горизонт исчезает в сером влажном тумане, и вы чувствуете густую сырость в лёгких, пока вы стоите, покрывшись холодным потом в послеполуденной темноте.

Для меня (как и для многих из нас) первым признаком наступления этого тумана был постепенное исчезновение простых гигиенических привычек – тех, что специалисты по психическому здоровью называют «навыками заботы о себе» или «действиями повседневной жизни». Вдали от родительского надзора я постепенно стала непоследовательной в простых вопросах жизни, в ответах, которые мы принимаем на веру. Или может быть, я иногда путалась в том, что есть верные ответы на эти вопросы. Правда, надо принимать душ? Как часто надо менять одежду? Или стирать её? А сегодня я ела? А я должна спать каждую ночь? Я должна чистить зубы каждый день?

Иногда ответы на эти вопросы были просты, как дважды два: да, конечно. Ради бога, Элин, вымойся! И тогда я мылась. Но бывали дни, когда вопросы и ответы становились для меня слишком сложными, чтобы в них разобраться. *Я не знаю, я не знаю.* Или я просто не помнила: а я это уже сделала? Может, вчера? Заботиться о себе означает больше, чем читать книгу или писать исследовательскую работу к окончанию семестра; это требует планирования, организации, отслеживания. И бывали дни, когда в моей голове просто не было места для того, чтобы держать это всё скопом. Я оставила Центр, я оставила родителей, и всё постепенно начало рушиться.

Как и большинство первокурсников, я пошла в университет без чёткого понимания, в какой области я хочу специализироваться и чем хочу заниматься после окончания, что делать в жизни. Но мне удалось немного сузить выбор. Что-то связанное с английской литературой, потому что я очень люблю книги. Или, может быть, юридическая профессия – я могу себя представить адвокатом в суде, страстно аргументируя за или против чего-то. Может быть, я даже смогла бы кому-то помочь. Может быть, я смогла бы облегчить жизнь кому-нибудь.

Конечно, между приукрашенными фантазиями о моём ярком будущем и повседневной реальностью этих первых дней в университете Вандербильт лежала пропасть. Студенческие братства и женские группы были в центре социальной жизни университетского городка; даже в начале 70-х, когда по всей стране во всех университетах возникали анархии любого порядка, в нашем сонном студенческом городке в Теннесси солью жизни были молодые южные джентльмены и их красавицы. И хотя я не вписывалась в тамошнее общество, я не была глупой – я была так далека от образа «южной красавицы», как только может быть девушка. Тем не менее, мне было больно так быстро оказаться вовне, заглядывая «внутри».

Обычно я ела в одиночестве в общей столовой, но, в конце концов (когда я устала чувствовать себя чужой и ощущать на себе пристальные взгляды других студентов), я стала ходить в Кампус Гриль - ресторан через дорогу от университетской библиотеки. И там, как ни странно, мне и удалось встретить парня. Очень приятного парня.

Питер был аспирантом, и писал диссертацию по политике. Он был высоким (выше меня, чего не скажешь о большинстве парней), с волосами цвета воронового крыла, тёплым и легким характером и высоким интеллектом. И я ему на самом деле понравилась. Мы разговаривали – вели настоящие разговоры, когда он спрашивал меня про книги, которые я читала, писателей, которыми я восхищалась, и что я думала про то или иное. Он был открытым человеком, с ним было легко разговаривать, и довольно быстро он помог мне преодолеть мою крайнюю застенчивость и мы стали встречаться. Мы ходили в кино, занимались и ели вместе. К счастью, Питер жил в квартире за пределами студенческого городка, и вскоре мы стали проводить и ночи вместе. Я не уверена, что мне нравилось больше – быть с Питером или быть далеко от моей комнаты в общежитии, вдали от Сюзи, которая жила в мире, ничего общего не имеющего с моим.

Я не знаю, почему мне было легче завести бойфренда, чем обычных друзей: мои болезненно слабые навыки общения должны были бы стать помехой и тому, и другому в равной степени. Я уж точно не была слишком заинтересованной в сексе, и на поверку у меня особенно и не было времени, чтобы вложиться в построение «отношений» - правила ухаживания (по крайней мере, в то время и в том месте) были обременительно громоздкими и казались мне китайской грамотой. Кроме того, я была полностью поглощена учёбой. Это тоже было моим спасением.

Кроме того, что он был дорогим другом и интеллектуальным компаньоном, Питер научил

меня получать удовольствие от простой близости: проводить вместе время, ничего особенного не делая, держаться за руки, быть в его объятиях, чувствовать себя единственной. Питер научил меня наслаждаться сексуальной близостью, что позже станет для меня очень трудным, даже пугающим в течение тех лет, когда моя болезнь расцветет пышным цветом. Он чувствовал мою настороженность и проявил огромную нежность и терпение.

Зачастую, когда мы занимались любовью, я могла неожиданно испугаться, потерять ощущение границ, где заканчивалась я, и где начинался он. Для уверенной в себе женщины это чувство самозабвенной отдачи, безграничности, потери контроля - примитивно и захватывающе; это чувство лежит в основе того риска, который любовники берут на себя. Но это «слияние в единое целое» с мужчиной я ощущала как потерю себя, и это приводило меня в ужас, как будто бы я могла упасть в бездну. Я очень хотела испытать то, о чём я читала в книгах – любовь, страсть, сильную эмоциональную связь с другим, которая сделает меня готовой пойти на любой риск. Но сначала мне надо было научиться доверять моему собственному телу, моему собственному разуму. Было здорово учиться доверять Питеру, и он мне в этом очень помогал, но, тем не менее, в начале наших отношений секс мог быть переживанием, вселяющим в меня ужас.

Однажды зимним вечером у меня в гостях находилась дочь друзей нашей семьи. Я едва знала Линду, но она хотела поступать в университет Вандербильта, и после того, как её родители поговорили с моими, вежливость требовала, чтобы она остановилась у меня в общежитии.

Стройная, очень милая девушка, Линда в прошлом принимала наркотики и (как мои родители рассказали мне) вынуждена была провести некоторое время в клинике для душевнобольных. И как я обычно ни была рада компании, её присутствие выбило меня из колеи – с момента её приезда я была на грани взрыва. Я не знаю, что в конце концов привело к срыву – знание того, что с ней произошло, или всё более изощрённая работа моего разума – но то, что случилось, было громом среди ясного неба. Я неожиданно схватила одеяло с кровати, выбежала наружу, покрыла голову одеялом и так и бегала бесцельно кругами по снегу и льду, раскинув руки, делая вид, что лечу.

«Что ты делаешь?» - закричала Линда, последовавшая за мной наружу. «Остановись, Элин, ты меня пугаешь!»

Хотя я и слышала её, хотя я и уловила неподдельный страх в её голосе, я продолжала бегать, как будто заведённая каким-то двигателем. «Никто меня не догонит! – кричала я. – Я лечу! Я вырвалась!»

В конце концов, жалобные крики Линды заставили меня остановиться; она была не на шутку испугана, я это поняла даже в моем странном неистовстве. Возможно, она испугалась, потому что мое поведение напомнило ей то, что она видела в больнице. Или же просто я совершенно потеряла контроль над собой, что могло бы испугать любого. По правде говоря, я и сама испугалась – я понятия не имела, что на меня нашло. Ни

малейшего.

Через несколько месяцев, когда мы были в моей комнате с Питером и Сюзи, я опять испытала то состояние, которое меня охватило тогда, когда я была с Линдой. Совершенно неожиданно я бросила им вызов: «Я сделаю всё, что вы мне скажете!» - прокричала я. «Попросите меня *о чём угодно*, и я это сделаю!»

Смеясь поначалу, они решили мне подыграть. «Спой песню,» - попросил один из них.

Я пропела нечто из Битлз, фальшивя и перевернув все слова. Моя аудитория была в восторге.

«Станцуй твист!» - сказала они. И я станцевала.

«Ну же, попросите меня сделать *что угодно*,» - умоляла я. «Хотите, я сниму рубашку?» И я её сняла.

Нервно глянув друг на друга, мои друзья начали понимать, что происходит что-то странное.

«Хотите, я закрякаю, как утка? Я могу крякать прямо как настоящая утка!» - И я стала крякать.

«Хотите, я выпью целую упаковку аспирина?» - и я её выпила.

Внезапно до меня дошло, как они на меня смотрели. Они были напуганы до смерти. И тут я тоже испугалась – внезапно я взглянула в лицо опасности того, что я сделала. Я побежала в ванную и быстро вызвала у себя рвоту, а потом не могла остановить дрожь, пробравшую меня от страха. Питер сразу же отвёл меня в пункт первой помощи университетской больницы. Врачи были уверены, что это была попытка самоубийства.

«Нет, нет, - слабо возражала я, - я просто дурачилась. Это было глупо. Я уже в порядке, правда-правда». Они хотели позвонить психиатру, но я заверила их, что в этом не было нужды, что со мной всё было в порядке. В конце концов, нехотя, они позволили нам уйти. Потрясённая и слабая (и совершенно озадаченная собственным поведением), я вышла из больницы вместе с Питером, и мы оба попытались понять, что же произошло. Мы обсуждали это в течение многих дней, но постепенно чувства притупились, и происшедшее постепенно пожухло. Когда я иногда задумывалась об этом, то испытывала замешательство и тревогу. Что это было?

Каждое из этих происшествий было единичным случаем, кратким эпизодом, длившимся около часа, и я могла сама с собой справиться. Они были импульсивными, даже опасными. Всё, до чего я смогла додуматься - только до того, что моя болезнь начинала постепенно проклёвываться через оболочку – не могу подобрать другого слова - которая помогала и мне, и всем нам отделять реальность от нереального. В течение последующих нескольких лет эта оболочка будет полем борьбы – я буду неосознанно пытаться удерживать и укреплять ее, а моя болезнь будет пытаться так же упорно через неё прорваться.

В то же самое время, как мой разум стал подводить меня, он стал и источником огромного удовлетворения. Помимо узкого и разочаровывающего мира студенческого сообщества, где для меня не было места, я открыла для себя мир научных занятий – великих идей, высоких устремлений и людей (как преподавателей, так и студентов), для кого интеллектуальное любопытство было смыслом жизни. В частности, я открыла для себя философию. Я в неё влюбилась. К моей великой радости, я обнаружила, что она мне давалась. Я получала отличные оценки, мои однокурсники обращались ко мне, чтобы спросить мое мнение, а профессора приглашали меня в кабинеты обсудить предмет моего изучения, или продолжить разговор, начатый в классе.

Философия и психоз имеют между собой больше общего, чем многие люди (особенно философы) согласны признать. Сходство не в том, о чём вы, возможно, подумали – что философия и психоз не имеют никаких правил, и что вас волей-неволей бросает по всей вселенной. Напротив, каждый из них подчиняется строгим правилам. Штука в том, чтобы распознать, что это за правила, и в обоих случаях это расследование происходит исключительно внутри вашего разума. И хотя граница между креативностью и безумием тонка, как лезвие бритвы (что, к сожалению, было романтизировано), изучение и познание этого мира с разных сторон может привести к неожиданным и ярким открытиям.

Философия не только дала мне неожиданную радость в жизни, но она ещё привнесла структуру, которую я сама не могла выстроить – как в мой разум, так и в мою повседневную жизнь. Точность материала и живой обмен мнениями между преподавателями и студентами на кафедре внесли порядок в мою жизнь. Внезапно у меня появились достижимые цели, ощущение продуктивности и целенаправленности, и реальные результаты, которые позволяли мне оценивать мой прогресс. Ко второму семестру первого курса мне позволили проходить курсы из программы магистратуры. Я окончила первый курс (как и последующие курсы в Вандербилте) на «отлично».

Летом после первого курса я вернулась домой в Майами со списком литературы, домашними заданиями по нескольким предметам и научно-исследовательской работой для следующего семестра. Но как только я оказалась вне Вандербилта, вдали от своих новых друзей и знакомых и структуры научной жизни, которая меня организовывала, я почти сразу же начала «спотыкаться». Я не испытывала радости по поводу летних каникул или возможности провести время с семьёй или школьными друзьями, и несмотря на отличные оценки, я не испытывала никакой особенной гордости за свои достижения. Вместо этого я была мрачной, чувствовала себя неуверенной и странно опустошённой. Когда я занималась в одиночестве в своей комнате, или в тихой прохладе библиотеки, я обнаружила, что мне было трудно сосредоточиться. Ничто из того, что я написала, не было оригинальным или достаточно интересным, чтобы показать моим профессорам. Когда я просыпалась по утрам, мысль о том, что мне надо как-то пробраться через этот

день, наполняя меня страхом. После нескольких недель таких мучений, я решила спросить родителей, не могла бы я с кем-нибудь об этом поговорить – может быть, с психотерапевтом, или с кем-нибудь, кто помог бы мне привести в порядок мой разум, и чтобы лето не прошло впустую. До этого момента я никогда не просила родителей о такого рода помощи (Центр был *их* идеей), и мне было немного неловко пытаться объяснить им, что мой разум просто никак не мог толком начать работать. Надо отдать им должное, они не расстроились, не запаниковали и не сказали мне «возьми себя в руки». Вместо этого они приняли меня всерьёз и организовали встречу с их знакомой, психиатром по имени Карен. Она была известна тем, что отправляла людей домой после первой встречи с одним и тем же диагнозом: нет ничего, чего нельзя было бы исправить с помощью даже небольших изменений в стиле жизни. Вдобавок, она была фанатичным противником лекарств. По сути, она была широко известна как диссидент в своей профессии. Она написала книгу, которую я тут же нашла и прочитала.

Хотя я и попросила помочь мне, за то короткое время, что мы были с Карен, она не сказала мне ничего, что могло бы успокоить, подбодрить или просветить меня – наоборот, она напугала меня до смерти.

«Элин, встань, пожалуйста в угол». - сказала она на нашей первой встрече.

Озадаченная, я посмотрела на угол и потом на неё; меня что, за что-то наказывают? «Прошу прощения?..».

«Да-да, иди туда и встань в угол. Затем я хочу, чтобы ты сосредоточилась на своих чувствах, что ты испытываешь прямо сейчас. Когда ты будешь готова, прокричи их. Просто кричи изо всех сил».

Я не могла себе представить, что, черт побери, она имеет в виду? Кричать в углу? Да ни за что. Я её не знаю, она меня не знает. Я даже не уверена, доверяю ли я ей; откуда я знаю, не перескажет ли она все мои слова моим родителям,

«Ну, э... – начала запинаться я. – Я не могу этого сделать. Извините, но я... Может, мы просто сядем и поговорим о тех трудностях, что я испытываю, о том, что я не могу сосредоточиться? Может, вы дадите мне пару советов, идей, как мне организовать мою умственную работу?»

Карен терпеливо попыталась убедить меня изменить моё мнение, объясняя, что это был подход, который она с успехом использовала в прошлом. Правда, я должна это попробовать, просто минуточку-другую.

«Нет, - сказала я непреклонно. - Я не могу».

Вернувшись домой после второй, такой же бестолковой встречи (тем не менее, назначив третью), я была вынуждена дать нечто вроде краткого отчёта моим родителям. Чувствовала ли я себя лучше? Не особенно. Дала ли она мне какие-либо упражнения или новый распорядок дня, которые могут помочь разрешить проблемы с моими занятиями? Нет, не дала. Думаю ли я, что она сможет помочь в недалёком будущем? Я не знала.

Может быть после следующей встречи или двух мы сможем разобраться, как мне всё это наладить. Наладить меня. Я чувствовала растущую тревогу моих родителей из-за того, что не было ясного разрешения этой сложной ситуации.

Также я знала и чувствовала себя неловко за то, что это стоит им денег, и что чем дальше, тем больше. И какой в этом смысл? Кроме того, я чувствовала себя выставленной напоказ, и мне это не доставляло никакого удовольствия – казалось, что единственной темой для обсуждения за утренним кофе и вечером за ужином была работа моего сознания. Поэтому на третьей встрече с Карен я сказала, что это будет нашей последней встречей.

«С чего бы это?»- спросила она.

«Мои родители расстроены, что мы не смогли с этим разобраться, - сказала я, и что вы не предложили никакого плана действий. Кроме того, это стоит им слишком дорого». Я собралась с духом, чтобы ответить на её возражения, но их не последовало.

«Ну хорошо, - сказала она спокойно. - Мы не будем продолжать. Но вот что я думаю - тебе нужна помощь. И я просто хочу, чтобы ты знала, что когда ты будешь готова её принять, ты должна будешь придти ко мне».

В замешательстве, я поблагодарила её и быстро вышла из кабинета. Мне тогда не пришло в голову (и если это пришло в голову Карен, то она об этом не сказала), что я больше позаботилась о своих родителях, чем о себе.

В конце лета я оставила Майями и направилась обратно в Вандербильт на второй курс. Я была очень рада оказаться там, встретить тех, с кем я подружилась в прошлом году и опять почувствовать радость от возвращения в интеллектуальную жизнь. Я обнаружила, что библиотека работает в субботу и воскресенье, и углубилась в мир книг. К сожалению, отношения с Питером подошли к концу. Тем не менее, мне уже хватало уверенности в себе, чтобы ходить на свидания и делать это непринужденнее, чем раньше.

Поскольку я стала проходить курсы программы магистратуры, я вскоре подружилась с несколькими студентами оттуда, которые старше меня всего лишь на три или четыре года. Они мне больше подходили и приняли меня такой, какая я есть - со всеми моими странностями и недостатками. Так я познакомилась поближе с Кенни Коллинзом, который был моим преподавателем английского языка на первом курсе и писал кандидатскую диссертацию по английской литературе.

Кенни был на восемь лет меня старше. Он был родом из маленького городка в штате Теннесси, как он говорил «с населением в сто восемьдесят четыре с половиной человека». Он женился на своей университетской возлюбленной, Маржи, которая была более замкнутой, чем Кенни, но милой и доброжелательной. Вместе они представляли для меня картину той жизни, которую я воображала для себя в будущем – два человека, очень заботящихся друг о друге, живущих в квартире, заполненной книгами и музыкой, окружённых людьми, ценящими интеллектуальные усилия и достижения. У Кенни были элегантные манеры истинного южанина (хотя его южный акцент почти не был заметен),

но он мог быть жёстким и требовательным в зависимости от обстоятельств. Он был тем типом учителя, который многого ожидает от своих студентов не только потому, что очень заботится о них, но также и потому, что относится с уважением и любовью к своему предмету. Трудюбивый и невероятно умный, он требовал от своих научных трудов того же, чего и от своих студентов, и так же, как и я, проводил большую часть рабочего времени в библиотеке.

Настоящая дружба помогает нам начертить наш маршрут на карте жизни – а в моём случае, когда шизофрения начала затуманивать мой разум, мешая ясности мышления – Кенни был для меня как проводник в лесу. Если вы идёте по каменистой тропинке, заросшей кустами ежевики и с валунами на каждом шагу, которая петляет и резко поворачивает в разные стороны, то очень легко потеряться, устать и упасть духом, поддаться искушению и сдаться. Но если появляется терпеливый спутник, который возьмёт вас за руку и скажет: «Я знаю, что тебе тяжело – иди за мной, я помогу тебе найти дорогу», - внезапно тропинка становится проходимой и путешествие не таким страшным. Почти все время, что я училась в университете, Кенни Коллинз был для меня таким человеком. Он не допускал опозданий со сдачей работ, и мне приходилось собираться с силами и заканчивать их вовремя. Когда я застревала, он мне помогал – но не подталкивал – найти верные слова, чтобы выразить то, что я хотела сказать. Со временем он становился больше другом, нежели учителем, зачастую просил меня дать ему прочитать то, что я написала по другим предметам, мягко указывая, где я отклонилась от темы, или предлагая новое направление, которое я могла раскрыть. Иногда он даже просил меня прочитать его работы, и мне очень льстило, что он прислушивался к моему мнению и даже ценил его.

Кенни, Марджи и я часто проводили время вместе с Пат, другой студенткой магистратуры по английской литературе, у которой было замечательное чувство юмора. Мы проводили целые дни в библиотеке, а вечерами по субботам и воскресеньям собирались у Кенни и Марджи или у Пат. Мы вместе готовили ужин (к счастью для меня, они все умели готовить), слушали музыку, обсуждали учёбу и наших друзей, а большей частью много смеялись. Пива и вина было достаточно, но я быстро решила (как во время моего короткого флирта с наркотиками), что мне не нравится пить. Мне не нравился вкус, мне не нравились калории, и мне особенно не нравилось, как я себя чувствовала от выпивки - и когда я пила, и на следующее утро. Кроме того, жизнь то время казалась гораздо более приятной на ясную голову.

Я никогда не была смешливой, но что-то в этих людях делало меня беззаботной и весёлой. И поскольку мне казалось ужасно смешным, почти всё, что говорила Пат, мне было нетрудно разразиться приступом хохота, от чего она тоже начинала хохотать. Мы начали забавляться в общественных местах, пытаясь смутить нашего дорогого друга, джентльмена с южными манерами и воспитанием. Мы смеялись, хихикали, в общем, вели себя не так, как подобает истинным леди: Марджи смущалась, а лицо Кенни становилось

пунцовым.

«Прекратите немедленно, - бормотал он в ресторане. – Люди на вас смотрят. Элин, Пат, перестаньте, так нельзя!» Чем больше возмущался (или делал вид), тем больше мы смеялись, останавливаясь только для того, чтобы перевести дыхание. Быть такой беззаботной, дурачиться с близкими друзьями, когда захочется, значило для меня быть свободной, не быть, как обычно, застенчивой и неловкой.

В начале моего последнего курса Кенни (который к тому моменту закончил свою работу в магистратуре) предложили очень хорошую преподавательскую должность в университете – но не в Вандербилте. Вместо того, чтобы за него порадоваться, я чувствовала, что моё сердце разбито. Что ещё хуже – я запаниковала. Пат закончила магистратуру и тоже уезжала. И хотя у меня были и другие друзья, и я нашла свою нишу в философии, когда я была с Кенни, Маржи и Пат, я чувствовала себя как дома: они были моей семьёй, зачастую более понимающей и принимающей, чем моя настоящая семья. Уж точно в то время они знали меня гораздо лучше. И теперь всё это подошло к концу. Как я могу оставаться здесь без их дружбы, без смеха и без мудрого руководства Кенни?

Конечно, он постарался меня успокоить, как всегда, спокойно и заботливо сказал, что я более чем способна самостоятельно закончить учёбу в университете, и что мы всегда будем на связи. Наши жизни изменятся, но наша дружба нет, и к тому же есть телефон, письма и каникулы, когда мы можем ездить друг к другу в гости.

Одна моя часть слышала его слова и верила им. Но другая часть начала расшатываться. Я вела себя как безумная днём, не спала ночами. Очень быстро моё поведение начало напоминать то хаотичное поведение на первом курсе – я была слишком шумной, неконтролируемой, я сдуру рисковала, делала глупости, мой смех часто переходил в истерику. Пару раз я заметила, как люди смотрели на меня с тревогой. Ну и пусть, подумала я. Мне всё равно. Гори оно всё синим пламенем.

В день отъезда Кенни и Маржи я безутешно проплакала много часов. После этого в течение нескольких недель я была выжатой, и не могла сфокусироваться; мне постоянно казалось, что я вижу его в толпе, чуть впереди меня, или там, в тени под деревьями. Но конечно я знала, что это был мираж. Жизнь продолжалась, но мне было нелегко, и весь последний год в университете я постоянно скучала по нему, всегда чувствовала, что мне не хватает его и того душевного покоя, который он привнёс в мою жизнь.

Чем ближе становился мой выпуск, тем лучше я знала, что должна принять важные решения. В течение четырёх лет у меня была безупречная академическая репутация, я даже была выбрана представителем моей группы на выпускной церемонии. И хотя от меня не требовалось произносить речь, меня должны были вызвать на подиум, представить аудитории, которая поприветствует меня аплодисментами – и это вызывало у меня смешанную реакцию. Я гордилась признанием моих достижений, но всё же мне не

нравилось выделяться, и мне уж точно не нравилось, что все будут на меня смотреть. К тому же меня пугала сама идея моего будущего (а именно - необходимость его планировать). Будущее означает перемены и неопределённость, а я никогда не любила ни того, ни другого. Я постоянно чувствовала себя неуверенно, как будто земля вот-вот начнёт качаться у меня под ногами. Что-то должно последовать, но что?

Занимаясь философией, я изучала работы Аристотеля и была по-прежнему увлечена ими – две тысячи лет назад он так искусно анализировал человеческий характер и обсуждал те же моральные и этические вопросы, о которых мы спорим сегодня. Я брала уроки греческого и могла читать Аристотеля в оригинале, и решила, что я хочу продолжать изучать его работы. Посоветовавшись со своими научными руководителями, я решила поступать в аспирантуру в Оксфорде. Существовало два гранта, которые могли мне помочь – Родса и Маршалла – но процесс их получения был мучительным, и конкуренция была страшной.

Моё интервью с комиссией Маршалла было катастрофой. Встреча проходила в Атланте, штат Джорджия, в британском консульстве, в большой, богато украшенной комнате. Мы сидели вокруг стола в старых креслах с высокими спинками – нас было, пожалуй, человек десять, и девять из них смотрели на меня. Одним из печальных побочных эффектов моего невнимания к себе – моих периодических упущений в гигиене, которые обострялись в стрессовой ситуации – было то, что мои уши были забиты серой, и я с трудом слышала, что мне говорили.

«Элин, расскажите нам, почему вы хотите учиться в Оксфорде?» – начали они.

Я произнесла хорошо подготовленную речь: «Нигде нет настолько совершенного подхода к изучению античной философии, как в Оксфорде, - сказала я. – Я люблю читать Аристотеля и размышлять о прочитанном. Поэтому я и выучила древнегреческий – чтобы читать его в оригинале. Мне не найти лучшего образования в античной философии, чем в Оксфорде. К тому же жизнь в другой культуре расширит мой кругозор и обогатит мой жизненный опыт». Вот, подумала я. Каждое слово правильное и на своём месте. Но у меня в голове гудело от тревоги: Достаточно ли громко я говорю? Или слишком громко? А правильно ли я вообще расслышала вопрос?

Между их вопросами и моими ответами наступила долгая тишина, еще более долгая после моих ответов. Наши голоса, казалось, отдавались эхом. Кто-то покашлял, кто-то поёрзал в кресле и оно скрипнуло. Я что, им наскучила?

Один вопрос, который я правильно расслышала, был по поводу того, что я думала о моём курсе физики. Мой фривольный ответ показывает, насколько плохо я понимала ситуацию. «Курс физики был полной задницей!»

Одна из женщин в комиссии спросила: «Изменилась ли ваша жизнь после начала женского движения?» Не взяв паузы, чтобы подумать и принять во внимание историю этих женщин, через что им пришлось пройти, чтобы быть здесь, как им пришлось

боротся, я быстро ответила, что нет, я не заметила никаких изменений, что на самом деле я никогда не встречалась ни с какой дискриминацией. И затем, как будто я была на школьном выпускном, я жизнерадостно добавила: «Успехов во всех ваших начинаниях!» Опять долгое молчание.

Собеседование явно закончилось. Мы обменялись вежливыми «спасибо-досвидания», и я неловко удалилась, не имея ни малейшего представления, ни что они обо мне подумали, ни какие у меня были шансы. Бездарно. Безнадёжно. С чего бы им поддерживать такую неудачницу?

К счастью, интервью с комиссией Родс прошло более успешно, как будто собеседование с комиссией Маршалла было генеральной репетицией. Вопросы были сходными, ответы дались мне гораздо легче. *Я произвожу хорошее впечатление, думала я. Я выгляжу нормально.* Однако когда меня спросили, занималась ли я какими-нибудь видами спорта, здравый смысл опять подвел меня – в попытке остроумного ответа я сказала, что моим основным спортом было поднести ко рту шестьдесят сигарет в день. В ту же секунду, как я это сказала, я поняла, что это было ошибкой, как фальшивая нота, как громкий гонг во время чаепития. Члены комиссии написали в отчёте, что они бы рекомендовали меня на следующий тур отбора, если бы не полное отсутствие физических упражнений в моей жизни.

К счастью, ни моя привычка к никотину, ни моя неуклюжесть в общении не помешали комиссии Маршалла. К моему великому изумлению, меня приняли на курс бакалавриата по философии. Грант Маршалла оплачивал обучение, а также обеспечивал мне стипендию на проживание в британских фунтах – а фунт был тогда сильным. Если я буду разумно планировать расходы, у меня даже будет немного оставаться. В августе я поеду в Оксфорд и стану членом колледжа Корпус Кристи.

Как ни была я этим горда, мой постоянный конфликт между желанием быть признанной и нежеланием выделяться проявлялся в том, что остаток лета, когда мои собеседники думали, что я еду учиться в колледж Корпус Кристи в Техасе, я их не разубеждала.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

После окончания университета Вандербильт в июне 1977-го я вернулась на лето в Майами, к семье. В Майами я летела, как чумная: я была разбита горем прощания с Вандельбильтом, перспектива возвращения домой и будущая учеба в Оксфорде страшили меня почти до колик. Периоды перемен были для меня всегда трудными – счастливыми для меня были времена с предсказуемым распорядком дня, который я разработала и соблюдала – но на этот раз всё навалилось сразу. Библиотеки Вандербильта, Кампус Гриль, здания, дорожки и деревья, места, по которым я гуляла каждый день, друзья, которые у меня наконец-то появились, расписание, которое регулировало чуть ли не каждую минуту моего дня – всё это придавало чёткий порядок и управляемость моей жизни, а теперь это закончилось. И по мере того, как проходили летние дни в Майами, плавящимся от жары и влажности, а мои домашние приходили и уходили по своим делам, я превращалась в развалины.

Я, как могла, воссоздала порядок своей университетской жизни: сразу же после утреннего кофе уходила в общественную библиотеку и проводила целый день за чтением Аристотеля и других философов: в моём философском образовании были кое-какие пробелы, и мне надо было их заполнить. На обед я покупала сэндвич с сыром, сделанный на гриле, и кофе в местном магазинчике; на ужин я обычно присоединялась к родителям и братьям и едва ли не заставляла себя обмениваться любезностями: «Как прошёл твой день, хорошо, как твой, хорошо». Вечером я слушала музыку в своей комнате, бесконечно курила и опять читала. Никто меня не беспокоил. Поездки всей семьёй на выходные уже давно закончились; мои братья жили своей жизнью, мои родители были также увлечены их собственной. Если кто и заметил, что я, несмотря на физическое присутствие, от них ушла, отдалилась, они ничего не сказали. Глядя на меня, никто не мог бы сказать, что внутри меня бушует буря. Но буря бушевала, и она была ужасна.

Когда закончились занятия, а с ними – и мой привычный распорядок дня – меня стали часто посещать странные, очень яркие, фантазии, из плена которых я не могла вырваться – это не были галлюцинации или сны наяву, но я с трудом могла отличить их от реальности. Они приходили ниоткуда, без предупреждения и совершенно без какой-либо мне понятной причины. Как будто эти грезы пришли, чтобы заполнить собой чувство потери знакомого заведенного порядка Вандербильта, и я не могла захлопнуть дверь перед ними. По ночам я целыми часами застревала в этой другой вселенной, пытаюсь разобраться, что же происходит у меня в голове. Сценарии приходили и уходили по своему усмотрению – как будто я не могла выбраться из кинотеатра, в котором всю ночь бесконечно крутили совершенно безумные фильмы. *Меня ложно обвинили в использовании наркотиков и отправили лечиться. В этой амбулатории работают сотрудники Операции Возврат. В течение программы я ни с кем не общаюсь. Я почти не разговариваю. Я везде ношу с*

собой том Аристотеля. Меня вызвали и сказали, что мне надо больше общаться. Я не могу. Меня опять вызвали и приказали начать разговаривать. Они сказали, что мой Аристотель - это мой костыль, и что я должна перестать носить его с собой. «Нет!» - рыдаю я. «Я не отдам вам моего Аристотеля!» У меня отбирают Аристотеля силой. Я теряю контроль, разношу офис вдребезги в приступе бешенства, крича во весь голос. Меня связывают. Несколько человек хватают меня и звонят 911. Скорая помощь привозит меня в приемное отделение.

Я была уверена, что мне нельзя ничего рассказывать, особенно про себя. Я не должна была ни о чём просить, даже о такой простой вещи, как попить кофе у стойки местного магазинчика. Те дома, что тогда давно говорили мне, что я плохая – может быть, те дома были правы.

Тот человек, который, как я думала, смотрел в моё окно по ночам, когда я была маленькой девочкой... Я начала верить, что он вернулся, что я только что слышала снаружи какой-то шум... Каждую ночь, когда в доме наступала тишина и все крепко спали, наступал момент, когда моё сердце начинало бешено биться. Меня прошибал холодный пот, и моё дыхание становилось очень поверхностным и очень быстрым. Я не знала, что это были панические атаки; я только знала, что моё сердце вот-вот вырвется из груди, и это приводило меня в ужас. *Ну всё, - думала я. – У меня что-то не то с сердцем.*

Когда я рассказала об этом родителям, они немедленно отвели меня к кардиологу; он провёл несколько тестов, которые ничего не показали. Врач сказал, что все дело – в моей тревожности, и посоветовал не принимать транквилизаторы, а то вдруг из-за них мне станет ещё сложнее сосредотачиваться. Я бы их не принимала в любом случае – если и был один урок, который я извлекла из Операции Возврат, то это была абсолютная решимость никогда не принимать никаких лекарств, которые приводят к изменению сознания. Вместо них врач прописал индерал, бета-блокатор, который, как я поняла, должен был отрегулировать работу сердца (его также прописывают при панических атаках, тревоге и нервном напряжении). Я не знала, что одним из побочных эффектов индерала может быть депрессия; и действительно, вскоре после того, как я приняла это лекарство, я почувствовала себя ужасно унылой и сонной. Но зато прошло ощущение, что я вот-вот выпрыгну из собственной кожи. Ночи стали спокойнее, и я смогла закончить работу.

* * *

В конце лета я поднялась на борт самолёта, направлявшегося в Вашингтон. Там я должна была встретиться с другими стипендиатами Маршалла от британского посольства, и вместе с ними добраться до Оксфорда. Я понятия не имела, как вести себя в этой ситуации – да и вообще, как надо держать себя с генеральным консулом? Моя тревога начала раскручиваться, как маховое колесо: я понятия не имела, как я разрулю ситуацию и что делать с Оксфордом и с моими занятиями.

Мама помогла мне выбрать одежду, что было одним из моих наименее любимых занятий; выбор был слишком широк, я никак не могла решиться выбрать что-то одно, и как только я пыталась вообразить себя в этой одежде в разных ситуациях, то впадала в ступор от страха. В основном мы заказали несколько свитеров и качественных брюк из каталога L.L. Bean, и купили пару костюмов и блузок для более тожественных случаев. Мне нужны были пальто и куртка. Мне нужна была обувь - не теннисные туфли, а что-нибудь другое. Возможно, мне нужен зонтик – ведь я ехала в Англию. Почему-то вся эта экипировка казалась доспехами, необходимыми для обучения в английском университете.

Первая встреча-приветствие в Вашингтоне прошла для меня в какой-то дымке. Я забыла имена всех людей, как только они мне представились, хотя мне было приятно видеть, что почти все так же нервничали, как и я. Конечно, все шло по протоколу; к моему огромному облегчению, я его не нарушила - по крайней мере, я не думаю, что нарушила. И затем мы отправились в Оксфорд.

Не секрет, что, несмотря на общий язык Англия и Америка - две совершенно разные страны. Пожалуй, самая большая разница между ними - это известная британская сдержанность. Многие выражения, допустимые в разговоре с американцем, совершенно недопустимы в Англии, и в новой среде я быстро этому научилась. Однажды я спросила британского приятеля, где он планирует провести каникулы, чем совершенно его ошарашила. Я потом узнала, что не следует задавать подобный вопрос, потому что ответ может выдать социальное происхождение собеседника. Солнечные открытые латиноамериканские нравы Майами, в совокупности с обходительностью старых южных традиций Вандербильта, казались пришельцами с другого конца планеты в гораздо более древних и изысканных анклавах Оксфорда. Например, продавцы никогда не говорили: «Приходите ещё!» или «Хорошего дня!», когда мы обменивали деньги на товары. Зачастую, выходя из магазина с едой или упаковкой под мышкой, я задавала себе вопрос – что я такого сделала, чтобы со мной так холодно распрощались. Им что, всё равно, какой у меня будет день?

Похолодало, дни стали короче, свет - тусклее. Вдобавок к моей общей потере ориентации, система обучения совершенно отличалась от той, по которой я училась до этого. Оксфордские программы состояли из необязательных лекций для всего университета и семинаров, встреч один на один с преподавателем или куратором раз в неделю на час или меньше. Экзамены проходили в конце второго или третьего курса. Для еженедельных занятий студент должен был прочитать набор статей и написать несколько работ, которые проверял и комментировал преподаватель. Я привыкла писать две или три длинные работы в течение четырёх месяцев, а не одну короткую за неделю. Я не могла себе представить, как я с этим справлюсь.

Я подружилась с женщиной из Америки, Джин, которая училась в Лондоне; мы встретились на перекуре в туалете британского посольства. Высокая, как и я, очень худая и миловидная, Джин училась на медсестру, пока не встретила своего жениха – доктора

Ричарда, который убедил её продолжить образование и закончить университет. Она хорошо училась и получила грант Маршалла на изучение лингвистики в Лондонском Университетском Колледже. Она была тёплым и лёгким в общении человеком. Она мне понравилась, и я ей, кажется, тоже. Но она была в Лондоне, а я в Оксфорде; и хотя мы разговаривали по телефону где-то раз в неделю, она всё же была в часе езды от меня.

Время от времени я встречалась с другой женщиной из нашего общежития. Она была из Канады, и сначала наша дружба казалось многообещающей. Но со мной что-то происходило – что-то, что началось прошлым летом – что-то, что привело к короткому замыканию в нашей начинающейся дружбе: мне было трудно говорить. Слова из моей головы просто не шли мне на язык, в буквальном смысле. Наше общение за ужином становилось всё более односторонним, я почти полностью ограничивалась киванием в знак согласия, симуляцией набитого рта и попыткой выразить свои мысли выражением лица. Дружба завяла.

И я не могла разговаривать по телефону с моей семьёй и друзьями в Америке – я решила, что это было слишком дорого, и поэтому «запрещено». Кем, я не могла сказать; как будто существовало неточное, но абсолютное правило, которое это запрещало. Конечно, моя семья с радостью бы оплатила телефонные счета, но моё искажённое сознание сказало мне, что я не заслуживаю того, чтобы тратить на себя деньги или позволять другим их на меня тратить. Кроме того, ни одно из сказанных мною слов не стоило внимания - так сказал мой разум. *Говорить плохо. Если ты говоришь, значит, тебе есть, что сказать. Мне нечего сказать. Я никто и ничто. Любой разговор займет место и время. Ты не заслуживаешь права говорить. Молчи.* Через несколько недель после моего приезда в Оксфорд почти всё, что я говорила, ограничивалось односложными предложениями.

По мере того, как я становилась всё более замкнутой, я начала бормотать и жестикулировать сама с собой, идя по улице, чего я никогда не делала даже в худшие дни своего пребывания в Вандербилте или в Майами прошлым летом. Когда я слышала звуки, которые я издавала, они меня не волновали и не удивляли; по какой-то причине это помогало мне успокоиться. Казалось, что это отгораживало меня от людей, которые проходили мимо меня. Странно, это меня успокаивало, как, наверное, маленького ребёнка успокаивает, когда он вцепляется в старое одеяло. Таким образом, без точек опоры вне моего разума (друзей, знакомой обстановки, возможности достичь успехов в учёбе), я начала жить полностью внутри него.

А яркие фантазии последовали за мной через океан. *Врач нашел меня съёжившейся в углу. Он хочет, чтобы я общалась с другими людьми с моего курса. Я не хочу. Они меня вталкивают в комнату с людьми. Я должна говорить с ними. Мужчина представляется: «Привет, меня зовут Джонатан». Я не отвечаю. «Как твоё имя?» Я опять не отвечаю. «Ты здесь учишься?» Я бормочу что-то себе под нос. Врач входит и пытается подбодрить меня, чтобы я заговорила с молодым человеком. Я начинаю кричать и бегать по комнате, не помня себя. Они хватают меня и удерживают силой.*

Что было реальным, а что нет? Я не могла уловить разницу, и это вымотало меня. Я не могла сосредоточиться на учёбе. Я не понимала ничего из того, что я читала или слышала на лекциях. И я уж точно не могла написать ничего вразумительного. И я писала какую-то белиберду, просто для того, чтобы сдать работу моему преподавателю каждый раз, когда мы встречались. Неудивительно, что он был озадачен.

«Это недопустимо, Мисс Сакс.» - сказал он. Он не был ни рассержен, ни холоден, он просто не мог в это поверить. «Вы согласны с этим, верно? - спросил он. – Потому что, видите ли, в вашей работе сложно найти смысл».

Я тупо кивала, чувствуя жёсткий деревянный стул, на котором я сидела. Я с трудом выдавила из себя пару слов. «Да, - сказала я. Да, я знаю». Я только не знала, что с этим делать.

Джин, моя лондонская подруга, которая была медсестрой, почувствовала из нашего телефонного разговора, что со мной творилось что-то не то. Я сказала, что мне просто было тяжело справиться со всей этой домашней работой, но очевидно что-то ещё, из того, что я сказала, или то, как я это сказала, дало ей понять, что я боролась с мыслями о том, чтобы нанести вред своему телу. Во время одного из наших телефонных разговоров Джин мягко предложила мне поговорить с врачом о том, чтобы посетить психиатра.

«О, нет, - сказала я, стараясь придать лёгкость своему голосу. – Я не сумасшедшая или что-то в этом роде. Меня просто... ну, заклинило, что ли». Внутри меня происходил другой диалог: *Я плохая, я не сумасшедшая. Даже если бы я была больна, а я не больна, я не заслуживаю ничьей помощи. Я этого не стою.*

Спустя две недели жених Джин, Ричард, приехал в Оксфорд. Ричард был неврологом по профессии. Он был немного постарше нас с Джин, и смотрелся авторитетно. Он, казалось, чувствовал нутром, что для некоторых людей было труднее быть студентом, чем стать профессионалом в своем деле. Его присутствие внушало уверенность, и не было угрожающим; его высокий рост и лишние килограммы придавали ему вид большего и доброго плюшевого медведя.

«Мы с Джин о тебе очень беспокоимся,» - тихо сказал он. – Нам кажется, что ты очень больна. Ты не возражаешь, если я задам тебе несколько вопросов?»

«Я не больна – ответила я. – Я просто недостаточно умна. А вопросы – да, задавай».

«Ты чувствуешь слабость?»

«Да».

«Потеряла всякий интерес к повседневным занятиям?»

«Да».

«Плохо спишь?»

«Да».

«Потеряла аппетит?»

«Да».

«Сколько ты потеряла в весе за последний месяц?»

«Около семи килограммов».

«Ты думаешь о себе, что ты плохой человек?»

«Да».

«Расскажи мне об этом».

«Не о чем рассказывать. Я просто кусок дерьма».

«Думаешь ли ты о том, чтобы причинить себе боль?»

Я подождала немного, прежде чем ответить: «Да».

Ричард задал ещё несколько вопросов; я ответила «да» на каждый из них. В каком бы ступоре я ни была, было несложно увидеть тревогу на его лице.

«Тебе нужно немедленно проконсультироваться с психиатром». - сказал он размеренно. - Тебе нужно принимать антидепрессанты. Ты в опасности, Элин». Он объяснил, что это было серьезно и не терпело отлагательств.

Я поблагодарила Ричарда и Джин за заботу, и сказала им, что я подумаю обо всём, что они сказали. Но его слова меня не убедили. Таблетки? Какие-то химикаты, которые я должна принять внутрь, и которые будут путешествовать по моему телу? Нет, это будет неправильно. Это то, чему меня научили в Операции Возврат, то, во что я верила. Голос моего отца: *«Возьми себя в руки, Элин»*. Никаких лекарств – всё в моих руках, всё зависит от меня. А я не стоила многого. *Я не больна. Я просто плохая, испорченная, тупая, я - само зло. Может быть, если я буду меньше говорить, я не буду распространять своё зло вокруг себя.*

Мне нужно было предоставить ещё одну письменную работу на еженедельный семинар, но я не могла писать. Лихорадочное ночное бдение привело к трём или четырём страницам чистого бреда. Абракадабра. Мусор. Несмотря на это, я прочла работу вслух на семинаре. Поднятые брови. Без смеха, просто молчание. Я хорошенько унизила себя в глазах моих оксфордских коллег. *Я приехала в Оксфорд и потерпела поражение. Я плохая. Я заслуживаю смерти.*

Откуда-то я знала со всей уверенностью, как никогда в жизни, что если я попробую убить себя, то у меня это получится. Я вспомнила слова Ричарда, и в этот раз я их услышала: я действительно была в опасности. Это было серьезно. Я могла умереть. И я причину боль многим другим: родителям, братьям, друзьям, всем, кому я была не безразлична. Какие бы мучения я ни испытывала, как бы ни было заманчиво положить этому конец – я не могла причинить такой боли людям, которых я любила, и которые любили меня.

У меня не осталось времени ни на раздумья, ни на разработку стратегии, ни на

взвешивание всех за и против. Я позвонила доктору Джонсону, который стал моим лечащим врачом, когда приехала, и в тот же день попросила срочно принять меня.

Оказавшись в кабинете доктора Джонсона, я сказала, что у меня депрессия. Он спросил, почему я так думаю, и в ответ на мои односложные ответы заверил меня, что я могу время от времени приходить к нему, чтобы поговорить, как только почувствую в этом нужду. Вне всяких сомнений, он повидал немало психованных студентов, возможно, я была очередной такой же.

«Я думаю, мне надо увидеть психиатра». - сказала я.

«Я думаю, что смогу вам помочь, если вы мне позволите,» - сказал он. Я не спала уже несколько ночей, не мылась, не переодевалась – даже я знала, что я выгляжу ужасно, почему же он этого не видел? Почему он не встревожился? Разве он ничего не видел? Ничего не понял?

Доктор Джонсон стал задавать мне те же вопросы, что задавал Ричард. Была ли я подавлена? Перестала ли я получать удовольствие от того, чему раньше радовалась? Как я спала? Как я ела? Хотя мои ответы были теми же, что я дала Ричарду, доктор Джонсон не казался особенно встревоженным. И затем он спросил, не думала ли я о том, чтобы нанести себе вред?

«Да». - сказала я.

«И вы что-нибудь уже сделали?»

«Да». И я показала ему ожог на руке размером с монету, который я получила, нарочно держась за электрообогреватель.

Выражение его лица немного изменилось. «А как насчет самоубийства? Вы об этом тоже думали?»

«Да».

Он наклонился поближе ко мне. «И как вы могли бы это сделать?» - спросил он.

«У меня есть целая бутылка индерала. Один из моих друзей сказал, что это меня убьёт». - сказала я. Хотя я перестала принимать это лекарство, я его не выбросила. Я также подумывала о том, чтобы прикоснуться к проводам электрообогревателя в своей комнате и убить себя током, рассказала я ему. «Или, может, облить себя бензином и поджечь. Это может быть и лучше всего, поскольку я плохая и заслуживаю страдания». Затем я начала бормотать абракадабру, чего я никогда прежде не делала в присутствии тех, кого я знаю.

Доктор Джонсон попросил меня подождать пару минут, затем пригласил обратно в кабинет и сказал, что он назначил меня на приём сегодня в час дня в Уорнфорде,

психиатрическом отделении Оксфордской медицинской школы.

«Вы сможете туда добраться?» - спросил он.

«Да».

«Вы пойдёте туда?»

«Да». Я была в отчаянии. Я держала свою жизнь в руках, и неожиданно она стала для меня слишком тяжёлой.

Я позвонила из своей комнаты и заказала такси. Одна из «скаутов» (так в Оксфорде называли уборщиц) услышала, что я назвала Уорнфорд. Я съёжилась под её взглядом, искоса брошенным на меня. *Да, да, вы правы, я просто кусок дерьма, и я еду в место для плохих людей.*

По моему приезду в Уорнфорд меня быстро провели в маленькую комнату без окон с бежевыми стенами. Здесь молодая женщина с рыжеватыми волосами и намёком на веснушки представилась доктором Смит. Она держалась неформально, в ее поведении не было ничего угрожающего, и я постаралась успокоиться настолько, чтобы с должным уважением выслушать вопросы, которые она мне задавала. Но моя голова рвалась по направлению к двери, как будто хотела увести меня и моё тело из этой комнаты.

Наша беседа продолжалась, как мне показалось, два или три часа. Было много вопросов о моём детстве, и ещё больше - про мою жизнь сейчас. Я помню, что мне пришло в голову, что я ей не нравлюсь. Хотя в тот момент я была уверена, что я никому не нравлюсь. *Во мне нечему нравиться.*

Наконец доктор Смит попросила меня выйти в приёмную, где я нервно сидела в течение двадцати минут, гадая, что же будет дальше. Когда она позвала меня в свой кабинет, в нём было пять или шесть врачей, почти все были мужчинами средних лет и старше. Внезапно я испугалась, как будто я была точкой в центре мишени. Доктор Смит представила доктора Расселла, который будет разговаривать со мной от имени группы лечащих врачей. Когда он начал задавать вопросы (почти те же, что доктор Смит задавала чуть раньше), я начала чувствовать себя всё более и более неудобно от того, как сурово он держался. В его голосе было слышно осуждение и пренебрежение. Он говорил официально, и всё же как-то неуважительно, как будто говорил: «Тут я принимаю решения, и вы будете делать то, что я вам скажу».

Наконец доктор Расселл сказал: «Мы бы хотели, чтобы вы стали пациенткой в нашем

дневном стационаре».

Охваченная ужасом (и рассерженная, как самим предложением, так и его манерой разговаривать со мной), я наотрез отказалась. Я хотела помощи, а не заточения. Я посмотрела на дверь позади него - она вела наружу. Это был выход.

«Это дневной стационар, предполагающий амбулаторное лечение, Мисс Сакс. Вы можете возвращаться домой по вечерам и спать в собственной постели».

«Нет,» - категорически сказала я. «Мне не нужно в больницу. Я не сумасшедшая. Здесь не место для меня».

Он не отступал. «По нашему мнению, вы нуждаетесь в помощи и поддержке в дневном стационаре». Другие врачи смотрели на меня так, как будто я была экспонатом в стеклянной банке.

«Со мной всё будет в порядке, - настаивала я. – Если я буду встречаться с психиатром один-два раза в неделю».

«Этого не достаточно. – твёрдо сказал доктор Расселл. – Вам действительно нужно приходить в больницу и проводить здесь целый день».

«Ни за что!» - сказала я, как пружина вскочила из кресла и опрометью выбежала из комнаты, а затем из больницы. Я ожидала услышать звуки шагов позади, сердитые голоса, чей-то крик «Держите эту женщину!». Но этого не произошло. Я от них вырвалась.

Когда я оказалась на улице, я сначала не могла разобраться, в каком направлении мне идти, а поблизости не было телефонной будки, чтобы позвонить и вызвать такси. Поэтому я продолжала идти. Моё дыхание было тяжёлым и быстрым, сердце колотилось так сильно, что я была уверена, что проходившие мимо меня люди могли его видеть.

Я прошла почти шесть километров, пока добралась до общежития. Оттуда я тут же позвонила Джин и Ричарду и рассказала о случившемся. Они сразу же стали настаивать, что мне нужно следовать рекомендации врача. «Нет!» - сказала я и повесила трубку, с чувством вызова и страха, и совершенно не представляя, что делать дальше.

Та ночь была ужасна. Я лежала без сна в луже пота, неспособная уснуть, в моей голове крутилась мантра: *Я кусок дерьма и я заслуживаю смерти. Я кусок дерьма и я заслуживаю смерти. Я кусок дерьма и я заслуживаю смерти.* Время остановилось. К середине ночи я была уверена, что день никогда больше не наступит. Меня окружали мысли о смерти; тогда я поняла, что они начались предыдущим летом, как маленькая

струйка в речке, по которой я ходила вброд. С тех пор вода начала постепенно прибывать. Теперь река была глубокой и быстрой, и угрожала постепенно накрыть меня с головой.

На следующее утро, разбитая и измождённая, я позвонила в больницу и попросила доктора Смит: «Я рада, что вы позвонили,» - сказала она. «Пожалуйста, приходите как можно скорее».

Ночь, проведенная в одиночестве, сделала свое дело. Никто не запирает меня против моей воли. Я вошла в больницу добровольно. Если я и должна была стать пациентом психушки, то, по крайней мере, это было моим собственным выбором.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Расположенную среди череды зелёных холмов Оксфордшира, больницу Уорнфорд было легко принять за обширное поместье провинциального британского джентльмена – как бы я ни нервничала и ни была отвлечена от реальности, сидя на заднем сидении такси, везущего меня туда, я бы не удивилась, если бы увидела лошадей и гончих собак, несущихся через лужайки и преследующих испуганную лису.

Построенная в начале 1800-х (и называвшаяся раньше «Уорнфордский приют для умалишённых»), больница была изначально основана «для содержания помешанных, отобранных из высших слоёв общества». В те времена пациентам регулярно пускали кровь, будучи уверенными, что плохая кровь, подходя к поверхности и оставляя тело, остудит перегревшийся мозг. Если бы всё было так просто.

Амбулаторное отделение находилось в старом доме, в тени деревьев, отдельно от главного корпуса. Поначалу я ожидала программы типа Операции Возврат – интенсивной, конфронтационной группы и персонала, готового носом учуять и выставить напоказ любую двойную игру пациентов. Однако всего за час пребывания там я поняла, что оказалась в совершенно другой обстановке. Распорядок дня состоял из нескольких видов деятельности – групповой терапии, индивидуальной встречи с психиатром, чтения вслух, настольных игр (в основном, в «Эрудита» - игры в слова, в которую я умела играть, но никогда не могла выиграть, поскольку не могла сосредоточиться). Много времени мы проводили, сидя в общей комнате, обставленной как гостиная, где мы могли разговаривать, курить или просто молча смотреть в одну точку. Но это место не было гостиной. Любой человек моментально бы понял, что это была комната для душевнобольных пациентов.

В одном из углов сидел на стуле молодой человек, раскачиваясь вперёд-назад, разговаривая сам с собой на тарабарском языке, с пустым взглядом, волосами, невымытыми неделями, и с остатками недавней трапезы на нём самом и вокруг него. Мне сказали, что он из очень состоятельной культурной семьи из высших слоёв общества. Все его братья и сёстры поступили в университеты; он же вместо этого оказался здесь.

Это был первый по-настоящему психически больной пациент, которого я когда-либо видела. Он напугал меня до смерти. В первый раз я смогла представить себе, что могу быть *так* больна. *Закончу ли я так, как он?*

Дни в Уорнфорде перетекли в неделю, потом во вторую. Я отменила свои встречи с преподавателем, используя, без сомнения, какие-то слабые отговорки (с другой стороны, он, наверное, был хорошо знаком с эпизодическими и непредсказуемыми приходами-уходами непостоянных старшекурсников). За присутствием на лекциях никто не следил, поэтому моё отсутствие осталось незамеченным. А что касается домашней работы, то я была уверена, что смогу продолжать читать и как-нибудь нагнать... В конце концов, это было временным перерывом. Как сильная простуда или грипп. Что-то было не в порядке; надо было просто найти, что именно, и починить.

Каждую ночь я спала в собственной постели, пыталась читать перед сном, на следующий день поднималась и тащилась обратно в Уорнфорд. В тот период моя жизнь начала протекать, как будто она проходила в двух поездах, ехавших по соседним путям. На одном пути был поезд «реального мира» - расписание занятий, домашняя работа, мои книги, связь с семьёй (которую до сих пор мне удавалось убедить, - благодаря, к счастью, коротким международным телефонным звонкам - что в Оксфорде всё шло отлично, спасибо). На другом пути - всё более и более запутанный и пугающий внутренний мир моего разума. Я боролась, чтобы сохранить эти два поезда на параллельных путях, и не допустить, чтобы они неожиданно трагически врезались друг в друга.

День за днём мои мысли все чаще путались. Я могла начать предложение, но никогда не могла вспомнить, как его закончить. Я стала сильно запинаться, до такой степени, что с трудом могла закончить свою мысль. Ни у кого не хватало сил слушать меня; некоторые пациенты стали надо мной потешаться. Я ни с кем не общалась; я сидела в общей комнате часами, покачивая ногами (я не могла сидеть неподвижно, как сильно ни старалась), не замечая, кто входил или выходил, не произнося ни слова. Я была твердо уверена в том, что я зло. Или, может быть, я действительно чокнутая – в конце концов, я была в психиатрической больнице, разве нет? Зло, чокнутая, зло, чокнутая. Которое из двух? Или и то, и другое?

Работники больницы по очереди пытались уговорить меня принимать антидепрессанты. Их рекомендации меня удивили. Я думала, они будут уговаривать меня принять что-то, что успокоит моё тело или организует мою речь. Какая разница, будут это успокаивающие или антидепрессанты, мой отказ принимать таблетки был тверже гранита. *Все лекарства, которые приводят к изменению сознания – это зло. Я слаба, мне просто нужно быть сильнее, приложить больше усилий и всё будет хорошо.* Какая часть меня, моего разума это говорила: разумная или раздробленная? Я не могла сказать.

Однажды, в один из выходных, полных безнадёги, я провела почти целый день, гуляя в одиночестве недалеко от университета, в красивом месте под названием Крайст Чёрч Медоуз (луга Церкви Христа). Но красота окружающей природы не произвела на меня никакого впечатления; я могла бы с таким же успехом гулять и в подземелье. Я чувствовала отчаяние и глубокое одиночество, которые всё больше и больше подтачивали меня изнутри. Внезапно меня озарило, как разрешить ситуацию - убить себя. Я опять к

этому пришла. И этот выбор казался наилучшим. *Я оболью себя бензином и зажгу спичку. Подходящий конец для такого плохого человека, как я.*

Когда я притащилась обратно в Уорнфорд, и рассказала работникам больницы то, о чем я додумалась за время прогулки, их забота обо мне вышла на новый уровень. «Элин, тебе надо сейчас же перейти в стационар. Ты должна придти и остаться здесь. Ты в большой опасности». Меня не пришлось особенно убеждать. В ужасе от того, что я могла бы сделать, если бы меня предоставили самой себе, я вернулась в общежитие, собрала вещи и села на автобус, который довезёт меня до психиатрической больницы.

Я села не на тот автобус. Через несколько часов я, наконец, добралась обратно до Уорнфорда, проплутав и вконец заблудившись.

Из меня получился бы отличный психбольной.

Пока я посещала больницу амбулаторно, каждый вечер я, по крайней мере, возвращалась в оксфордское общежитие, и могла продолжать уверять себя, что я была студенткой. Ежедневно в течение дня я ловила себя на том, что находилась где-то посередке. Кто я, пациент психиатрического отделения или студентка? Где моё место, в Оксфорде или Уорнфорде? Где я должна проводить свои дни – в библиотеке или на групповой терапии? Казалось, выбор всегда был за мной.

Но в ту минуту, как я поступила в стационар, я уже не могла притворяться студенткой: я была пациенткой психиатрической клиники, в больнице для душевнобольных. Ненормальных. Однако, в отличие от стационаров в Соединённых Штатах, здесь дверей не запирали. *Я могу уйти в любое время*, сказала я себе, в попытке самоуспокоения. В конце концов, если я и осталась, то только потому, что я так решила.

Доктор Смит должна была провести мой полный медосмотр – это входило в госпитализацию в стационаре. Поначалу мне было приятно чувствовать её нежное прикосновение, слышать мягкий голос, говорящий, что всё будет в порядке. Вся её манера поведения была добротой в чистом виде; когда в последний раз ко мне отнеслись с добром? Когда в последний раз хоть кто-то просто прикасался ко мне, что уж говорить о нежном и заботливом, прикосновении, чтобы не сказать – с привязанностью?

Но затем мой разум как будто вошёл в штопор: *Я уязвима, я открыта для нападения, я беззащитна перед ним, и он причинит мне боль.* Как только обследование закончилось, я быстро села и прикрылась, уставясь в пространство, пока она делала записи. *Только самые безумные из безумных попадают в психиатрическую клинику. Я просто ленивая. Я недостаточно боролась. Если бы я хорошенько постаралась, меня бы тут не было.*

Большинство пациентов, включая меня, спали в большой общей спальне, большой комнате, где было около десяти кроватей, хотя в каждой палате было несколько отдельных комнат на одного человека. Люди, которых я там встретила, с которыми вместе ела и была в одной группе, ничем не отличались от тех, с кем я была в амбулаторном

отделении. Одна из них, приятная молодая женщина по имени Линн, была учителем: она верила, что люди посылали ей закодированные послания с помощью манеры ходить и скорости шага. Она выглядела типичной британкой – бледная кожа, светлые волосы, средний рост, немного полноватая. Она вела себя весьма дружелюбно, а я чувствовала себя очень одинокой. Мы подружились.

Вместе с Линн мы часто подолгу гуляли по территории Уорнфорда, иногда часами разговаривая друг с другом. Одной из её любимых тем разговора было количество принимаемых ею лекарств. «Они дают мне плацебо вместо лекарства, - сказала она, смеясь - не настоящие лекарства!» Затем она поделилась со мной своим удивлением и радостью, что они действительно ей помогли! Через несколько месяцев после того, как мы обе вернулись в мир, я увидела её - в трансе идущую по Оксфорду и ставшей тучной от лекарств.

Другая пациентка, женщина постарше, была в Уорнфорде второй раз, она сообщила мне о своём статусе «повторного пациента» как ни в чём не бывало, как будто в этом не было ничего необычного, и даже было здорово. Просто она была тут в прошлом году, потом уехала на чуть-чуть, а теперь она опять вернулась. Постепенно мне стало ясно, что многие другие пациенты тоже были здесь не в первый раз, а во второй или третий. *Нет, подумала я, только не я. Это мой первый раз. И последний. Единственный.*

Доктор Смит вместе с другими сотрудниками продолжала настаивать на антидепрессантах. Я сопротивлялась; они продолжали на меня давить. «То, что с тобой происходит, это не от слабоволия, Элин,» - объясняла врач. «Это биохимическая реакция. Депрессия, если её не лечить, может продлиться год, а то и больше – ты что, хочешь так долго ждать? Лекарства помогут тебе почувствовать себя лучше за несколько недель. Это не наркотики, они помогут тебе поправиться».

Я отказывалась. «Людям должно стать лучше, потому что они над этим работают, а не потому, что они принимают таблетки». - сказала я. «Принимать таблетки – это обман». Слова сотрудников Операции Возврат звучали в моей голове, как большой медный колокол: *«Ты должна взять на себя ответственность за саму себя»*. Мысль о том, чтобы положить таблетку в рот, вызывала у меня отвращение. Такое же отвращение вызывала мысль, что я каким-то образом стала настолько слабхарактерной, что нуждалась в лекарствах, чтобы поправиться. «Я не больна,» - протестовала я. «Я плохая».

Однажды произошло нечто, что изменило моё мнение – что изменило всё.

Я посмотрела в зеркало.

Я увидела себя впервые за много недель. И это был удар под дых. *Чёрт возьми, - подумала я. Кто это?* Я была истощена и сдутулена, как человек в три или даже четыре раза меня старше. Моё лицо было измождено. Глаза были пусты и в то же время полны ужаса. Волосы были грязными и всклокоченными, одежда мятая и в пятнах. Это был вид

безумной женщины из всеми забытой палаты в сумасшедшем доме.

Я боялась смерти, но ещё больше меня испугало то, что я увидела в зеркале. Женщина, смотревшая на меня с той стороны, была в ужасной, ужасной беде. Я поклялась, что сделаю всё необходимое, чтобы вызволить её оттуда, всё возможное, что я могу сделать.

Выбор был ясен: лекарства или смерть. Я немедленно отправилась к доктору Смит. «Ладно, согласна, я буду принимать ваши лекарства,» - сказала я ей, слова в панике слились в нечленораздельную массу, но она, к счастью, меня поняла. Она улыбнулась мне в ответ.

«Хорошо. Элин, я так рада!» - сказала она. «Так тебе будет гораздо лучше, вот увидишь».

Затем она сказала мне, что её не будет в стране некоторое время, и, пока ее нет, моим новым врачом будет доктор Эдвин Хамильтон. На следующий день я в первый раз встретилась с доктором Хамильтоном. И впервые я приняла выписанное мне лекарство, применяемое в психиатрии – антидепрессант амитриптилин. Три раза в день звонил больничный гонг, три раза в день я стояла в очереди за таблетками вместе с другими пациентами.

Наиболее сильным побочным эффектом амитриптилина был седативный – моя речь сразу же замедлилась, возбуждение снизилось, и мир вокруг меня, казалось, двигался в замедленном темпе. У меня всё время было сухо во рту, и постоянно кружилась голова. Дискомфорт, который я испытывала, не уступал моей решимости закончить то, что я начала, как бы меня ни раздражала медленная работа моего мозга. Хорошей новостью было то, что я сразу же стала спать по ночам, а я даже не могла вспомнить, когда это было в последний раз – позапрошлым летом?

На нашем первом терапевтическом занятии после того, как лекарства начали действовать, доктор Хамильтон спросил меня, как я себя чувствую. Я упомянула побочные эффекты, потом задумалась на секунду. «Странно, но я чувствую, что я не так сердита,» - сказала я ему.

«Это очень интересно,» - сказал он. «Действительно».

Только в этот момент я поняла, насколько сильную ярость я испытывала, направленную в основном против самой себя. Как будто я носила на спине большой мешок с песком, а теперь часть песка – совсем немного – просыпалась. И теперь, когда мой груз стал всего лишь чуть-чуть легче, может быть, я смогу начать другую тяжёлую работу.

* * *

Я сразу же прониклась доверием к доктору Хамильтону - он был очень приятным человеком, в том числе и внешне. Его мать была иностранкой, он не выглядел и не вёл себя как классический британец; он был более открытым и дружелюбным, чем все, кого я встретила в Оксфорде. Он легко шутил, разговаривал со мной, как будто мы были друзьями, было видно, что он беспокоится обо мне. Я с нетерпением ждала приёмов,

какими бы сложными ни были наши разговоры. Это был человеческий контакт, и именно этого мне так не хватало.

Хотя он и выслушивал мои полные пессимизма мысли и чувства, я видела, что доктор Хамильтон выказывал к ним мало интереса; вместо этого он целиком фокусировался на том, что, по моему мнению, могло помочь избавиться от них. Вместо того, чтобы рыться в моём прошлом или бессознательном, он целиком фокусировался на моём настоящем – что мы можем сделать, чтобы улучшить ситуацию «прямо сейчас» и как мне выбраться из моей депрессии. Он вносил простые, конкретные предложения, как, например, составить список и расписание, чтобы помочь мне уследить за тем, что я должна была делать (и за тем, что я всё время забывала делать, например, постирать себе одежду), но при этом постараться себя не перегрузить.

Его подход сочетался с ежедневными групповыми занятиями, которые я посещала, где меня поощряли достигать небольших целей - например, найти хорошее слово в игре «Эрудит» или помочь накрыть стол к обеду. Это было простыми достижениями, которые я всегда раньше принимала как само собой разумеющееся, но которые теперь позволяли мне гордиться своим мастерством.

Я обожала доктора Хамильтона, и сделала бы *для него* всё, чтобы мне стало лучше. Фрейд описал этот феномен в 1900-х; он назвал это «лечением посредством переноса». Как школьница с яблоком, я была готова отполировать моё душевное здоровье и отдать его моему чудесному доктору.

Всего через неделю я сказала доктору Хамильтону, что я хочу выйти из больницы, и поскорее. Еще через неделю я твёрдо и официально заявила, что готова уйти.

«Элин, вы уверены?» – спросил он. В его голосе я услышала скептицизм и подлинную озабоченность. «Вы же знаете, что нет ничего стыдного в том, чтобы быть в больнице, пока вас лечат от болезни».

Да, да, я была уверена. «Я хочу вернуться к моим занятиям,» - сказала я. «Но когда я выйду отсюда, вы сможете продолжать принимать меня амбулаторно?»

Я была благодарна, когда он сказал, что он не только отнесется с пониманием к моему решению уйти, но и продолжит работать со мной амбулаторно. Другие работники, однако, были явно встревожены: я видела это по выражению их лиц, да они и открыто об этом говорили. Медперсонал расспрашивал меня о моих планах и предупреждал по поводу моих ожиданий от жизни в мире. «Не переживайте, если вам придётся вернуться,» - сказали они. «Это иногда случается». Нет, нет, со мной этого не случится.

Всего лишь после двух недель пребывания в клинике я выписалась, и вернулась в общежитие и к занятиям. Всем, кто спрашивал, я сказала, что была на каникулах и с нетерпением ожидала начала нового семестра. Мой прежний преподаватель ушёл в творческий отпуск; к счастью, мой новый преподаватель был согласен на более тесную работу со мной. В моей сумочке я постоянно носила визитную карточку доктора

Хамильтона с записанным временем нашего приёма на следующей неделе. Все складывалось как нельзя лучше .

Ко времени моего второго амбулаторного приёма у доктора Хамильтона - через четыре недели после того, как я начала принимать amitriptyline – нам обоим стало ясно, что лекарство достигло того эффекта, ради которого я согласилась его принимать. Я была веселее, и не такой печальной. Несмотря на то, что физически у меня было не совсем столько энергии, сколько мне бы хотелось, умственно я была более активна, более сконцентрирована, а мысли о самоубийстве почти совсем исчезли. Я начала получать удовольствие от жизни – еда казалась вкусной, воздух и даже дождливая английская погода мне нравились и, что ещё важнее, я могла сосредоточиться. Однажды вечером я пришла в восторг, поняв, что читая очень сложный учебник в течение трёх часов, мне ни разу не пришлось остановиться и начать заново, пытаюсь распутать текст и понять, о чем он, взяться за голову руками и плакать в отчаянии. Нет, я *понимала* то, что читала. Постепенно я начала разговаривать с людьми в общежитии и в студенческом городке по дороге туда и обратно. Я ходила на несколько университетских мероприятий и даже на ужин. Всё опять вставало на свои места; я вставала утром, я выходила на улицу, я училась, я разговаривала с людьми, они разговаривали со мной. Я ела, я работала, я спала. Простые радости и цели, всё казалось возможным. Несмотря на мой «тренинг» в Операции Возврат, у меня возникли сомнения – может ли такое быть, что лекарства всё же могли мне помочь?

На удивление, тот учебный год прошёл для меня очень хорошо. Я нагнала пропущенное с помощью необходимого материала для чтения, а самое главное, написала семь работ, которые произвели впечатление на моего преподавателя – в конце четверти он написал обо мне положительный отзыв. Амбулаторные приёмы с доктором Хамильтоном тоже проходили очень хорошо. Мне не составляло труда делать простые «домашние задания», которые он задавал, например, каждое утро писать расписание на день и придерживаться его; вечером я читала «Метафизику» Аристотеля в оригинале на древнегреческом. Я была одновременно и пациентом психиатрической больницы и студенткой, и балансировала между обеими этими ролями, распределяя силы и справляясь с делами.

Но затем, как только четверть подошла к концу, я неожиданно оступилась. Непонятно почему, мне было сложно закончить мою последнюю работу в семестре. Я прочитала всю литературу, но мне было сложно что-либо сказать. Я начинала несколько раз, но каждый раз вынуждена была скомкать бумагу и швырнуть её на пол. Третье предложение, второй параграф, четвёртая страница – ничего не получалось. Я не могла соединить вместе все точки. Неудача, которую любой другой счел бы просто небольшим расстройством – может быть, просто отсутствием вдохновения - и изменил бы свои планы, например, отвлекся на пару дней, сходил в кино, попил пива, заставила меня потерять голову от страха. Неужели я возвращаюсь в прежнее состояние? Разве мы с доктором Хамильтоном

не справились с этим, разве амитриптилин не расставил всё на свои места? Было ли это просто химическим трюком? Я хотела ударить себя по голове чем-нибудь тяжёлым. Одна мысль о встрече с преподавателем для обсуждения моей работы заставляла меня безудержно рыдать. *Мне нечего сказать. Я неудачница. Это только вопрос времени, когда люди увидят, что я глупая. И сумасшедшая.*

Персонал Уорнфорда пытался предупредить меня о том, что я ещё не была готова оставить клинику, но я их не послушала – и теперь, казалось, всё, что я могла сделать - это смотреть, как в очередной раз всё начало выскользывать из моих рук. Я опять начала терять в весе, всего через несколько недель я похудела до сорока трёх килограммов. Я выглядела как жертва пыток.

Однако доктор Хамильтон не хотел обращать основное внимание на мой вес. Он чувствовал, что это был «отвлекающий манёвр» и что на самом деле со мной происходило что-то другое.

Я была безутешна. «Но что со мной? Почему я не могу есть? Это не анорексия? Я умру?»

Он сказал, что анорексия - это термин, который мог означать, что угодно. «Мы не будем тратить время на симптомы и ярлыки, Элин. Мы сконцентрируемся на том, как помочь вам справиться с работой. А для начала просто ешьте больше, хорошо?»

Его кажущийся простым подход к моей потере веса не особенно помог, но это не испортило моего отношения к нему. Он был такой умный, такой чувствительный, такой добрый. *Он знал меня, как никто другой, думала я, и он знал, что для меня лучше. Я выходила из его кабинета приободрённой до поры до времени – если он так думает, значит, это так – но как только я оказывалась снаружи, я как будто бы врезалась в стену реальности: всё шло очень и очень плохо. Я опять начала бормотать – Я плохая, я заслуживаю страданий. Люди говорят обо мне. Посмотри на них – они смотрят на меня. Они обсуждают меня.* Как бы ни было это похоже на паранойю, по крайней мере, это не было ею. Учитывая то, как я выглядела, было очень похоже, что люди действительно обо мне говорили.

За всё это время я ни разу не сказала родителям о моей болезни и о госпитализации. Я не хотела их волновать; и что ещё важнее, я не хотела, чтобы они обо мне плохо думали, что я была слабой или сумасшедшей неудачницей. Я хотела сама разрешить свои проблемы, и не позволить им просочиться в их жизнь. Но все тайное рано или поздно становится явным. Они сообщили мне, что едут в Париж – естественно, они ожидали, что я присоединюсь к ним, и мы проведём время вместе.

Несмотря на то, что я была тощей, как рельса, шарахалась от собственной тени, отказывалась говорить практически со всеми, и ходила, разговаривая сама с собой, я надеялась, что они ничего не заметят. То, что я верила, что мне это удастся, свидетельствовало о том, что я туго соображала. Но как только мы встретились, по их ошеломлённым лицам было понятно, что мне не удастся выйти сухой из воды.

Тем не менее, только после четырёх или пяти дней притворной жизнерадостности отец наконец-то постучал в дверь моей комнаты и сказал, что хотел бы со мной о чём-то поговорить.

«Мы с мамой очень сильно о тебе беспокоимся,» - сказал он. Я слышала напряжение в его голосе и видела, каких усилий ему стоило казаться относительно спокойным. «Мы попытались дать тебе возможность самой рассказать нам, что происходит, но ты молчишь. Мы так обеспокоены, Элин, мы не спим ночами. Пожалуйста, скажи нам, что происходит».

Я набрала воздуха в лёгкие, как для ныряния, и выпалила. «Я очень сожалею, что я не сказала вам,» - начала я. «У меня была депрессия в течение этого года».

Неужели на его лице читалось облегчение? Интересно было бы узнать, что они себе навоображали в течение этих нескольких дней. Неужто они обсуждали меня каждый вечер в своей комнате? «Ты так исхудала,» - сказал он. «Мы были убеждены, что у тебя рак».

«Нет, - сказала я, - только депрессия».

«Как они тебя лечат? - спросил он. – Они ведь тебя лечат, не так ли?»

Ну вот, началось. «Я была в психиатрической клинике».

Он выдержал паузу. «Они давали тебе лекарства? Сейчас ведь есть лекарства от депрессии?»

«Да, давали,» - ответила я. «Я не хотела их принимать, но, в конце концов, согласилась и они мне помогли».

Да, это точно было облегчением. «Пойдём, расскажем маме». Мы прошли, не разговаривая, в их комнату.

Мама сидела на краю стула, явно готовясь услышать страшную новость, которая, без сомнения, включала в себя мою неминуемую смерть. Когда я рассказала ей, что со мной происходило (хотя и в том же укороченном, отредактированном варианте правды, которым я поделилась с отцом), она сначала вздрогнула от известия, но расслабилась, услышав о лекарствах. Была проблема, было решение этой проблемы, и всё было в порядке. Разговор окончен. Личная жизнь и достоинство каждого остались неповреждёнными. А раз так, то куда мы пойдём на ужин? «Элин, тебе просто надо больше есть».

То, что произошло между нами, не успокоило меня, но, по крайней мере, мои самые худшие ожидания не оправдались. Они не отреклись от меня, не сказали мне, что я была неудачницей, не обвинили меня в том, что я проявила слабость, принимая лекарства. По сути, они были ко мне добры, заботливы, поддержали. Но я была таким ужасным разочарованием для самой себя. Как же я могла не быть разочарованием и для них?

На протяжении оставшихся дней нашей парижской поездки мои родители заставляли меня есть. Возьми кусочек этого, отведай того. И, вежливо как только могла, я притворялась,

что пробую это, беру кусочек того, но, по правде говоря, я продолжала сопротивляться. *Я плохая. Только хорошие люди заслуживают пищи. Я заслуживаю того, чтобы голодать. Я заслуживаю пыток. Голод – подходящая пытка для меня.*

После моего возвращения из Парижа в Оксфорд ситуация ухудшилась. Я чувствовала себя вынужденной вернуться к своему первому преподавателю, потому что хотела учиться у лучшего педагога. Но это было полной катастрофой. Его манера поведения казалась мне холодной, даже презрительной; мне казалось, что у него было очень низкое мнение обо мне. Я чувствовала себя обречённой. Я не могла сосредоточиться. Я не писала. Я не спала, я не ела. Я не мылась.

Я проводила всё больше и больше времени, лопоча тарабарщину себе под нос, беспокойно расхаживая по улицам Оксфорда, воображая, что люди говорят обо мне. Во время своих прогулок я рассказывала самой себе о том, что происходит: *Сейчас она идёт вниз по улице. Она уродлива. Люди смотрят на неё. Людям нельзя доверять. Будь осторожна. Будь бдительна. Они причинят тебе боль. Лицо вон того мужчины только что превратилось в лицо чудовища. Будь незаметной. Не позволяй им увидеть тебя.*

Были и фантазии.

Доктор Хамилтон застаёт меня в постели, истощённую и в полном замешательстве. Я неделями не могла встать с постели. Он очень добр и заверяет меня, то он может помочь. Я хочу верить, что он может мне помочь. Он помогает мне встать с постели, но даже с его помощью я еле хожу. Я слишком слаба. Я слаба.

Мысли о самоубийстве навалились на меня быстрым потоком, вместе с яркими фантазиями о том, как я это сделаю. Брошусь в реку. Подожду себя. Меня особенно привлекало последнее. Я, в конце концов, была ведьмой: быть сожжённой на костре казалось особенно подходящим. Это было именно то, чего я заслуживала.

Между тем я рассказывала доктору Хамилтону часть того, что происходило в моей голове. Он ведь ясно сказал, что не хотел рыться в тёмной стороне моей личности – а раз я всё ещё отчаянно пыталась угодить ему, как я могла рассказывать ему нечто настолько уродливое? *Пожалуйста, любите меня. Пожалуйста, желайте помочь мне. Пожалуйста, не испытывайте ко мне отвращения.* Он постоянно уговаривал меня есть больше – и потом предложил (или согласился с моим предложением, я уже не помню, как это было), что, может быть, пора поменять те лекарства, которые я принимаю. Может быть, это лекарство меня подвело, а не я сама.

Едва я переварила эту новость, как он мягко предложил, что мне не следует слишком зависеть от него, что нам пора встречаться пореже – раз в две недели.

Я была в ужасе. Мне нужно было больше терапии, а не меньше – даже в разгаре моего ухудшающегося состояния, я знала, что это было так. Я также была озадачена: практически он сокращал вдвое время наших встреч. Может, таким способом он

отказывался от меня? Может, я настолько его разочаровала? В конце концов, доктор Хамилтон объяснил, что его переводят в другое отделение со следующего месяца. То есть новость была ещё хуже, чем я думала: он совсем не сможет меня лечить.

Я пыталась зацепиться за логику его объяснения, но ощущала только чувство потери. Именно доктор Хамилтон вывел меня из тёмного леса в прошлый раз – как мне выбраться из леса теперь? Ко времени нашего следующего приёма моё состояние сильно ухудшилось: я еле-еле могла говорить, я не могла смотреть ему в глаза.

Много лет спустя, когда я получила свою медицинскую карту из Уорнфорда, я прочитала, что доктор Хамилтон записал после моего приёма в тот день: «Ужасно выглядит».

Он спросил, не думала ли я о самоубийстве.

«Да». Сгорбившись, глаза в пол. *Не смотрите на меня, не смотрите на меня.*

«Вам нужно вернуться в больницу, Элин. Прямо сейчас».

Итак, восемь месяцев спустя после моей первой госпитализации – когда я тешила себя тщетной надеждой на быстрое исцеление и решала задачку с двумя поездами «я студентка или я сумасшедшая?» – обессиленная, я вернулась в Уорнфорд на свою вторую госпитализацию, теперь уже «официально» в качестве одной из вернувшихся пациентов. Моя регистрационная запись весьма красноречива: «Худая, высокая, курит без остановки, подавленная, временами смеётся без причины, производит впечатление физически и умственно отсталой».

Я себя ненавидела.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Все первые долгие часы моего второго пребывания в Уорнфорде я простояла в одиночестве в общей комнате, раскачиваясь взад-вперед и обхватив себя руками, как рукавами смирительной рубашки, укачивая себя, как мать, успокаивающая обезумевшего ребёнка. Сама монотонная регулярность движений меня успокаивала. Тошая, как скелет, грязная и бормочущая тарабарщину себе под нос – и беспрестанно раскачивающаяся – я соскальзывала всё глубже и глубже внутрь себя с каждой уходящей секундой. Врачи, работники клиники и другие пациенты входили и выходили из комнаты, ходили вдоль по коридору: едва ли я их видела или слышала, и уж точно, что до них мне не было никакого дела.

Наконец, медсестра осторожно подошла ко мне и встала прямо передо мной. «Элин, кажется, ты очень возбуждена». - сказала она тем нарочито выдержанным тоном, которым обращаются к животному, жующему собственную ногу. «Я бы хотела, чтобы ты встретила с дежурным врачом».

Я потрясла головой, и комната закружилась вокруг меня. «Нет. В этом нет необходимости». - пробормотала я. – Я в порядке. Но всё равно, спасибо».

Как только она быстро вышла из комнаты в поисках врача (моя самодиагностика явно не вызвала её доверия), я также быстро направилась в противоположном направлении, вышла на улицу и стала бродить по двору клиники. Был январь – холодный, сырой и промозглый, со светлыми пятнами изморози на земле. Я была одета только в джинсы, футболку и кроссовки, и продрогла до костей; но при данных обстоятельствах мне было бы так же холодно и в пуховике, шерстяной шапке и тяжёлых зимних ботинках.

У меня подкосились ноги, и я медленно повалилась на землю. Так я там и оставалась, свернувшись калачиком, в течение, как казалось, вечности. Что со мной происходило? Почему это произошло? И кто сможет мне помочь? Но никто не пришёл. *Никто никогда и не придёт*, подумала я. *Я никчёмная, я даже не могу контролировать собственный разум. Зачем кому бы то ни было меня спасать?* В конце концов, я собралась с силами и, усталая, пошла внутрь, бродя по зданию, спотыкаясь, пока кто-то не показал мне место, где я должна была спать. Насколько я помню, я так и не повстречалась с врачом в тот вечер.

На следующий день я встретила с группой с полдюжину врачей для, как это называлось, входящего осмотра. Встреча проходила в очень большом и наводящем страх кабинете. К

моему облегчению, я увидела доктора Смит, которая, узнав меня, успокаивающе улыбнулась. Затем начался допрос.

«Вы очень худая, Элин. Не могли бы вы нам сказать, почему вы так истаяли?»

«Я думаю, что принимать пищу – это ошибка,» - сказала я им. «Поэтому я не ем».

«Но почему?»

«Еда – это зло,» - сказала я. «И в любом случае, я её не заслуживаю в любом количестве. Я тоже зло, а еда будет меня питать. Разве имеет смысл питать зло? Нет, не имеет».

После ещё нескольких серий вопросов врачи со всей предупредительностью объяснили мне свои рекомендации. В Англии рекомендации по лечению - именно рекомендации. Уйти из больницы, остаться в ней, принимать медикаменты, участвовать в групповых занятиях или нет – они никогда меня не будут заставлять силой, каждый раз это будет моим решением. Даже в своём наиболее безумном состоянии я поняла это как проявление уважения. Когда вы действительно безумны, уважение - как спасательный круг, который кто-то вам бросает. Если вы его поймаете – есть шанс, что вы не утонете.

Для начала они хотели, чтобы я опять стала принимать амитриптилин; я согласилась. Далее, они хотели, чтобы я осталась в больнице на некоторое время – как долго, они не были уверены. Мне это тоже подходило; как ни одурманена я была, я знала, я не могу сейчас быть вне стен больницы. Но когда они предложили, чтобы я оставила Оксфорд после выписки – и поинтересовались, не будет ли лучше позвонить моим родителям и сообщить, что со мной происходило – они перешли границу.

Я обрушилась на них в полную силу.

« Я *останусь* в Оксфордском Университете. Я получу свою степень по античной философии. Я не вернусь в Соединённые Штаты, пока не закончу академическую работу. И ни при каких обстоятельствах вы не должны контактировать с моими родителями». Это была наиболее разумная речь, из всех, что мне удавались за последние недели; не знаю точно, откуда она взялась, но она меня вымотала. И, на удивление, врачи согласились на мои условия.

Весьма возможно, мне надо было захотеть или почувствовать необходимость в том, чтобы мои родители знали, в каком я состоянии. Может быть, меня задело, что они, казалось, не особенно-то обращали внимание на моё здоровье после нашей совместной поездки в Париж, после моего «признания» в моих проблемах. Но и я сама не делала ни шага им навстречу. Мой брат Уоррен, живший в Париже в то время, навестил меня в Оксфорде, но я заставила его поклясться, что он не скажет родителям, как плохи были мои дела. Раз в неделю я ходила к телефонной будке, что была в нескольких минутах ходьбы от больницы, и оттуда звонила им во Флориду (звонок оплачивался получателем). Разговоры были всегда короткими, даже слишком, но очевидно, даже их было достаточно, чтобы не поднять тревоги. Вот сценарий разговора с моей стороны: «У меня всё хорошо, учёба идёт хорошо, а как вы там?» Помимо этого говорили, в основном, мои родители, а я просто

облокачивалась на стену телефонной будки в течение всего разговора, отвечая, где следовало, в основном односложными словами. Пока я наблюдала за разрушением всего, что мне дорого, я, тем не менее, билась за то, чтобы худо-бедно отстоять *себя*. Что бы это ни было, с чем бы я ни боролась, это было моей проблемой; я найду способ её разрешить и без родительской помощи или их порицания.

Моё второе пребывание в Уорнфорде совпало с переводом доктора Хамильтона в другое отделение. Хотя я знала, что это случится, я не могла справиться с тревогой и печалью во время нашей последней встречи, когда он представил меня доктору Барнс, молодой женщине, которая будет меня лечить. «Я зайду попрощаться перед тем, как уйти, Элин,» - пообещал доктор Хамильтон. «Просто проведать вас и проверить, как ваши дела».

Он меня и вправду оставил; передача моих дел его преемнице не оставляла в этом никаких сомнений. И хотя он был всего лишь в нескольких комнатах дальше по коридору, он мог с таким же успехом уехать за океан, поскольку его перевод не позволял ему поддерживать никаких отношений со мной. Что ещё хуже, обещанный им прощальный визит так и не состоялся. Он не вернулся. Когда я думала о нём, я думала, что моё сердце разорвётся.

В отличие от моей первой госпитализации, в этот раз я была совершенно не способна принимать участие в том, что происходило в отделении; групповые занятия, которые, казалось, раньше приносили хоть какую-то пользу - как, например, правильно накрыть обеденный стол - теперь были совершенно бесполезны. У меня болела голова, болели руки и ноги, болела спина; во мне не осталось ничего, что бы не причиняло боли. Мой сон был опять настолько нерегулярным, что я была всё время изнурена и не могла сосредоточиться – да какая, к чёрту, разница для меня, где были ложки и вилки - справа или слева от тарелки? Вместо этого меня притягивала музыкальная комната, где я проводила бесконечные часы, слушая классическую музыку. Иногда ко мне присоединялась чуть грузная женщина старше меня лет на десять. Как и я, она почти не разговаривала, изредка роняла слово-другое о своей матери, умершей много лет назад. Когда она говорила, речь ее была не слишком содержательна – у неё была «обеднённая речь», как это называют психиатры. Всё же нас объединяло какое-то товарищество; музыка Моцарта или Брамса успокаивала и умиротворяла нас. На особенно волнующих моментах наши глаза встречались и мы, бывало, кивали друг другу в знак понимания.

Другие пациенты, казалось, меня боялись – или может быть, каждый день при виде меня, сидящей с лицом, спрятанным в ладонях, они думали, что будет лучше оставить меня в покое. Растрёпанный молодой человек из Оксфорда, которого я сначала встретила в амбулатории, тоже был в этой палате, в гораздо худшем состоянии, чем раньше; он верил, что он был младенцем: его рвало после каждой еды и он лепетал бессмысленные слоги. *Это же будет и со мной, думала я. К этому я иду.*

Однажды к нам в отделение был принят мужчина средних лет приятной наружности, но он очень быстро исчез. Я позже узнала, из бесцеремонного комментария одного из сотрудников, что моя внешность произвела на него особенно жуткое впечатление. После

этого он отказался оставаться в больнице на ночь, согласившись только на амбулаторное лечение и отказавшись быть вместе с такими больными людьми, как я. Казалось, в Уорнфорде существовала иерархия страха: более тяжелые больные выбивали из колеи меня; я, в свою очередь, выбивала из колеи менее больных пациентов.

Какое-то время я дружила с женщиной по имени Люсинда. Она была моего возраста и боролась с анорексией. Больница поставила её на бихевиоральную (поведенческую) систему, по которой, если она не набирала определённого веса к назначенному дню, она должна была провести этот день в постели. Я тоже была очень худой, но мои доктора решили, что моя потеря веса была из-за моего основного диагноза (тяжёлая депрессия), а не из-за анорексии. Люсинду одно время лечил доктор Хамильтон, и как-то она сказала мне, что она очень его невзлюбила. Это меня изумило. Как мог кому-то *не нравиться* доктор Хамильтон?

Через месяц после моего поступления сотрудники больницы перевели меня из отдельной палаты в общую спальню с десятком или больше других пациентов, объяснив с классической британской сдержанностью, что я «оставалась наедине сама с собой» слишком много времени, и что, может быть, компания других пациентов вернет меня обществу. Переезд не дал желаемого эффекта – я просто удалилась в туалет, где проводила часы напролет, сидя на полу, куря, раскачиваясь вперёд-назад и тихо ноя себе под нос. Туалеты иногда были грязными, какими могут быть туалеты в психиатрических клиниках, но мне было всё равно. Всё, что я хотела, это быть в одиночестве. Если для этого нужно было сидеть на полу и прислоняться к стенам с пятнами человеческих испражнений, то так тому и быть.

Когда-то было время в моей жизни, когда мысли были чем-то желанным, и я над ними сидела, как над любимыми книгами. Просто рассеянно *думать* о разном – о погоде, о будущем, о теме моей следующей письменной работы, которую мне надо было написать для следующего занятия, о друге, которого я собралась пригласить на чашечку кофе – это всё казалось таким простым, таким само собой разумеющимся. Но теперь мысли врывались в мой разум канонадой камней, которыми кто-то швырял в меня – яростные, разгневанные, с зазубренными краями, и неконтролируемые. Я не могла их вынести, я не знала, как защитить себя от них, и в эти моменты не выносила чье-либо присутствие. *Ты кусок дерьма. Ты не заслуживаешь быть рядом с другими людьми. Ты ничто. Другие люди это увидят. Они будут тебя ненавидеть. Они будут тебя ненавидеть и захотят причинить тебе боль. Они могут сделать тебе больно. Они сильные. Ты слабая. Ты ничто.*

Доктор Барнс работала со мной очень усердно. На наших встречах её стиль работы был серьёзным и настойчивым, как будто мы были археологами, вместе докапывающимися до правды. Но между нами не было симпатии. Мне её манера поведения казалась формальной, несколько сухой, даже чёрствой, и вероятно, я тоже вселила в неё беспокойство – она явно чувствовала себя неловко, когда в кабинете были только мы

вдвоём. Я ей не доверяла, и уж конечно, не верила, что она знает, что со мной делать. *Бесполезно, бесполезно.*

Конечно, на самом деле не имело значения, была ли компетентной доктор Барнс, принимая во внимание, насколько строго я ее судила, сравнивая с доктором Хамильтоном и находя много недостатков. Я очень по нему скучала и часами стояла в дверях моей палаты, безмолвно раскачиваясь, надеясь хотя бы мимолётно увидеть его в коридоре, идущего на приём или возвращающегося с приёма.

Я была удивлена, обнаружив, что у меня есть товарищ по этой одержимости, другая пациентка, лет двадцати-тридцати. Я слышала, что доктор Хамильтон лечил её в течение долгого времени и что у нее, как и у меня, был сильный положительный трансфер (перенос) на него – фактически, она явно в него влюбилась. Она была амбулаторной пациенткой и находилась в отделении с восьми утра до восьми вечера. Её считали одной из самых беспокойных пациенток. Однажды ночью, дома, она внезапно побрила голову наголо по никому не понятной причине. Хотя она не разговаривала (по крайней мере, со мной), у нас было больше общего, чем одержимость доктором Хамильтоном; она тоже проводила большую часть времени, раскачиваясь на одном месте.

Как-то после того, как доктор Хамильтон ушёл из нашего отделения, моя подруга по несчастью казалась ещё более возбуждённой, чем обычно. Весь день я наблюдала, как она исступленно расхаживала по коридору. На следующее утро моя подруга по музыкальной комнате небрежно сообщила мне, что эта женщина повесилась прошлой ночью. Я была ошеломлена, как тоном моей подруги, так и новостью, которую она так спокойно мне передала. Я подумала, что эта пациентка убила себя из-за доктора Хамильтона. Почему персонал ничего не сделал? Почему я ничего не сделала? Неужели же никто не понимал, что на её месте могла быть я?

В своем тумане изоляции и молчания я начала чувствовать, что я получала команды к каким-то действиям – например, пройти в одиночку по покинутым подземным ходам больницы. Происхождение команд было неясным. В моём воображении они исходили от неких существ. Не от реальных людей с именами или лицами, а от бесформенных могущественных созданий, которые контролировали меня с помощью мыслей (*не голосов*), помещённых в мою голову. *Пройди через подzemелье и раскайся. А теперь ляг на землю и не двигайся. Ты должна быть неподвижной. Ты зло.* Эти команды имели мощное воздействие на меня в течение тех ночей и дней. Мне никогда в голову не приходило, что я могла не послушаться, хотя никогда не было понятно, что может случиться, если я ослушаюсь. *Я не определяю правила. Я просто им следую.*

В старых подземных туннелях было тихо и темно. Но там было безопасно и достаточно светло, чтобы найти дорогу. Воздух был сырым и затхлым, и хотя я не могла слышать ни звука из оживлённых помещений госпиталя надо мной, я ощущала присутствие здания – часто казалось, что оно тяжело охает. Интересно было бы узнать, сколько сотен, может быть, тысяч пациентов здесь было. И что с ними случилось.

Другой командой (или мыслью, или посланием), которую я регулярно получала, было сделать себе больно. Причинить себе боль, потому что это было всё, чего я была достойна. Поэтому я жгла себя – сигаретами, зажигалками (которые было легко раздобыть – в то время все курили, как и я), электрообогревателями, кипящей водой. Я обжигала себя в тех местах, которые, я была уверена, другие никогда не увидят. Я делала это в туалете, когда там никого не было, в подземелье или на улице, на территории клиники. Однажды в музыкальной комнате, когда я пыталась, как могла, поджечь свой носок, одна из служителей проходила мимо, увидела, что я делала, и мягко меня остановила.

В действительности, многие из персонала знали, что происходит; ведь они перевязывали мои раны, смазывали мазью мои ожоги, записывали в своих отчётах, когда и где они были сделаны. «Разве вас не волнует» - , спросил один из них во время очередной перевязки, - «что летом, когда вы будете в купальном костюме, эти шрамы будут видны?»

«Я не думаю, что вы понимаете,» - сказала я терпеливо. Я чувствовала и думала, что не переживу этот год. «Меня не заботят будущие купания или как я буду выглядеть в купальном костюме».

Персонал и доктор Барнс знали об этом, но, поскольку я не говорила им правды, у них не было возможности узнать или понять, почему я это делала. И я ни за что не могла бы им сказать, что движущая сила моего поведения, командный импульс, хотя и не мой, исходил из моей головы; кто-то другой отдавал мне приказы. Я боялась, что персонал будет надо мной смеяться – и как ни испугана я была, возможность стать посмешищем пугала меня ещё больше. Оглядываясь назад, я понимаю, что это был обман, который мог стоить мне жизни, примерно то же самое, как из смущения утаивать периодические боли в груди от своего кардиолога. Это утаивание информации было моей ошибкой, а не их.

Почти четыре месяца в госпитале прошло таким образом, и мне не становилось лучше; по правде, мне было только хуже. В двадцать один год я была настолько уверена, что я скоро умру, что я отказывалась обсуждать что-либо, касающееся моего будущего. Я проводила почти всё время одна в музыкальной комнате или туалете, нанося себе ожоги или стеновая и раскачиваясь, обнимая себя, как бы защищаясь от невидимых сил, которые могут мне навредить. Когда я была способна хоть как-то двигаться, я бродила по подземельям больницы.

Хотя они знали, что моё здоровье не улучшилось, доктора Уорнфорда начали предлагать мне выписаться из больницы. Может быть, они поняли, что их подход не сработал. Поэтому они послали меня к доктору Антони Сторру, известному психиатру и психоаналитику, который консультировал в Уорнфорде.

Вначале мы вместе с доктором Сторром прошли через обычный ряд вопросов-ответов, но было некоторое отличие как в самом докторе, так и в его беседе со мной – он, казалось, схватывал все на лету в отличие от тех врачей, к которым я привыкла, и был неподдельно

заинтересован в том, чтобы узнать всё, что было у меня на уме. Я осязаемо ощущала, что меня действительно слушают, а не оценивают. И поэтому, вместо того, чтобы держать мои самые тёмные мысли при себе, как я делала с доктором Хамильтоном, я рассказала доктору Сторру всё, ничего не упустив и не редактируя. Его глаза не округлились от удивления или ужаса; он не цокал языком, не качал головой в тревоге. Он просто наклонился вперёд, смотрел мне в глаза и внимательно слушал, не дрогнув, ловя каждое моё слово.

Последовавшие рекомендации доктора Сторра были не только простыми, но они были совершенно противоположными тем, которые были сделаны докторами, которые четыре месяца назад предложили мне оставить университет и лечь в больницу. «Твой разум очень болен, - сказал он мягко, - ему нужны специальные упражнения, чтобы помочь излечению - такие же, какие я бы рекомендовал в случае болезни тела. Это означает возврат к работе, которую вы любите. Она делает вас счастливой, она даёт вам цель, она требует усилий. И поэтому вам нужно остаться в Оксфорде и продолжить свою программу обучения».

Я была вне себя от радости и почувствовала облегчение. Он не только выслушал, он ещё каким-то образом и *увидел* меня.

«Но есть небольшая загвоздка, - сказал он, и я задержала дыхание. – Вам нужны интенсивные терапевтические беседы. Интенсивные, Элин. Неукоснительные, зачастую трудные, и ежедневные – если это возможно организовать. И не на короткий срок - на долгое время. На всё обозримое будущее. Вы понимаете, что я вам говорю?»

Да, да, да, я согласна на всё, что вы скажете. Я уверена, что я кивала, как марионетка. Если бы в этот момент он сказал: «Я рекомендую, чтобы вы ходили босыми ногами по разбитому стеклу каждый день в течение часа,» - я бы с радостью это сделала.

Доктор Сторр быстро написал список пяти психоаналитиков, которые могли бы со мной заниматься, но некая Элизабет Джоунс была единственной в этом списке, у кого было время немедленно начать занятия.

Я повторяла её имя. *Элизабет Джоунс, Элизабет Джоунс.* Я отчаянно надеялась, что это Элизабет Джоунс поможет мне вернуть то, что осталось от моей жизни.

Я приехала в Оксфорд целеустремленной и даже идеалистической молодой женщиной. Я хотела встретить новых друзей; я хотела, чтобы меня любили. Я хотела учиться тому, что я любила, делать успехи, получить степень и присоединиться на полных правах к сообществу учёных, которое я так уважала. Но ничто из этого не осуществилось. За все мои усилия я заработала только стигму душевнобольной. Много лет спустя, слова в отчёте доктора Сторра кажутся провидческими: *«Для такой личности – либо анализ, либо ничего».*

Кабинет Элизабет Джоунс был собственно комнатой на втором этаже её типичного старого и немного старомодного оксфордского дома, построенного более ста лет назад. Сама миссис Джоунс, поприветствовавшая меня на пороге, была высокой, ширококостной

и величавой, в длинном цветастом платье, которое касалось носков её туфель. Она была, бесспорно, самой некрасивой женщиной, которую я когда-либо видела.

«Здравствуйте, доктор Джоунс. Меня зовут Элин Сакс». - услышала я свой голос, как будто идущий со дна колодца. Мои руки были потными и дрожали; меня раздирали надежда, что она сможет помочь мне, и страх, что она не сможет. Или, может, даже не захочет.

«Пожалуйста, проходите,» - любезно сказала она. «Давайте присядем и поговорим. Между прочим, я психоаналитик, Элин, я не врач. Пожалуйста, называйте меня миссис Джоунс.»

Не врач? Я встревожилась; она знает, что она делает? И если нет, то что мне оставалось? Я не уверена, что у меня был другой выбор.

Миссис Джоунс провела меня в маленькую гостиную, в зелёных и коричневых тонах. Комната не была захлавленной, но и не была чистой и опрятной. Позже я узнала, что у неё был второй офис (во втором доме) в Лондоне; этот, в Оксфорде, был скромным и явно жилым. Я посчитала это приглашением на её частную территорию, что дало мне основание думать, что я могу ей доверять.

Как только миссис Джоунс и я сели, она объяснила мне, как работает психоанализ. После моей выписки из больницы (через несколько недель) мы будем встречаться три раза в неделю. Когда в её расписании появятся два других окна, тогда я буду приходить к ней пять раз в неделю, платя ей по восемь фунтов за каждый сеанс – приблизительно эквивалент двенадцати долларов в конце семидесятых. Психоаналитик такого же калибра в Штатах стоил бы мне во много раз больше. Она установила только одно правило для нашей совместной работы: я должна была рассказывать ей всё, что приходило мне в голову, каким бы щекотливым, постыдным, банальным или неуместным это ни могло казаться. За все годы, что мы проведём вместе, я нарушу это правило только один раз: я никогда не сказала миссис Джоунс, какой некрасивой она мне казалась.

Три недели спустя я выписалась из Уорнфорда. Мой официальный прогноз: «Очень плохо». Я вернулась в общежитие и к занятиям после четырёхмесячного отсутствия. Ни один из моих однокурсников не справился о том, где я была.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Я приковыляла в кабинет Элизабет Джоунс в отчаянном броске за спасением, и так начался один из самых необычайных периодов моей жизни. Временами это был полный ад. Работа, которую я начала с миссис Джоунс, не была «психологическим консультированием» или «терапией» в том смысле, в каком это понимают или испытывают на себе многие американцы. Нет, это были терапевтические беседы, очень плотные, очень интеллектуально требовательные, требующие усилий и преодоления и выбивающиеся из общего ряда: клейнианский анализ - это метод лечения, основанный на работах Зигмунда Фрейда.

Фрейд разработал модель сознания, а также метод лечения на основе концепции человеческого «бессознательного» - идеи о том, что мы все думаем, чувствуем и делаем по причинам, которые не полностью осознаём. Он верил, что бессознательное было «кипящим котлом инстинктов», наполненным примитивными силами, воюющими друг с другом; силами, которые буквально понуждали нас к действию. Центральным в теории Фрейда о психоанализе были интенсивные отношения между психоаналитиком и пациентом. Из этих отношений развивается «перенос»⁷ – название, данное Фрейдом тем

⁷ **Перенос** (или **Трансфёр** от [англ. transference](#)) — психологический феномен, заключающийся в бессознательном переносе ранее пережитых (особенно в детстве) чувств и отношений, проявлявшихся к одному лицу, совсем на другое лицо. Например, на психотерапевта в ходе [психотерапии](#)

интенсивным чувствам, верованиям и отношениям, которые пациент бессознательно вспоминает из своей ранней жизни, и затем направляет их на психоаналитика. Именно этот перенос и был предметом анализа; он представлял собой сырой материал, который будут годами копать психоаналитик и его пациент. У Фрейда имелись сомнения о том, чего может достичь психоанализ в случаях психоза. Он считал, что психоз был слишком нарциссичен, слишком направленным внутрь себя, чтобы позволить пациенту развить отношения переноса в отношении психоаналитика, а без переноса у психоаналитика не будет зерна для помола в психоаналитической мельнице. На тот момент никто не поставил мне диагноз «шизофрения»; собственно и слово «психоз» ещё не было упомянуто. Всё же я была в депрессии, я вела себя странно, и люди сильно подозревали, что я была помешанной. К тому времени я прочитала достаточно трудов Фрейда, чтобы знать, что с этими новыми психоаналитическими отношениями я пускалась в неизведанные и, возможно, беспокойные воды.

Как бы там ни было, Элизабет Джоунс была «клеянианкой»⁸ – она практиковала одно из отпочковавшихся направлений фрейдовского психоанализа, разработанное Мелани Кляйн, австрийским психоаналитиком, которая иммигрировала в Лондон в конце 1920-х. В отличие от Фрейда (и позже его дочери Анны), Кляйн верила, что людям, страдающим от психоза, мог помочь психоанализ, и что необходимый перенос будет осуществлен. По её теории, психотические личности полны (или даже руководимы) сильнейшей тревогой, а способ достичь облегчения – это сфокусироваться напрямую на глубинных источниках этой тревоги.

Поскольку почти все наши тревоги происходят из очень примитивных (читай – детских) фантазий о частях тела и функциях тела, непосредственный характер клейнианских интерпретаций требует использования тех же формулировок, в которые облечены фантазии пациента. Для этого клейнианские психоаналитики используют те же самые слова и образы, что и пациенты – и в результате, психоаналитики - клейнианцы кажутся такими же чокнутыми, как и их пациенты. Это простое, но зачастую поразительное обменное взаимодействие между доктором и пациентом действует иногда как стрела, пущенная прямо в цель – а именно в то, что вызывает дисбаланс в психике пациента. Если стрела попадает, она пронзает мишень; иногда результат напоминает внезапно открытый клапан, из которого вырывается наружу долго сдерживаемый пар.

⁸ Мелани Кляйн (Melanie Klein, 1882- 1960) - является одной из наиболее известных и ярких фигур психоаналитического движения.

⁸Ее смелые и оригинальные подходы к анализу детей, анализу взрослых пациентов, страдающих серьезными психическими расстройствами (психозами), ее теоретические идеи о нормальном и патологическом развитии личности и межличностных отношений человека снискали заслуженное уважение и широкое признание и, одновременно, возбудили и продолжают возбуждать многочисленные споры, критику, иногда весьма жесткую, а подчас и полное неприятие и отвержение в психоаналитических кругах.

Центральный принцип как классического, так и кейнсовского анализа состоит в том, что лечащий врач-психоаналитик должен оставаться фактически анонимным для пациента – он не может отвечать на вопросы о себе, иметь семейные портреты на стенах, сказать вам, в какую школу он ходил или куда собирается в отпуск. В действительности вы даже не видите вашего психоаналитика во время сеансов психоанализа. Вы не видите, как он выглядит, когда реагирует на вас и на ваши слова. Вы на кушетке. Этому есть простая причина: если психоаналитик является «чистым листом бумаги», то черты, которые пациент ему приписывает, происходят от самого пациента, а не от врача. Вот тогда и развивается перенос, и пациенту становится лучше видно, как работает его собственный разум. И именно в это путешествие и, в идеале, за этими результатами мы отправились вместе с Элизабет Джоунс.

Хотя я никогда практически ничего не знала о жизни миссис Джоунс, я узнала многое о ней по тому, как она реагировала на меня в комнате, где мы проводили наши сеансы: с терпимостью, терпением и пониманием. Её голос был спокойным и успокаивающим; её явно нелегко было испугать. В то же время она была чрезвычайно сопереживающей и безжалостно честной. Она также была первой женщиной - квалифицированным профессионалом, с которой я познакомилась.

Во время моих сеансов с миссис Джоунс я шептала – потому что я была уверена, что люди в соседнем доме или в доме через дорогу могут услышать мои слова. Вскоре те же мысли, что начались в Уорнфорде (например, что небесные создания контролировали мое сознание и готовы были причинить мне боль) опять заняли центральное место в моей голове. Я бормотала несусветную чушь, бессвязные слова и рифмы, которые повергали меня в глубокий стыд по мере того, как я произносила их вслух. Я не хотела, чтобы миссис Джоунс их слышала, несмотря на правило «говорить всё».

Я: «Они вмешиваются в зародыши. Они думают, что это мы, поскольку правда есть Бог. Голоса ушли, скиния, из границы времени. Время. Время слишком низко. Ниже рокота. Телевидение надо мной насмехается. Герои смеются надо мной. Они думают, что я неудачница и заслуживаю страдания. Каждый зритель это знает. Телевидение рассказывает историю моей жизни».

Больничные врачи держали со мной дистанцию, и вели себя довольно официально в общении со мной; казалось, они были больше заинтересованы в том, чтобы давать мне советы– «Элин, ешьте больше!» - чем в попытках разобраться, что же происходило в моей голове. Миссис Джоунс была совсем другой. Благодаря своему образованию и практике она была хорошо подготовлена к встрече со мной, и она перешла сразу к сути проблемы, при этом не щадя, ни моих чувств, ни моих представлений о том, как должны разговаривать истинные британские матроны.

Миссис Джоунс: «Расскажите мне о ваших трудностях в университете».

Я: «Я недостаточно умна. Я не справляюсь с обучением.»

Миссис Джоунс: «Вы были лучшей в классе в Вандербильте. Сейчас вы расстроены из-за учебы в Оксфорде, потому что вы хотите быть лучшей в классе, и боитесь, что не можете этого достичь. Вы чувствуете себя куском дерьма из задницы вашей матери».

Я: «Я сейчас задерживаю здесь занавески, потому что люди через дорогу смотрят на меня. Они могут слышать, что я говорю. Они рассержены. Они хотят причинить мне боль».

Миссис Джоунс: «Вы переносите свои чувства гнева и неприязни на этих людей. Это вы рассержены и все подвергаете критике. И вы хотите держать под контролем всё, что происходит здесь».

Я: «А я и держу под контролем. Я контролирую мир. Мир зависит от моей прихоти. Я контролирую мир и всё в нём».

Миссис Джоунс: «Вы хотите чувствовать себя хозяйкой положения, потому что вы, на самом деле, чувствуете себя беспомощной».

Я: «Мне снился сон. Я делала мячи для гольфа из зародышей».

Миссис Джоунс: «Вы хотите убивать младенцев, видите ли, а потом делать из этого игру. Вы завидуете другим детям. Завидуете своим братьям, завидуете другим пациентам. Вы хотите убить их. И потом вы хотите обратить их в маленькие мячи, чтобы вы могли погасить их ещё раз. Вы хотите, чтобы ваша мама и я любили только вас.»

Хотя то, что говорила мне миссис Джоунс, не всегда мне нравилось (чаще ее слова были пугающими, и заставляли меня врасплох), её присутствие в комнате было реальным. Таким спокойным, рассудительным, несмотря на любые диковинные слова и образы, которые выдавали либо я, либо она сама. Не важно, что я говорила ей, не важно, насколько это было отвратительным или ужасным, ее ни разу не оттолкнули мои слова. Для неё мои мысли и чувства не были хорошими или плохими, правильными или неправильными; они просто были.

Должно быть, в Оксфордском кампусе я производила странное впечатление. Я отправлялась на встречи и возвращалась с них в одиночестве, всё еще периодически бормоча себе под нос, всё ещё допуская оплошности (и значительные) в уходе за собой, забывая есть, настолько худая, что казалось, сильный ветер мог меня унести. И всегда, всегда нагруженная большой сумкой с книгами. В сумке, конечно же, были мои учебники и книги, нужные для моих занятий, но не только они. Книги по психиатрии, патопсихологии, книга про суицид, рекомендованная доктором Хамильтоном несколько месяцев назад, книга доктора Сторра по типологиям личности, которые лежали в основе психических расстройств («депрессивный» и «параноидный» были два типа, которые особенно резонировали со мной).

Потому что, странная вещь, я не думала, что была особенно сумасшедшей (что я была сумасшедшей), или что то, что я часто думала или чувствовала, было единственным в своём роде и принадлежало только мне. Напротив, я пришла к убеждению, что все мыслили и чувствовали то же самое, так же ощущали внешние силы или злую энергию,

которые заставляли их совершать зло или причинять вред. Разница была в том, что все они знали, как этим управлять, как это скрывать, как это контролировать, потому что таковы были требования общества. У них и сила воли была сильнее, и навыки управлять этим были лучше, чем у меня. Они знали, как держать своих демонов под контролем, а я нет. Но, возможно, я смогу научиться.

По мере того, как я посещала всё больше сеансов миссис Джоунс, я стала привыкать к разматыванию клубка странностей, порожденных моим разумом, и моя паранойя начала изменяться. Хотя безымянные, безликие небесные создания по-прежнему властвовали над моими страхами и мыслями, конкретные люди в моей повседневной жизни стали казаться мне не такими страшными и более контактными. Они больше не были безликой, несущей угрозу массой, существующей только для того, чтобы строго судить меня и, возможно, вредить мне (или, наоборот, подставляться). Они становились индивидуальными личностями – людьми, как и я – уязвимыми и интересными, возможно, имеющими со мной что-то общее, возможно, даже друзьями. Постепенно я подружилась с одним, потом со вторым. Однажды вечером я пошла на лекцию вместе с кем-то, а через несколько дней меня пригласили на небольшую вечеринку. Моргая и нетвердо держась на ногах (как будто бы я была в пещере, и к свету, каким бы желанным он ни был, мне надо было привыкнуть), я начала возвращаться обратно в мир.

Со временем я построила настоящие дружеские отношения, особенно с тремя другими студентами: Дайной и Патриком, оба были британцами, и Сэмом, земляком-американцем. Дайна была высокой и очень худой, как и я, хотя она чаще одевалась как модная младшекурсница, чем как ученый из Оксфорда, кем она была на самом деле. Вскоре после окончания колледжа она попала в больницу с депрессией, из-за чего я чувствовала себя похожей на нее и не такой странной. Патрик, с другой стороны, был очаровательным, непринужденным, уравновешенным и явно в ладу с самим собой.

Сэм, тоже довольно высокий и красивый, с огромными выразительными глазами – часто беспокоился о деньгах и психовал, даже больше меня, по поводу своей учебы. Несмотря на долгие часы утомительной работы, он сомневался, сможет ли он справиться с нагрузкой и вовремя получить степень. Хотя у него была подруга в Лондоне, он казался ещё более одиноким, чем я; он играл на гитаре (сам писал музыку) и часто разговаривал сам с собой во время прогулок по колледжу. Его поведение (как и пребывание Дайны в больнице) убедило меня, что я была не одна такая «с приветом».

Мы вчетвером вскоре стали не разлей вода. Мы готовили еду вместе или ходили в Браунс, ресторанчик на севере Оксфорда, где сносно готовили американские и британские блюда. Мы не ходили в кино и не смотрели телевизор; в попытке быть культурно просвещённой я ходила в оперу пару раз, но мне не очень понравилось. Вместо этого мы проводили бесконечные часы в разговорах за полночь, сидя или в общежитии, или, когда погода позволяла, на его крыше, около дымовой трубы.

Как всегда это бывает, по мере того, как дружба крепнет, и ее новизна исчезает, друзья расслабляются, и наконец-то я стала рассказывать своим друзьям о себе, выкладывая все, даже самое неприятное, как на исповеди – это было честно – после того, как они рассказали мне о себе. Учиться доверять, учиться, какими из секретов можно было поделиться – все это было частью той труднопроходимой местности, на которой я училась ориентироваться.

Итак, они знали, что я время от времени ложилась в больницу, а сейчас проходила сложный период работы с психоаналитиком. Тем не менее, я отчаянно пыталась скрыть целые части своей натуры. Я знала, например, что лучше не делиться своими бесконечными бредовыми идеями относительно зла – особенно теми, в которых я считала себя самым злом, а также о моей полной уверенности, что я была способна на ужасные акты насилия. Не то, чтобы эти мысли были дурными; я была уверена, что каждый человек так думает, но знала, что лучше об этом не говорить; точно так же, как все пускают газы, но не в присутствии других. Но как бы сильно я ни старалась держать язык за зубами, ненароком я все же умудрялась что-нибудь отчебучить – например, в ту памятную ночь, когда мы все сидели на крыше, и я мимоходом упомянула, что я убила тьму тьму детей.

«Это шутка!» - выпалила я, как можно скорее, с тревогой заметив выражения их лиц – вначале вытянувшихся в неуверенности, а затем – в страхе «Глупая шутка! О, ну да ладно, все время от времени хотят прикончить детей, разве нет? За исключением, конечно, тех, кто этого не хочет – эй, я вовсе этого не делала! И не сделаю, вы же знаете, правда? Правда?» Да, сказали они все, они, конечно, знаем, не будь глупой, Элин. Они знают, что я над ними подшучивала, они не беспокоятся обо мне, я их не напугала. Но, я-то, конечно, знала, что это не так. *Держи себя под контролем, подумала я. Возьми себя в руки. Держи себя в руках.*

Несмотря на мой случайный промах, все трое моих дорогих друзей приносили мне счастье, после того, как долгое время ничто не могло порадовать меня. Они заполнили место в моём сердце, которое было пусто; повторялась та же история, что и с Кенни, и Марджи, и Пат - всё снова – небольшая группа друзей, шутки и смех, совместные занятия, совместная жизнь, в центре которой (или даже смыслом которой) были наши книги, наши сроки сдачи работ, и упор на оттачивание интеллекта. Если мне удалось подружиться с такими людьми, думала я, то мне удастся и найти путь к своему спасению.

Несмотря на то, что иногда я чувствовала себя слишком плохо, чтобы работать, я сделала очень многое по программе для получения моей учёной степени. Бывали дни, когда это давалось с таким трудом и шло так медленно, что мне казалось, будто я камнерез; и временами я теряла веру в то, что я когда-либо буду довольна своей работой, или смогу её закончить в приемлемом виде. Но мой распорядок дня заставлял меня сосредоточиться, отстранившись от постоянного присутствия зла. У меня не было обязательных для посещения лекций в это время – единственными моими запланированными встречами

были сеансы с миссис Джоунс – поэтому у меня было много времени, чтобы писать. Я перешла на программу для защиты диссертации, чтобы написать одну длинную работу вместо множества коротких, и мне не нужно было бы сдавать экзамен. Я решила писать об аристотелевской философии разума, и самостоятельно выучила французский, чтобы прочесть важного средневекового комментатора по этой теме. Задача мне не всегда была по плечу, но каждый раз, когда я соскальзывала на ступень вниз, я прямо-таки была полна решимости подняться на две вверх. *Работай ещё больше, ещё усерднее, работай дольше, продолжай работать.*

Как ни помогали мне мои отношения с миссис Джоунс, интенсивность моих чувств к ней открыла какую-то дверь, и психотические мысли маршировали прямо через неё, становясь с каждым сеансом всё более и более ожесточенными.

Я: «Мне приснился сон. Мы с мамой стоим на улице. Мы слышим взрыв и смотрим вдаль. Видим облако в форме гриба. Мы обнимаемся, плача, и говорим, что любим друг друга. Потом мы обе погибаем».

Миссис Джоунс: «Ваша ярость настолько сильна, что вы разрушаете планету. И ваша мама – и я – мы не можем вас защитить. За это вы нас ненавидите. Ваше чувство ненависти настолько сильно, что взрывает планету. Вы говорите маме, что любите её, и вы хотите поддерживать отношения с ней и со мной. Но затем ваша ярость всех убивает».

Вскоре миссис Джоунс сама стала явным объектом моих фантазий. Независимо от того, что говорил Фрейд, мой психоз не стал препятствием для сильного переноса на неё, и этот перенос не был приятным. «Я знаю, вы говорите, что вы мой психоаналитик,» - я зарычала на неё однажды после полудня. «Но я знаю и правду. Вы злое чудовище, может быть, даже дьявол. Я не позволю вам убить меня. Вы – злое начало, вы - ведьма. Я буду сражаться».

Она даже не шевельнулась, сидя в кресле, и она ответила так же ровно: «У вас чувство ненависти ко мне, Элин. Вы ненавидите меня за то, что я знаю вещи, которых вы не знаете. Вы ненавидите меня за то, что вы во мне нуждаетесь. Вы вкладываете в меня своё собственное чувство ненависти, и поэтому думаете, что я опасна. Вы боитесь этой своей плохой стороны.»

«Вы пытаетесь убить меня?» - прошипела я. «Я знаю про бомбы. Я тоже могу изготовить бомбу. Вы дьявол. Вы пытаетесь убить меня. Я зло. Сегодня я уже убила вас трижды. Я могу это сделать опять. Не становитесь на моём пути. Я уже убила сотни тысяч людей своими мыслями».

Психически больные люди, если они ещё и страдают паранойей, совершают жуткие поступки, *потому что они сами напуганы.* А когда у вас и психоз, и паранойя, то это как в ночном кошмаре, когда вы неожиданно сидите в постели в холодном поту и не знаете, был ли этот кошмар сном или реальностью. Но этот кошмар продолжается и при свете дня.

Чем большую близость я чувствовала с миссис Джоунс, тем больший ужас она мне внушала: она мне навредит, она причинит мне боль. Может быть, она даже попытается убить меня. Мне нужно было принять меры, чтобы предотвратить это.

Проходя мимо магазинов с кухонной утварью, я всматривалась в витрины с красующимися в них ножами, раздумывая, что мне нужно купить один из них и взять с собой на следующий сеанс. Однажды я даже пошла в магазин инструментов, чтобы посмотреть на топоры, размышляя, какой из них может защитить меня. Какое-то время я носила с собой в сумке на сеансы зазубренный кухонный нож и нож для разрезания коробок – на всякий случай. *Она - злое начало и она опасна. Она продолжает убивать меня. Она чудовище. Я должна убить её, или пригрозить ей, чтобы она прекратила причинять мне ущерб. Это будет благом и для других людей, которым она причиняет боль.*

В то же самое время, когда я была так напугана миссис Джоунс, я в той же степени пугалась возможности потерять её - настолько, что я с трудом переживала выходные, когда я не видела её в течение этих двух дней. Я начинала разваливаться на части в четверг, и ко вторнику была чуть ли не в трауре. В промежутке мне приходилось прикладывать все возможные усилия, чтобы защитить себя – и своих друзей – от того, что происходило в моей голове: «Да, давайте поедим гамбургеров, окей, давайте обсудим эту книгу», и всё это время обдумывая хитрый план, как избежать того, чтобы миссис Джоунс оставила меня: *«Я украду её и буду держать связанной в шкафу. Я буду за ней ухаживать. Я буду давать ей еду и одежду. Она всегда будет рядом, когда она мне понадобится для психоанализа».*

И затем, вернувшись в её кабинет, я рассказала ей каждую деталь моих злобных умыслов.

Я: «Я не отпущу вас в отпуск в этом году. У меня есть оружие. Я заберу вас в мою комнату и запру вас в шкафу. Вы останетесь со мной. У вас не останется выбора. Я вас не отпущу».

Она: «Вы чувствуете себя в полной зависимости от меня, как младенец, и это вас злит. Вы придумываете способы держать меня рядом с собой, и некоторые из них включают в себя насилие, таким образом вы покажете мне, что вы сильнее меня».

Её терпимость и понимание казались бесконечными, и ее размеренное и спокойное присутствие служило мне цементом. Я разваливалась, разлеталась на кусочки, взрывалась – и она собирала меня воедино.

Психоз - как коварная инфекция, которая, тем не менее, оставляет кое-какие из ваших способностей нетронутыми; в психбольницах, например, даже самые ослабленные шизофренические пациенты появляются к столу вовремя и эвакуируются из палаты, когда звучит пожарная тревога. Так же было и со мной. Я всё же понимала основные законы, по которым работает этот мир, будучи совершенно ненормальной. Например, я делала

домашнюю работу, я смутно понимала правила социального этикета, но даже с людьми, которым я полностью доверяла, я не могла просто так поболтать о своих бредовых идеях. Разговоры об убийстве детей, о сжигании целых миров, или о том, что я способна разрушать города одной только силой мысли, были недопустимы в благовоспитанном обществе.

Временами, однако, я была такой психопаткой, что еле сдерживалась. Видения разрастались в полноценные галлюцинации, в которых я четко слышала чей-то шепот. Я могла слышать, как кто-то произносил моё имя, когда вокруг никого не было – в углу библиотеки, или поздно ночью, в моей спальне, где я спала одна. Иногда шум, который я слышала, был настолько сильным, что полностью заглушал все другие звуки. *Стоп, стоп, стоп. Нет. Стоп.* Бывали дни, когда я просто не могла находиться рядом ни с кем другим; если я не была с миссис Джоунс, я оставалась одна в своей комнате, заперев дверь и выключив свет.

«Элин, ты что, на меня обиделась?» - просил Сэм однажды днём.

«Нет. – сказала я. – Почему ты так думаешь?»

«Потому что ты меня избегаешь. Ты не вышла к ужину с нами, ты не ответила, когда мы стучались к тебе вчера вечером или позавчера, а сейчас ты на меня волком смотришь».

Это потому, что я не могу тебя слышать, - хотела я ему сказать. Оно звучит громче тебя, и если моя энергия уйдёт на тебя, у меня её не останется, чтобы бороться с этим. Я не смогу обуздать это. Ты будешь в опасности. Мы все будем в ужасной опасности. Я пробыла в реальном мире достаточно, чтобы знать, что то, о чем я думала большую часть времени, не было реальным – или, по крайней мере, не было реальным для него.

Представьте, что у вас сильный грипп, но в этот день вы не можете остаться дома в постели. Вам надо на работу, у вас есть дела, которые не терпят отлагательств. И так, собрав в кулак все свои резервы, о которых вы даже не подозревали, вы худо-бедно продержались день, потев, дрожа, вежливо кивая коллегам, едва контролируя тошноту – потому что вы знаете, что если вы продержитесь до конца, то вы сможете вернуться домой, к своему дивану (или кровати, или горячей ванне, или к чему угодно, что даёт вам комфорт и чувство безопасности). Вы держите себя в руках и потом, оказавшись дома, разваливаетесь. В течение двух лет без перерыва я работала, выполняла свои обязательства, пробивалась через каждый день так хорошо, как только могла, и затем бежала к миссис Джоунс, где я быстро сбрасывала цепи со своего сознания и разваливалась на части.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Через четыре года после моего приезда в Оксфорд, я, наконец-то, получила свою ученую степень в 1981 году. Мне пришлось прикладывать усилия в два раза дольше, чем я думала в тот день, когда давным-давно, я в первый раз прошла по этому старому университетскому городку. Моя болезнь отобрала у меня целых два года жизни.

Хотя (для меня, по крайней мере) вопрос, в своём ли я уме, вроде бы ещё не был закрыт, я пришла к заключению, что я была довольно умной. Оценка моей диссертации по оксфордским стандартам была отличной, и она была гораздо более высокой, чем та, на которую я могла надеяться. В отзыве экзаменаторов также было сказано, что хотя рамки моей работы соответствовали получаемой мною степени (магистра литературы, или M.Litt.), она тянула на докторскую степень по философии, высшую степень, которую мог предложить университет.

Я была счастлива - у меня хватило ума гордиться собой и тем, чего я достигла. Я не сдалась. У меня получилось прожить вне стен больницы два года, и объективные критики, у которых не было причин быть снисходительными ко мне, оценили мою академическую работу, которую я проделала за это время, на лучше, чем хорошо. И невозможно было отрицать, что миссис Джоунс сыграла в этом решающую роль

Итак, тщательно все взвесив, я решила, что на данный момент для меня будет лучше остаться в Англии еще на год, с тем, чтобы я смогла продолжить наши сеансы психоанализа. У меня было для этого достаточно средств – мои родители каждый год давали нам деньги в подарок, и я могла их тратить, как мне заблагорассудится. На тот момент я не могла себе представить лучшего вложения денег, чем моё собственное душевное здоровье. Вдобавок, лечение обходилось мне настолько дешевле в Англии, чем в Америке – 12 долларов в час против 60 – что мне просто очевидно стоило оставаться здесь, продолжать работать с психоаналитиком, которая меня хорошо знала, знала мое прошлое, и заработала моё доверие.

Однако, поскольку я больше не была студенткой, я должна была съехать из общежития и найти другое место жительства. От одного из друзей я узнала про молодую разведённую женщину с ребёнком, по имени Джанет, которая жила в старом доме со своей четырёхлетней дочкой, Оливией, и искала жильца. Я встретила с Джанет, и она мне сразу же понравилась. Дом был приятным и уютным, а та часть, в которой я должна была жить, выглядела точно так, как я бы хотела. Мы ударили по рукам, и я переехала. За пару лет до этого, в несвойственный мне момент душевного подъема, я купила мопед, и теперь у меня были друзья, некоторая свобода, и своя собственная милая и уютная комната – не так давно я даже и вообразить себе такое не могла.

И действительно, в начале моего третьего года работы с миссис Джоунс меня обнадёживало то, что многие стороны моей жизни понемногу улучшались день ото дня. О

свиданиях не могло быть и речи, конечно – я понятия не имела, когда, если когда-либо вообще, я смогу думать о романтических отношениях. Но у меня были друзья, причем хорошие. У меня было чудесное место для жилья, да еще и с дополнительным бонусом в лице очень располагающей к себе маленькой белоголовой девочки по имени Оливия – Ливия – которая освещала каждый час каждого дня, который я проводила в доме Джанет. И я начала строить планы на будущее.

Хотя я больше не училась в Оксфорде, я часто ходила туда на лекции, и разработала собственный список литературы для чтения. Я решила, что о продолжении занятий философией не может идти и речи – слишком много тяжёлых воспоминаний оставили предыдущие четыре года, о том, как я, объятая психозом, продиралась через сложнейшие книги. Вместо этого мои интересы сместились в сторону занятий психологией и правом. Меня увлекали такие вопросы, как например, защита прав душевнобольных; и сложные вопросы гражданского права в области душевного здоровья, такие как ограничение свободы действий. По мере того, как я читала страницу за страницей текстов по психологии, психиатрии и праву, случаи из практики, приведённые в них, зачастую казались мне жутковато знакомыми – как легко я могла стать одним из них. Как легко могла бы я соскользнуть в глубину и просто не вынырнуть. Я раздумывала над тем, какую роль я могла бы играть в жизни людей, страдания которых я слишком хорошо понимала.

Мои жизненные обстоятельства создали жизненную среду, в которой было легко как думать, так и исцеляться. Мне уже давно не доводилось приятно проводить время в кругу семьи, и Джанет старалась изо всех сил приглашать меня к столу в будни и в праздники. Иногда вечерами мы сидели вместе в гостиной и смотрели телевизор – качественное британское телевидение, оценить которое до тех пор я не могла. Её мама, художница по имени Катрин, часто присоединялась к нам.

У Джанет был тихий голос, она была доброй женщиной, с ярко выраженным материнским инстинктом. Хотя она много о себе не говорила, я узнала достаточно о её жизни, чтобы знать, что эта жизнь не была лёгкой. Отец Оливии никак не проявлялся, а отец Джанет умер, когда она была ещё очень молодой. Она была очень близка с матерью, Катрин, которая страдала от приступов депрессии. Через два или три месяца я рассказала Джанет о том, что я лежала в больнице; и хотя я сказала, что причиной была депрессия, я никогда даже не намекала на психоз или на ужасные фантазии. Мне было слишком стыдно того, что она могла подумать, и я боялась, что она будет видеть во мне угрозу для дочери. Теперь-то я знаю, что я могла во всём довериться Джанет, и в тот день, когда я, нервничая, сидела у нее в гостиной и рискнула рассказать ей то, что могла, она отнеслась ко мне с пониманием, состраданием, и без какого бы то ни было осуждения.

И конечно, каждый день со мной была милая Ливия. Нежная и смышлёная, она любила рисовать и любила разные цвета, или играть в ролевые игры, где я была учителем, а она ученицей. Она не могла дождаться, когда научится читать и пойдёт в школу, как все старшие дети в округе. Она любила уютно устроиться у меня на коленях, когда я ей

читала, но была так же счастлива, когда я была Злой Ведьмой с Запада – она настаивала, чтобы я смеялась ведьминским кудактающим смехом, охотясь за ней по комнате, и потом, хохоча, она валилась на ковёр. Спонтанное ребячество без особой цели, кроме радости от этих мгновений, и маленькая девочка, которая разделяла его со мной – как будто бы солнце вышло из-за туч после долгого-долгого сезона дождей.

Даже после моих ежедневных встреч с миссис Джоунс, научных изысканий и чтения, готовящих меня к следующему этапу жизненного пути, у меня оставалось слишком много свободного времени, что никогда не приносило мне ничего хорошего. Мне надо было чем-то занять эти пустые часы

Я решила, что хочу внести свой вклад, отплатить долг тем профессионалам, которые так хорошо за мной ухаживали, надеясь, что в ходе лечения я смогу помочь и другим пациентам. Мне казалось, я понимала, что это такое – быть в клинике для душевнобольных - и так, как никакой персонал не мог этого понять (или, по крайней мере, основная часть персонала) – поэтому логично, думала я, что из меня выйдет хороший добровольный помощник.

Я была уверена, что была вне Уорнфорда достаточно долго, чтобы прийти туда без риска быть узнанной. И так, однажды утром, приложив огромные усилия для того, чтобы привести в отличный вид свою наружность и отрепетировав моё лучшее поведение на интервью, я встретила с сотрудником Уорнфордской группы добровольцев, и мы начали беседу, которая казалось многообещающей.

«Спасибо большое, что вы со мной встретились сегодня,» - сказала я.

Она кивнула и улыбнулась. «Не за что,» - сказала она. – А теперь расскажите мне о себе, мисс Сакс, и почему вы хотите быть здесь добровольным помощником».

«Что ж, я выпускница Оксфорда и выбираю, куда идти дальше – в психологию или право, когда я вернусь в Соединённые Штаты.» - сказала я. «Что бы я в конце концов не решила, я хотела бы, чтобы это было связано с помощью душевнобольным людям. Поэтому я подумала, что работа добровольцем здесь может быть хорошим началом для того, чтобы попробовать себя, а также получить ценный опыт». С приглушённым энтузиазмом – она явно думала, что я для них хорошая партия – женщина начала обсуждать возможные места работы в Уорнфорде, где я могла бы быть полезной. По мере нашего разговора я почувствовала себя ободрённой, даже оптимистичной; это будет мой первый опыт в таком «профессиональном» качестве, и мне казалось очень правильным, что это произойдёт именно в этой клинике.

А затем она упомянула то отделение, где я, собственно, была пациенткой. Моментально потеряв дар речи, я выпрямилась на стуле.

«Ну, я не уверена, что это будет лучшим местом для меня,» - наконец-то сказала я. «Я сама не так давно была там пациенткой. Сначала амбулаторно, а потом я была там какое-то время в стационаре, ммм, я не знаю, что по этому поводу подумает персонал. Я имею в

виду, может быть всё и будет в порядке, но с другой стороны я думаю, что другое отделение будет, возможно, лучше, по крайней мере, для начала». *Замолчи, Элин, перестань говорить. Это не ведёт ни к чему хорошему.*

Неуловимое выражение пробежало по лицу женщины, а затем сменилось попыткой натянуто улыбнуться. «Понятно,» сказала она, перекладывая какие-то бумаги из одной стопки в другую. Затем она сложила руки. Как я знала по опыту, этот знак редко был хорошим. «Знаете, мисс Сакс, мне нужно об этом немного подумать,» - сказала она. «Я не совсем уверена, есть ли на данный момент *действующие* вакансии для добровольных помощников – вы понимаете меня, я не сомневаюсь. В любом случае, спасибо, что пришли, я свяжусь с вами, как только что-нибудь выясню».

Выходя из здания, я попыталась не растерять свой обычный оптимизм. Я ещё раз прокрутила в голове свое собеседование – оно прошло хорошо, ведь так? – затем села на свой маленький мопед и поехала домой. И начала ждать.

Когда она не позвонила через пару дней, я позвонила ей сама и оставила сообщение. На следующий день я перезвонила ещё раз, оставила ещё одно сообщение. Опять ничего. После моего третьего звонка и опять не получив ответа, до меня наконец дошло, что сделало моё признание. Это был болезненный урок, но тот, который я пронесла через последующие двадцать пять лет. *Никогда не говори им то, чего ты не обязана говорить. Никогда добровольно не давай никакой информации, о которой тебя не спрашивают.*

Я зализывала свои раны в течение ещё пары дней, иступленно бормоча о своём разочаровании миссис Джоунс. Затем я еще раз постаралась получить место добровольного помощника, но в этот раз в больнице Литтлмор, другом психиатрическом учреждении в Оксфорде. Литтлмор был также построен в середине 1800-х, но для бедных людей, и от его здания тоже веяло безнадегой. Во время собеседования и в течение рассмотрения моего заявления о приеме на работу, я ничего не рассказала о своем психиатрическом прошлом. Они тут же взяли меня и назначили время моей работы - от пяти до десяти часов в неделю.

В Литтлморе я работала в основном в отделении групповых занятий, куда каждый день приходили проводить время пациенты, большинство из которых были хрониками. Я вела групповые физические упражнения и занятия по искусству, а иногда я просто сидела в комнате и тихо разговаривала с пациентами. С самого начала у меня не было никакой нервозности или тревоги, когда я была рядом с ними; мне казалось совершенно естественным быть там и делать всё возможное, чтобы хотя бы немножко облегчить чьё-то тяжёлое бремя болезни.

Одним из моих любимых пациентов был Том, бывший пациент Р.Д. Лэнга, выдающегося психиатра «анти-психиатрии» шестидесятых⁹. Том был умен и умел хорошо выразить

⁹ ЛЭЙНГ (Лейнг, Лэнг) Рональд Давид. Британский психолог, психиатр, основатель течения, известного под названием «антипсихиатрия».

мысль; он потчевал меня историями про ЛСД-вечеринки, которые Лэнг устраивал в лесу для своих пациентов. Я терялась в догадках, что он вообще делает в этом отделении, но я предположила, что ему нужно находиться в структуре такого типа, чтобы оставаться таким здоровым и последовательным, каким он казался.

В отделении был еще один пациент, Роберт, низкий, мускулистый мужчина, который поначалу совершенно не показался мне больным. Затем я узнала, что до того, как попасть в Литтлмор, он был пациентом легендарного Бродмора в Лондоне, одной из британских больниц для душевнобольных преступников. Однажды, когда я собирала пациентов на выход в город, Роберт подошёл ко мне со сжатыми кулаками, красным от ярости лицом, и невнятно пробормотал нечто, что я могу описать только как угрожающее рычание. С какой стати? Несколько встревоженная, я спросила сотрудников, что произошло.

«А, Роберт убил свою мать,» - вскользь заметили они. «Поэтому он и был сначала в Бродморе. Он всегда такой в День Матери¹⁰».

А, так этот мужчина не просто сумасшедший, он действительно *убил человека*. Я гадала - может быть, в тот момент я напомнила Роберту его мать. И на следующий день, когда он оказался единственным, кто захотел пойти со мной в город, я почувствовала, как у меня засосало под ложечкой. Может, он на меня сердился? Грозил ли мне опасность от этого мужчины, который уже убил одну женщину, и, возможно, невидимые силы спровоцируют его на убийство еще одной?

Во время прогулки он вёл себя прекрасно, и по дороге туда, и по дороге обратно. Несмотря на все мои благие намерения, клеймо, которое несут на себе душевнобольные – это палка о двух концах, которая не только может ударить по мне, но и которой могу ударить я.

Однажды днём в нашем отделении один из пациентов, Генри – внезапно и без всякого видимого повода – дико крича, накинулся на другого пациента. Персонал и другие пациенты оторвали его и оттащили в другую часть отделения, где он сидел и приходил в себя. Где-то через час пришёл врач и сел рядом с Генри, тихо говоря ему, что то, что он сделал, было из ряда вон и не должно повториться. Генри не наказали за его нарушение,

⁹Рональд Лэнг — видный теоретик и практик психиатрии, значительная фигура движения «контркультуры» в области исследований о человеке. Основные направления творчества Лэнга находятся в тесной связи с началом его профессиональной деятельности в 50-е годы — в то время, когда отношение к психически «больному» в процессе терапии отличалось жестким отрицающим его право на своеобычность существования подходом, что оправдывало радикальные принудительные практики лечения. Отношение «врач — пациент» имели субъект-объектный, а не единственно правомерный для собственно человеческого общества субъект-субъектный характер

¹⁰ праздник матерей в Великобритании, где не отмечается Международный Женский День 8 марта - прим.пер.

не было мускулистых санитаров, стоящих наизготовку, как не было и ограничения свободы. Ни смирительной рубашки, ни кожаных ремней, чтобы привязать Генри к кровати или к стулу. В действительности (и в сильном контрасте с большинством американских больниц, даже сейчас) британские клиники редко использовали любые механические средства фиксации, и не делали этого в течение двух сотен лет. За исключением очень маленького процента крайних случаев, после таких сцен, какую устроил Генри, не происходило ничего сенсационного; до сведения пациента доводили неуместность подобного поведения простым и ясным языком, в рамках цивилизованности, вместо того, чтобы кивать на недостаток умственных способностей больного.

Несмотря на то, что пациенты воспринимали меня как некое полномочное лицо, находящееся «по другую сторону медицинского прилавка», я обычно больше сопереживала им, нежели персоналу. По правде, я иногда чувствовала странную конкуренцию с пациентами, взвешивая в уме, кто из нас больше болен, они или я. Ведь, в конце концов, я встречалась с миссис Джоунс каждый день, и у меня были непрекращающиеся бредовые идеи. И всё же я была здесь, и действовала автономно, казалось бы, держа все под контролем и имея право действовать во внешнем - то есть, в психически здоровом - мире. Да, одна часть меня гордилась своей заботой о них, но другая часть меня хотела, чтобы обо мне позаботились так же, как об этих пациентах. Их настроения и эмоции были в полном беспорядке, и персонал и клиника к этому были приспособлены. От меня же, напротив, ожидалось, что я буду собрана, дисциплинирована, с размеренным поведением, несмотря на пластинку, крутящуюся в моей голове – что я – злое начало, и, возможно, катастрофическое. Каждый раз, когда я выходила из больницы, мне приходило в голову, что то, что я делала, было серьёзным мошенничеством.

И всё же я трудилась, не покладая рук, и получала от этого большое удовлетворение. После всех этих лет, что я провела, зарывшись в книгах и запутавшись в дебрях собственного сознания, завязывание отношений с другими давало мне новый смысл жизни. Я делала что-то стоящее, и я это знала. Это не было высокомерием, это было гордостью, такой же гордостью, как в тот момент, когда я приносила домой родителям табель с пятёрками. И когда настал неминуемый час прощания с Литтлмором, пациенты написали мне прощальную открытку, и каждый из них подписал её. Многие написали несколько строк, в которых благодарили меня за время, проведённое с ними. Позже этой ночью в своей комнате я читала эту открытку, поражаясь, что это они мне написали, а не наоборот.

На третьем году лечения у миссис Джоунс я заметила, к моему смятению, что я становилась каким-то ипохондриком. Почти всё, что происходило с моим телом – простуда, царапина от бумаги, головная боль, ушибленный палец на ноге – немедленно становилось серьёзным поводом для беспокойства, причиной пойти к врачу, потенциально смертельной болезнью. Однажды я ехала на мопеде, когда меня резко подрезала машина,

и я упала на землю, повредив голову. Я потеряла сознание, и в больнице, где меня позже осматривали, настояла на том, чтобы они продержали меня до завтра под наблюдением. Я нервничала по поводу всех плохих вариантов, к которым могла привести травма головы (смерть, амнезия, слепота, повреждение мозга, эпилептические припадки...), но при этом, как это ни странно, я радовалась, что вообще выжила. В целом, больничная обстановка – запахи, звуки, верхний свет, который никогда не выключается, безликие люди в униформе, расхаживающие вокруг и говорящие на своём закодированном языке, который только они понимают – совершенно выбила меня из колеи. Я могла думать только о том, чтобы выбраться отсюда прежде, чем случится еще что-нибудь.

Ну, что же, это довольно интересно, подумала я. Если я так боюсь умереть, может, это означает, что я уже больше не хочу умереть. Может быть, это значит, что я хочу остаться в живых и посмотреть, что же будет дальше.

Когда прошло почти три года наших занятий с миссис Джоунс, мой бывший сосед по общежитию, Патрик, играл свадьбу в Манчестере. Мы небольшой компанией отправились туда на машине. Я не очень хорошо помню, как очутилась в этой компании, поскольку я никого из нее не знала –возможно, это случайно получилось в результате процесса «ты позвони тому-то» и «кто-то собирает нас вместе».

Я не думаю, что произнесла больше десяти слов за всю поездку; я полностью ушла в себя, с головой утонув в фантазиях на тему миссис Джоунс, и как избежать с ней расставания. Мы с миссис Джоунс пришли к согласию, что мне пора было возвращаться в Штаты и наладить свою жизнь там. Мы согласились, что наша совместная работа подошла к логическому концу. И всё же одна лишь перспектива этого «конца» направила мой разум и мои тревоги на курс столкновения друг с другом.

Все остальные, кто ехал в машине, беззаботно болтали друг с другом – при подъезде к Манчестеру все были полны ожиданий, при возвращении – обсуждали разные моменты и события прошедшего дня – но я была погружена в молчание. Это было в моем репертуаре. Когда фантазии овладевали мной, я могла видеть только их. И пока я в них плутала, я напрягала всю силу воли, на которую я способна, чтобы утаить от окружающих, что со мной происходило.

Свадебная церемония, которая проходила в красивой старой церкви, оказалась чуть более религиозной, чем я ожидала, и я удивилась, обнаружив, что плачу в момент обмена брачными обетами между женихом и невестой. Я плакала не из-за себя, а от радости за Патрика – он всегда был очень дорог мне, настоящий и добрый друг. Он заслуживал счастья, и я искренне желала ему этого. Но по большей части и церемония, и последовавшее свадебное торжество прошли как в тумане. Я ощущала всё это так, как будто время замедлило свой ход до бесконечности, и я не могу ни вписаться в него, ни вжиться хоть в какую-либо роль.

Я прихожу на сеанс психоанализа. Я угрожаю миссис Джоунс ножом. Я в бреду и не поддаюсь контролю. Миссис Джоунс добра и деликатна. Она просит дать ей нож, и я

его ей отдаю. Я начинаю кричать. Я бросаюсь на стену. Миссис Джоунс и её муж удерживают меня. Приезжает скорая помощь и забирает меня в больницу. Я опять не управляю собой, но потом меня укрощают. Я плачу и кричу, что не хочу расставаться с миссис Джоунс.

Во время психоза стена, отделяющая фантазию от реальности, растворяется; в недрах моего разума фантазии были реальными, и всё происходило в действительности. Образы, которые я видела, действия, которые я предпринимала, были реальными, и доводили меня до истерики. Миссис Джоунс была цементом, который держал меня единым целым. Если этот цемент исчезнет, не разобьюсь ли я вдребезги на тысячи кусочков? Меня переполняла тревога, и наши сеансы стали более напряжёнными и сопровождались галлюцинациями :

Я: «Вы не можете меня оставить. Я вам не позволю. Мы должны найти адрес пропотешествий (?). Адрес. Дресс-код. Адрес. Пойдёмте со мной домой, хорошо?»

Она: «Я думаю, вы понимаете, что вы себя запутываете, потому что вы хотите избежать боли расставания. Вас огорчает то, что у меня есть моя собственная жизнь, без вас. Вы пытаетесь жить внутри меня».

Я: «Я и есть внутри вас! Ваши органы так же отвратительны, как и вы сами. Вы думаете, что вы владеете мной, но это я владею вами. Каждый мой приказ становится вашим желанием. Вы не существуете».

Она: «Вы предпочитаете прикончить меня, чем думать, что я существую отдельно от вас».

Я: «Я знаю правду. Вы видите ложь. Мысленно я еду в Каролину»

Она: «Вы огорчены тем, что уезжаете, потому что это разрушает вашу фантазию о том, что вы владеете мной. У вас всегда была фантазия, что вы меня полностью контролируете. Ваша ревность вредит мне. Но я должна любой ценой оставаться под вашим контролем».

Я: «Но вы *и есть* под моим контролем! Вы пойдёте туда, куда я иду. Не будет никакого расставания. Я уже убивала людей раньше, и я убью их опять. Я даю жизнь, и я забираю её. У вас нет выбора. Я есть Бог. Ничто приходит из ничего. Ничто. Бог. Взятое на себя».

Она: «Ваши фантазии помогают вам избежать боли расставания».

Я, повышая голос: «Это не фантазии! Это реальность. Я Бог. Я Один. Один. Два. Это полный дурдом».

Это и было дурдомом. В конце каждого сеанса я уходила совершенно вымотанная, и часами бродила вокруг, стараясь набраться спокойствия (или набраться достаточно энергии, чтобы казаться спокойной), и вернуться в дом Джанет, где мы будем пить чай, сидеть на полу и читать сказки Ливии.

После долгих раздумий и тщательных поисков, я наконец-то решила поступать на

юридический, а не на психологию. Мой список университетов впечатлял – Йельский университет, Гарвард, Стэнфорд – готовясь к вступительным экзаменам на юридический факультет, я читала больше, чем когда-либо, и вдобавок посещала лекции по праву, психологии, а также один курс, который объединял психиатрию и право. Но у меня оставалось всего несколько часов на сон каждую ночь, и из-за этого мне было сложно собраться с мыслями на следующий день. Мне нужно было успокоиться, снизить темп, больше отдыхать, и хоть как-то сосредоточиться. В первый раз в жизни я сама *захотела* принимать лекарства. Я пошла к врачу, объяснила, что происходит, и он выписал мне хальцион¹¹, чтобы помочь со сном. На сей раз никому не надо было меня убеждать принимать таблетки; более того, каждый вечер, когда начиналось действие лекарства, и я чувствовала, как проваливаюсь в бессознательное, в этот момент я была преисполнена благодарности.

Переутомление, возможно, послужило причиной еще одному происшествию: я попала в аварию на мопеде, - за два дня до того, как я должна была поехать в Лондон на экзамен. Велосипедист объезжал меня сзади и вдруг резко повернул передо мной. Я врезалась в его велосипед и упала на землю, на этот раз сломав ключицу. Если бывает на свете боль страшнее, то я не знаю, что это может быть. Доктор сказал, что в течение шести недель я буду ходить с перевязанной рукой. Это означало, что мне придется отложить экзамен, и что мне нужно сделать все возможное, чтобы удержать моё непоседливое тело в неподвижности, пока кость не срастется.

Дела с миссис Джоунс шли всё хуже и хуже. Во время сеансов я беспокойно расхаживала по комнате туда-сюда, или сидела, съёжившись, в углу, стеноя от боли и горя. Иногда я ложилась на пол, обхватывала ее за ноги, невнятно лопоча, что я не могу без неё жить. Когда я опять увижу эту комнату, как же я справлюсь? Я дошла до того, что стала запирается в ванной. Но это быстро пресек муж миссис Джоунс, тоже психоаналитик, переселившийся в Великобританию американец по имени доктор Брандт, и тогда он просто вырезал замок из двери.

Зачастую я вообще не могла уйти из офиса после окончания сеанса психоанализа. Миссис Джоунс очень спокойно говорила мне «до свидания», затем доктор Брандт провожал меня из офиса и из дома на улицу. Не раз и не два я стояла перед домом, раскачиваясь вперёд-назад, тихо подвывая и причитая. Неизменно доктор Брандт выходил и просил меня - вежливо, но твёрдо - не буду ли я так любезна пойти домой.

Наконец настало время поехать в Лондон на экзамен. Накануне я остановилась в маленькой гостинице, где пара, живущая подо мной, всю ночь громко ругалась друг с другом, и отливы и приливы их перепалки поднимались через половицы подобно ядовитому бризу. Мне досталось в лучшем случае два часа обрывочного сна, и на

¹¹ Хальцион – сильное снотворное

следующий день на экзамене я чувствовала себя тупой недотепой. Я была уверена, что провалилась. И всё же, когда пришёл результат, я узнала, что я прошла. Все университеты меня приняли. Я выбрала Йельский.

Я почувствовала огромное, хотя и краткосрочное облегчение. Мои планы на следующий год определились. Мне нужен был распорядок и, вместе с тем, преодоление трудностей, это я точно о себе знала, и теперь, ещё раз, я высоко подняла для себя планку. *Я правильно сделала*, подумала я. *Всё будет отлично, я буду в порядке. Я должна быть в порядке.*

Пришло время для нашего последнего сеанса с миссис Джоунс. Оглушенная и не верящая, я молчала почти весь этот последний час, а когда сеанс закончился, я выбежала в приёмную и села, всхлипывая. Миссис Джоунс вышла вслед за мной.

«Элин, вам надо идти.» - сказала она. «Скоро придёт следующий пациент, а наше время, которое мы проводили вместе, подошло к концу». Должно быть, они вместе с мужем подготовились к этому, потому что он неожиданно тоже оказался здесь – он был заядлым курильщиком и запах от его одежды и тела заполнил комнату. Я почувствовала себя, как рыба, выброшенная на берег.

«Вам пора оставить нас, - сказал доктор Брандт. Пойдемте, Элин, так не годится. Давайте скажем друг другу «до свидания» здесь, хорошо?»

«Нет, - сказала я, съежившись, как будто ожидая удара. Как могли они быть со мной так жестоки? – Я не уйду отсюда. Я не могу».

«Нет. Нет, Вы можете». – сказали они уже оба хором.

Я покачала головой. Я посмотрела на них, взглядом и всем своим телом выражая мольбу. «Я не могу, неужели же вы не понимаете? Я не могу её оставить. Я её не оставлю».

«Скоро придут другие пациенты, Элин, - сказала миссис Джоунс мягко, но настойчиво. – Вы огорчите их. Только представьте себе, что вы приходите на сеанс, и застаёте сцену между мной и другим пациентом. Это было бы некрасиво, правда? Будьте выше этого. Ну же, уже пора».

Доктор Брандт шагнул ко мне - мягко, но решительно - и в тот момент, когда он был готов взять меня за руку, чтобы вывести меня из комнаты, как он делал до этого много раз, я бросилась к трубам отопления, проходящим вдоль стены, и схватилась за них изо всех сил. Слава богу, было лето, потому что это были трубы отопления, и я могла бы очень сильно обжечься. Но тогда они были прохладными на ощупь, и послужили мне чем-то вроде противовеса, так что я теперь была в равной силовой категории с миссис Джоунс и доктором Брандтом вместе взятыми. Как могла миссис Джоунс так со мной поступить, после всего того, через что мы прошли вместе? Что же мне сказать или сделать, чтобы поколебать её решимость и вернуть её мне?

«Я не уйду!» - закричала я и крепче схватилась за трубу.

Движением, подобным удару молнии, они оба внезапно схватили меня и стали оттаскивать от трубы. Но я была выше их обоих, а трубы давали мне преимущество. Доктор Брандт попытался ослабить мою хватку, а миссис Джоунс тянула меня за волосы. Нам всем окончательно сорвало тормоза, и я кричала и дико визжала. Это не могла быть моя миссис Джоунс, эта женщина, которая тащит меня за волосы и игнорирует мои вопли, когда я прошу её не быть такой жестокой!

«Нам надо звонить в полицию», - сказала она мужу. В полицию? Меня?

«Нет, нет, - сказал доктор Брандт. – Нет, они просто заберут её в психбольницу».

«Я не уйду!» - закричала я во весь голос.

Наконец, признав поражение, миссис Джоунс ушла из приёмной на встречу с другим пациентом. «Как вам не стыдно так себя вести по отношению к ней, Элин», - сказал доктор Брандт. Но меня это не проняло. Поражённая предательством миссис Джоунс, я, тем не менее, не могла ее оставить.

В конце концов, они решили оставить меня в покое. Каждый из них принял по несколько пациентов, пока я всё это время тихо плакала в приёмной. Прошло несколько часов, и почти под конец дня доктор Брандт вернулся ко мне.

«Элин, миссис Джоунс внизу, она ждёт вас, чтобы попрощаться, - сказал он. – Если вы не сможете уйти сами, нам придётся позвонить в полицию. Давайте сразу же покончим с этим. Вы готовы уйти?»

При всём моём замешательстве и боли, я знала, что он говорил серьёзно. Я знала, что зашла слишком далеко, и что дальше это не могло продолжаться, иначе кто-нибудь мог сильно пострадать. «Да, я готова», - тихо сказала я и пошла с ним вниз по лестнице, сгорбившись и чувствуя, что мои ноги налились свинцом. Но когда я обняла миссис Джоунс, я начала рыдать, заливая её слезами. Она была той связью, что соединяла меня с окружающим миром, хранилищем моих самых тёмных мыслей, человеком, который терпел всё плохое и злобное, что было внутри меня, и никогда меня не судила. Она была моим переводчиком в мире, где я чаще всего чувствовала себя чужой. Как смогу я выжить в этом мире без неё?

Миссис Джоунс похлопала меня по спине и высвободилась из моих объятий. «Мужайтесь, Элин, мужайтесь».

Я не знаю, как я добралась домой, но когда я пришла, свет был погашен, а Джанет и Ливия были уже давно в постели и спали. Я проплакала всю ночь.

Мой самолёт в Штаты вылетал на следующий день. В течение долгих часов путешествия, сопровождаемых несвежим воздухом, плохой едой и периодическим шумом от беспокойных детей и кашляющих пассажиров, мне было холодно и одиноко, и я тонула в фантазиях и собственном горе. Снова и снова я проигрывала в сознании предыдущие пять лет, лихорадочно пытаюсь ежесекундно удерживать демонов в своей голове от того, чтобы

они захватили самолёт и растерзали пассажиров. Время от времени я подумывала о том, чтобы спросить стюардессу, не возражает ли она, если я выпрыгну из двери аварийного выхода. В остальном полёт был совершенно не примечательным.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Как обычно, моя семья встретила меня в аэропорту Майами. Я почти не заметила, что мои родители немного постарели со времени нашей совместной поездки, хотя, подозреваю, для стороннего наблюдателя они выглядели куда как крепче и бодрее меня. Толпа с загорелыми и здоровыми лицами, в водовороте которой мы находились, пока ждали моего багажа и проходили таможду, казалась личным упрёком мне – я знала, что моя бледность выдавала во мне человека, находящегося в душевном раздразе и сидящего большую часть времени взаперти, зарывшись носом в книги.

Хотя я и рассказала папе и маме о своей второй госпитализации, я специально не стала посвящать их во все детали. Поэтому они не знали подробностей, не спросили про них, и, в любом случае, я не собиралась ими делиться. К чему это могло привести? Я только заставила бы их ещё больше беспокоиться, и вдобавок это усилило бы моё ощущение неловкости и стыда. Поэтому разговор по дороге домой осторожно скользил по поверхности: Поздравляем тебя с замечательными успехами в учёбе. Рады, что ты, наконец-то, вернулась в США. Йельский университет для изучения права – это замечательно. Ты ужасно бледная и худая, Элин, тебе будет полезно провести какое-то время на солнце.

Мои родители, очевидно, решили, что я могу жить своим умом, и не нуждаюсь ни в какой помощи. С одной стороны, для меня всегда было облегчением, когда наши беседы ничем не заканчивались; с другой стороны, я иногда интересовалась, что бы произошло, если бы, хотя бы один раз, они закончились хоть *чем-то*. Но между нами всегда была стена

«уместности»; мы тщательно выстраивали её годами, по одну сторону была я, со своим набором инструментов, они - по другую, с инструментами, которые выбрали они. Пока на ровном месте не случилось ничего из ряда вон выходящего (пока мне удавалось держать себя в руках, не создавая заморочек при общении с ними), всё было тихо-спокойно, и в этот первый день, проведенный вместе, и во все остальные дни в течение этого бесконечного лета.

«Как ты провела день?»

«Хорошо, мне удалось многое сделать. А у тебя как?»

«Как обычно. Вот, попробуй эти обалденные помидоры».

Ничего, ничего, ничего.

В это лето у меня не было никаких институтских занятий; на самом деле у меня не было и никаких обязательств – и отсутствие расписания и организованной структуры выбили меня из колеи. Вдобавок, я не принимала никаких лекарств, кроме снотворного, да и то не всегда. Поэтому большую часть времени я провела взаперти в своей комнате, неистово щёлкая по печатной машинке – я писала миссис Джоунс одно скорбное письмо за другим. Десять, пятнадцать страниц за раз, не переставая всхлипывать, включив громко играющую классическую музыку, чтобы никто меня не услышал. Бывали моменты, когда мне казалось, что боль от расстояния между нами заставит меня лежать, скрючившись, на полу. Слепящее летнее солнце Майами, тяжесть влажного воздуха, весёлая болтовня и занятые чем-то люди, мимо которых я проходила, когда я выбиралась на улицу – да что мог кто-нибудь знать о моих фантазиях? Или о демонах, с которыми я боролась по ночам, или о том, как мне приходилось стискивать зубы в течение дня, чтобы выдавить из себя простейшие любезности «извините меня», «спасибо», «прошу прощения»? *Пожалуйста, миссис Джоунс. Пожалуйста, пожалуйста.*

Иногда я получала от неё ответное письмо, размеренное и доброе, в духе предостережения– признавая, по всей вероятности, что нам нужно соблюдать некие границы, потому что мы уже находимся за рамками отношений пациента и психоаналитика. Я чувствовала глубокое облегчение каждый раз, когда она мне писала; это означало, что она не умерла, и что я тоже не мертва, по крайней мере, для неё. Своими словами она пыталась успокоить меня, признавая, что этот переходный период давался мне нелегко, и что она желает, чтобы мне вскоре стало легче. Она знала, что я по ней скучала. Надо держаться, и всё будет хорошо.

А затем неожиданно была череда новостей про перестрелки на рабочем месте, рассерженных почтовых работников, о трупах коллег- последствиях чьего-то приступа ярости. Почтальон оставил аудиозапись своих мыслей, бессвязных и бредовых, которые не очень-то отличались от моих собственных. Его слова звучали как слова ненормального. *Могла бы я совершить такое? Или, может, я уже это сделала? Может быть, я массовый убийца? Может, я - это он? Может, это я застрелила всех этих людей?*

Может, они убили не того человека? Эти мысли преследовали меня неделями, я мучилась вопросом, не приложила ли я руку к этой кровавой бойне. Может, они обвинили невинного человека? Должна ли я пойти в полицию и признаться? Я – зло, Голоса и команды. Кто-то должен выполнить их приказ. Скажи им убираться!

Кенни и Марджи Коллинз, мои старые друзья по Вандербильту, жили в Карбондейле, штат Иллинойс, где Кенни уже шесть лет преподавал английский язык в Университете Южного Иллинойса. Мы поддерживали близкие отношения, и они пригласили меня в гости. Отчаянно желая перемены обстановки и испытывая ностальгию по той простой определенности, которую мне всегда давала дружба с ними, я собралась и оставила Майами в надежде хорошо провести время в поездке.

Первым этапом полёта был прямой рейс в Сант-Луис; отсюда я летела на турбовинтовом самолёте до ближайшего к Карбондейлу аэропорта. Самолёт был меньше и шумнее, чем те, к которым я привыкла. Также он летел гораздо ниже над землёй, чем трансатлантические реактивные самолёты, и я ощущала каждой клеточкой своего тела землю, проносящуюся под нами, с ясно различимыми фермами, реками, дорогами, и машинами. С каждой проходящей минутой у меня крепла уверенность, что должно случиться что-то ужасное, что самолёт разобьётся и сгорит, и что только моя сосредоточенность может это предотвратить. Может быть, если я задержу дыхание. Может быть, если я закрою глаза и начну считать. Нет, закрывать глаза в момент смертельно-деструктивных фантазий было плохой идеей, мне нужно было быть настороже.

Конечно же, ничего не случилось. Полёт был не богат событиями, мы приземлились в целостности и сохранности, и улыбки моих дорогих друзей, встречавших меня, утихомирили мои фантазии. По мере того, как я начала приходить в себя, я пыталась, как могла, участвовать в суматошном обмене новостями и сплетнями, которым предаются друзья после долгой разлуки. Я болтала, как сорока, про Оксфорд, про годы, которые я провела в Англии, о трудностях переезда, о сложных задачах, которые мне предстояло решить в Йельском университете. Казалось, что я была напугана тем, что может случиться, как только я закрою рот.

Кенни и Марджи жили в большом уютном старом доме и старались изо всех сил, чтобы я чувствовала себя там как дома. Их жизнь вместе казалась такой мирной, такой обыкновенной. Кенни нравилась его работа, его студенты и коллеги; Марджи была также довольна своей работой воспитателем в местном детском саду. Они знали про мою госпитализацию, но я никогда не говорила им про то, что у меня был психоз. Я хотела, чтобы они ко мне хорошо относились. Я не хотела, чтобы они смотрели на меня как на сумасшедшую. Больше всего мне хотелось остаться с ними подольше, надеясь впитать их нормальность, набраться мужества из их источника внутренней уверенности во мне и доверия, что я была хорошим другом и порядочным, приличным человеком. Но я не могла заставить себя прекратить писать миссис Джоунс, а по ночам - перестать плакать.

Вскоре после моего возвращения в Майами пришло время готовиться к поездке на север, в Йель. Несмотря на то, что я находилась в радостном предвкушении этой поездки, когда пришло время строить планы и принимать решения, я позорно провалилась, и к тому же запаниковала. Я составляла списки того, что мне нужно сделать, потом так же быстро вычёркивала одну строчку и вписывала другую. Лететь ли мне в нью-йоркский аэропорт Ла Гвардия, хотя Нью Хейвен был всего в двух часах? Если да, то когда я доберусь до университета? Или же лететь в Хартфорд, который был ближе, но куда было меньше рейсов? В какое время дня лучше лететь? Брать ли всё необходимое с собой или послать багаж и зимние вещи заранее? И что по поводу одежды? Факультет права, входящий в Лигу плюща...¹²

Одна мысль о походе за покупками с моей мамой приводила меня в ужас (я подозреваю, что её тоже), поэтому опять я обратилась к каталогу L.L.Bean за большей частью тёмными и носкими брюками, рубашками и свитерами. Моя мама в беспокойстве почти незаметно подняла брови, но я от этого отмахнулась. Я никогда особо не заботилась о том, как я выгляжу, так зачем мне начинать это делать сейчас? Кроме того, у меня не было достаточно энергии, чтобы попусту тратить её на мою внешность, в то время как все мои усилия были сфокусированы на том, чтобы управляться с хаосом в голове.

Йельская школа права - юридический корпус Стерлинг - занимает целый квартал в деловой части Нью-Хейвена, через дорогу от главной университетской библиотеки. Построенный в период депрессии, этот квартал состоит из внушительных зданий в готическом стиле, с соответствующими скульптурами, резными деревянными украшениями, и витражами, многие - со стеклянными медальонами в яркой цветовой палитре.

Звучит красиво, однако, в то время, когда я была там, комплекс зданий был не ухожен, в плохом состоянии, и продуваем сквозняками - только в 1995 году будет проведён так давно необходимый многомиллионный ремонт, который займёт пять лет.

Я должна была жить в квартире с двумя спальнями и общей гостиной вместе с Эмили, живой рыжеволосой девушкой из состоятельной семьи, которая была так рада оказаться здесь, что для любого другого её энтузиазм был бы заразителен. Но не для меня. Я была не в лучшей форме для того, чтобы начинать жизнь заново, и меньше всего в таком устрашающем месте, как Йельская школа права.

¹² Лига плюща (англ. Ivy League) — ассоциация восьми частных американских университетов, расположенных в семи штатах на северо-востоке США. Это название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания в этих университетах. Считается, что члены лиги отличаются высоким качеством образования.

Как только начались занятия, у меня было столько домашних заданий, что мне пришлось перестать писать письма миссис Джоунс. Мы проводили почти двенадцать часов в неделю в аудитории, не считая дополнительных часов в библиотеке до занятий и после них, зачастую засиживаясь допоздна. Школа права и корпуса общежития составляли как бы большой квадрат, поэтому большинство из нас, можно сказать, прыгали из постели прямо в аудиторию. Хотя учёба в Оксфорде была трудной, там мое время и старания ничем не ограничивались. С первых же дней начала занятий в Йеле я как будто бы бежала на беговом тренажере без кнопки «стоп».

Моя личная жизнь была такой, как всегда, когда я приезжала в новое место. Я встречалась с людьми, но не заводила друзей. Я не хотела рисковать, позволив кому бы то ни было узнать правду обо мне. Мне некому было доверять, вряд ли нашелся бы человек, у которого «работа» моего ума не вызвала бы отвращения. И, хотя я всегда чувствовала себя инопланетянкой, это было особенно выражено в эти первые месяцы в Нью Хейвене. Шел 1982 год, и меня не было в стране в течение последних пяти лет. Я почти ничего не знала об американской культуре, или о последних модных направлениях и звёздах, да и ещё меньше этим интересовалась. Разговоры о политике пролетали у меня между ушей; кто-то пытался убить президента Рейгана, пока меня не было, и это едва отметилось в моём сознании. Студенты слушали музыку на маленьких кассетных плеерах с наушниками и разговаривали о видео роликах в жанре рок. Я никогда не видела и не слышала о рок-видео (или неоперившейся еще рок телестанции, МТВ, не говоря уже о кабельном телевидении), и я пропустила фильмы, снятые за пять лет - я не знаю, почему ни я, ни мои друзья в Оксфорде не ходили в кино, как-то так получилось. Я всё ещё носила тёмно-синие кеды, в то время как все остальные перешли на кроссовки для бега, моды того времени. Я говорила с лёгким британским акцентом (который многие американцы принимали за британский, но который любой британец моментально распознает как американский), что, несомненно, смотрелось как важничанье. На самом деле, я подсознательно переняла многое из британского поведения - я держалась на расстоянии от людей, которых я не знала, и меня немного коробило, когда студенты обращались к преподавателям по имени, или задавали личные вопросы, или делали комментарии, которые казались мне грубыми или агрессивными. Все последние пять лет в любом профессиональном окружении ко мне обращались как «мисс Сакс», переключение на «Элин» казалось странным и немного дезориентировало.

Моя переписка с миссис Джоунс была для меня отдушиной или хранилищем для всего моего бреда. Я знала, что человек, читавший мои письма, знал меня, понимал меня и понимал контекст моих писем. Но как только у меня не осталось времени ей писать, не осталось и места для выхода моего сумасшествия, ситуация начала нагнетаться. Вдобавок, я не проходила никакого лечения или терапии, не принимала никаких медикаментов. Было много симптомов, указывающих на то, что мне надо было что-то делать - поговорить с кем-то, принимать какие-то таблетки. Я это знала - в конце концов, я не была идиоткой. Но таблетки - это плохо, препараты - это плохо. Костыли - это плохо. Если тебе

нужен костыль, значит, ты хромой. Это означало, что ты не достаточно силён, чтобы справиться своими силами. Это значит, что ты слаб, что ты бесполезен. Для меня моя собственная полезность определялась одним - *работой*.

Мне нужно работать. Я пыталась проигнорировать свою уверенность в том, что преподаватель по юридическим исследованиям отпускает унижительные комментарии в мой адрес во время лекций. Я пыталась не обращать внимания на других студентов, которые, конечно же, видели во мне только зло и думали, что я умственно отсталая, и говорили обо мне, как я только удалялась на достаточное расстояние, чтобы не расслышать их. И дома не было передышки - там занималась моя вечно жизнерадостная соседка по комнате. Я хотела позвонить миссис Джоунс, но Эмили всегда была дома, а мысль о том, что она могла услышать наш разговор, приводила меня в ужас. Если я только хорошенько постараюсь, сконцентрируюсь, я смогу победить это самостоятельно.

А затем начались сильнейшие бредовые мысли о моём профессоре по контрактному праву, молодой, умной, полной живости и забавной женщине, которую я быстро начала идеализировать. *«Она обо мне заботится. Она - Бог. В её власти сделать так, чтобы у меня всё было хорошо. Она знает про убийства и хочет помочь. Но я всё же не позволю ей убить меня. Она хочет мне помочь. Она обо мне позаботится. Это в её власти, потому что она - Бог. Я могу греться в лучах её божественной славы.»* Каждый вечер часами я купалась в этих мыслях, раздумывая, не должна ли я её поблагодарить за всё, что она для меня делала. Может подарить ей какой-нибудь подарок? Или написать ей письмо?

И всегда эти мысли сопровождалась болью в голове - тяжёлой, бьющей, обжигающей, настоящей болью, не как при физической головной боли, а более интенсивной пульсацией где-то внутри моего черепа; звуковыми волнами. Бывали дни, когда я опасалась, что мой мозг действительно нагревался и мог взорваться. Я представляла себе мозги, разлетающиеся по всей комнате, забрызгивая стены. Когда бы я ни садилась за стол и пыталась читать, я ловила себя на том, что обхватывала руками голову, пытаюсь удержать это всё внутри.

Однажды во время разговора с Эмили я отвернулась от неё и увидела позади себя бородатого костлявого человека с дикими глазами, держащего большой нож и готовящегося атаковать. Я задохнулась от ужаса. Галлюцинация тотчас же исчезла.

«Элин, что такое?» - спросила Эмили.

«Ничего,» - сказала я. «Всё в порядке.»

*

Всего лишь спустя две недели после начала семестра я больше не могла этого переносить, и решила, что мне нужно сходить в студенческую клинику. На первом приёме я встретила американскую версию доктора Барнса, довольно незадачливого молодого психиатра, который лечил меня в Оксфорде. Начинаящий интерн, доктор Бэрд, была явно захвачена врасплох моей нечленораздельной болтовнёй. Тому, как я говорила, можно подобрать

технический термин «словесный салат» (когда кто-то говорит слова, сходные по звучанию, но не связанные по смыслу друг с другом) - хотя в моём случае «фруктовый салат» подошло бы больше.

«Меня зовут Элин. Они меня называли «Элин-Элин, выше ели». В школе. Куда я ходила. Где я сейчас и где у меня проблемы.»

«Какого рода проблемы?» спросила она.

«Есть проблема. Прямо тут в Ривер Сити. В доме нью-хейвенцев¹³. Где нет гавани, ни новой, ни старой. Я просто ищу гавань. Вы можете мне дать гавань? Или вы слишком молоды? Почему вы плачете? Я плачу, потому что голоса подошли к концу своего времени. Время слишком старо. Я уже убила множество людей.»

«Ну, э, послушайте, Элин.» - начала она, посмотрев сначала в свою записную книжку, потом опять на меня. «Мне кажется, у вас какие-то психологические трудности. Есть такое понятие как мания, которое описывает фиксацию на ложном убеждении, не основанном на реальности. Кажется, именно это с вами и происходит.»

Я поблагодарила её за лекцию. Она закрыла записную книжку и сказала, что примет меня на следующей неделе.

Выходя от неё, я испугалась. Все выходило из-под моего контроля, а я не знала, куда бежать за помощью. Единственный человек, который, я знала, мог бы помочь мне, был по другую сторону океана. Больше всего меня волновало, кто может случайно пострадать, если моя голова действительно взорвётся. *Феномен «молчаливого наблюдателя».*

Парой дней позже, в пятницу после полудня, я убедилась в том, что я не продержусь эти выходные, и пошла на приём к дежурному врачу в студенческой медицинской службе. Психиатр на дежурстве была приятной и более знающей, чем та молодая женщина, которая принимала меня в прошлый раз; эта молодая специалистка по душевным болезням говорила с латиноамериканским акцентом и выражала крайнее сочувствие. Но, однако, уже через несколько минут после начала нашей встречи я быстро решила, что мне нужно вести мою часть нашего разговора изнутри небольшого одежного шкафа. Я встала и направилась к нему, и затем втиснулась вовнутрь. Но она не стала мириться с таким поведением.

«Если вы не выйдете оттуда сейчас же и не будете со мной разговаривать, Элин, мне придётся вас госпитализировать.»

Я послушно вышла из шкафа и села. «В Китае идёт война,» - сказала я. «Нужно быть хорошо вооружённым. Вы Бог? Вы когда-нибудь кого-нибудь убивали?»

«Нет, нет, не убивала,» - сказала она спокойно. «Элин, если после нашей беседы вы вернётесь в свою комнату, как вы думаете - вы потерпите до конца выходных?»

¹³ англ. New Haven переводится как «Новая Гавань»

Я покачала головой. Мой рот выдал еще порцию тарабарщины.

Она позвала ещё одного врача, молодого социального работника, невысокого и крепкого, с видом, явно не допускавшим никаких глупостей. *Он хороший*, подумала я. *Не страшный. Пока не страшный.*

Задав мне ещё несколько вопросов и не получив ничего за свои труды, они объявили, что, по их мнению, лучше всего дать мне немного лекарства.

«Оно называется трилафон,» - сказала женщина. «Это нейролептик. Он поможет вам справиться с вашим спутанным мышлением. »

Я хорошо знала, что такое нейролептик - это психотропный препарат с ужасными побочными эффектами, сильнейшее успокоительное, от которого руки и ноги начинают бесконтрольно дрожать (и иногда это необратимо), и в худшем случае от него можно и умереть. Да я ни за что не буду принимать их дурацкий препарат. *Почему я должна принимать лекарство только потому, что я говорю то, что другие думают, но, по какой-то причине, не говорят? Мы все думаем так, наш мозг таков; а вовсе я не нервнобольная и вообще не больная.* Не сказала ли я это вслух? Я не была уверена.

Это двое позвали третьего - главу психиатрической службы, низенького седого пожилого мужчину. Угрюмого. Заслуженного. Все трое убеждали меня принять лекарство.

«Нет, нет,» - говорила я. «Я не могу этого сделать. Позвоните мужу моей подруги Джин, Ричарду. Он невролог. Они знают меня по Англии, но они сейчас живут в Вашингтоне - они вам скажут. Ричард знает всё про мой разум, он знает, что мне лучше сделать.»

Они качали головами. Они начали мне казаться куклами. Марионетками. «Элин, если вы не согласитесь принять лекарство, возможно, нам придется положить вас в больницу.»

Эти слова пронзили меня, как молния, и заставили меня сфокусироваться, начать следить за собственной речью и словами, камушками падающими изо рта. «Ничего этого не нужно.» - сказала я твёрдо. «Даже просто проведя время здесь, поговорив с вами - я уже чувствую себя лучше. Если вы меня отправите в больницу, они меня сразу же отпустят. Мы не можете силой удерживать человека, который так разумно себя ведёт, как я. Я выйду отсюда немедленно.»

Это была игра, но она сработала. Они согласились позволить мне провести выходные в студенческом медпункте вместо больницы. И хотя они продолжали приводить свои аргументы в пользу трилафона, они обещали не заставлять меня принимать его силой.

Я выиграла битву. Но я проиграла войну.

Социальный работник проводил меня обратно в мою комнату в общежитии, чтобы собрать вещи; потом мы пошли назад, и я временно поселилась в медпункте, на последнем этаже здания студенческой поликлиники. Все это меня не обрадовало, но я постаралась успокоить себя, что я сделала все возможное. *По крайней мере, ты не в больнице. Ведь ты была на волоске от неё.*

Я сидела на краю кровати очень долго, как мне показалось, потом решила, что мне надо осмотреться. К моему удивлению, я обнаружила, что могу легко дойти до лифтов без вмешательства посторонних, и доехать вниз до первого этажа, что я и сделала. Я стояла снаружи на ступеньках крыльца по крайней мере полчаса, куря сигарету и раздумывая, что делать дальше.

Это был прекрасный осенний вечер, какие бывают в Новой Англии, с ясным небом, полным звёзд. Воздух был свежим и бодрящим, и в студенческом городке разливалось ощущение покоя и порядка. *Я не должна здесь находиться, подумала я. Я должна быть в библиотеке, должна заниматься; это всё большая ошибка, досадное недоразумение. Но уже по крайней мере десять вечера, слишком опасно гулять по району одной. Они могут огорчиться и рассердиться, если заметят моё отсутствие. Ну, какого чёрта, лучше пойти обратно наверх и провести ночь здесь.* Вздыхая, я вернулась внутрь и направилась к лифту, оставив позади восхитительную ночь.

Когда я шла обратно в отделение, одна из медсестёр увидела меня и закричала: «Вот она!»

Вздвогнув, я бросилась бежать, как лиса, заслышавшая лай борзых. Вылетев через ближайšie двери, я понеслась вниз по пожарной лестнице, и слышала, как они бегут за мной. Их голоса неслись эхом вниз, их ботинки тяжело стучали по металлическим ступеням. Опережая их едва ли на один пролёт, я добежала до одного из нижних этажей, где мне попалась открытая дверь. Это оказалась детская игровая комната. Тяжело дыша и согнувшись в три погибели, я заползла под крошечный столик, свернувшись в самый маленький комочек, в какой могла умудриться. Я слышала переполох снаружи, как они звали меня, бегали вперёд-назад по коридорам, пытаясь найти меня. В конце концов, кто-то вошёл в комнату, где я пряталась, и зажёл свет.

«Я её нашла!»

Я стала бессвязно упрашивать ее. «Массы мастифов идут сюда! Эти массы, болезни! Почему они так со мной поступают? Почему?»

Сотрудники быстро собрались посоветоваться друг с другом и стали ко мне достаточно близко, чтобы я не убежала. К тому времени, как приехали врачи-консультанты, я уже была в своей комнате, спокойно сидела на кровати, и могла сформулировать вразумительное предложение.

«Что происходит, Элин?» - спросил социальный работник.

Я пожала плечами. «Мне было скучно, я решила прогуляться.»

«Понятно,» - сказал он. «А не думали ли вы о том, чтобы уйти, пока прогуливались?»

«Я об этом думала,» - призналась я. «Но решила остаться.»

«Правильное решение,» - сказал он и улыбнулся. «А как вы себя сейчас чувствуете?»

«Прекрасно. Я в порядке. Всё в порядке.»

«Да, кажется, вы сейчас в порядке,» - сказал он. «Но медперсонал думает, что вами трудно управлять, поэтому вы не можете здесь оставаться.»

Каким бы любезным он ни был, его слова говорили яснее ясного: меня выгоняли из студенческой поликлиники. Позорище. Я не могла решить, разразиться мне смехом или слезами.

Психолог и социальный работник наказали мне провести ночь в моей комнате в общежитии и прийти на приём на следующее утро, чтобы они посмотрели, как мои дела. Я согласилась. Они дали мне маленькую упаковку трилафона, с ободряющими заверениями, что он мне поможет почувствовать себя лучше.

Я никогда не приму ни крошки этого трилафона; единственный раз, когда я подумывала об этом, случился через несколько дней, когда упаковка выпала из моего кармана после урока по конституционному праву, и наш профессор, несколько смущённый, вернул мне её на следующий день.

Тем не менее, я послушно вернулась в студенческую поликлинику на следующее утро. Я не спала, комната была заполнена моими фантазиями, и я, казалось, не могла управлять собственным ртом, когда пришло время встретиться с психологом и социальным работником.

«Раз. Ритм во времени. Время это число,» - сказала я им.

«Вы кажетесь расстроенной сегодня, Элин. Можете ли вы нам сказать, как вы себя чувствуете?»

«Есть поля убийств,» - сказала я. «Головы взрываются. Я не сделала ничего дурного. Они просто говорили «крекс-фекс-пекс». Я раньше каталась на лыжах. Вы пытаетесь убить меня?»

«Нет, конечно же нет, мы только пытаемся помочь вам. Вы ещё подумали о том, чтобы принять лекарство?»

В этот момент я забралась под стол и начала стонать и раскачиваться. Безликие создания парили где-то рядом, невидимые для всех, они чуть не разорвали меня на кусочки. «Они меня убивают. Они меня убивают! Я должна попытаться. Убить. Солгать. Кричать.»

«Мы хотим помочь вам, Элин.» Психолог сказала, что она пойдёт в свой кабинет, чтобы сделать несколько звонков, и что социальный работник должен будет остаться здесь со мной. Я свернулась калачиком прямо там, где была, раскачиваясь и стелая под столом. Создания хотели убить меня, а врачи хотели послать меня в больницу. Я это совершенно точно знала. Мне надо было отсюда выбраться.

Когда я выползла из-под стола, я спокойно сказала симпатичному социальному работнику, что хочу воды. Он проводил меня из комнаты к фонтанчику с питьевой водой. Внезапно я рванулась к боковой двери, надеясь убежать вниз по лестнице, но он двигался очень быстро, поймал меня через несколько шагов и обхватил меня руками, чтобы

задержать Хотя он был невысок, но он был очень силён, и я не могла пошевелиться в его лапах, пока он вёл меня обратно в комнату.

«Извините меня за это,» - сказал он извиняющимся тоном. «Я должен был, понимаете, но я об этом очень сожалею». Несмотря на то, что я была совершенно разбита, я ему поверила. Он хотел быть добрым со мной, но по какой-то причине, ему это было трудно, и причина была во мне.

Психолог вернулась в комнату и сообщила, что найти свободное место в больнице на выходные было сложно. Социальный работник ответил, что может быть, он позвонит в пару мест, узнает, нет ли там такой возможности. Он ушёл, чтобы сделать звонки. Психолог осталась со мной.

Я попаду в больницу в третий раз, я это знала. Я опять буду «неамбулаторной» пациенткой, и они заставят меня принимать лекарства. Каждый нерв в моём теле кричал. Я не хотела в больницу. Я не хотела лекарств. Я просто хотела помощи.

Борясь с ужасом, звучащим в моём голосе, я вежливо спросила психолога, не могли бы мы выйти в коридор, чтобы я могла попить воды. Она последовала за мной из комнаты и по направлению в фонтанчику с водой, и опять я рванулась в боковую дверь и вниз по ступеням. Психолог позвала вслед: «Остановитесь, Элин. Я не смогу вас догнать. Пожалуйста, остановитесь сейчас же!» *Нет нет нет нет нет*. Не видя - ни препятствий, ни других студентов, никого, кто мог бы тарашиться на меня - я бежала всю дорогу через студенческий городок обратно в свою комнату. Слава богу, моей соседки не было дома.

Таким, не предвещающим ничего хорошего, было начало моей юридической карьеры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Я была абсолютно уверена, что кто-нибудь из студенческой поликлиники пошлёт за мной полицию студенческого городка, и я морально приготовилась к их приходу. *Они заберут меня. Они меня запрут*. Я находилась в своей комнате, съёжившись от страха и ожидая неизбежного стука в дверь, в течение долгого времени. Но никто не пришёл. Напуганная, я не могла найти себе места, и решила, что я могу либо прятаться в своей комнате, либо попытаться счастья снаружи. И точно зная, что меня успокоит, я сделала то, что делала всегда, когда меня загоняли в угол - я собрала свои книги и направилась в библиотеку.

Как только я перешагнула через порог, мне стало легче дышать. Я провела там целый день, читая и проверяя свои записи, пытаюсь сосредоточиться на занятиях, предстоящих на следующей неделе. Периодически я поглядывала через плечо, но никто не обращал на

меня никакого внимания. И к концу дня мне удалось успокоиться.

Когда вечером я вернулась в свою комнату, я обнаружила телефонное сообщение от Эмили. Звонила психолог из студенческого медицинского центра - и я подумала, что с её стороны не представиться было очень профессионально и по-доброму. Она попросила, чтобы я перезвонила. Я раздумывала над этим несколько минут - что плохого может случиться, если я этого не сделаю? Но затем я решила, что, учитывая то состояние, в котором я была в течение нескольких предыдущих дней, позвонить ей было неплохой идеей.

Оказалось, что меня приписали другому доктору: Гансу Притцеру, старшему психологу и психоаналитику, который, как я узнала позже, был известен тем, что брался за «самые сложные случаи» в студенческом медицинском центре.

Доктор Притцер был австрийцем небольшой комплекции, рыжеволосым и белолицым; он говорил с сильным акцентом, при этом сссс очень часто выходили как зззз. «Ну и переполох вы учинили в эти выходные,» сказал он мне на нашей первой встрече, слегка покачивая головой, как озабоченный отец - дочери прогульщице. По какой-то причине, я немного расслабилась. «Нам надо работать вмезте, Элин, чтобы избежать подобных происшествий. Как вы зебя чувзтвуете зегодня?»

И как практически всегда, когда мне задавали этот вопрос незнакомые люди, я быстро ответила: «Лучше. Гораздо лучше, спасибо».

«Нет, мне не кажется, что это действительно так,» - сказал он. «Я думаю, что ваша голова занята всяким разным, и что вы должны рассказать мне всё, о чём вы думаете, чтобы мы могли работать с этим и разрешить проблему.» (*работать з этим и разрешить проблему*) Мне было интересно, не так ли точно звучал Фрейд, выговаривая эти ввв и ззз, пока он вёл своих пациентов сквозь чащу их разума. Мой собственный разум опять разгонялся до такой степени, что мне с трудом удавалось сидеть спокойно.

«Люди управляют мной, они внушают мне разные мысли», сказала я ему. «Я не могу им сопротивляться. Они делают это со мной. Я должна их убить. Вы тоже мной управляете? Они заставляют меня ходить кругами по вашему кабинету. Я даю жизнь, и я её забираю.»

Бормоча и расхаживая, я внезапно остановилась посередине предложения, прикованная к месту чем-то или кем-то невидимым, и затем я начала раскачиваться и стонать. Я хотела лечь на кушетку доктора Притцера, но удивилась, обнаружив, что он мне этого не позволил. «Положение лежа приводит к регрессу, - сказал он. Ваше состояние и так уже слишком ухудшилось».

Он удивил меня, сказав, что не думает, что у меня шизофрения. «Вы очень стараетесь найти контакт со мной.» - поделился он своим наблюдением. «И вы успешно живёте и действуете в обществе, тогда как одной из отличительных особенностей шизофрении является *неконтактность и неспособность функционировать*. По крайней мене, это то, что я на данный момент думаю о ситуации».

«А что по поводу лекарств?» - спросила я. «Вы меня будете заставлять принимать таблетки? Потому что я не хочу этого делать. Я не могу это делать. Снадобья - это плохо, вы же знаете».

«Посмотрим, как пойдут дела,» - ответил он. «Мы это обсудим, и по мере того, как я буду узнавать больше о вашей ситуации, мы вместе решим, что делать.»

Я так хотела довериться этому прямодушному джентльмену из Старого Света, единственным преступлением которого на тот момент было только то, что он не был моей обожаемой миссис Джоунс. Мы договорились, что будем встречаться дважды в неделю.

И затем доктор Притцер напомнил, что мне пора уходить.

«Я... Я не могу.» - сказала я. Мои ноги, до того момента такие беспокойные, обратились в камень.

Опять он слегка покачал головой. «Уф, Элин, вы должны. Вам пора. Меня ждёт следующий пациент, мы с вами скоро увидимся.»

Очень неохотно я медленно потащила в приёмную и села. Какие-то неведомые силы удерживали меня от того, чтобы уйти, я просто не могла дойти до двери, которая вела наружу. Через несколько секунд доктор Притцер вошёл в приёмную, чтобы встретить следующую пациентку. Он провёл её в свой кабинет и неожиданно вернулся. «Можете ли вы уйти сейчас, Элин?» - спросил он. С облегчением я обнаружила, что если я приложу мысленные усилия, то смогу. И я ушла.

С этого дня после каждой нашей встречи я проводила какое-то время в приёмной в одиночестве, как будто мне нужно было собрать свои силы для того, чтобы оставить это безопасное место. И Притцер предоставлял мне возможность самой решать, когда мне уходить, и каждый раз мне удавалось принять это решение самостоятельно.

Между тем, я продолжала ходить на занятия, с напряжением заставляя себя сконцентрироваться на работе. Но я всё ещё была уверена, что преподаватель по контрактному праву проявляла обо мне особую заботу. *Может быть, они с Притцером работают вместе над моим случаем? Может, они женаты? Может, в этом есть что-то зловещее. Точно, это эксперимент! Преподаватель контрактного права работает с психологом. У них контракт на мою жизнь. Экспериментальная терапия с посланиями, переданными через судебные дела по контрактам.*

На одном из наших сеансов с доктором Притцером я лихорадочно рассказывала от одной стены его кабинета к другой, всё более и более возбуждаясь, по мере того, как мои мысли становились всё более и более ожесточенными. «Я убивала людей, и я буду убивать снова,» - объявила я. Я почти рычала на него. «Кто ещё находится в этом кабинете вместе с нами? Вы человек?» Я подошла к большому растению с густой листвой, стоящему в углу кабинета и оторвала один из листьев. «Видите? Вот что я могу делать с людьми!»

«Вам не следовало этого делать, Элин.» - сурово сказал доктор Притцер. «Я люблю этот

цветок. Вы больше не должны так делать.»

Отрезвленная, я села и постаралась сидеть спокойно до конца приёма. Он устанавливал границы; я старалась их соблюдать. Но границы никогда не удерживались, по крайней мере, в моём разуме. С течением времени я чувствовала себя во всё большей и большей опасности, как будто я висела над пропастью, держась за выступ, и моя хватка ослабевала.

В классе мне дали задание приготовить мою первую юридическую записку (меморандум). Его задачей было объяснить очень специализированную область закона в сжатой и убедительной форме. В меморандуме вы рассматриваете вопрос с обеих сторон; в записке по делу (резюме) вы отстаиваете точку зрения только одной из сторон. Задание было дано за две недели, были установлены его формат и длина – не более пятнадцати страниц. Как и со всеми моими другими границами, я нарушила и эту – в дополнение к домашним заданиям по трём другим предметам, я работала над этим меморандумом днём и ночью, часами, без сна. А когда я закончила, мой документ был длиной в пятьдесят страниц. Я позже узнала, что человек, который отвечал за оценку наших работ, посчитал, что это была одна из двух лучших работ из всех, сданных на оценку в тот год. Но это было не то, что было задано. «Очень хорошо». – сказал ассистент преподавателя. «Но это не меморандум – это, скорее, можно назвать статьей.»

Закон точен; от меня также ожидалось быть точной. И я хотела быть таковой. Но каждый раз что-то внутри меня заставляло делать больше того, что от меня требовалось. Работа никуда не годилась. Я ни на что не годилась.

Затем мне задали подготовить второй меморандум. Но на тот момент это было то же самое, что потребовать от меня забраться на Эверест в сникерсах. Слишком взбудораженная, чтобы читать, я видела только слова, бессвязно разбросанные по странице. Что ещё хуже, я не могла запомнить ничего из того, что я читала до определенного места, и когда я пыталась писать, выходила сплошная тарабарщина – цепочка бессвязных слов и фраз, которые ничего не значили, не были связаны с контекстом – точно так же, как это случилось и в Оксфорде, когда я переживала самое трудное время. *Миссис Джоунс, где вы? Вы мне нужны. Мы уже были в такой ситуации, и вы меня из неё вывели. Где вы?*

Всю мою жизнь книги были моим спасательным кругом, убежищем, тихой гаванью, куда я могла убежать, когда ничто другое не помогало. Но сейчас книги показывали мне страницу за страницей, в которых не было никакого смысла. В панике, я схватилась за свой зачитанный экземпляр Аристотеля, но и она меня предала. *Пустота, пустота.*

Я поприветствовала двух моих однокурсников в зале библиотеки Йельской Юридической Школы. Было десять часов вечера, пятница.

Один из них, по имени Бунтарь («потому что я родился с неправильным прилежанием», объяснял он), был из Алабамы, вторая была женщина по имени Вал. Они оба были частью

моей «малой группы» - единственным классом с небольшим количеством студентов-первокурсников в Йеле. Обоим не особенно нравилось находиться в библиотеке - это было начало выходных, в конце концов - и было предостаточно более увлекательных занятий, которыми можно было заняться в этот час в пятницу вечером. Но по моему настоянию мы назначили встречу в библиотеке, чтобы работать над нашим заданием - вторым меморандумом. Несмотря на то, что у каждого из нас был свой меморандум, нам разрешили готовиться вместе. Мы должны были это сделать, закончить его, написать его, мы должны...

«Меморандумы - это наказание божье,» - объявила я им. «Они делают заявления. Заявления у вас в голове. Так обычно говорила Пат. Вы когда-нибудь кого-нибудь убивали?»

Мои сокурсники посмотрели на меня, как будто бы их - или меня - окатили ушатом холодной воды. «Шутишь, да?» - сострил один из них. «О чём это ты, Элин?»

«Да про то же. Ну, вы же знаете. Небеса и ад. Кто есть что, что есть кто. Эй!» - сказала я, вскочив со стула. «Давайте вылезем на крышу. Да ну же, это не опасно.»

Я поспешила к ближайшему большому окну, открыла его и вылезла на крышу, которая была плоской и совершенно не страшной. Через несколько мгновений Бунтарь и Вал последовали за мной. «Конечно, полиция может нас увидеть и прислать команду особого назначения,» - сказала я со смехом. «Вы только себе это представьте: «один-девять-девять, один-девять-девять, вызываю подмогу - группа подозрительных лиц пытается ворваться в Йельскую юридическую библиотеку.» Да уж, как будто *тут* много чего ценного.»

Они не могли не рассмеяться в ответ. Они спросили, что на меня нашло.

«Это настоящая я,» - объявила я, размахивая руками над головой. И затем, в пятничный вечер на крыше библиотеки юридического факультета Йельского университета, я начала петь, совсем не тихонько: «Поедем во Флориду к солнечным цветам. Хотите потанцевать?»

Улыбки как будто смыло с их лиц. «Ты что, на наркотиках? - спросил один из них. - Ты под кайфом?»

«Под кайфом? Я? Ни за что. Никаких наркотиков! Да ладно вам, давайте танцевать! Поедем во Флориду к солнечным цветам. Где делают лимоны. Где живут демоны. Тут кроме нас ещё кто-нибудь есть? Эй, погодите минутку, да что это с вами, ребята? Куда вы?»

Бунтарь и Вал развернулись и направились обратно в библиотеку. «Ты меня пугаешь.» - сказал кто-то из них.

Я пожалала плечами. «Ну хорошо. Я тогда тоже полезу обратно. Только там ничего нет. Ничего.»

Пока мы забирались обратно через окно, один из моих однокурсников сказал что-то про

студенческий медицинский центр. «Может быть, э-э-э..., тебе туда обратиться?»

«Да я туда уже хожу,» - сказала я. «Дважды в неделю.»

«А. Ну, понятно. А не пойти ли тебе туда прямо сейчас?»

Я покачала головой. «Нет, не сейчас. Мне надо работать. Нам надо написать этот меморандум.»

Как только мы опять расположились вокруг стола, я начала тщательно складывать башню из книг. Потом я перемешала и разложила заново конспекты. Не успокоившись на этом, я опять перемешала и разложила их заново. «Я не знаю, испытываете ли вы то же ощущение, что и я - что слова прыгают по страницам, - сказала я. - Мне кажется, что кто-то проник в мои конспекты. Мы выходим на проспекты. Я не верю в проспекты будущего. Но у них есть аспекты.»

Этого вынести они уже не могли. «Уже почти полночь, у нас тут ничего толком не получается. Пошли отсюда; мы можем попробовать завтра опять».

«Нет, нет, я ещё не могу пойти домой. Мне нужно работать. Причуда. Природы».

«Элин, нам надо идти», - сказали они, собирая книги и нервно оглядываясь по сторонам. Что-то их явно напугало. «Пожалуйста. И тебе лучше пойти с нами».

«Нет, я не могу. Мне надо работать. Я останусь здесь и спрячусь в куче книг».

Я оставалась в библиотеке долгое время после из ухода, сидя в одиночестве на полу между двумя штабелями книг, бормоча себе под нос. В библиотеке становилось всё тише, секция за секцией выключался свет. В конце концов, испугавшись, что меня здесь запрут на ночь, я встала и ушла, склонив голову, чтобы не встречаться глазами ни с кем из моих однокурсников, что было маловероятно в этот поздний час, когда единственным посетителем был ничего не подозревавший охранник, стоявший у входа.

Конечно, снаружи было абсолютно темно. Я всегда чувствовала себя неудобно в такой темноте - по крайней мере, не на земле; на крыше было куда как приятнее. Меня всю трясло, пока я шла в свою комнату. И придя туда, я не могла успокоиться, не могла заснуть. Моя голова была переполнена шумом. Слишком полна лимонами, меморандумами, которые я не могла написать, и массовыми убийствами, за которые, я знала, я буду в ответе. Сидя на кровати, я раскачивалась вперёд-назад, стена от одиночества и изолированности.

В конце концов, это случилось со мной: я сломалась в присутствии других, перед коллегами, моими однокурсниками по юридическому факультету. Кем была я, чем была я, всё вышло наружу. Теперь все узнают правду - о моей никчёмности, о том, что я зло. Когда я переживала не лучшее время в Оксфорде, само знание того, что я смогу каждый день видеть миссис Джоунс, помогало мне сдерживать свой бред в присутствии других людей, или когда мне нужно было работать. Но без миссис Джоунс, к которой я могла придти со своим безумием, и без удовлетворения от моих занятий, в горах гилеадских не

было никакого бальзама¹⁴. Что-то взламывало и разжимало мой кулак, мою хватку, палец за пальцем, и теперь очень скоро я просто проваливалась в дыру в пространстве.

После бессонной ночи я упрямо вернулась в библиотеку и опять попыталась взяться за меморандум, но я не могла заставить голову работать. В панике я практически вбежала в кабинет нашего профессора. Там никого не было. Я стала ждать. Когда профессор М. пришёл, он косо посмотрел на меня.

«Я пришла поговорить про свой меморандум,» сказала я. «Я хотела бы попросить для него побольше времени.»

«Почему бы нам не пройти в мой кабинет и обсудить этот вопрос,» предложил он. Когда я села на стул перед его столом, я сгорбилась, подняв плечи к ушам, как будто ожидая удара.

«В материалы для меморандума кто-то проник,» - сказала я, глядя на свои ботинки. «Они прыгают вокруг. Я очень хорошо прыгала в длину. Потому что я высокая. Свысока. В этой комнате ещё кто-то есть? Это дело принципа. Есть план. Люди подбрасывают вещи и потом говорят, что это моя вина. Я раньше была Богом, но потом меня понизили. А вы Бог?»

Профессор М. оставался идеально спокойным. «Вы кажетесь очень расстроенной, Элин.»

Моя голова была наполнена жужжанием. Лимоны, меморандумы и массовые убийства.

«Ну, со всеми этими убийствами совершенно естественно быть расстроенной.» - сказала я. Затем я пустилась в свою песенку про солнечную Флориду, кружась по его офису и размахивая руками, как птица - крыльями. Затем я пошла в угол кабинета и села, продолжая петь.

Профессор М. смотрел на меня. Было трудно прочитать, что было написано на его лице. Испугался ли он меня? Или был сбит с толку? Я не могла понять. Может, он тоже не мог понять, что именно он чувствовал.

«Я очень беспокоюсь за вас, Элин». - наконец сказал он. Мне нужно немного поработать в офисе, а после этого, может, вы могли бы придти к нам в гости и поужинать со мной и моей семьёй? Что вы об этом думаете?»

Как разумно это звучало. «Да,» - сказала я. «Это будет очень приятно. Но если вы не возражаете, я просто выйду через это окно и подожду вас на крыше, пока не придёт время вместе пойти на ужин». Если это и не показалось профессору М. хорошей идеей, то он этого не показал. И я вышла из его окна на крышу.

¹⁴ Гилеадским бальзам назван в честь горы Гилеад в Израиле, где его разводили в древности. Гилеадский бальзам упоминается в Библии - в Книге бытия и Книге Иеремии. Гилеадский бальзам ценился за свой запах.

Я провела следующий час или около того на крыше юридического факультета Йельского университета, смеясь, распевая и болтая абракадабру. Там я нашла кусок телефонного провода длиной в несколько метров, и смастерила себе нечто вроде пояса. Я подбирала всякие металлические предметы, валяющиеся на крыше, и приматывала их к поясу. Лучшей находкой был довольно длинный гвоздь, Я положила его в карман брюк, на тот случай, если бы мне понадобилась защита. *Никогда не знаешь, в какой момент придётся защищаться.*

«Элин? Не могли бы вы вернуться в мой офис?» - это был опять профессор М., стоящий у окна. «Я поговорил с женой,» - сказал он, «и мы бы хотели, чтобы вы не только присоединились к нашему ужину, но, может быть, остались бы на ночь».

Я подумала, что предложение было исключительно великодушным, и сказала ему о том, насколько я ценю их доброту. Поужинать домашней едой, в окружении людей, с которыми приятно поговорить, провести вместе время... Возможно, это даже помешает моей голове взорваться и забрызгать стены.

Итак, мы с профессором М. вместе прогулялись по кампусу Йельского университета в этот чудесный осенний субботний вечер; я была в своём поясе из телефонного кабеля. Ужин в его доме прошёл не очень хорошо, поэтому профессор М. решил позвонить в студенческий медицинский центр, чтобы поговорить с дежурным психиатром – назовём его Доктором.

Когда профессор М. передал мне трубку, Доктор кратко проинформировал меня, что вчера ему позвонил кто-то с юридического факультета и сообщил, что у меня помутился рассудок. Затем он задал мне несколько вопросов, на которые я давала совершенно не относящиеся к делу ответы, и затем он предложил, чтобы я пришла в центр к нему на приём. Он говорил, как человек, который смотрел на часы и постукивал ногой, ожидая моего ответа. «Я не знаю,» - сказала я. «Нет, впрочем, я не думаю, что приду».

Я думала, что Доктор удивился и предложил мне подумать. (И между прочим, по моему опыту, слова «просто успокойтесь» почти неизбежно производят противоположный эффект на человека, к которому вы обращаетесь.) «Знаете, вы на самом деле козёл,» - сказала я и повесила трубку.

«Я и сам не думаю, что он в этом разобрался, Элин,» - сказал профессор М., подразумевая его собственный разговор с Доктором.

«Я думаю, мне нужно поговорить с моим другом Ричардом,» - сказала я. «Он невролог, между прочим». Что-то должно было вот-вот случиться со мной, я не была уверена, что именно, но я знала, что это будет что-то неприятное. Было ясно, что для меня было жизненно важным собрать все свои силы в кулак.

Когда профессор М. набрал номер, и моя подруга Джин подняла трубку, я сказала: «Это я, я звоню, чтобы поговорить с тобой и Ричардом».

«У тебя странный голос.» - сказал Джин. «Что происходит? Как сама-то?»

«Ну, сама-то я вверх. И вниз. И по всему кругу,» - сказала я. «Это из-за тех приказов, которые вложили мне в голову». Затем я прошептала Джин так тихо и так быстро, как только могла, что я старалась изо всех сил, что я и вправду очень старалась. «А здесь происходят мерзкие вещи. Меня загнали в угол и на меня указывают все стрелки. Прилагаются усилия, чтобы убить меня». Я засунула руку в карман; гвоздь с крыши юридического факультета был всё ещё там.

Голос Ричарда раздался в телефоне: «Элин?» - сказал он. «Что-то не так?»

«Приезжай во Флориду к солнечному дереву,» - поприветствовала я его.

Пауза, потом: «Что ты имеешь в виду?» - спросил он.

«Свежевыжатый натуральный лимонный сок, конечно же. Там натуральный вулкан. Они вложили его в мою голову. Он извергается. Я убила много людей. Я убила детей. Вон там цветок на полке. Я вижу, как он цветёт. Ты кого-нибудь убивал, Ричард? Мой учитель – Бог. Я раньше была Богом, но меня разжаловали. Ты думаешь, это вопрос Килиманджаро?»

«Как давно ты себя так чувствуешь?» - спросил Ричард.

«Это не вопрос чувств.» - сказала я ему. «Это вопрос вещей, которые со мной происходят. Я даю жизнь, и я ее забираю. Не связывайся со мной, Ричард, даже не пытайся. Я убивала людей и получше тебя. Детей. Лимонный сок. Точка».

«Элин, ты должна уже знать, что тебе незачем меня бояться,» - сказал он. «Мы с Джин хотим тебе только лучшего, мы никогда не причиним тебе боли или вреда, и не позволим кому бы то ни было это сделать».

«Но люди пытаются *убить* меня,» - простонала я. «Что мне делать? Они в небе. Они меня убивают. Я этого не делала».

Добрый и нежным голосом Ричард сказал, что понимает, как я расстроена. «Теперь позволь мне поговорить с твоим другом профессором М., пожалуйста». Я послушно передала трубку профессору. По его выражению лица я могла сказать, что его очень расстроило то, что он услышал от Ричарда. Он сказал ему, что у меня психотический припадок, и что мне срочно нужно в больницу. Оставалась вероятность, что я представляю собой опасность, даже для ребёнка профессора М.. (Я никогда никому не навредила. Всё равно, в тот момент это предположение не было лишено смысла, принимая во внимание то, что я наговорила по телефону Ричарду – не мудро, что он опасался меня).

Так что не стоило удивляться, что профессор М. тут же позвонил Доктору и сказал, что немедленно привезёт меня в приёмный покой неотложной помощи.

«Нет, нет, пожалуйста.» - умоляла я. «Не забирайте меня в больницу. Мне от этого будет только хуже, пожалуйста, не надо меня туда везти. Я в порядке. Я чуть-чуть расстроилась, но теперь я в полном порядке. *Пожалуйста*, не отдавайте меня в неотложку».

Профессор М. попытался меня подбодрить, но в то же время был непреклонен: «Нет, я думаю, что нам надо отвезти вас в больницу, Элин. Вы умная молодая женщина, и вы не в себе. И Ричард, который знает вас и заботится о вас, тоже думает, что вам лучше пойти в больницу. В любом случае, вам нельзя оставаться одной, и, прошу прощения, но я не могу позволить вам оставаться здесь. В больнице вы сможете поговорить с теми, кто сможет вам помочь».

Я попыталась успокоиться, и сделать упор на том, чтобы убедить его принять мою точку зрения. «Спасибо, но нет, я так не думаю. Я бы хотела вызвать такси, чтобы вернуться домой».

Но профессор был непреклонен – он вывел меня из дома, подвёл к машине, открыл дверь и бережно, но в то же время решительно усадил меня на пассажирское сиденье.

Я нервно болтала всю дорогу до Йельской больницы Нью-Хейвена. «Боже мой, уже поздно, вам вовсе не надо оставаться со мной,» - сказала я. «Но может быть я могу занять у вас немного денег? Мне нужно будет вызвать такси после окончания приёма. Это займёт пять-десять минут от силы, они вам скажут, что со мной всё в порядке, я в этом уверена».

«Да, конечно,» - сказал он. «Я одолжу вам денег».

Когда мы подъехали к входу в отделение неотложной помощи, не дав профессору М. заглушить двигатель, я выпрыгнула из машины и бросилась бежать в противоположном направлении. Я не планировала побег, но я была напугана. Меня обложили со всех сторон. Студенты знали, учителя знали, Ричард знал. *Это конец. Конец.*

Этот район был не из тех, по которому женщине – или кому бы то ни было – можно было бегать в ночи в одиночестве, без денег и без малейшего представления, куда направиться. К счастью, профессор М. догнал меня в конце квартала, твёрдо взял под руку и развернул меня обратно в сторону больницы. «Так лучше,» - сказал он.

Мы оба сели в приёмной. Дежурная сестра начала заполнять необходимые бумаги, и я быстро объяснила ей, что мой друг, профессор М., страдал ужасными болями в желудке, и что ему нужно было срочно лечь в больницу. При этом я истерически смеялась.

Через несколько минут я оказалась в небольшой комнате, в ожидании Доктора. Роль профессора М. как ангела-хранителя подошла к концу, и он уехал домой. На его месте был санитар, массивный мужчина с нежным лицом и мягким голосом. «Это займёт всего несколько минут, мисс. Не волнуйтесь.»

«Не хотите ли потанцевать?» - спросила я. Улыбнувшись, он отказался.

«Ну, тогда я сама потанцую, если вы не возражаете,» - сказала я и, вальсируя по комнате, попыталась объяснить свою ситуацию. «Люди пытаются меня убить. Они меня сегодня уже много раз убили. Это может и на вас перекинуться». Я размотала свой пояс из телефонного провода и несколько раз щёлкнула им в воздухе. «Это очень мощное оружие,» - сказала я.

«Я вижу,» - сказал санитар. «Знаете, мисс, я думаю, мне необходимо его у вас забрать. Возможно, это не самая лучшая мысль - держать его здесь».

Я сделала шаг назад. «Нет,» - сказала я.

«Да. - сказал он. – Прошу прощения. Дайте мне его, пожалуйста».

С неохотой я отдала пояс. «Но вы не должны забрать мой гвоздь». – сказала я, похлопывая себя по карману.

Санитар спросил, что я делала в Нью Хейвене.

«Я студентка юридического факультета». - сказала я.

«О, это интересно,» - сказал он. «Должно быть тяжело там учиться. Вы знаете, у нас был еще студент с юридического как-то ночью, у него тоже были проблемы с головой, его звали ***».

Будет ли этот приятный мужчина вскоре рассказывать кому-то и обо *мне*? Если моя голова взорвётся, её содержимое разлетится по всей комнате, и вряд ли это кому-то покажется образцом светской беседы. Я думала, что информация о здоровье была конфиденциальной. (И действительно, даже профессор М. – хотя без сомнения из самых лучших побуждений – рассказал моим однокурсникам на семинаре про то, что меня госпитализировали с нервным срывом).

«Что с ним случилось?» - спросила я. «Со студентом с юридического, я имею в виду».

«А, они ему просто дали какое-то лекарство и отправили домой». Этот ответ почти развеял мои опасения по поводу конфиденциальности: студента не положили в больницу? Он просто принял лекарство, и его отпустили? Мне никогда и в голову не приходило думать об этом в таком ключе. Я не была в больнице в течение трёх лет и не собиралась сейчас перелистывать эту страницу моей жизни; если прием лекарства был моей единственной соломинкой, то я бы за нее ухватилась.

Затем пришёл Доктор.

Он был именно таким, каким я его представляла по нашему телефонному разговору: низенький, насквозь казенный (до шарика авторучки, которой он не переставал щёлкать), авторитарный и нетерпеливый. *Человек, который заставляет поезда ходить по расписанию*. Моя рука проскользнула в карман, и пальцы сжались вокруг гвоздя-оружия. Его глаза проследили за моей рукой.

«Дайте мне это,» - сказал он.

«Нет,» - сказала я.

Он немедленно вызвал охрану. Пришёл другой санитар, уже не такой приятный, в интересы которого не входило оставлять мне мой гвоздь. Он моментально вырвал гвоздь из моих пальцев, и на этом всё закончилось. В течение нескольких секунд Доктор и целая команда громил бросились на меня, схватили, подняли со стула, швырнули на стоящую

поблизости кровать с такой силой, что у меня искры из глаз посыпались. Затем они привязали мне ноги и руки к металлической кровати толстыми кожаными ремнями.

Из моего рта раздался звук, которого я никогда до этого не слышала. Полу-стон, полу-крик, едва ли человеческий, звук чистого ужаса. Затем звук раздался опять, выдвинутый чем-то из глубины моего живота и царапая моё горло по живому. «*Heeeeeet*,» - кричала я. «Перестаньте, не делайте этого со мной!» Я посмотрела вверх, и увидела лицо, наблюдающее всю эту сцену через окно в стальной двери. Почему она смотрела на меня? Кто она? Я была как экспонат, как образец, беспомощный жучок, насаженный на булавку без всякой надежды сбежать. «Пожалуйста,» - умоляла я. «Пожалуйста, это Средневековые какое-то. Пожалуйста, нет!» В какой-то момент среди этого хаоса меня внезапно озарила одна мысль - что если бы Миссис Джоунс была здесь, этого бы не произошло. Она бы никогда не позволила такому случиться. С миссис Джоунс мы работали со словами, а не с путами. Она никогда бы не стояла, наблюдая, как мне причиняют боль, запугивают, заставляют меня чувствовать себя одинокой и беспомощной.

«Считайте обратно от ста семёрками,» - нараспев сказал Доктор. Я посмотрела на него, как на сумасшедшего. Считать? Для *него*? Вообще *что бы то ни было* для него делать? Я пришла в больницу напуганная, запутавшаяся и в параноидальном состоянии. До сих пор он не сделал ровным счетом ничего, чтобы улучшить ситуацию. И смотрите, вот опять, лицо по другую сторону окошка. Кто-то оплатил входной билет, чтобы посмотреть на безумную женщину?

В комнату вошла медсестра с подносом, на котором стоял маленький бумажный стаканчик. «Пожалуйста, выпейте это,» - сказала она.

«Нет, - ответила я. – Сами выпейте».

«Если вы не выпьете, мне придётся сделать вам укол». - сказала она бесстрастным голосом. У меня, связанной по рукам и ногам, не было выбора. Давясь и захлёбываясь, я попыталась сжать зубы, но не могла. Это была моя первая доза психотропного препарата.

В ужасе от того, что я исчезаю, я боролась со своими путами, пытаюсь доказать себе, что я всё ещё здесь. Я уменьшаюсь, я исчезаю. Ремни причиняли боль, и сильную. Но, по крайней мере, боль означала, что я ещё не испарилась.

Доктор был, как всегда, очень понимающим и полным идей; он произнёс одно из школьно-учительских «тц-тц» цокающих звуков и закатил глаза в знак неодобрения. Мне было интересно, почему он пошёл в психиатрию. «Вы ведёте себя так, как будто вы хотите попасть в больницу,» - сказал он. «Поэтому вы окажетесь на больничной койке».

Значит, весь вопрос был просто в том, как я себя вела? Он говорил так, как будто самое страшное, чего мне надо было бояться, так это того, что меня отправят в постель без молока и печенья. «Нет, спасибо,» - ответила я. «И не могли бы вы, пожалуйста, развязать эти ремни? Мне больно. И они унижают мое человеческое достоинство».

«Нет. - сказал он. – Я хочу, чтобы вы согласились лечь в психиатрическую клинику».

«Вы что, сдурели? – бросила я в ответ. – Клиника – там место вам, а не мне. Я в порядке. И я хочу пойти домой. Мне надо работать. Развяжите меня».

Доктор сказал, что он выпишет «Медицинский сертификат неотложной помощи», который позволяет больнице удерживать меня в течение пятнадцати дней. Позже я узнала, что в этом сертификате он меня назвал «представляющей опасность для самой себя и для окружающих»; он также описал меня как «тяжелобольную». Его доводы? Потому что я не справлялась со своей домашней работой на юридическом факультете. По истечении пятнадцати дней я буду иметь право на разбор дела о насильственной госпитализации, если захочу.

Конечно, я узнала об этих технических подробностях гораздо позже. Всё, что я знала в тот момент, было то, что меня кладут в больницу. Вне зависимости от чего бы то ни было.

Однако оказалось, что в психиатрическом отделении больницы Нью Хейвена не было свободных мест, поэтому они отправили меня на другой конец города – в Йельский психиатрический институт. «Вы там будете в безопасности,» - сказал Доктор.

«Я была бы в безопасности и дома. В безопасности от вас, во всяком случае». - сказала я.

Когда прибыли работники скорой помощи, я была поражена привлекательной внешностью одного из них. «Вы кинозвезда? – спросила я. – Я уверена, что вы кинозвезда. Ваше имя вертится у меня на кончике языка, только не могу вспомнить».

Моё облегчение от того, что с меня сняли ремни, длилось всего десять секунд; они тотчас же пристегнули меня к каталке скорой помощи.

«Зачем? – спросила я молодого и красивого санитаря. – Почему вы со мной так обращаетесь?»

Он смущенно взглянул на меня и отвёл глаза. «Извините, но таковы правила».

Правила. Новые правила. Мне надо будет выучить только много новых правил. «Не могли бы вы накрыть мне лицо перед тем, как вывезти меня отсюда?» - попросила я с мольбой. – Я не хочу, чтобы меня кто-либо видел в таком состоянии».

Он очень бережно накрыл мне голову белой простыней, и каталка была вывезена из кабинета и поехала к машине скорой помощи. *(Наверное, вот так чувствуешь себя, когда умрёшь.)*

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Когда мы приехали в Йельский институт психиатрии, санитары отнесли меня на носилках наверх, где уже ждали медсёстры и прочий персонал. Коридоры были узкими и тусклыми, как это принято в казённых заведениях. Тут содержат сумасшедших, поэтому кого заботит интерьер?

Меня поместили в изолятор – пустую комнату с одной единственной кроватью. Осматриваясь, я почти ни на что не реагировала; было давно за полночь, и к тому же я была одурманена лекарствами. Единственное, чего я хотела, это спать; и эта кровать годилась для этого, как и любая другая.

Дежурным психиатром в ту ночь была доктор Гриффит, молодая женщина со светлыми волосами; Доктору до ее отношения к пациентам было как до Луны. У нее была приятная улыбка и обнадеживающие манеры. То есть, до тех пор, пока я не услышала, что она говорила. «Пожалуйста, наденьте на себя умиряющие ремни, Элин.» - указала на кровать доктор Гриффит.

Нет, я *не могу*. «Пожалуйста, это совершенно не нужно.» - умоляла я их – незнакомых людей в странном месте, посреди этой странной ночи.

Довольно крупный мужчина, как я потом узнала, студент богословского факультета, навис надо мной и пробурчал: «Или вы сами себя привяжете, или мы вас привяжем. На ваш выбор».

Может, я и была психически больной, но мой детектор источника опасности, тем не менее, сработал. «Можно подумать, что вы здесь главный». - проворчала я.

«Ну, хорошо, хорошо», - сказала доктор Гриффит, жестом указывая ему отступить. «Тогда просто ложитесь на кровать, и мы побеседуем. Без ремней».

Меня накрыла волна облегчения, и я тяжело осела на кровать, мечтая только о том, чтобы склонить голову на подушку – и в этот момент все, кто был в комнате, сделали то же, что и медперсонал в приёмном покое неотложной помощи. В момент они схватили,

пригвоздили и привязали кожаными ремнями к кровати мои руки и ноги.

Я кричала изо всех сил и сражалась с этим множеством рук, которые прижимали меня к кровати, но мне было до них далеко, и вскоре кожаные перевязи были прочно застёгнуты. Но дальше пошло еще хуже, видимо, связать меня по рукам и ногам было недостаточно. Они накрыли меня сеткой – настоящей *сетью* – от шеи до щиколоток, накрыв ноги, тело, грудь. И затем они плотно натянули её с четырёх углов. Я не могла пошевелиться, и чувствовала, как у меня перехватывает дыхание.

«Я не могу дышать! Я не могу дышать!» - кричала я.

«Можете», - ответили голоса хором. Они стояли надо мной, наблюдая. Я продолжала задыхаться и умолять, и, в конце концов, они несколько ослабили сеть, и я смогла вдохнуть. (Позже я узнала, что каждый год около ста человек умирают в больницах США в процессе «усмирения»).

После того, как меня надежно усмирили и я «стала безопасной», как сказал бы Доктор - все ушли, даже доктор Гриффит. Студент богословия остался сидеть на страже около открытой двери в мою палату.

Ничто в Уорнфорде не приводило меня в такой ужас, как эта ситуация. Никакая галлюцинация, никакая угроза демонических сил или импульсов, которые я не могла контролировать, ничто меня так не держало в заложниках. Никто из моих знакомых, никто из тех, кто любил меня, не знали, что я была здесь, привязанная к кровати и с сеткой, наброшенной на меня. Я была одна в глубокой ночи, терзаемая злом – как снаружи, так и внутри меня. В этот момент было трудно себе вообразить, что старинное значение слова «госпиталь» было «убежище». Кров. Уют. Защита. *Ничего подобного.*

Я была настолько же рассержена, как и испугана, и изо всех сил пыталась найти способ продемонстрировать неповиновение - задача не из лёгких, когда вас привязали ремнями к четырём углам и пришили сетью для ловли тунца. Я была связана... но без кляпа во рту! Итак, я вздохнула так глубоко, как могла, и начала во все горло петь своего любимого Бетховена. Конечно, не «Оду к радости», а Пятую симфонию. Па-па-па-ПАМ! Па-па-па-ПАМ! Вот, смотрите, как он смог вложить столько мощи всего в четыре простые ноты! Они разносились хорошим эхом по коридорам, и я повторила их снова.

В течение нескольких часов я пела их и кричала их, и вопила их изо всех сил, которые во мне оставались. Я отбивалась от существ, которые меня атаковали, я рвалась из ремней, я пела с надрывом в сердце, вырывая из себя лёгкие. Периодически ко мне приходила медсестра с очередным маленьким стаканчиком раствора успокоительного. Я пассивно глотала лекарство, и затем изо всех сил старалась бороться с туманом, который оно вызывало. Па-па-па ПАМ!

Наконец, выбившись из сил, я уснула, взмокшая, разбитая и обозленная. Я спала где-то около часа, когда вернулась доктор Гриффит со своим куратором, доктором Грином. Он

мне показался на удивление молодым для того, чтобы иметь власть над дальнейшим ходом событий. «Как вы себя сейчас чувствуете?» - спросил он.

Я хотела огрызнуться, дескать «Ага, трудно чувствовать себя бодрой, когда целая толпа на тебя набрасывается, привязывает тебя к кровати и заливают лекарства тебе в глотку». Но я этого не сделала.

«Я чувствую себя гораздо лучше», - сказала я, с трудом выдерживая подходящий тон раболепия и раскаяния. «Я прошу прощения за то, что учинила такую бучу. Как вы думаете, меня можно развязать? Потому что мне больно».

Нет. «Мы хотели бы, чтобы вы пробыли здесь подольше,» - последовал его загадочный ответ.

К этому моменту я провела шесть часов в смиренных ремнях. У меня болели все мышцы, и была стёрта кожа. Я жаждала возможности вытянуть руку, ногу, да что угодно. Я не могла даже пошевелить ступнями. Свет внутри помещения казался серым, как будто бы он просочился откуда-то из другого места. «Что со мной не так?» - спросила я.

«Прошлой ночью у вас был приступ психоза.» - ответил доктор Грин.

«Но *какого* психоза? Почему это со мной происходит?»

Он покачал головой. Профессиональное качание головой, принятое в психиатрических учреждениях, становилось мне привычным. «Мы пока не можем сказать.» - ответил он.

«Пожалуйста, не могла бы я вернуться к своим занятиям, пока вы пытаетесь разобраться?» - спросила я. «Как по поводу амбулаторного лечения? Я уже через это проходила. Мне нужно вернуться в университет, здесь я теряю драгоценное время».

«Не так быстро, - сказал Грин. - Вы ещё слишком больны. И нам нужно больше времени, чтобы понаблюдать, как на вас действуют лекарства».

«Я думаю, что они хорошо действуют,» - сказала я, как положено студентке-отличнице. «Потому что мои мысли гораздо яснее.» И это было действительно так.

Он согласился - очевидно, моё состояние улучшалось. Однако плохой новостью было то, что он считал, что пора связаться с моими родителями.

«Что? Почему? Нет, ни при каких обстоятельствах! Я против того, чтобы им звонили, вы меня слышите? Я против того, чтобы им сообщали обо всём этом! Им вовсе не надо этого знать!»

Я думала, что доктор Грин меня понял, я думала, что он согласился уважать мои желания. Но из больницы всё же им *позвонили*; как выяснилось, этого требовал закон штата Коннектикут.

Два доктора задали мне ещё несколько вопросов - о моих чувствах, об истории моей болезни - но повторили, что они пока не хотят освободить меня от пут; я должна была продемонстрировать свою способность оставаться спокойной. Затем они оставили меня в

покое.

В течение трех следующих часов я смотрела в потолок, чувствовала, как пульс бьётся в кистях рук и в щиколотках, в тех местах, которые соприкасались со сдерживающими меня ремнями, с трудом удерживаясь от того, чтобы не издать душераздирающий крик банши¹⁵. Я каким-то образом умудрилась удержать своих демонов под контролем. Любой признак слабости - и кто знает, как долго я буду находиться в этом состоянии заложницы.

Доктор Гриффит наконец-то вернулась, и с хорошими новостями. «Мы освободим ваши ноги, Элин, и посмотрим, как будут идти дела», - сказала она. По их мнению, дела шли нормально. Мне удалось быть достаточно спокойной, и к семи вечера меня, наконец-то, полностью освободили от пут. Меня перевели в палату Программы Интенсивной Помощи, где находилось несколько сотрудников и небольшое количество пациентов, которые, как считали врачи, должны были находиться под наблюдением. Как всегда, остро ощущая на себе взгляды других людей, я размяла руки и ноги, подвигав ими. Свобода движения, которую у вас отобрали и затем вернули, это замечательный дар. Почему я этого никогда не ценила?

Не зная о том, что моим родителям уже позвонили из больницы, я спросила, могу ли я им позвонить сама. Мне надо было попытаться рассказать им о том, что происходит - или, по крайней мере, ту версию происходящего, которую они будут в состоянии принять, как я думала. Мне разрешили подойти до ближайшего телефона на этаже и позвонить во Флориду (за счет получателя звонка). Тщательно подбирая слова и следя за стилем изложения, я осторожно сказала маме и папе о том, что у меня опять были прежние проблемы - почти те же самые, что и в Англии, и что я была в больнице несколько дней, что меня лечат очень компетентные врачи, очень приятные люди, и что всё идёт хорошо, и что я была уверена, что ситуация исправится сама по себе очень скоро.

«Нет, правда, это был просто небольшой рецидив. Возможно от стресса, это очень сложный факультет и требовательный университет, как вы знаете. Может, мне просто нужно отдохнуть, прийти в себя и попривыкнуть».

В ответ, мой отец был спокоен и логичен. Он задал мне несколько практических вопросов, и казался довольным моими ответами. Но мамин голос немного дрожал, и я слышала в нём неуверенность.

Её младший брат, мой дядя Норм, уже довольно долго боролся с серьёзной психологической проблемой. Он получил медицинский диплом после тридцати, но не смог пройти квалификационной комиссии и никогда не работал по специальности. Ему

¹⁵ **Банши́**, баньши ([англ.](#) *banshee* [ˈbænsiː], от [ирл.](#) *bean sídhe* [ˈbʲæn ˈʃiː] — женщина из [Ши](#)) — фигура [ирландского фольклора](#), [женщина](#), которая, согласно поверьям, является возле дома обречённого на [смерть человека](#) и своими характерными стонами и рыданиями оповещает, что час его кончины близок.

поставили диагноз «депрессия». Он был красивым, приятным человеком, очень стеснительным и тихим. Хотя я никогда подробно не обсуждала его болезнь с мамой (это не было в характере ни одной из нас), я знала, что она очень о нём беспокоилась. Сейчас, услышав, что я опять была больна, она казалась слабой и испуганной - в этот момент я стала говорить ещё более оптимистично, полная решимости её успокоить и не растревожить ее еще больше. «Ну, в самом деле, я себя немного лучше сейчас чувствую,» - сказала я, «меня, возможно, выпишут через день-другой».

Тем не менее, мои родители сказали, что они приедут меня повидать, и в этот момент уровень моей собственной тревоги подскочил до потолка. «Нет, нет, в этом совершенно нет никакой необходимости, всё будет хорошо.» Но они настаивали. Я тоже.

Странно, однако, я начала сознавать, что я чувствовала что-то вроде тоски по ним. Они на самом деле были мне нужны, я хотела, чтобы они приехали, я хотела их видеть. Мне нужно было, чтобы кто-то был здесь, со мной, на моей стороне. Но если они приедут, это означало бы, что ситуация будет официально признана медицинским и психиатрическим кризисом - а до сих пор мне удавалось не смотреть в лицо этой реальности.

С самых первых дней моей болезни я хранила в секрете все подробности (моего поведения, различных диагнозов, мнений врачей, моих терапевтических сеансов). Причины этого были и остаются сложными. Во-первых, мне было стыдно; уж кто-кто, а человек с моим интеллектом и дисциплиной должен был быть способен держать себя под контролем. Во-вторых, я не хотела, чтобы они беспокоились; у них было ещё двое детей, бизнес, которым они управляли, и их собственные жизни, которые они жили. В конце концов, я была взрослой, и до сих пор мне удавалось не только управляться со всем самой, но и получить два довольно сложных академических диплома.

В-третьих (и это была наиболее деликатная причина), я не хотела, чтобы они вмешивались в мою жизнь. В ней уже было слишком много людей, оценивающих состояние моего мозга и все возможные пути лечения и потенциальные результаты, и при этом ещё даже не был определён точный диагноз. Зачем увеличивать эту докучливую толпу персонажей, если можно было этого избежать? Зачем создавать себе самой проблемы? И к тому же, чем они могли мне помочь?

Итак, до сих пор по моему собственному выбору, мои родители знали о моей болезни только что, что я считала минимально необходимым сообщить им: с одной стороны, я таким образом оберегала их, а с другой, защищала свою частную жизнь и автономию. Теперь с этим было покончено.

Позже в этот же день я уже собиралась покинуть палату Интенсивной Помощи и спросила у одного из сотрудников, могу ли я взять пачку сигарет из сумки; прошло уже больше двадцати четырёх часов с тех пор, как я курила последний раз, и я страстно желала как никотина, так и физического ощущения и ритуала прикуривания. Медсестра разрешила.

Может, это было воздержание от никотина, может последствие телефонного разговора с

родителями. Что бы это ни было, меня внезапно опять охватил страх, и когда я открыла сумку, я заметила небольшой кусок металла в форме кольца, размером с леденец, который я подобрала во время своей прогулки по крыше, перепосанная телефонным кабелем. Он не был острым, совершенно не похожим ни на какое оружие. Скорее, талисман, чем что-либо ещё. Я быстро переместила металлическое кольцо из сумки в карман брюк и, выкурив одну сигарету, я положила вторую в карман вместе с зажигалкой. Всё это, конечно же, было контрабандой, принимая во внимание, кем я была в больнице.

Вскоре после этого мне сказали, что пора готовиться ко сну, и велели переодеться в больничный халат. Когда я начала раздеваться, кусок металла и зажигалка выпали из кармана на пол, привлекая внимание медсестры. В панике, я нагнулась и схватила их, и затем побежала вглубь комнаты, где я спала прошлой ночью.

«Отдайте мне эту металлическую вещь и зажигалку, Элин,» - попросила медсестра.

О, боже. «Нет,» - сказала я. «Мне нужно хранить их, для защиты».

«Вам они не понадобятся,» - сказала она. «Мы вас защитим. Дайте их мне».

«Нет!» - настаивала я. «Вы их не получите, если я вам их не дам, а я не хочу. Если вы попытаете у меня их отобрать, я приму меры».

Я не знаю, откуда это взялось. Я не знаю, почему я была так привязана к этому куску металла и зажигалке, и почему я угрожала медсестре. У меня не было никакого намерения причинять ей вред, да и никому другому тоже; на самом деле, я чувствовала себя маленькой и беспомощной, менее всего собирающейся (и неспособной) причинить вред никому. Тем не менее, слова вырвались из моего рта, непрошенные и пугающие, и я вытянулась в полный рост, пока я их выпаливала.

Медсестра развернулась и вышла из комнаты. Когда она вернулась через несколько минут, с ней пришло несколько сотрудников больницы. По сути - отряд из четырёх-пяти человек.

«Элин, мы хотим, чтобы вы привязали себя ремнями,» - твёрдо сказала медсестра. «И если вы этого не сделаете добровольно, тогда мы вас привяжем».

Я не могла этому поверить. «Я прошу прощения, извините меня,» - умоляла я. «Пожалуйста, не привязывайте меня опять. Я буду себя хорошо вести. Да я просто пошутила. *Пожалуйста!*»

Но я уже проиграла эту битву, и я это знала. Поэтому я пассивно легла обратно на кровать, пока сотрудники делали свое дело. Этот второй раунд был гораздо хуже, чем первый, потому что я знала, что принесут следующие несколько часов.

Несмотря на то, что я принимала триафон доза за дозой, меня атаковали галлюцинации, густым и быстрым роем. Твари в небе хотели меня убить; твари здесь на земле нападали на меня. Никто меня не защитил. Никто не пришёл мне на помощь. И с наступлением ночи мой психоз только усилился. Я пела, вопила, вскрикивала от ужаса. Меня *атаковали*.

И я сражалась с усмирительными ремнями до тех пор, пока у меня не заболела спина, и кожа не покрылась ссадинами. Всё это время дверь в мою палату оставалась открытой; любой, кто проходил по коридору мог заглянуть сюда, и многие так и делали.

В конце концов, изнеможение и лекарства выбросили меня в сон - чёрную дыру снов и кошмаров, и одинокого ноющего тела. К тому времени, как луч дневного света проскользнул в мою комнату, я провела в ремнях большую часть суток. «Пожалуйста, освободите меня,» - причитала я. Но ответом было твёрдое «нет». Если у них и было расписание, по которому они определяли, когда меня можно освободить, они со мной этим знанием не делились. Прошёл день, наступил вечер, и в восемь часов я всё ещё была связана по рукам и ногам.

Наконец-то, медсестра, которой я угрожала прошлым вечером, пришла в палату, опять с серьезно настроенным отрядом сотрудников. Или может быть, в этом случае, жюри присяжных. Призывая всю силу воли, которая у меня осталась, я вымучила из себя извинения - потому что я начала понимать, что просьба о прощении за плохое поведение, обращённая к человеку, против которого была направлена угроза (или оскорбление), была платой за билет обратно на свободу. И действительно, они освободили меня от ремней. Мне с трудом удалось сесть, и комната покачнулась вокруг меня.

«Но вы не можете покинуть эту комнату,» - сказали мне. «Мы ждём, пока освободится место в диагностическом блоке больницы Йель-Нью-Хейвен. Когда это случится, мы пошлём вас туда.»

Может, это был просто сон? Неужели я это сама с собой делала, по какой-то причине, спрятанной так глубоко, что никто не мог точно определить её? Или, может, в конце концов, я была просто ещё одной сумасшедшей? Неужели я проведу всю свою жизнь, ложась и выходя из психиатрических больниц, привязанная к кроватям, пытаюсь отражать атаки извне и снаружи, и неизбежно проигрывая на обоих фронтах?

Через пятнадцать часов я опять прибыла в больницу Йель-Нью-Хейвен, в этот раз в отделение психиатрической диагностики. Специальная палата отделения 10 или Спецпалата номер 10. Ещё одна остановка на пути, каждая веха которого была для меня совершенно непостижимой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Для учреждения, которое якобы существовало для того, чтобы способствовать психологическому здоровью людей, особо нуждающихся в заботе, Йельский Психиатрический Институт был для меня жестоким испытанием. Из двух дней большую часть времени я провела взаперти, связанная, насильно опоенная лекарством, которое (хотя и не без положительного эффекта) быстро привело к видимым побочным эффектам: моё лицо казалось сделанным из дерева и было похожем на маску; походка замедлилась до такого состояния, что стала похожим на шарканье человека после инсульта, чем на мои обычные длинные шаги. И я не могла уследить даже за простейшим разговором. «Как вы себя сегодня чувствуете?» - звучало как древний санскрит.

Я отчаянно надеялась, что Спецпалата номер 10 принесет улучшение. Сама больница, самый большой в Нью-Хейвене университетский госпиталь (в котором проводилось обучение наряду с лечением), была новой и современной, и отделение, в которое меня поместили (на десятом этаже) было маленьким, где обычно находилось менее дюжины пациентов. Меня поместили в палату напротив медсестринского поста (так что любой пациент в этой палате был всегда на виду), и там я ожидала встречи с моим врачом. Несколько часов.

Наконец, меня провели вниз в приёмную доктора Керригана. «Наш план - провести полную диагностику и поставить окончательный диагноз,» - сказал он. «Я знаю, что это было очень сложное и запутанное время для вас, Элин, и мы хотим ответить на некоторые возникшие вопросы. И тогда мы сможем быстро отправить вас к тем специалистам,

которые смогут вам помочь». Все в нем выдавало человека сердечного и вселяющего надежду, но в то же время достаточно авторитарного. Я хотела ему довериться - я хотела довериться хоть кому-нибудь - но я училась не торопиться, выждать, пока люди раскроют свои карты. Поэтому я слушала внимательно, как только могла (что было нелегко в тумане, вызванным медпрепаратом). Но он, кажется, говорил, что мое будущее будет означать сплошные госпитализации.

«Нет, вы не понимаете,» - сказала я. У меня в голове мои голоса звучали как старая долгоиграющая пластинка, поставленная на малой скорости. «Мне нужно вернуться на юридический факультет. Я теряю драгоценное время. Я согласна с диагностикой и с тем, чтобы разработать план лечения, но я не могу оставаться в больнице». Могу же я одновременно и проходить лечение, и учиться? В конце концов, с миссис Джоунс нам это удавалось. И это не были первые курсы колледжа или вечерние курсы для взрослых - я закончила *Оксфорд. Магистратуру*. И при этом с отличными результатами.

Доктор Керриган ответил своей, как я вскоре узнала, любимой фразой-паразитом, очень раздражающей «Я вас понимаю» - несмотря на то, что он не только меня не понимал, но ему было на это глубоко наплевать. «Я вас понимаю,» - сказал он, важно кивая. «И я понимаю ваши опасения. Но я не думаю, что вы можете вернуться в университет, Элин, по крайней мере в обозримом будущем. Вы очень больны».

«Мне сейчас гораздо лучше».

«Мы можем об этом поговорить.» По его тону и выражению лица я поняла, что эта тема была закрыта. Я почувствовала, как будто Керриган двумя пальцами взял и потушил последнюю искру надежды. Я была студенткой, а не пациентом психиатрической больницы - почему он этого не понимает? По мере продолжения нашей беседы, от его слов я стала только ещё безумнее и дезорганизованней, и я начала его перебивать. «Я могу вернуться в университет, когда захочу,» - настаивала я. «Вы не знаете, что я была Богом? Но теперь уже перестала им быть. А что я сейчас, я не могу вам сказать. Вы кого-нибудь убили? Я убила сотни тысяч людей своими мыслями. Это было не по моей вине. Кто-то действует через мой мозг. Я даю жизнь и забираю её». Я встала и начала шагать по комнате. «Я почти такая же большая, как и вы. Вы не можете мне навредить. Видите эту вешалку с вашим пиджаком? Я могу сделать из неё оружие, чтобы защитить себя. Вы не возражаете, если я возьму вашу вешалку?»

«Сядьте,» - сказал он.

«Я не хочу садиться, - сказала я. «Но я хочу эту вешалку».

«Я так не думаю,» - сказал он. «Пожалуйста, сядьте сейчас же».

«Нет, я сейчас хочу вернуться в свою комнату».

«Я думаю, что это хорошая мысль,» - сказал он. «Другая хорошая мысль, что вам надо

провести какое-то время в усмирительных ремнях. Мы верим, что они помогают пациентам чувствовать себя в безопасности, держать себя в руках».

Я не могла поверить своим ушам. «Я вовсе не чувствую себя лучше в смиренных ремнях.» Я умоляла, но я была и рассержена в то же время. По крайней мере, кто-нибудь мог бы спросить *меня*, от чего мне становится лучше, что может мне помочь.

«Нет причин тревожиться,» - сказал он. «Наша политика в отношении смиренных средств отличается от принятой в Йельском психиатрическом. Вы можете от них избавиться даже через полчаса, если всё пойдёт хорошо».

Кто определяет, что «всё хорошо»? - поинтересовалась я. Тон и выражение лица Керригана исключали любую надежду на переговоры - опять у меня не было другого выбора, кроме как бежать, что я и сделала, напрямик в руки подоспевшего персонала. Я боролась, но меня опять привязали к кровати, где я лежала с простынёй, натянутой плотно поперёк груди.

Руководство Спецпалаты номер 10 рассматривало фиксирование людей как форму терапии. И действительно, в моей истории болезни записано рукой Керригана «Применять усмирение без ограничений». И в течение трёх недель они его именно так и применяли.

Поскольку я считалась слишком буйной для любых терапевтических групп, я практически никак не пересекалась с другими пациентами, меня держали от них отдельно. Я часто сидела под маленьким столом в своей комнате, раскачивалась, стонала и несла околесицу, находясь в тисках устрашающих галлюцинаций.

Гораздо позже, когда у меня была возможность прочитать свою собственную историю болезни, я обнаружила, что персонал на самом деле боялся меня; я настолько всех запугала, что была классифицирована как пациентка, находящаяся «под особым наблюдением персонала», что означало, что со мной всегда кто-нибудь находился, наблюдая за каждым моим движением. Персонал стоял у двери, когда я пользовалась туалетом или ванной, и дверь никогда не запиралась. Я могла принимать душ за занавеской, но мой «наблюдатель» мог в любой момент её отдернуть, чтобы посмотреть, что я делаю. Что они и делали. Что меня приводило в ужас.

Когда мне разрешили передвигаться (немного) без сопровождения, я повстречала молодого студента по имени Джеймс. Он явно пережил очень тяжёлый опыт с наркотиками, который привел к маниакальному эпизоду; он рассказал, что его держали в усмирительных ремнях в течение трёх дней. Когда я ему сказала, что это была моя не первая госпитализация, он отреагировал, как будто за время нашей короткой дружбы это было предательством.

«А что, одной было недостаточно?» - сердито спросил он.

«Было, по крайней мере, для меня. Я здесь не по своему выбору, знаешь ли. Я ненавижу больницы. Я надеюсь, что тебе повезёт больше, чем мне, и что ты никогда сюда не вернёшься. По крайней мере, ты можешь что-то для этого *сделать*: никогда больше не

принимать наркотики».

«Я просто не могу поверить, что ты позволила этому с тобой случиться,» - сказал он.

Я пожала плечами. «Это меня подвели все эти убийства. Ну, которые совершались моими мыслями. Взрывы мозга, которые приводили к преступлениям. А ты кого-нибудь убил недавно?»

Джеймс отшатнулся. «Пожалуйста, не говори так. Меня это очень расстраивает».

«Хорошо», - сказала я, и постаралась с тех пор придерживаться моего обещания (чьего?).

Мне позволяли пользоваться только пластиковыми столовыми приборами, и однажды за едой я в шутку подняла пластиковую вилку и сказала присутствующей медсестре, что я могу заколоть её, если захочу. Меня немедленно связали.

Когда я становилась взволнованной и начинала ходить по коридорам, меня связывали.

Я тщательно наблюдала, когда кто-то входил или выходил из отделения; открытая дверь всегда предоставляла возможность убежать. Каждый раз, когда я пыталась это сделать, они меня ловили. И каждый раз меня связывали.

Когда я озвучивала свои галлюцинации (которые, несмотря на мои сверх-усилия, содержали насилие и угрозы персоналу), меня связывали.

На самом деле, любое выражение моих чувств - страха, беспокойства, тоски, терзаний, беспорядочных и галлюцинаторных мыслей - приводило к тому, что меня связывали. Даже юмор здесь был неуместен. Моя привычка блефовать или острить в сложных ситуациях каждый раз истолковывалась неверно, и я опять оказывалась в усмирительных ремнях.

Мой приятель Джеймс никак не мог понять, почему я всё время сама себя подставляю. «Просто делай то, что они тебе говорят,» - сказал он. «Что, это так трудно понять? Ты что, хочешь, чтобы тебя привязывали?»

«Нет,» - сказала я. «Чего я хочу, так это выбраться отсюда. Поэтому я всё время пытаюсь выбежать через дверь. В прошлый раз мне удалось спуститься на целый лестничный пролёт. Я не остановлюсь, пока мне не удастся это сделать. Массовая безработица и интроекция».

Он вздохнул: «*Пожалуйста*, не говори так».

Частью проблемы было то, что я вела себя как пациентка на сеансе психоанализа. Когда мы работали вместе с миссис Джоунс, она меня поощряла говорить именно то, что было у меня на уме, всегда, как бы ни безумно это звучало – в этом, собственно, и была *суть* психоанализа, так он работал. Иначе, как бы она могла знать, что происходит внутри меня? Но люди из Спецпалаты номер 10 не хотели этого знать. Если они не были терпимыми к тому, что происходило в моей голове, то почему они вообще там работали? Когда мой спутанный мыслительный процесс проявлял себя, они отправляли меня в

больничную версию «тайм аута». И где в этом было «лечение»? Хотели ли они помочь мне выздороветь, чувствовать себя лучше, или они просто хотели, чтобы я была социально приемлемой? В целом, единственное, что они мне «говорили» таким обращением, было: «веди себя прилично!».

Это классическая ловушка для психиатрических пациентов. Они борются с мыслями о нанесении вреда самим себе или окружающим, и в то же время они отчаянно нуждаются в помощи тех, кому они угрожают. Вот парадокс: скажи, о чём ты думаешь, и будут последствия; борись, чтобы держать свои бредовые мысли при себе, и ты, скорее всего, не получишь никакой помощи.

Персонал решил, что мой лекарственный режим недостаточно эффективен, поэтому Керриган, не желая превысить максимально рекомендуемую дозу трилафона, подключил валиум. Я ненавидела валиум – я чувствовала себя одурманенной, он притуплял те остатки мыслительного процесса, которые у меня ещё были. Я практически видела, как мой интеллект махал мне ручкой на прощание.

Однажды я просто отказалась принимать валиум. Персонал навалился на меня и вколол дозу. Я позже прочитала в своей истории болезни, что валиум не эффективен, когда его применяют в инъекциях. Он просто не работает. Даже не зная этого, я задавалась вопросом, чьи нужды они обслуживали в этом отделении.

После общения с доктором Керриганом и персоналом Спецпалаты номер 10 мои родители приехали меня навестить. (Однажды я услышала, как пара медсестёр обсуждала их отсутствие: «Где же родители Сакс?», и мне было стыдно. Несмотря на то, что они сообщили мне о своём намерении приехать, на это ушло больше недели). К моему удивлению, они привезли с собой двух моих братьев. Хотя их приезд был для меня поддержкой, я одновременно была в ужасе от того, что они были здесь. Никто из них никогда не видел меня в таком состоянии. Я чувствовала себя никчёмной, неудачницей. Но я не могла сказать им о том, что я чувствовала, и они, конечно, не могли спросить. И как ни старались они хранить хорошую мину во время нашего общения, они тоже были ошеломлены тем, к чему скатилась моя жизнь в юридической школе, едва ли два месяца спустя после моего приезда в Йель.

Нам разрешили провести вместе ужин в День благодарения, в маленькой столовой, которую «зарезервировали» только для нашей семьи. И как мы всегда делали во время наших совместных летних месяцев и каникул, мои родители и я старались, как могли, чтобы наши разговоры были поверхностными и ограничивались лёгкими, даже шутливыми темами, тогда как вся серьезность моей ситуации была где-то под спудом, как паровой котел, который мог взорваться и разнести меня на куски. Мы шутили, что в стенах замурованы жучки и что нас, наверное, подслушивают, и наш смех отзывался эхом по залу. Мои братья были несколько тише и по выражению из глаз я видела, что они были растеряны и испуганы.

Семейный терапевт позже напишет, что мои родители отнеслись к моей болезни с лёгкостью, не хотели принять ее всерьез. На самом деле, вплоть до этого времени они знали только то, что я им говорила, и когда бы мы ни были вместе, в том числе и на этот раз, я всегда делала всё, что могла, чтобы *скрыть* серьёзность происходящего: я шутила, смеялась и была благодарна, когда они делали то же самое. Это был наш способ справляться с ситуацией; это было нашей привычкой – у каждой семьи есть привычки. Легкомысленность и непочтительность предоставляли нам возможность быть вместе, чтобы любой из нас не развалился на части.

У меня были и другие посетители. Двое моих сокурсников, которые узнали, что случилось, пришли однажды днём, и хотя для меня было очевидным, что они с трудом находили темы для разговора, меня это подбодрило, и я была тронута тем, что они вообще пришли. И мой дорогой друг Сэм из Оксфорда, который жил в Нью-Йорке, тоже приехал меня навестить. Когда я показала ему кожаные ремни на моей кровати, которыми меня привязывали, он содрогнулся и покачал головой. Он понял. И это придало мне мужества. Здесь было легко почувствовать себя изолированной и одинокой; каждый из тех людей, кому я была небезразлична настолько, что они пришли меня навестить, давал мне надежду на то, что я была достойна спасения.

Конечно же, посетителей отправляли обратно, когда я была в усмирительных ремнях (хотя по очевидным причинам им об этом не сообщалось). И поэтому некоторые уходили, думая, что это я не хотела их видеть, когда ничего не могло быть дальше от истины. Но при этом находиться в компании было иногда очень утомительно и только все усложняло. Я собирала всю свою волю в кулак и фокусировалась на том, чтобы держать моих демонов под контролем во время посещения, и затем разваливалась на части, как только друзья и родственники уходили.

Молодой Джеймс выписался после моей первой недели в Спецпалате номер 10, и затем я встретила двух новых пациентов, Сюзан и Марка, и почти каждый день мы проводили немного времени вместе (то есть, когда я не была в усмирительных ремнях или не пыталась убежать). Сюзан, примерно моего возраста, страдала булимией. Это расстройство только недавно было признано медицинским сообществом, но ещё было далеко от его понимания – в большей части лечение, казалось, состояло из вариантов «господства разума над материей».

«Мой врач говорит, что я должна перестать объедаться и вызывать рвоту,» - сказала Сюзан. «Она сказала, что есть простое решение моей проблемы – просто перестать это делать».

Я вспомнила, как мои родители и доктор Хамилтон, в сущности, говорили то же самое про мою анорексию: «Знаешь, по-моему, вот это «просто перестань это делать» обычно говорится кем-то, кто просто не может это понять».

Она кивнула. «Теперь они собираются перевести меня в палату с пожилыми людьми, в которой держат максимум один месяц. Думаешь, это может мне помочь?»

«Люди здесь - просто отстой!» - сказала я. «Выходит, тебе станет лучше в другой палате. Я надеюсь, там ты получишь то, что тебе поможет, очень надеюсь».

Марку было едва ли восемнадцать и у него явно было какое-то органическое повреждение, хотя я не знала его причины. У него не было краткосрочной памяти (мне приходилось представляться каждый раз, когда мы наталкивались друг на друга), он постоянно был в состоянии полной спутанности, и ему было сложно как разговаривать, так и понимать речь, обращённую к нему. Но он был так очаровательно и беззащитно молод, что было трудно не испытывать к нему материнских чувств. *Это ребёнок*, - думала я, с каждым разом чувствуя всё больше гнева и желания защитить его, - *почему он не может быть в каком-нибудь другом месте, поприветливее, где работали бы профессионалы, которые могли бы лучше о нём позаботиться?*

Однажды Марк сказал мне, что ему назначили ночную электро-энцефалограмму, которая помогла бы врачам получить более детальную картину паттернов его мозговых волн. Он едва ли это понял, и несколько дней отказывался от этой процедуры. (Где были его родители? – удивлялась я). Он никоим образом не мог понять доводы врачей. Всё, что он знал, это что они собираются прикрепить электроды на его голову, делать что-то пугающее с его мозгом, и продолжать это до утра.

«Не волнуйся,» - успокаивала его я, как только могла. – «Эти штуки на твоей голове не иголки – они не причинят тебе боли, ты вообще ничего не почувствуешь. Они как маленькие фотокамеры, они будут снимать картинки, которые доктора потом посмотрят, чтобы помочь тебе почувствовать себя лучше».

«Но почему они делают это со мной?» - спросил он дрожащим голосом. «А что если они допустят ошибку и сделают это неправильно?» «Такого не случится, - сказала я. – Они знают, что делают. Это им поможет починить то, что испорчено». Я почувствовала себя немного лицемером – я была практически уверена, что они *не знали*, что делали. «Давай-ка сыграем в карты. В любую игру, какую ты хочешь».

Тем временем «Медицинский сертификат неотложной помощи», который был подписан при моем приёме в Йельскую Психиатрическую Клинику, подходил к концу срока действия. Сертификат позволял больнице держать меня против моей воли в течение пятнадцати дней; по истечении этого времени был возможен один из трёх вариантов. Больница могла меня отпустить, чего я хотела, но что явно не могло случиться. Я могла согласиться остаться в больнице, подписав бумагу о «добровольном согласии», которая означала бы, что я сказала «Да, я согласна остаться здесь для лечения». Но этого тоже не произойдёт.

Третий вариант был запросом больницей формальной процедуры «слушания о принудительной госпитализации». Когда пациент настаивает на выписке, а больница настаивает на том, что пациент должен остаться в больнице, слушание о принудительной

госпитализации проводится перед судьёй, и судья принимает окончательное решение. Выбор был для меня ясен – я буду требовать слушания о принудительной госпитализации, потребую освобождения, и судья, увидев абсурдность ситуации, конечно же, отправит меня обратно в университет.

Мои родители меня от этого отговорили, потому что они понимали яснее меня, что больница одержит верх. «Нет, подпиши «доброволку», Элин, - посоветовал мне папа. – Ты пока ещё не можешь жить самостоятельно, но ты уж точно не хочешь, чтобы в твоём деле было постановление суда, где судья *приказывает* тебе остаться в больнице».

Тогда я не знала, что последствия такого решения суда довольно суровы и долгосрочны. Например, во многих анкетах (такие, как подача заявления на экзамен, требующийся для ведения юридической практики) задают вопрос, не был ли ты «граждански задержан». Тогда я этого не знала, но придёт день, когда я буду очень рада, что мне не приходится отмечать графу «да». Итак, следуя совету отца, я подписала «доброволку».

Затем я узнала ошеломляющую новость – администрация Спецпалаты номер 10 *без моего согласия* или, не поставив меня об этом в известность, позвонили декану юридического факультета, чтобы сообщить, что я не вернусь к занятиям в этом учебном году, а может быть, и никогда. Фактически Спецпалата номер 10 отчислила меня из университета.

Когда персонал рассказал мне об этом, меня переполнило такое чувство предательства, что я едва могла дышать. Что произошло с уверениями в конфиденциальности? Что произошло в их понимании с моей свободой? Хорошо, я была немного с отклонениями, но я не была в *коме* – несомненно, кто-то мог бы и поговорить со мной для начала. Кто-нибудь это сделал? Кто взял на себя право делиться информацией, которая была моей личной, которая принадлежала мне, и которая теперь, вне всякого сомнения, стала частью моего личного дела в университете, возможно, написанной большими жирными буквами?

Совершенно раздавленная, я умоляла родителей позвонить декану и похлопотать о моем деле, чтобы мне было позволено вернуться и продолжить занятия. Они так и сделали. Они, может быть, и не верили, что я уже была готова вернуться – они были реалистами, в конце концов – но в этом жесте они продемонстрировали, что они полностью *в меня верили*, а это было очень мощной поддержкой для меня в тот момент. Несмотря на их поддержку, у декана не было другого выбора, как отвергнуть их запрос. Ничто не было вечным; я всегда могла попробовать ещё раз в следующем году.

И в первый раз, как и обещал Керриган, когда меня положили в больницу, я получила диагноз: «хроническая параноидальная шизофрения в острой стадии». Мой прогноз, как мне сказали, был обозначен как «тяжёлый».

Итак – вот оно. Часть меня ждала этих слов, или чего-то подобного, в течение долгого времени, но это не уменьшило их ошеломляющего воздействия, или того, что они означали для моей жизни.

Несмотря на мои продолжающиеся сложности ещё с поры первого университета (и,

скорее всего, ещё до того времени), я никогда не думала о себе как о «больной» - ни в Вандербилте, ни даже в Оксфорде, где я уж точно была в бредовом состоянии. Я была свято уверена, что у каждого человека были такие запутанные мысли, как у меня, также как и происходящие иногда уходы от реальности, и чувство, что какие-то невидимые силы принуждали их к разрушительному поведению. Разница была только в том, что другие более умело, чем я, скрывали это безумие, и показывали миру здоровую и дееспособную сторону своей личности. Я думала, что то, что было «сломано» во мне, была моя неспособность контролировать свои мысли и фантазии, или держать их при себе. Прочитав всё, что мне попадалось в руки, о душевных болезнях, я не искала диагноза как такового, я искала объяснения своему *поведению*, которое было явно непозволительным. Я думала, что если я смогу в этом разобраться, я смогу его победить. Моя проблема была не в том, что я была безумна, а в том, что я была слаба.

В то лето перед Йельским университетом (когда я вернулась из Оксфорда, и у меня было слишком много свободного времени), я наткнулась на учебник *Диагностика и статистика душевных расстройств* (известный как ДСДР) в библиотеке Майами. Я прочитала его от корки до корки. Знание всегда было моим спасением, но по мере моего погружения в ДСДР, я начала понимать, что иногда оно может быть слишком трудным и пугающим. Я была достаточно умна, чтобы прочитать текст – определения и последствия – и я понимала значение слов. И до определенной степени я даже поняла науку, стоявшую за ними. Но понимание и поведение – не одно и то же; я просто отказывалась признать, осознать, что это имело какое-то отношение ко мне. А теперь вот тут оно и было, в письменном виде: Диагноз. Что именно это значило?

Шизофрения - это заболевание мозга, которое влечёт за собой существенную потерю связи с реальностью. Она часто сопровождается бредовыми расстройствами – то есть фиксированными, но ложными убеждениями – например, что вы убили тысячи людей, и галлюцинациями, ложными сенсорными восприятиями – например, что вы только что видели человека с ножом. Часто речь и разум становятся дезорганизованными до степени бессвязности. Прогноз: я, во многом, потеряю способность следить за собой. Вряд ли можно ожидать, что у меня будет карьера, да даже и работа, которая приносит доход. Я не смогу формировать привязанности, или поддерживать дружбу, или найти кого-то, кто меня полюбит, или завести семью – короче говоря, у меня никогда не будет *жизни*.

В то время было мало оптимистичных медицинских новостей о лечении шизофрении; не было найдено способа исцеления, да и эффективное лечение было редкостью. За исключением нескольких антипсихотических лекарств с немедленными ужасными побочными эффектами и долгосрочными физическими рисками, выбор лекарственных препаратов для лечения страдающих шизофренией был очень мал. Препараты были действенными для одних пациентов, и бесполезными для других. Необходимо было держать их применение под постоянным наблюдением медиков-профессионалов и корректировкой. Разговорная терапия, которая была существенной частью моего лечения,

впала в немилость.

Я всегда была полна оптимизма, считала, что если когда-нибудь загадка того, что происходит со мной, будет разгадана, то проблема может быть решена; теперь же мне сказали, что что бы ни было не так в моей голове - это навсегда и, судя по всему, неизлечимо. Опять и опять я сталкивалась со словами «тяжело протекающее», «непостижимое», «хроническое», «катастрофическое», «изнуряющее» и «потеря». До конца моей жизни. *До конца моей жизни.* Это звучало скорее как смертельный приговор, нежели как медицинский диагноз.

К этому прибавлялась вся мифология шизофрении, созданная в течение многих лет в книгах и фильмах, которые представляли таких людей, как я, безнадежно злобными или беспомощно обреченными. Я стану буйной, по мере того, как галлюцинации станут для меня более реальными, чем сама реальность. Мои психотические эпизоды будут происходить всё чаще, и длиться всё дольше; моё мышление будет тяжело нарушено. Может быть, я закончу свои дни в специальном учреждении; может быть, я буду *жить* всю свою жизнь в специальном учреждении. Или стану бездомной побирuşкой, чья семья не сможет больше о ней заботиться. Я стану тем созданием с вытаращенными глазами, от которого на улице шарахаются все уважающие себя мамы с колясками. *Отойди от этой сумасшедшей!* Я не буду никого любить, никто не будет любить меня. Первый раз в моей жизни я поняла всю глубину слов «это разбило мне сердце».

В давние времена люди, страдающие шизофренией, считались либо проклятыми богами, либо блаженными. В некоторых культурах «видящие» почитались и занимали высокое положение; в других от них шарахались и изгоняли из общества как прокажённых. В менее давние времена один учебник по уходу за больными в 1930-х давал впечатляющий (хотя и невероятный) перечень причин шизофрении: война, брак, онанизм и религиозное бдение.

История шизофрении богата обвинениями целых семей. В соответствии с весомой многовековой мудростью, моя болезнь была вердиктом для моих родителей. Много лет назад один уважаемый психоаналитик пустил в оборот фразу «шизофреническая мать» - буквально, мать, которая создаёт шизофреника. Такая мать, что не удивительно, была описана как холодная, отстранённая, неблагоприятная, даже враждебная, и отвергающая, что ни в коей мере не описывало мою маму и мой опыт жизни и общения с ней. Ещё одна теория утверждала, что родители становятся причиной шизофрении, когда они ставят ребёнка в безвыходное положение («дважды связанного»), когда ребёнок получает сильные противоречащие приказания, например «иди сюда - иди отсюда» или «ты хоршая девочка - но ты очень плохая».

Более современные теории причин шизофрении оспаривают или даже полностью опровергают точку зрения «семейной трансмиссии», фокусируясь, вместо этого, на химических процессах в мозге пациента. Быстрое развитие исследований человеческого генома помогло сместить фокус на генетическую предрасположенность к этой болезни.

Как и в случае многих других семей, в моей семье был случай серьёзного психического заболевания.

Шизофрения развивается в разное время жизни у мужчин и у женщин. У мужчин первые эпизоды случаются в позднем подростковом возрасте или вскоре после двадцати. У большинства женщин распад начинается позже, обычно к моменту между двадцатью пятью и тридцатью годами. Но до того, как болезнь себя проявит, проходит стадия так называемых «предвестников» - когда постепенно любому наблюдательному человеку становится ясно, что не всё в порядке. Возможно, что моя стадия предвестников была в период операции Возврат. Конечно же, тот эпизод, когда дома посылали мне пугающие сообщения на долгом пути домой, был громким предупреждением о том, что последует. Но период времени между началом болезни и постановкой диагноза (и лечения) может варьироваться от нескольких недель до нескольких лет, как в моём случае. И недавние исследования показывают, что ранний диагноз (который ведёт к лечению менее выраженных симптомов) приводит к лучшим результатам. Исследователи начинают изучать преимущества вмешательства на стадии, предшествующей тому, когда поведение молодых людей становится деструктивным и изолирующим - потенциально даже вмешательства до наступления первого психотического эпизода.

Но проблема в том, что симптомы-предвестники, в отдельности или в сочетании, очень похожи на то, через что проходят многие здоровые подростки в переходном возрасте: расстройства сна, сложности концентрации, неясные чувства напряжения и беспокойства, личностные изменения, и, возможно, уход из социальной жизни сверстников. Зачастую родители позже осознают (после того, как поставлен диагноз), что был явный период предвестников, когда они спрашивали себя, не страдает ли их ребёнок от депрессии. Действительно, в наше время как подросткам, так и взрослым иногда выписывают антидепрессанты, чтобы бороться с этой стороной их болезни. Оглядываясь назад, я думаю, что операция Возврат сослужила для меня похожую службу, дав мне огромное количество стимулов и внимания в то время, когда я легко могла бы замкнуться в своём мире, под предлогом того, что я была стеснительным или замкнутым подростком.

Чтобы запутать ситуацию окончательно, шизофрению часто клинически путают с биполярным расстройством (которое раньше называли маниакально-депрессивным расстройством) или в популярной интерпретации путают с диссоциирующим расстройством идентичности (также известным как раздвоение личности). Но схемы лечения этих расстройств существенно отличаются. И вероятность отсутствия диагноза или постановки неверного диагноза огромна.

Мой диагноз не был поставлен рано; меня не лечили долгое время. Годы я спотыкалась в темноте, сжимая в руке своего Аристотеля и пробираясь по жизни как только могла, пока, наконец, мне не повезло с мудрым руководством Миссис Джоунс, что дало мне шанс надеяться на будущее. Но с объявлением диагноза доктором Керриганом, этот период надежды официально подошел к концу.

Все в Спецпалате номер 10 были уверены, что моя следующая госпитализация продлится годы, не недели или месяцы. Я им не верила, но я держала это при себе - быть откровенной о своих мыслях явно играло против меня. Мы с родителями подумывали о переводе в Бостон или Нью-Йорк, но, в конце концов, я настояла на возврате в Йельский Психиатрический Институт. Так я останусь в Нью-Хейвене, рядом с университетом; по сути, от больницы до института вёл короткий путь вниз с холма. Может быть, мне удастся посетить пару занятий для подготовки к возвращению в следующем году; может быть, мне удастся продолжить и развить те несколько зарождавшихся дружеских отношений, которые были у меня до вынужденного ухода.

Это были трудные несколько недель в Спецпалате номер 10. Я была изнурена и затуманена лекарствами, как наркоман, и в состоянии ужаса от того, что будет дальше. Но когда я села в машину скорой помощи, которая увозила меня оттуда, я почувствовала облегчение от того, что я оставляю это место позади. Ничего из того, что произошло со мной в Спецпалате номер 10 не дало мне ни пользы, ни надежды; я бы сказала, большая часть из того, что там произошло, было бесчеловечным и неэффективным. Но Йельский Психиатрический давал мне некую связующую нить с жизнью, которую я всё равно надеялась вести. Тонкую, но всё же ниточку, и это всё, что у меня было.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Первым пациентом, которого я встретила в Йельском Психиатрическом, был Эрик. Выпускник университета Лиги плюща, Эрик был немного старше меня и тоже провёл некоторое время в Спецпалате номер 10. «Я был там где-то год назад, но они меня отпустили,» - рассказал он мне. «Я бы хотел, чтобы они меня оставили, и потом перевели сюда, как они сделали с тобой. Но я обманул их, заставил поверить, что я в порядке. И пошёл домой. И убил своего отца».

Я была уверена, что мне послышалось. «Извини, что ты сделал?»

Он кивнул: «Я его задушил».

Я потеряла дар речи. И была в ужасе. На самом деле задушить своего отца? Поднять руку и действительно убить кого-то? Это было совсем не то же самое, что мысли, которые могут убивать. Кроме того, существа действовали *через* меня; Эрик, как казалось, был агентом своей собственной воли.

Мои родители приехали из Майами на первую встречу с моей лечащей командой - врачами, психологами, социальными работниками и медперсоналом. Когда нас спросили о моих отношениях с Уорреном, моим братом, я перестала раскачиваться и тихо напевать на достаточно долгое время, чтобы исправить грамматику задавшего вопрос врача. «Нет, это между «нами», а не между «мной и тобой». Я могу только себе представить сейчас (но это было совершенно очевидно в то время), что для моих родителей видеть в своей дочери такое усиление распада личности, должно было быть чистой пыткой.

Меня включили в программу интенсивного ухода. Мои дни будут проходить в маленькой комнате вместе с кем-нибудь из персонала и парой других пациентов. Я буду есть отдельно от всех (никакого общения в кафетерии для меня) и спать по ночам взаперти в полном одиночестве. И мне запрещалось носить обувь. Таким образом, если я и уйду из здания, персонал мог быть уверен, что я далеко не уйду. Осень в Новой Англии была в полном разгаре, и с каждым днём становилось всё холоднее.

В течение первых трёх недель в Йельском я оставалась выражено психотичной, как и в Спецпалате номер 10. Мне увеличили дозу лекарств, превысив рекомендованный максимум для трилафона. Зато мне не давали валиума - кажется, персонал действительно хотел давать мне лекарства, которые помогали справиться с психозом.

Тем не менее, галлюцинации не прекращались ни на минуту. Стены рушились, пепельницы танцевали; однажды я вошла в шкаф для белья и пригласила других пациентов присоединиться, чтобы отпраздновать «новоселье», я смеялась и невнятно тараторила весь вечер. Полностью потерянная в своих бредовых мыслях, я предупреждала всех об ужасах и разрушениях, которые я могу навлечь на всех (особенно на персонал) силой мысли.

Невероятно, но что бы я ни сказала, как бы я ни угрожала, меня никогда не связывали. Если я выражала влечение к насилию, персонал предлагал мне вырывать страницы из журнала; если я продолжала, персонал отводил меня в изолятор, подальше от других людей. Моё поведение ничем не отличалось от прежнего, в приёмном покое скорой помощи, во время моего первого визита в Йельский Психиатрический, в течение трёх недель в Спецпалате номер 10, но реакция госпиталя на моё поведение была явно другой. Очевидно, то, будут меня связывать или нет, зависело от того, где я находилась, а не от того, как я себя вела.

То, что я приобрела в свободе, я потеряла в личном пространстве. Меня держали отдельно от других пациентов, но при этом никогда не оставляли одну. Может быть, это было правилом в Йельском Психиатрическом - у меня был приставленный ко мне работник госпиталя, моя тень, наблюдающий, слушающий, всегда рядом со мной, всё время. Когда

я ела. Когда я спала. Когда я разговаривала по телефону с подругой. Когда я встречалась с моей семьёй. Небольшое послабление было сделано, когда я шла в туалет - тогда персонал вставлял в дверь гигиеническую прокладку, чтобы оставить её приоткрытой, и садился рядом с дверью. За мной наблюдали, даже когда я принимала душ.

Они не только забрали мои ботинки, они мне не разрешали ночью носить носки, как бы ни было холодно в палате. Я не представляю, как я могла бы навредить себе с помощью носков, но, очевидно, персонал был научен этому другими пациентами.

Я принимала психотропные медикаменты большими дозами, посещала несколько терапевтических групп и три раза в неделю ходила на индивидуальные занятия - до полного насыщения. Но не существовало чудесного снадобья; вместо этого, было тоскливое однообразие повседневной жизни в психиатрическом отделении, а это отделение выглядело особенно зловеще. Старое ветхое помещение, облезлые узкие коридоры, пожелтевшая краска, зарешёченные окна, в которые никогда не проникало солнце (и это было к тому же довольно жалкое солнце). За мной ходил по пятам днём и ночью мой наблюдатель и никогда не разрешал мне выйти на улицу, наполнить лёгкие свежим холодным воздухом и сменить окружавший меня пейзаж. Мне не удалось подружиться ни с кем в отделении; другие пациенты не пытались со мной общаться, никто не пробился через мою изоляцию и даже Эрик, отцеубийца из университета Лиги плюща, чурался меня - да кто он был такой, чтобы чураться кого бы то ни было? Я никогда еще не была настолько удручающе одинокой со времени моих первых дней в Оксфорде. Каждый день был похож на предыдущий, и так будет долгое время. Передо мной лежали годы; мои волосы поседеют здесь, я знала это, и любую мечту, которая у меня когда-либо появится, поглотят эти уродливые жёлтые стены.

И вдруг как будто что-то щёлкнуло в моей голове, и я поняла. Я *поняла!* Единственным препятствием между мной и дверью на выход была я. Мне просто надо было *остановить* это. Перестать говорить о своих галлюцинациях и бреде, даже когда они были здесь. Перестать болтать абракадабру, даже если это были единственные слова, которые приходили в голову; нет, нет, лучше молчать. Перестань сопротивляться; просто веди себя прилично. *Находиться в психиатрической больнице - это абсурд*, подумала я. Я - *студентка юрфака, а не психиатрическая пациентка. Я хочу вернуть мою жизнь, чёрт бы всё подрал! И если мне придётся прикусить язык до крови, я всё равно этого добьюсь!*

Что происходило на самом деле, так это то, что после проведенных недель стабильного медикаментозного лечения психоз начал ослабевать. Может, я и не могла остановить мысли, которые приходили мне в голову, но я могла их организовывать и не выпускать их наружу. *Окей, ну теперь вперёд!*

Медперсоналу понадобилась неделя, чтобы заметить изменения - слишком долго, казалось мне - и когда это наконец-то произошло, понадобилась ещё неделя, перед тем, как я была выведена из программы интенсивной помощи и мне были дозволены большие привилегии. Мне можно было спать в носках. Я могла ходить в туалет без наблюдателя. Я

могла принимать душ в одиночестве.

Да, да, я была полностью согласна с ними, что мне нужно лечение. «Но не здесь и не такого рода. Я хочу вернуться в Англию,» сказала я. «Мисси Джоунс занет, что мне нужно, чтобы поправиться. Я могу вернуться туда для занятий с ней».

Этот запрос был встречен каменными лицами и покачиваниями головой, означающими «нет». Йельскому Психиатрическому Институту не понравилась это предложение; они не собирались передавать контроль над моим лечением какой-то женщине в Англии, которая, по их мнению, скорее всего, понятия не имела, что делала.

Так же как неожиданным (и эффективным), как я думала, было моё изменение в отношении к лечению, так же неожиданным, только в противоположном смысле, было и то, что последовало. На самом деле, это как будто история из учебника - про взлёты и падения тяжёлой медикаментозной загрузки и её сложной биохимии: пропитанная психотропными лекарствами, с отступающим психозом, я впала в глубокую депрессию, и почувствовала, как краткий всплеск энергии и центр внимания ускользают от меня. Внезапно я не могла уследить за простейшим комедийным сериалом по ТВ или расшифровать строки книги, которую я читала вот только несколько дней назад. Мне дали тест на уровень интеллекта и мой результат был «очень-очень средне» в речевой части и «погранично с умственной отсталостью» в вычислительной части. Не то, чтобы я не старалась, я просто не могла функционировать. Я, конечно же, понятия не имела, что депрессия после периода психоза вовсе не является чем-то необычным; я только знала, что я соскальзываю вниз. Я позвонила родителям и умоляла их забрать меня отсюда. «Опять ничего не работает!» - плакала я.

Они пообещали помочь, и опять мы начали поиски другой больницы, где моё пребывание может быть более коротким. Мои родители даже связались с Карен, терапевтом, на приём к которой я ходила в то лето после моего первого курса в колледже, и она предложила больницу в Филадельфии, где она жила. Я вспомнила, что она сказала мне много лет назад: «Тебе нужна помощь. И я просто хочу, чтобы ты знала, что когда ты решишь, что готова её принять, ты можешь и должна будешь придти ко мне».

Персонал всячески пытался отговорить меня от решения уехать, будь то в Филадельфию или в Англию. Они могли бы перевести меня в открытую палату, они сказали. Теперь я даже смогу получить обратно мои ботинки. Я вежливо отказалась.

Через пять недель после моего оттуда приезда в Йельский Психиатрический мои родители приехали взять меня на поруки. Они припарковались у подъезда, загрузили все мои пожитки в багажник, и вместе мы отправились прочь из Нью-Хейвена. Я чувствовала себя в безопасности, чувствовала облегчение, даже некий оптимизм; если я закрою глаза, я могу представить себе, что я опять маленькая девочка, сижу в машине, в безопасности, в поездке с мамой и папой. Но поездка была не в Диснейленд, а из одной больницы в другую, и я оставляла юридический факультет. Несмотря ни на что, это все же был хороший день.

Институт пенсильванской больницы (ИПБ) был гораздо более привлекательным местом, чем Йельский Психиатрический, несмотря на то, что это была самая старая психиатрическая лечебница в стране. Расположенное прямо в центре ветшающего квартала, здание практически сияло, со своими высокими сводчатыми потолками и мраморными полами, которые полировали каждый день. Меня отвели в мою индивидуальную палату, в которой была своя ванная комната. Если существовал «табель о рангах» лечебных центров, то я явно поднялась в нем. Хотя я всё ещё пыталась выбраться из депрессии, я была далеко не так психотична, как раньше (благодаря изрядной дозе трилафона). Я была убеждена, что проведу здесь только пару недель. На самом деле это будут три месяца.

Врач, с которым я работала, доктор Миллер, был низеньким, округлым психоаналитиком, с приветливой среднезападной открытостью и словечками типа «шикарный». К нему легко было испытывать приязнь, что было очень хорошо, поскольку мы встречались шесть раз в неделю. К тому же, я встречалась с Карен, бывшим майамским терапевтом, раз в неделю на несколько часов. И это встречи проходили вне больницы, что меня радовало до дрожи; здесь мне дали самый высокий уровень привилегий, что означало, что я даже могла одна гулять по территории.

Как это обычно бывает во всех психиатрических больницах, здесь предлагалось много групповых занятий для пациентов. На второй день моего пребывания я пошла на вводное занятие по арт-терапии. Не будучи художником, я нарисовала, что умела - фигуру человека из палочек и дерево. «Это замечательная работа в примитивном стиле!» - воскликнул терапевт. После этого я сходила всего на несколько занятий.

Вместо этого я читала свои юридические книги, для того, чтобы подготовиться к возвращению в университет на следующий год. Я получила условия поступления на курс и список для чтения ещё до отъезда из Нью-Хейвена, и каждый день я тщательно изучала материалы, чтобы быть готовой, когда придёт время. Потому что я точно вернусь. Диагноз или не диагноз, но я вернусь.

Работа с двумя терапевтами, скорее всего, собьёт с толку многих, потому что даже при условии, что у них будут наилучшие намерения или самое открытое общение между собой, они, скорее всего, будут друг другу мешать. Но мне нравилась такая схема, да к тому же они мне оба тоже нравились. И я быстро разобралась, что такая организация играет в мою пользу. Поскольку от решения Миллера зависело, когда меня выпишут из больницы, я старалась как можно аккуратнее делиться с ним тем, что продуцировал мой мозг: я хотела вырваться, а он был и судьёй, и судом присяжных. Карен, однако, не имела такой власти. Поэтому я чувствовала себя с ней свободнее и говорила обо всём, что происходило - о своих причудливых и пугающих снах и о моих продолжающихся мыслях о насилии.

Первый раз, когда я пыталась добраться до офиса Карен, был комедией ошибок, но при

этом не смешной. Водитель такси не мог найти дом, а я уж точно не могла ему помочь. Мы ездили кругами по Филадельфии, останавливаясь, чтобы спросить дорогу на нескольких заправках, и когда мы наконец-то приехали, я опоздала почти на час и моя голова шла кругом.

С трясущимися поджилками, я постучала ей в дверь.

«Слава богу, это ты!» - сказала она. «Я только что была на телефонной связи с твоими родителями, мы думали, что ты сбежала. Я должна позвонить им сейчас же, до нашего сеанса, они с ума сходят от тревоги!»

Сначала мы обсуждали с доктором Миллером, как я живу и управляю своей повседневной жизнью, но вскоре наши встречи приняли более психоаналитический характер. Я даже начала ложиться на кушетку и работать со сновидениями. И я много говорила о миссис Джоунс и как я сильно по ней скучала.

«Почему бы вам не написать ей?» - предложил он однажды. «Или, может, даже позвонить ей по телефону? Вам хотелось бы этого?»

Я не могла в это поверить. По какой-то причине, я думала, что он будет этому препятствовать, как в Йельском Психиатрическом. «Да ни в коей мере!» - сказал он. «Я думаю, что это хорошая мысль».

С его поддержкой я написала тщательно продуманное письмо, спрашивая у миссис Джоунс, не возражает ли она, чтобы мы заказали межатлантический телефонный звонок. К моему огромному облегчению, в ответном письме она сказала да.

Когда я услышала её голос по телефону, у меня чуть не выскочило сердце из груди - и я тут же почувствовала несказанную грусть. Столько всего случилось с той поры, когда я её видела, в основном плохого. Я чувствовала, как будто бы я её подвела. Я сказала ей, как сильно мне её не хватает; она сказала, что она по мне тоже скучает. «Миссис Джоунс, как вы думаете, может, мне приехать с вами повидаться? Может быть, этим летом?»

В её ответе не было ни тени сомнения. «Ну конечно же, Элин,» - сказала она. «Я совершенно не против, и это было бы замечательно».

Бурная радость вернулась - теперь мне было чего ожидать в будущем, и кто-то, кого я знаю и кому доверяю, поможет мне выработать мои дальнейшие планы. Я начала понимать, почему я чувствовала ту глубинную боль в своём сердце каждый раз, когда я думала о ней; я была так расстроена в тот день, когда я её оставила, была в таком раздоре, что мы толком и не попрощались. Я не была готова отпустить её, и не была способна найти подходящие слова. Возможно, в этот раз я смогу сделать так, чтобы не сожалеть об этом в будущем, сделать что-то, что позволит мне перестать оглядываться назад и начать опять идти вперёд.

Несмотря на побочные эффекты, я должна была признать, что трилафон мне помогал. Тем

не менее, я, как всегда, стремилась как можно скорее избавиться от необходимости принимать лекарства. Карен тоже была противником лекарств, и мои родители тоже, поэтому Миллер согласился, что мы попробуем, но очень постепенно.

Как осторожно он ни снижал дозу принимаемых мною лекарств, я почувствовала эффект почти мгновенно. Моё бессмысленное, маскоподобное лицо расслабилось, приняв своё обычное выражение, и я перестала ходить как инвалид, шаркая ногами. Туман в моем сознании начал рассеиваться, я стала яснее осознавать, что происходит вокруг меня. «Все-таки, Вы кажетесь более рассерженной,» - сказал Миллер. Я демонстративно покинула пару наших встреч до того, как они закончились, что его обеспокоило.

«Я могу с этим справиться», - сказала я с нетерпением. «Давайте продолжим». Через два месяца я покончила с лекарствами, кроме одного, которое помогало мне со сном. За три месяца пребывания, я стала «старичком» в отделении. Персонал даже обращался ко мне на совещаниях врачей отделения за советами по поводу новых пациентов - кто из них был в хорошем состоянии, за кем надо было бы понаблюдать, кому можно было дать больше привилегий. Я не чувствовала себя очень комфортно в этой роли: разве я их коллега? Не была ли я всё ещё пациентом, и если так, то почему они мне доверяли? И кому из них могла я доверять? Я бы предпочла в это вовсе не вовлекаться, оставаться в стороне. Но я знала, что они наблюдают за каждым моим движением; если я не отвечу, когда спросят моего мнения, я знала, что я заплачу за это. Однажды, идя по коридору, я подпрыгнула, чтобы достать до потолка, просто, чтобы посмотреть, смогу ли я – и тут же поймала себя на панической мысли, что случится, если меня увидят. Это будет записано в моей медицинской карте. Мой страх перед слезкой не был паранойей – за мной действительно наблюдали и риск был реальностью.

К началу апреля я была более чем готова покинуть больницу, и я снова попросила моих родителей помочь мне выбраться отсюда. «Не будет ли лучше, если ты останешься до той поры, пока доктор Миллер не будет уверен, что тебя можно выписать?» - спросил мой отец.

«Нет,» - сказала я. «Кроме того, он только что сказал мне, что уходит в отпуск на две недели. Я хочу уйти отсюда сейчас же».

Миллер предложил, чтобы я жила дома, пока он будет в отъезде – что-то типа «межвахтового отпуска» - и потом вернуться в больницу на один-два месяца со свободным режимом. Я доверяла одной из медсестёр в отделении, и я спросила её про это предложение. «Зачем мне возвращаться, если я себя хорошо чувствую и могу быть за пределами больницы?»

Она задумалась на минуту. «По моему опыту, врачи знают гораздо больше, чем пациенты, о том, что для них лучше,» - сказала она наконец. «Поэтому, если бы я была на твоём месте, я бы вернулась».

Мои родители, с другой стороны, согласились со мной – если Миллер действительно

думал, что я поправилась достаточно для того, чтобы самостоятельно побыть дома две недели, тогда я была достаточно здорова, чтобы уйти из больницы навсегда. Никто из персонала не отнёсся к этому с энтузиазмом. Тем не менее, наш план удался: я вышла из больницы в тот же день, когда Миллер уехал в отпуск. В моём документе о выписке значилось «против медицинской рекомендации».

Когда я шла по коридору в день выписки с чемоданчиком в руке, меня увидел один из сотрудников, который ежедневно приходил в мою палату, приятный крепкий мужчина. Хотя мы никогда не обменялись и словом в течение всего моего пребывания в больнице, в этот раз он тепло улыбнулся и кивнул на чемоданчик: «Молодец, что отсюда выбралась».

Я ответила такой же широкой улыбкой. «Спасибо,» - сказала я и вышла в яркое солнце поздней весны.

Однако в такси по дороге в аэропорт Филадельфии я с трудом могла справиться со своим ощущением освобождения от того, что я оставила больницу. Я была одна, и никто не следил за мной, и все многочисленные эмоции, наложившись друг на друга, захлестнули меня. И как будто проскользнув мимо охраны у ворот, галлюцинации надвинулись на меня строевым маршем – параноидальные мысли и послания от кого-то, от чего-то, настаивавшие на том, чтобы их услышали. Я была в центре огромного и запутанного заговора, в котором участвовали создания в небе. Он каким-то образом включал в себя и самолёт, на котором я собиралась лететь. Но мне и в голову не приходила мысль вернуться в больницу. Стиснув зубы и собрав все силы, чтобы сфокусироваться на знакомой мне реальности, я обреченно взошла на борт самолёта до Майами.

Держи это в кулаке. Держи это в кулаке. Как обычно, этот полет прошел без происшествий.

Был май, и я была дома, как и многие другие молодые люди в конце учебного года. С сентября по май прошел целый академический год с того дня, когда я прогуливалась по кампусу Йельского университета в поясе из телефонных проводов, бормоча о моём соучастии в неминуемом конце света. И вот я здесь, дома, без психотропных препаратов и даже как-то функционируя, хотя и с трудом – в некоторые дни. Хорошие дни, плохие дни. Больше плохих дней. Мы пошли на пляж с моим братом и его женой, и яркий свет и жара чуть не заставили меня съёжиться. За считанные минуты в меня вселилась уверенность, что все, кто был на пляже, пришли сюда, чтобы устроить на меня засаду – они думали, что я была злом, что я убила много людей. Я была уверена, что как только я сделаю резкое движение, они все набросятся и убьют меня. Я сидела окоченевшая и неподвижная, как доска, на своём полотенце у кромки воды, молясь про себя, чтобы меня никто не заметил. Я жалела, что у меня не было с собой какого-нибудь огнестрельного оружия, чтобы защитить себя в случае нападения.

Годы этой болезни брали своё. Постоянные усилия отделить реальность от галлюцинаций

были изнурительны, и я зачастую чувствовала себя побеждённой, зная, что диагноз «шизофрения» убил всякую надежду на чудесное исцеление или магическое снадобье. Я была разочарованием для моей семьи, я была их стыдом. Я не была уверена, получится из меня хоть что-нибудь. «Может быть, уже слишком поздно, - сказала я. – Может быть, мне надо более реалистично посмотреть на свою жизнь».

«Тебе надо перестать так думать», - твёрдо сказал мой отец. Я знала до того, как он произнес следующую фразу, что я услышу знакомую мне речь «подтянись - будь сильной», вариации которой я слышала всю свою жизнь. «Это не последняя стадия рака, Элин - а люди побеждали даже такой диагноз, чтобы ты знала. В сравнении с этим, то, что у тебя - это просто «семечки». Ты можешь его победить, если у тебя будет правильный настрой. Перестань жалеть себя!»

Я задумывалась, а что бы я сделала на месте моего отца - сказала бы я те же слова моему ребёнку в подобных обстоятельствах? Я была больна, болезнь была реальной, и она разрушала мою жизнь - как мог он свести все к тому (или *только* к тому), чтобы подтянуться и быть сильной? Неужели он ничего не понял?

Но мне пришлось признаться, что да, я, возможно, произнесла бы почти такую же речь для своего ребёнка - потому что это отражало всё, чему меня учили всю мою жизнь: интеллект в сочетании с дисциплиной могут преодолеть любые трудности. И в большинстве случаев, эта вера служила мне верой и правдой. Проблема была в том, что этот девиз предполагал, что интеллект был полностью в порядке - но эксперты говорили мне, что у моего мозга серьёзные проблемы. Был ли мой мозг тем же, что и мой ум, моё мышление? Могла ли я положиться на одного из них, тогда как в другом были большие неполадки? Я негодовала, что мой отец поставил такую планку, которой я не была способна достичь, и всё же его мнение было всем для меня - и он верил, что я могу победить.

Я искала утешения в том, что я вышла из больницы, я соскочила с лекарств. Я опять читала Аристотеля, и даже его понимала. И я собиралась возвращаться на юридический факультет. Моя решимость вернуться к учёбе не была частью моего галлюцинаторного мышления; это было частью меня. Я считала себя человеком, который должен вернуться на юридический факультет и закончить его. Я верила в себя, и это не было галлюцинацией.

Чтобы меня приняли обратно, правила университета требовали, чтобы я встретила с главой университетского отдела психического здоровья. И, как я делала всегда в своей жизни, я серьёзно готовилась к этому «тесту»: я прочитала всё про этого директора, каждую статью, которую он написал. По счастливому стечению обстоятельств одна из его опубликованных статей была посвящена тому, какие вопросы сотрудники университета должны задавать людям, у которых были нервные срывы, в тех случаях, когда они обращаются с просьбой опять зачислить их. Я не могла поверить своему счастью – или, может, это была судьба? Мне было всё равно, что это; я просто разучила свои ответы на

вопросы из статьи, и, как и следовало ожидать, именно их мне и задавали.

Я с облегчением узнала, что мою медицинскую карту никто из больницы сюда не пересылал; никто в Йеле, насколько я знала, их не запрашивал, и я уж точно не проявляла подобной инициативы. Были ли у меня какие-либо симптомы? - спросил он. Уверена ли я, что справлюсь со стрессом, вызванным учёбой? И что я буду делать, если я почувствую себя плохо? Как бы я ни волновалась (я плохо спала накануне ночью, и была вынуждена держать руки плотно сложенными на коленях, чтобы они не видели, как я дрожу), мне ни разу не пришлось солгать. Вместо этого, я просто разработала стратегию, которая позволила мне оставаться как можно ближе к истине, не причиняя себе вреда. И в любом случае, я ему сказала: «Поскольку я буду заниматься с психоаналитиком четыре раза в неделю, я уверена, что я со всем справлюсь». Меня приняли обратно.

Следующим препятствием была моя предстоящая поездка в Англию, чтобы повидаться с миссис Джоунс. Но каким бы сложным ни было для меня любое путешествие, как бы много трудностей мне ни предстояло, чтобы оставаться в хорошем состоянии, я всё равно очень ждала этой поездки. Может быть, время, проведённое вместе с ней, будет тем зарядом бодрости и поддержкой, в которых я нуждалась.

Было немного странным опять оказаться в Оксфорде. Здешнее лето было зелёным, густолиственным и безветренным; казалось, что нельзя было найти места, которое еще больше отличалось бы от Майами. Джанет сдавала мою бывшую комнату другим жильцам, поэтому я остановилась в небольшой гостинице неподалёку. Проводить время вместе с ней и живой и красивой молодой Ливией было просто удовольствием.

В течение следующих пары месяцев я встречалась с миссис Джоунс три раза в неделю. Для меня было таким облегчением находиться в этой знакомой комнате в её ветхом домике, растянуться на диване, и совершенно не заботиться о том, что приходило мне в голову или сходило с моего языка. Я рассказала ей о смиренных ремнях, о лекарствах, о моём страхе, что с каждым приступом я каждый раз теряла часть себя. Я рассказывала о своих галлюцинациях, и о силах, которые были невыносимым злом, и которыми я не могла управлять. Я была злой, плохой, я была разрушителем мира.

Она не боялась; она не смотрела на меня с тревогой. Она не судила меня, она только слушала и повторяла то, что услышала, объясняя мне, что, по ее мнению, означали мои мысли. И она не приняла диагноз «шизофрения» (хотя она признала существование её симптомов и динамики; в конце концов, их невозможно было отрицать). «Не закливайся на этом,» - сказала она. «Не описывай себя с помощью терминов, которых даже самые высокообразованные и одарённые профессионалы не полностью понимают». Для неё психоанализ был наилучшим средством для понимания. В нём не было места для биологии, а потому и для лекарств.

Когда, наконец, пришло время опять покинуть Оксфорд и вернуться в Нью-Хейвен, моя

вера в себя была восстановлена и укреплена. В этот раз я не чувствовала невыносимой скорби при расставании с миссис Джоунс; она всегда была здесь для меня, мы будем поддерживать отношения и я всегда смогу снова повидать ее. Но сейчас было пора вернуться к моей жизни.

Я не могла тогда знать, что я видела миссис Джоунс в добром здравии в последний раз. На следующий год она попала в тяжелейшую автомобильную аварию, в результате которой ей нужна была трахеотомия, после чего она находилась в коме несколько месяцев. Когда она пришла в сознание, её тело и мышление были сильно повреждены; ей поставили диагноз посттравматической болезни Паркинсона. Когда её муж, доктор Брандт, написал мне о том, что случилось, я немедленно вернулась в Оксфорд, и то, что я увидела, напугало меня. Бледная как простыня, тщедушная и трясущаяся, она протянула ко мне руку, назвала меня по имени и сказала «Я люблю тебя».

Через год я навестила её ещё раз, чувствуя себя опустошённой от того, насколько subtilной и маленькой она стала. Она никогда не поправится; она никогда не будет такой, как прежде. Взмолвленно я начала говорить про мою успешную учёбу на втором курсе юридического факультета, про мои планы на будущее. К моему глубокому прискорбию, она заплакала. «О, миссис Джоунс, что случилось?» - спросила я. «Я чем-то вас огорчила?»

«Мне ужасно жаль,» - слабо простонала она. «Но я просто не могу вспомнить вас».

Когда я повернулась, чтобы покинуть нашу короткую встречу, мне вдруг стало ясно, насколько она была красива.

Через несколько месяцев она умерла. Скорбь от этой потери похоронена глубоко в моей душе; это была, в самом полном смысле этого слова, потеря члена семьи. В течение такого долгого времени, во время всего, что происходило со мной, мне придавало мужества знание того, что миссис Джоунс была здесь, в своём доме, в этом кабинете. Она знала меня, как никто другой.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Я вернулась в Нью-Хейвен за несколько недель до начала занятий, чтобы начать лечение с новым для меня доктором, Джозефом Берриманом, старшим представителем Йельского факультета, которого мне порекомендовал один из врачей Йельского психиатрического института. Берриман был широко известен своими работами по психиатрии, но его академические интересы распространялись и на гуманитарные дисциплины. У него был большой опыт работы с тяжёлыми пациентами, он также был хорошо известен как сторонник «разговорной терапии». Короче говоря, были все основания ожидать, что я

буду в хороших руках.

Психоанализ ни в коей мере не был очевидным методом лечения при моей болезни, и большинство профессионалов в Йельском психиатрическом институте предостерегали меня от его применения. Психоанализ, объясняли они мне, приводит к регрессии, а я уже слишком регрессировала; мне нужна поддерживающая психотерапия в сочетании с медикаментами. По их мнению, мне нужно было укреплять мою психологическую защиту, а не углубляться в ее изучение и не разбирать её на части.

Но, с моей точки зрения, психоанализ был *единственным* лечением, которое имело смысл. В Англии я была больной калекой. Психоаналитическое лечение дало мне возможность не попадать в больницу, пока я получала свою степень в Оксфорде. В Соединённых Штатах, в такой же ситуации, меня госпитализировали, связали, и заставили пить отвратительные психотропные лекарства – год моей жизни был потрачен впустую, что стоило моим родителям тысячи долларов на разные расходы, поскольку моей страховкой не наскрести было и на эти тридцать дней в больнице. Я, может, и была сумасшедшей, но не была глупой – я соглашусь на то, что мне и раньше помогало.

Я встретила с Берриманом в его кабинете в общественном центре психического здоровья (для тех, кто не мог позволить себе частную медицинскую помощь, хотя я и была его частным пациентом), который был филиалом Йельского медицинского факультета. Берриман возглавлял там отделение, наблюдая за размещением пациентов в центре.

Центр был двухэтажным безликим серым зданием, не особенно располагающим к себе, кабинет врача был таким же серым и безликим. Тем не менее, его обитатель мне сразу понравился. Берриман был видным мужчиной, с почти аристократической сдержанностью. Тогда, как и сейчас, он казался мне типичным Йельским профессором. Для начала мы договорились встречаться четыре раза в неделю.

Берриман был более классическим фрейдистом, чем миссис Джоунс. Клейнианцы копают глубоко, быстро и, не теряя времени, продвигаются к сути проблемы. Стиль Берримана был более внимательным к моим защитным механизмам, этим психологическим инструментам, которые мы все используем для защиты от причиняющих нам боль мыслей и чувств. Миссис Джоунс быстро сфокусировалась на моих мыслях и чувствах; Берриман вместо этого изучал, каким образом я держала под контролем определённые части своего разума. Когда, например, миссис Джоунс могла обсуждать моё чувство зависти, Берриман обсуждал то, как моё восхищение кем-то позволяло мне избегать зависти. Он ждал, слушал, произносил одно-два слова, потом опять ждал и слушал. Несмотря на его относительно постоянное молчание, ничто не ускользало от его внимания. И он чётко устанавливал границы.

«Элин, мне нужно, чтобы вы перестали ходить туда-сюда по комнате», - сказал он однажды.

«Почему?» - спросила я. Одна часть меня была снедаема любопытством, другая ошетибилась, протестуя. «Мы прекрасно можем говорить и тогда, когда я расхаживаю по комнате».

Он покачал головой. «Нет», - сказал он. «Мне нужно, чтобы вы говорили о том, что вы чувствуете, мне нужно, чтобы вы бездействовали». Его тон не был грубым, он не был рассержен. Он был спокойным и знающим, и говорил, как учитель разговаривает с непоседливым студентом в классе, который потом мог пропустить урок. Берриман довольно рано распознал, что моя железная сила воли, которая очень часто мне помогала, могла точно так же сослужить мне плохую службу, когда толкала меня на деструктивное поведение.

Как только я начала заниматься с Берриманом, моей следующей задачей был университет, и что делать с неловкой историей моего неожиданного ухода с факультета в прошлом году. Я получила неприятный урок давно, когда попыталась стать добровольным помощником в Уорнфорде. Любая попытка рассказать правду будет моим приговором - как в социальном, так и в профессиональном смысле. Поэтому я выдумала историю, что я взяла академический отпуск, чтобы подумать и решить, подходят ли мне занятия юриспруденцией. История достаточно хорошо сработала, но когда моя однокурсница сказала мне, какое сильное впечатление произвело на нее мое решение взять отпуск, чтобы подумать над этим, я почувствовала себя мошенницей. Нагромождение лжи поверх тайны не приносило приятных чувств, но психическая болезнь имеет свою цену - и я была готова её платить.

А затем начались занятия. Я вошла в аудиторию на своё первое занятие нового учебного года и села с тихой, почти хрупкой радостью и едва слышным вздохом облегчения: я вернулась.

Мне особенно понравился профессор моей «малой группы» - класса в стиле семинара, из пятнадцати человек, который был обязателен для всех первокурсников. Его звали Боб Кавер. В свои сорок лет он получил премию Эймса (которую Гарвардский юридический факультет давал за книги глубокого академического содержания) за работу «Обвиняется правосудие: борьба с рабством и юридический процесс». Вдобавок к тому, что он был мудрым и убедительным преподавателем, он также был учёным в области философии, литературы и еврейской истории, и вдобавок активистом по гражданским правам - передовым поборником попыток канцелярских и технических работников Йельского университета образовать профсоюз, активным членом движения, пытающегося заставить Йельский университет отказаться от инвестиций в Южную Африку, пока апартеид оставался у власти. Увлечённый, вовлекающий и подлинно гуманный - он был всем, чем я старалась сама стать со временем. Позже в том году мне повезёт стать помощником по исследованиям у Кавера для статьи для Гарвардского Юридического Обозрения под названием «Номос и повествование» («номос» это «закон» по-гречески); я была ужасно рада увидеть, что в первой же сноске статьи он поблагодарил меня за мои усилия. К

сожалению, в конце моего третьего курса, в 1986 году, Кавер умер от обширного сердечного приступа в возрасте сорока двух лет. Его смерть глубоко тронула юридическое сообщество как Йельского университета, так и далеко за его пределами.

С годами практики я научилась прятать свои симптомы; я становилась мастером игры в *нормальность*, даже когда я себя так не чувствовала. Усовершенствование этой игры, этого умения казаться, было жизненно важным, если я собиралась идти своей дорогой в реальном мире. И всё же, несмотря на мою бдительность, периодически психозы вырывались на поверхность. Однажды один однокурсник получил большую похвалу от одного из профессоров; к счастью, у меня вскоре был сеанс с Берриманом. «Кто-то хочет меня убить,» - сказала я. «Это друг, он враг, и он послал солдат вперёд, туда, где я должна была взорвать свой мозг. Мне страшно».

«Я думаю, что вы говорите о своём чувстве конкуренции, соперничества со своим однокурсником», - сказал Берриман. «Вы как бы с них начали, но потом испугались, что испытываете такие сильные негативные чувства к однокурснику – и поэтому в вашем сознании вы заставили вашего однокурсника атаковать вас. Иногда легче чувствовать себя атакованным, чем сердитым или грустным».

Он также помог мне понять, что я погружалась в мысли о своём собственном насилии, когда я чувствовала себя загнанной в угол или расстроенной; даже для меня это имело смысл. «Я думаю, что вы говорите об угрозах и страшных мыслях, потому что вы чувствуете себя под угрозой и пугаете себя», - сказал он. «Насилие - это ваша защита против страха. Вы здесь в безопасности».

И я возвращалась обратно в мир, засунув насилие и галлюцинации в чулан, и подпирала собой дверь этого чулана изо всех сил. Я была полна решимости больше не терять времени, не терять ни одной части себя... и тут профессор Кавер дал задание нашей малой группе написать меморандум. Я была напугана тем, как быстро выдало реакцию моё тело: жар, холод, сжатые кулаки, проблемы с концентрацией внимания. *Меморандум - это то, что выбило меня из колеи в прошлый раз.* В течение двух недель я работала над своими юридическими аргументами, зарывшись в исследования, при этом посещая остальные занятия. *Всё идёт хорошо. Успокойся. Сфокусируйся.*

Мой меморандум вернулся ко мне с четырьмя словами, написанными на нём: «В целом очень хорошо». Я не могла знать, что это была высокая похвала в устах Боба Кавера. Некоторым студентам пришлось полностью переписать их меморандумы; всё, что надо было сделать мне – это подчистить пару примечаний. Но этих слов было недостаточно; для меня они означали, что я не дотягивала. К наступлению ночи мое сознание и поведение были в еще большем раздвиге, чем когда-либо, начиная с раннего лета. *Библиотека – это единственное безопасное место, подумала я. Я пойду работать.*

Устроившись в библиотеке, я подняла глаза и увидела приближающуюся однокурсницу. «Какой сейчас год?» - было моё приветствие. «Ты знаешь, где твои дети-школьники? Кто вместе с нами в библиотеке? Ты когда-нибудь кого-нибудь убила?» Мне просто никогда

не приходило в голову, что другие люди не убивали людей своими мыслями. Моя однокурсница (с впечатляющей практичностью, не говоря уже о быстроте мышления) спросила, знаю ли я доктора или терапевта, которому она могла бы позвонить. Я дала ей имя и номер телефона Берримана, и показала, что в книге по юриспруденции, которая была у меня в руках, не было слова «нет». Потом я стала цитировать Аристотеля по-гречески.

«Элин, оставайся здесь. Оставайся вот тут, я вернусь, как только смогу». Когда она вернулась, она сказала мне, что Берриман был на линии; и затем довела меня до самого телефона.

«Что происходит?» - спросил Берриман.

«Есть сыры и есть дыры,» - сказала я ему. «А я дырка в сыре. Это от усилий и подсознательного выбора. Головокружение от высоты и убийства». Внезапно я пришла ужас.

Голос Берримана был спокоен. «Судя по всему, вы не очень хорошо себя чувствуете», - сказал он. «Ваши друзья о вас беспокоятся».

«О, они очень хороши. А вы тоже от души? Вас знакомы малыши? Они все делают мне больно! Они делают мне больно и мне страшно!»

«Я знаю», - сказал Берриман. «Но это не вы, Элин. Это ваша болезнь выкидывает номера. Всё будет хорошо. Я хочу, чтоб вы немедленно пошли в приёмную скорой помощи, доктора там смогут помочь вам».

Его предложение сфокусировало мой разум наподобие лазерного луча: скорая помощь? Нет. Мне был дан второй шанс, я не собиралась повторить события предыдущего года. «Ни за что», - сказала я ему. «Ни за что на свете я не обращусь в скорую помощь».

«Но я думаю, что вам нужно туда пойти», - сказал он. «Они вам не навредят, и они смогут дать вам лекарства, которые помогут».

«Или же они меня свяжут и запрут», - возразила я. «Никакой скорой помощи».

«Я знаю, что вы напуганы тем, что с вами случилось в прошлом году,» - сказал Берриман. «Но в этот раз подобного не произойдёт. И я думаю, что вам нужна их помощь».

«Я подумаю об этом», - пробормотала я. Я была разбита на куски, растеклась, но я была полна решимости: им понадобится полиция и серьезная сила, чтобы затащить меня обратно в скорую помощь.

Я ушла из библиотеки в панике, направившись в свою комнату, и попыталась заснуть, но это было бесполезно; даже воздух в комнате, казалось, кружился вокруг меня угрожающим водоворотом. *Опасность. Зло.* Измотанная, на следующее утро я отправилась в студенческий медицинский центр, и опять оказалась лицом к лицу с врачом, которого я не знала, и который не знал меня. «Я странно разговаривала», - сказала я ему, поделившись крохами своей медицинской истории. Он дал мне трилафон, который

я незаметно положила в карман. Йельский психиатрический институт напичкал меня трилафоном до такой степени, что я не могла ходить и не могла читать – почему я должна была принимать его и на этот раз? Моя регулярная встреча с Берриманом была назначена на следующий день, вот тогда мы об этом и поговорим.

Ко времени приёма я была в глубоком психозе и почти потеряла способность говорить. Я раскачивалась вперёд-назад в его кресле, закатывала глаза и пялилась в пол.

«Как сегодня ваши дела, Элин?» - спросил Берриман.

«Два и разделение времени». Молчание.

«Можете мне объяснить, что вы имеете в виду?»

Нет. Ещё молчание, раскачивание в кресле и жестикуляция.

«Всё будет хорошо», - сказал он. «Хорошо, что вы пошли в студенческий медицинский центр; я беспокоился, что вы будете сопротивляться лечению, когда вы не пошли в скорую помощь».

Он сказал, что есть лекарство – наван, антипсихотический препарат, чьи побочные эффекты были мягче, чем от трилафона. Мы начнём с малой дозы, десять или двенадцать миллиграмм. «Нет», - сказала я. «Не хорошая идея».

«Это поможет вам сосредоточиться», - сказал он. «Это лекарство мягче, чем предыдущее, оно действует быстрее, и, поверьте мне, оно поможет».

Наконец-то, в отчаянии, я согласилась. Только один меморандум - и я была сломлена. Господи, как я же справлюсь со всеми предстоящими меморандумами?

Наван подействовал быстрее, чем все лекарства, которые я до этого принимала. Через несколько часов мой разум успокоился. Я могла читать. Я могла думать.

Разные люди по-разному реагируют на медикаменты; поиск магического зелья производится методом проб и ошибок. Это кажется очевидным, даже несколько упрощенным, но это единственный доказанный факт в лечении психических болезней. В этот раз наван сработал. Я продолжала его принимать в течение десяти дней, переделала много работы, и затем решила, что, хотя он и был мне в помощь, но слегка одурманивал меня, и, кроме того, он, наверное, не был необходим. *Я буду его принимать, когда буду больна, но недолго; я не хочу быть одурманенной.* Через два дня я совсем перестала его принимать. Я обманула их. Что, конечно, приводит к вопросу: обманула *кого?*

Мне понадобится ещё пятнадцать лет, чтобы выучить урок о том, что случается каждый раз, когда я переставала принимать лекарства. Выучить древнегреческий было гораздо легче, и ни в коей мере не так деструктивно для меня самой.

Один из худших аспектов шизофрении - это глубокая изоляция, постоянное осознание того, что ты отличаешься от всех вокруг, ты как будто бы чужой, инопланетянин, не

совсем человек. Другие люди состоят из плоти и костей, и внутри из разных органов и здоровой живой ткани. А ты только машина, с внутренностями из металла. Медикаменты и разговорная терапия смягчают эту боль, но дружба может быть таким же мощным противоядием.

Стив Бенке был первокурсником с мальчишеским лицом, густыми волосами песочного цвета и телом бегуна. В первый раз мы разговорились в кафетерии юридического факультета как-то в начале ноября, в один из вечеров Новой Англии, когда листья меняют цвет и в прохладном воздухе чувствуется осень. Нас было семь или восемь человек за ужином в ту пятницу.

Стив и я оба были в классе по контрактному праву, и он пару раз спрашивал меня о домашних заданиях. Кроме этого, мы никогда, собственно, и не общались. Разговор за ужином в тот день был непринуждённым и приятным, перетекающим от одной темы к другой – занятия, юридический журнал, летняя практика. Я заметила, что Стив был достаточно вовлечён в разговор – он кивал, он улыбался – но через какое-то время это стало казаться простой вежливостью. Когда другие поднялись, чтобы уходить, я поняла, что я ещё не готова уйти.

И тут начался один из разговоров, которые длятся всю жизнь, тот, в котором сразу же появляется комфорт и принятие, как будто кто-то предложил тебе сильную руку для поддержки, когда ты особенно в этом нуждаешься. Наш первый разговор был обо всём на свете: как мы попали в Йель, кто были наши родители, что мы о них думали. Потом философия, потом религия, и что было для нас важным в жизни и почему. Стив получил степень по классической культуре в Принстоне, где ему было доверено произнести выпускную речь на латыни. После выпуска он работал всё лето уборщиком в маленьком городском аэропорту, затем поехал в Рим, где жил с группой монахов-бенедиктинцев и преподавал латынь в Ватикане, вместе с монахом, который был латинистом самого Папы Римского. Он думал о пострижении в монахи и изучении средневековой философии, но передумал – потому что, будучи монахом, он не мог жениться (а он очень хотел семью) и потому что средневековая философия перестала его интересовать, по крайней мере, как дело жизни. Вместо того, чтобы стать монахом, Стив поступил в Йельский юридический. Как и я. И мы оба не были уверены, почему именно.

Как-то позже мне пришло в голову, что в тот самый момент, когда я была привязана к кровати в психиатрической палате, крича о кровавых убийствах и боясь за свою жизнь, Стив пел грегорианские песнопения в монастыре с видом на древний город Рим. И теперь мы оба были здесь, пришли в одно и то же место, с двух различных сторон. Было уже полночь, когда мы попрощались, и когда я шла в свою комнату, у меня было сильное чувство, среди моей обычной каши в голове, что я неожиданно испытала счастье.

Я не знаю, почему я решила рассказать Стиву правду о себе; я не знаю, почему я подумала, что могу ему довериться. Но я это сделала. Я поверила с нашего первого разговора, что этот человек может быть настоящим другом и силой во благо в моей

жизни. Как только такая возможность пришла мне в голову, я поняла, насколько сильно я хотела этого. Но я не верила, что это может быть, если я не расскажу правды о себе и позволю ему «увидеть» всю меня. Как много из моей повседневной жизни было притворством; я знала, что я никогда не буду притворяться перед ним.

Итак, одним дождливым воскресеньем в пиццерии в Нью-Хейвене я поделилась своей историей. Помимо докторов и терапевтов это был первый раз в моей жизни, когда я это сделала, с кем бы то ни было, где бы то ни было. Стив, по природе своей любознательный, был также и джентльменом. Поэтому он задал мне много вопросов, но очень деликатно и ненавязчиво. Он сказал мне, что не очень много знает о психических болезнях; у него никогда не было причины их изучать. Но он слушал и сопереживал, и потихоньку, я рассказала всё в малейших деталях. Как еврейская женщина, я скажу, что из него бы получился отличный священник.

Когда мы со Стивом только познакомились, мысли о романтических отношениях были настолько далеки от меня, что мне и в голову не приходило пытаться их завести, а уж тем более с ним. По мере развития нашей дружбы, я поняла, что она становилась именно такой, какой мне хотелось бы. Он был, как бы это сказать, братом – то есть, если вы можете найти брата (или сестру), который читает тех же авторов, что и вы, разделяет ваши политические и философские взгляды, сгибается под грузом тех же книг, и без стеснения отпускает бестактные шутки по поводу психиатрических болезней. Особенно моей.

Однажды холодным ветреным осенним вечером, сидя в недрах юридического факультета, когда мне было особенно тяжело бороться с болезнью, спустя некоторое время после того, как я рассказала Стиву о себе, я сказала: «Ты не можешь себе представить, что это такое - быть в палате скорой помощи – это ужасно, как тебя связывают, привязывают к кровати и заставляют ждать всю ночь, пока у кого-нибудь найдётся время тобой заняться. Они входят в комнату с рассветом, потому что они готовы с тобой разговаривать. Что они, интересно, ожидают от тебя услышать, кроме как «Выпустите меня отсюда, что б вас чёрт побрал!»?»

Стив посмотрел на меня с озорной ухмылкой. «Может, процитировать «Гамлета?»» И со своим лучшим шекспировским выговором он произнёс нараспев: «Поистине, благородные лекари, вот и Феб в пурпуровой одежде идет на холм по жемчугу росы. Так ослабьте мои оковы, добрый сэръ, ибо меня ждут дела этого дня».¹⁶

Он улынулся. Я засмеялась. Он понял. Я знала, что этот человек, чья глубина души была равна быстроте его ума, будет другом на всю жизнь.

¹⁶ «Гамлет» пер. А. Кронеберг

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Во втором семестре мы вольны были выбирать любые курсы, которые нам нравились. Я выбрала курс права по психическому здоровью и второй, по уголовному праву. Стив выбрал оба из них.

Часть работы по курсу о психическом здоровье для студентов заключалась в представлении интересов настоящих пациентов психиатрических больниц. Вёл курс профессор Стефен Уизнер. Высокий, с кудрявыми чёрными волосами, он славился переменчивостью настроения и непостоянством (иногда он давал совет, а на следующий день противоречил ему). Тем не менее, он помог мне почувствовать себя уверенно в мои первые дни работы с людьми, которые зачастую выглядели и производили такое же впечатление, как и я в свое время, в период своей наибольшей уязвимости.

Джо Гольдштейн, профессор права, бывший также и психоаналитиком, преподавал курс уголовного права. Джо выглядел как настоящий «безумный профессор»: мешковатая одежда, которая выглядела так, как будто он в ней и спал, непокорная эйнштейновская шевелюра и очень индивидуальная, эксцентричная манера говорить. Он задавал нам читать всего лишь несколько страниц перед каждым занятием – и его курс казался легким бризом – но он не шутил. Он ожидал от нас, что мы прочитаем каждую страницу, каждый параграф и каждое предложение. Не сделать этого означало вызвать его ярость, которая была свирепа.

Йельская Организация Юридических Услуг – ОЮУ- всегда требовала, чтобы студенты работали группами, поэтому Стив и я работали вместе над делами в области закона о психическом здоровье. Одним из наших первых дел было дело о двух юных сыновьях мужчины, сидящего в тюрьме за множественные изнасилования. Мать мальчиков не хотела, чтобы они даже приближались к отцу, явному психопату с некоторым обаянием и даром убеждения. Хотя многие исследования настаивали на том, что сохранение связи с родителем, находящимся в тюрьме, имело положительное влияние на ребёнка, в то же время звучали сильные аргументы от имени родителя-опекуна – и в этом случае, родитель-опекун был очень хорошим родителем. Мальчики были здоровыми,

счастливыми, о них хорошо заботились, они жили в стабильной семье и хорошем доме, с человеком, чьему суждению можно было доверять. В Коннектикуте детям полагается собственный адвокат в области вопросов опекунов и права на посещения ребенка, и как представители мальчиков, мы пытались выяснить, что будет для них лучше, также используя экспертизу Йельского центра исследования детства.

Всё больше и больше мы со Стивом и наша маленькая компания друзей проводили время в пиццерии Йорксайд в Нью-Хейвене – красные виниловые банкетки, памятные вещи Йельского университета и групповые фотографии на стенах, музыкальный автомат наверху и игровой автомат Пэкмэн¹⁷ внизу. За тефтелями и соусом, или кальцоне, или бесконечными кусками пиццы с сыром и пепперони, мы разрабатывали стратегии по нашим делам и разговаривали о наших занятиях. Я не жила такой нормальной жизнью со времён колледжа.

К концу весеннего семестра академическая работа стала более интенсивной, и на горизонте маячили экзамены. В Йеле были следующие оценки: отлично, зачёт, низкий зачёт, и провал. За экзамены, которые мы сдавали в классе (на которых можно было пользоваться литературой) я всегда получала «отлично», кроме самого первого. В качестве домашнего экзамена по криминальному праву Джо Гольдштейн дал нам на выбор несколько тем для написания работ, и я выбрала рассуждение на тему: не должно ли быть особого закона для психически больных матерей, которые убили своих детей. Я провела много часов, консультируясь со Стивом (что было разрешено) и ещё больше часов, сводя всё это вместе. Когда мы получили результаты, Стиву поставили «отлично», а мне - «зачёт». Как и большинство студентов вокруг, я очень сильно заботилась о своей работе. В отличие от них, однако, эта работа была всем в моей жизни. Я не занималась спортом, я не играла на музыкальном инструменте, у меня не было никаких хобби, и моя общественная жизнь, которую мне удалось создать, была маленькой и хрупкой. Поэтому оценки, которые я получала за свои работы, были единственной обратной связью, объективно сигнализовавшей о том, чего я достигла в этом мире. Задача постановки и достижения академических целей была чем-то вроде цемента, который был нужен, чтобы держать меня единым целым. Провал (или, по крайней мере, в этом случае, неспособность оправдать мои собственные ожидания) разрушал этот цемент и ещё больше расщеплял моё хрупкое чувство собственного «я».

Получив результаты моего экзамена в секретариате кафедры и увидев оценку, я сразу же отправилась в свою комнату, закрыла дверь и заползла в постель. Там я свернулась в позу эмбриона и провела остаток дня, стелая и бормоча, в полной уверенности, что безликие безымянные создания контролировали мои мысли («воспрещения» - так я стала называть их в своём психотическом бреде). Мне угрожали кинжалы, они были направлены на мою

¹⁷ "Пэкмэн"-культовая компьютерная игра в жанре аркады, впервые вышедшая в 1979 г. в Японии

плоть, и искромсали бы меня на куски, если бы я посмела заснуть. Боясь выйти из комнаты, боясь в ней оставаться, я вытащила себя на мою послеобеденную встречу с Берриманом, который бросил на меня один только взгляд и сразу же понял, что что-то было очень не в порядке.

«Я получила всего лишь «зачёт», - сказала я. «Они меня зачли. Из йо-йо. Воспрещения летают повсюду, и другие дети съели кашу. Нет новостей – хорошие новости, плохие новости приносят переполох. Как перепел плох». Присутствие зла чувствовалось в комнате. «Они меня убивают! Скажите им, чтобы они убивались прочь!»

Берриман попробовал попросить меня объяснить, что случилось, но это было уже выше моих сил, и с каждой секундой я всё более распалялась. «Убийства были необходимым злом необходимого зла! Приказы приходили откуда-то ещё!» Я лихорадочно расхаживала по комнате, сжимая кулаки.

«Нам нужно отнестись к этому серьёзно,» - сказал Берриман. «Не думаете ли вы, что вам нужно лечь в больницу?»

«Нет», - мой ответ был, как выстрел. Как будто можно было бы ожидать другого ответа. Какими плохими ни были мои демоны, призрак больницы был хуже. *Миссис Джоунс, о, миссис Джоунс, вы мне нужны, нужны, нужны....*

Как в тумане, я осознавала борьбу Берримана между его решением и моим упрямством. Он мог бы настоять на госпитализации; скорее всего, он мог бы запереть меня там немедленно. Но он этого не сделал. «Хорошо, больницы не будет», - ответил он размеренным и заботливым тоном. «Но нам нужно, чтобы вы вернулись к приему навана, удвоив дозу. И я хочу видеть вас дважды в день, пока вы не придете опять в норму».

В течение следующих двух недель я шаркающей походкой таскалась в его офис дважды в день, опустив голову, сгорбившись, глядя себе под ноги. Я проводила часы между приёмами, сидя на полу в своей комнате или свернувшись калачиком в кровати, бормоча сама с собой в одиночестве, в компании моих демонов. Иногда кто-то стучал в дверь, но я не отвечала. Душ несколько раз, очень мало еды. Постепенно увеличенная доза навана подействовала, демоны отступили, и туман рассеялся. Я поднялась с пола, привела себя в порядок, и в очередной раз вернулась в мир и начала всё сначала.

Многие мои однокурсники проводили лето после первого курса в Нью-Йорке, где солидные юридические компании платили им хорошие деньги за летнюю практику, в то же время завлекая их дорогими обедами и винами в счет их будущего. Такое лето было совершенно невозможным для меня – стресс от работы в большой юридической компании и безумно занятого лета в городе могли сломать меня. Кроме того, мне нужно было быть рядом с Берриманом.

Стив нашёл приют для бездомных с психическими расстройствами через одного из его клиентов юридической психиатрической клинике, и решил поработать там добровольцем, живя в течение лета в самом приюте. Итак, мы оба остались в Нью-Хейвене и продолжили

нашу работу в ОЮУ, представляя интересы психически больных пациентов и бедных детей за несколько долларов в час.

Одной из наших клиенток в то лето была молодая женщина с анорексией, едва ли достигшая двадцатилетнего возраста, которая была пациенткой частной психиатрической больницы в Коннектикуте в течение почти двух лет. Она хотела выписаться, но её родители хотели, чтобы она оставалась в больнице. Их опасения можно было понять; и врачи, и широкая публика только начали понимать, что анорексия не была ни результатом неверного выбора, ни проявлением слабоволия, но была реальной болезнью, возможно – смертельной. Но даже это не означало, что эта молодая женщина автоматически была лишена права голоса в процессе собственного лечения. Одна из её подружек по старшей школе, теперь студентка Йельского университета, позвонила нам и рассказала про нее, и, когда мы встретились с этой молодой женщиной, я очень быстро поняла её жизненную ситуацию. Не только из-за своей собственной борьбы с родителями по поводу похудения, но ещё из-за чувства безысходности, которое приходит, когда твоя судьба полностью в руках кого-то ещё, и ты беспомощна и не имеешь никакого над ней контроля.

У пациентов с психическими расстройствами всегда есть кто-то (или целый хор этих кого-то), которые говорят им, что они должны делать. На моём собственном опыте я открыла, что гораздо полезнее было спрашивать, чего бы я хотела, к примеру. «Если бы вы могли организовать вашу жизнь по-своему, как бы это выглядело и как бы мы могли вам помочь?» Действительно, эта молодая женщина призналась, что ей нужно лечение - она всего лишь хотела, и имела на это полное право, решать, где и как это лечение будет проходить. И моя работа заключалась в том, чтобы помочь ей. И как ни сочувственно я бы к ней ни относилась, я начала понимать, по мере продвижения дела, что как её юридический представитель, я не представляла *свои* интересы - я использовала свои знания и навыки, чтобы защищать интересы другого. В итоге, Стиву и мне удалось найти для неё другую больницу, где мы надеялись, что её будут хорошо лечить, в то же время проявляя больше уважения к её свободе.

Я сидела на повышенной дозе навана до конца лета, а также принимала антидепрессанты. Мне пришлось признать, что лекарства работали - я могла заниматься, я достаточно хорошо функционировала в мире - но я всё равно ждала того дня, когда я смогу перестать их принимать.

В сентябре меня ожидали трудности второго курса, и новые занятия, и сниженная доза навана - десять миллиграммов, как раньше. Наши встречи с Берриманом вернулись к прежнему графику - четыре раза в неделю. Но, несмотря на лекарства и встречи, меня

посещали мимолётные галлюцинации, чаще всего ночью - однажды это был огромный паук, ползущий по стене, но чаще всего люди, которые стояли и пристально смотрели на меня. *Их здесь нет. На самом деле их здесь нет. И даже если они здесь, они на тебя не смотрят.*

Наша работа в адвокатской конторе по юридическому представлению интересов детей и психиатрических пациентов обеспечила Стиву и мне лёгкий доступ в Йельскую медицинскую школу и в Йельский центр изучения детства. Мы оба прошли интенсивный семестр в этом центре, посещая практически все занятия для ординаторов психиатрического отделения и психологов – научных сотрудников центра. Трудно было найти более идеальную комбинацию для студентов юридического факультета, которых интересовал психоанализ. Однако временами призраки моего психиатрического прошлого совершенно неожиданно выскакивали передо мной - например, когда я проходила мимо доктора Керригана в коридоре. Он был одним из тех, кто держал меня в больнице в Спецпалате номер 10; и именно он распорядился связать меня. Каждый раз, когда наши глаза встречались, я гадала, какой безумец придумал, чтобы этот человек приходил в центр исследования детей. Я уверена, что он задавал себе тот же вопрос обо мне.

«Я решила, что мне сейчас стоит перестать принимать лекарства,» - сказала я доктору Берриману. Дела шли хорошо; я чувствовала себя прекрасно. Я могла обойтись без медикаментов. «Они мне не нужны».

«Ну,» - сказал он и выдержал паузу. Я неожиданно поймала себя на том, что пыталась прочесть его мысли. «Как насчет такого варианта: вы снижаете дозу, и мы посмотрим, что будет. Для начала давайте будем снижать по два миллиграмма в неделю».

Слишком медленно - такими темпами я полностью разделаюсь с ними только через пять или шесть недель. Но что бы я ни делала, я знала, что он должен знать об этом и поддержать меня. «Хорошо, - сказала я. - Я так и сделаю».

Дело было даже не в моем обычном нежелании становиться зависимой от лекарств; дело было в побочных эффектах. Пока не появился новый тип нейролептических препаратов в 1990-х, лекарства, которые использовали для лечения психозов, несли серьёзный риск запоздалой дискинезии (ЗД) - неврологического расстройства, которое приводит к произвольным движениям, сначала мышц лица и рта, а иногда и всего тела. Люди с такой дискинезией судорожно подёргиваются - короче, они *выглядят* как психиатрические пациенты, и как только они заполучают ЗД, она обычно не проходит. Я провела достаточно времени в психиатрических больницах, чтобы знать, что я не хочу стать такой.

Первую неделю я не чувствовала никакой разницы. «Наша схема работает, как вы думаете?» - спросила я Берримана.

«Посмотрим», - сказал он.

Ко второй неделе я почувствовала себя неважно. Неустойчиво, как будто я шла по натянутому канату. *Это обычный стресс, такое бывает с каждым. Перестань об этом думать. Перестань.*

На третьей неделе я была заметно разбита и отчаянно пыталась скрыть это от Берримана. Я начала исчезать, ослабевать, таять. Меня вот-вот атакуют и разорвут на куски. *Стоп. Это только твоё воображение, это не на самом деле. Это пройдёт.* «Я переживаю небольшой стресс», - сказала я Берриману. «Но возможно, это просто моё воображение. Патио. Из-за того, что я больная и в боли. Что вы об этом думаете? Хотите розового?»

Он поднял бровь. «Кажется, у вас сложности», - сказал он. «Не поднять ли нам дозу навана?»

Я покачала головой. «Нет. Слишком рано. Я в порядке. В по-ряд-ке. Мне просто нужно получше постараться».

«Я не думаю, что дело в старании, Элин. Я думаю, что надо решить, нужны ли вам лекарства. Но если вы хотите попробовать подольше...». Кажется, в конце его предложения прозвучал вопрос. Он спрашивал меня?

«Да, - сказала я со всей твёрдостью, на которую я была способна. - Немножко подольше».

Я не знаю, почему он был таким услужливым. Может быть, он думал, что я действительно смогу обойтись без медикаментов, в конце концов; может быть, он хотел уважать мои желания. Может быть, он тоже не хотел видеть, как я дергаюсь от ЗД. Какими бы ни были его мотивы, это было в первый, но не в последний раз, когда Берриман согласится быть моим вторым пилотом, в то время как я пыталась летать без лекарств.

К четвёртой неделе я приземлилась в состоянии полновесного психоза. *Люди в небе отравляют меня. Я, в свою очередь, отравляю мир.*

«Я думаю, что вам приходят в голову пугающие мысли, потому что вам нужно повысить дозу лекарств», - сказал Берриман.

«Нет!» - я почти перешла на крик. «Это ничего не имеет общего с лекарствами. Это массажированная попытка медицинского и физиологического толка, если не сказать психологического, сход с рельсов в результате разрегулировки рельсов!»

«Это трудно - признать, что вам нужны лекарства», - сказал Берриман. «Но придется».

Поражение, поражение. «В этом нет нужды. Я не больна. Я не порочна. Ля-ля-ля! Мне хорошо, как никогда, спасибо, как никогда».

Но мы оба знали, что я опять упёрлась в стену. Как только он увеличил дозу навана, я почувствовала себя лучше. *Но это не имеет ничего общего со мной или с тем, что я больна. Это просто для того, чтобы смочь заниматься. Я не больна, мне просто нужна помощь, чтобы я могла учиться.*

Не единожды, когда я работала со Стивом над делами в ОЮУ , я была поражена

абсурдностью системы психиатрического здравоохранения и помощи. Почти каждый раз наступал момент, когда мы спрашивали друг друга: «Погодите минуточку, а кто здесь сумасшедшие?» В одном случае в карте пациента было написано, что на него надели смирительную рубашку, потому что *он отказывался вставать с постели* – что вряд ли было проявлением «неминуемой угрозы самому себе или окружающим», как того требовал закон штата Коннектикут.

В другом случае мы представляли интересы молодого человека, который провёл несколько месяцев в больнице, отказываясь принимать лекарства по религиозным соображениям. Не было сомнений, что наш клиент был серьёзно болен (хотя он сам не согласился бы с таким определением); например, он серьёзно искалечил себя, потому что думал, что этого требует Библия от всех грешников. В те времена Коннектикут позволял насильственное применение медикаментов к пациентам, находящимся в больнице не по своей воле, но мы написали больнице письмо с хорошо сформулированными обоснованиями, основанными на серьёзных исследованиях, в котором доказывали, что нашего пациента не должны заставлять принимать лекарства, если он был против; принцип свободы религиозных убеждений именно этого и требовал. Руководство больницы с этим согласилось.

В конце концов, наш клиент был переведён в другую палату. Там он ни с кем не разговаривал, особенно с сотрудниками, потому что он не доверял ни докторам, ни кому бы то ни было. С другой стороны, он звонил нам почти каждый день, или мы звонили ему, чтобы обсудить его дело; были даже дни, когда мы с трудом убеждали его повесить трубку – настолько он был вовлечён в обсуждение всех юридических деталей.

После нескольких недель звонков руководство больницы назначило слушание о назначении опекуна для нашего клиента. В процессе его подготовки мы со Стивом пошли в больницу, чтобы встретиться с ним и объяснить, как будет проходить этот процесс. Нас встретила одна из медсестёр.

«Он в психозе», - сказала она. «Если вы мне не верите, можете посмотреть на записи в карте». Что мы и сделали. Напечатанное на машинке заключение, строчка за строчкой утверждало следующее: «Пациент ведёт себя странно. Он полностью немой. Тем не менее, мы знаем, что он способен говорить, потому что его много раз слышали разговаривающим по телефону о его юридических правах с воображаемыми юристами».

Стив начал тихо напевать песню группы Temptations «Просто моё воображение».

Никто не побеспокоился обратить внимание, что помимо того, что он звонил, ему *в ответ* тоже *звонили*; никто не соизволил поинтересоваться, а может быть у него действительно был юрист или юристы. Он был безумным – следовательно, его юристы были воображаемыми. Вообразите смятение медперсонала, когда воображаемые юристы пришли представиться его докторам и медсёстрам.

Одним из моих любимых случаев был Джефферсон, молодой человек, почти подросток, с которым я работала более или менее регулярно в течение шести лет. Когда я с ним встретилась, он провёл много лет в палате на задворках одной из государственных больниц штата, после многих лет в такой же больнице для подростков. В дополнение к диагнозу душевнобольного, Джефферсон также страдал нетяжелой формой умственной отсталости. И в этом и заключалась проблема: умственная отсталость не является душевной болезнью, а доказательства того, был ли он всё ещё душевно больным, не было. И если он не был душевнобольным, то психиатрическая клиника штата была последним местом, где ему надлежало бы жить.

После нашего первого посещения Джефферсону понадобилось ещё три или четыре раза, чтобы начать нас узнавать и помнить, кем мы были; вскоре он начал получать удовольствие от наших визитов и, кажется, решил, что нам можно доверять. Каким бы психически ограниченным он ни был, мы были уверены, что у него была «собственная гордость», которая требовала, чтобы мы разобрались в том, чего хочет *он*.

«Тебе здесь нравится?» - спросили мы.

Каменное лицо. «Нет. Мне здесь не нравится. Здесь плохо».

«Почему?»

«Джон, он меня однажды ударил, но я надрал ему задницу».

«Ты хочешь тут остаться?»

«Нет», - сказал он. «Здесь нечего делать!»

«У тебя есть здесь друзья?»

«Нет. Мне здесь никто не нравится. Все люди здесь - они не такие, как я».

«Ты встречался с учителями? Делал школьные задания?»

«Какие школьные задания?» - спросил он. «У нас тут нет школьных заданий».

Было ясно как день, что Джефферсону нужно было находиться с людьми, которые знали, как ему помочь; ему нужно было общечитие.¹⁸

¹⁸ Здесь: дом для совместного проживания "трудных" и бездомных подростков и молодых

Но его многолетняя история нахождения в психиатрических клиниках вдобавок к его росту (он был ростом под два метра и весом в сто тридцать килограмм) делала нас осторожными и озадаченными – найдём ли мы такое учреждение, которое согласится взять его сейчас?

Мы начали искать место для Джефферсона, неделя за неделей: одно заведение было слишком маленьким, другое - слишком большим, в том не было свободных мест (и долгая очередь ожидающих), в этом жильцы казались заброшенными. Всё время, пока мы искали место, мы продолжали регулярно навещать нашего клиента в больнице, просто чтобы он знал, что мы о нём не забыли. «Пожалуйста, я могу уже отсюда уйти?» - спрашивал он каждый раз. Внутри этого великана был маленький ребёнок, который знал, что здесь ему не место.

Наконец-то мы узнали о свободном месте в очень симпатичном общежитии на западе Нью-Хейвена, большинство обитателей которого были как аутичными, так и умственно отсталыми. Подходящий размер группы, компетентный персонал и хорошая репутация. Может ли оно стать новым домом для Джефферсона?

После нескольких посещений на выходные и с ночевкой, во время которых он очень хорошо себя показал (и было очевидно, что он был счастлив), Джефферсона, наконец-то, выпустили из психиатрической больницы - склада для «лишних» людей, где он был не на своём месте многие годы, где он никогда и не должен был находиться. Я гадала, как был поставлен этот диагноз много лет назад? Кто его поставил? И сколько ещё Джефферсонов было заперто в таких местах – потерянных, с ошибочными диагнозами, проводящие всю жизнь в ожидании, чтобы кто-нибудь обратил на них внимание и увидел в них того, кем они были на самом деле.

людей.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

По мере приближения конца учебного года я была уверена только в одном: я никогда не смогу стоять в суде и ораторствовать как Перри Мейсон. И, возможно, я никогда не произнесу пылкое заключительное выступление с изложением аргументов к жюри присяжных в защиту хорошего парня или в обвинение плохому парню. Не буду я и организовывать юридические махинации одной из компании Форчун 500¹⁹ в качестве их юрисконсульта, или быть одним из многих имён на фирменном бланке престижной юридической фирмы. Но мне надо будет найти работу. Закончить учебу, сдать экзамен на получение права ведения адвокатской практики, и потом начать работать. Хоть где-то. Хоть кем-то.

Это было... устрашающим. Кроме продажи кока-колы и попкорна в кинотеатре, моей недолгой практики в качестве стажёра в Центре, и летней работы в ОЮУ, я всегда была студенткой. И мне приходилось сражаться с ужасными демонами, чтобы продолжать ею быть.

¹⁹ **Fortune Global 500** — это рейтинг 500 крупнейших мировых компаний, критерием составления которого служит [выручка](#) компании. Список составляется и публикуется ежегодно журналом *Fortune*.

Я испытывала мучительный дискомфорт, выступая в классе, поэтому я почти никогда не делала этого. После одного из выпускных экзаменов профессор позвонил мне домой по телефону и сказал, что он понятия не имел, кто я была такая, но я сдала письменный экзамен лучше всех в классе. Каждый раз, когда это происходило, для меня это был сюрприз - несмотря на оценки, полученные в прошлом. Мне было нужно многократно проигрывать эти слова в моей голове, чтобы заглушить заигранную пластинку, которая играла внутри меня практически всегда: *Это какая-то ошибка, они перепутали меня с какой-то другой студенткой, на самом деле мой результат был гораздо хуже и это только вопрос времени, скоро всё откроется.*

Выступления в классе были не единственным невозможным для меня действием. Меня приводили в ужас исследовательские работы, которые надо было писать, и это продолжалось вплоть до того времени, когда я стала научным работником. Одну из них я помню и по сей день – это была работа по курсу о Фрейде, который читал Джордж Маль. Перспектива писать её пугала меня настолько, что я даже не хотела брать этот курс, и взяла его только потому, что Стив убедил меня, что это замечательный курс, даже несмотря на эту работу – и это был один из лучших курсов, которые я проходила. Предметом моего исследования был Даниэль Поль Шребер²⁰ (Судья Шребер), который в один из периодов своей жизни был главным судьёй Верховного Суда германского государства Саксония. У Шребера было обострение шизофрении, о котором он написал в своих мемуарах «Воспоминания невропатологического больного». Фрейд описал случай Шребера, а я предложила несколько иную интерпретацию его бредовой системы: его главная галлюцинация заключалась в том, что он был преображён в женщину, которая должна была быть оплодотворена Божественными Лучами, чтобы положить начало новой расе мужчин и женщин. (Когда я описала это в интервью на вакансию в Юридической Школе Нотр Дам, одна из монахинь задала уморительный вопрос: «И что в этом такого?»).

Когда моё исследование Шребера вернулось ко мне, на ней был написан комментарий доктора Маля, что работа «достойна публикации». (Позже профессор написал, что моя экзаменационная работа была лучшей за все его двадцать пять лет преподавания). Это

²⁰ **Даниэль Пауль Шребер** ([нем. Daniel Paul Schreber; 1842—1911](#)) — немецкий судья, страдавший [параноидальной шизофренией](#). Он описал своё состояние в книге «Воспоминания невропатологического больного» ([нем. Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken](#)). Эта книга оказала большое влияние на [психологию](#). [Зигмунд Фрейд](#) поставил собственную интерпретацию Шребера под сомнение и изложил свою точку зрения в книге под заглавием «Психоаналитические заметки об одном автобиографическом описании случая паранойи»

означало для меня многое, особенно потому, что я считала доктора Маля одним из самых лучших лекторов, которых я когда-либо слышала (это так и по сей день). На его курсе не было группового обсуждения, но его лекции были настолько интересны, что никому и не хотелось дискуссий, и к тому же никто никогда не пропускал его занятий.

Отзыв профессора Маля возымел на меня огромный эффект – сначала позитивный, а потом практически сразу же негативный: я опять перестала принимать лекарства. *Моя статья достойна публикации, я не вовсе не сумасшедшая – а это значит, что мне не надо принимать лекарства для психически больных. С этим покончено.* Последний раз, когда я пыталась бросить принимать лекарства – используя берримановский метод постепенного отвыкания – моя тревожность возрастала, в то время как шло время, и доза лекарств снижалась... *Это было ошибкой. В этот раз я сделаю это одним махом. Просто сорву повязку!*

Я чувствовала себя прекрасно день-другой; я даже была почти в экстазе. К началу пятого дня я была в полном махровом психозе, убеждённая, что злые создания вот-вот меня уничтожат. Я невнятно лопотала; я съёживалась от страха. Я не могла заниматься, а уже приближался конец последнего семестра. Наконец, Берриман настоял: обратно на наван, и снова увеличить дозу. Эффект был мгновенным, но вместо того, чтобы почувствовать облегчение, я разозлилась. *Меня от этого тошнит.* Мы все говорим о поддержке права выбора больного – верно? Если я была компетентна в момент принятия решения об отказе от медикаментов, то это было компетентное решение. Решение, принятое компетентным человеком. Правда ведь?

Примером поддержки права больного может послужить один трагический случай, который произошел с моим близким другом Дэном. Его первым клиентом в юридической психиатрической клинике был подросток по имени Тони, который провёл в больницах почти всю свою жизнь. Когда Дэн взялся за его дело, Тони находился в государственной больнице штата для психически больных подростков, хотя было странным, что его единственным диагнозом был синдром дефицита внимания - СДВ. Тони хотел выписаться из больницы, и Дэн помог ему освободиться и выйти из клиники к неохотно принявшим его родителям, которые только после долгих уговоров согласились взять Тони к себе.

Через несколько месяцев – к тому времени он вышел бы из больницы в любом случае – Дэну позвонил Тони: он был в тюрьме по обвинению в убийстве. Он сжёг семейный трейлер, в котором находились его мать, отец и семилетний брат; все они погибли. Дэн был подавлен, как и весь класс правоведения в области психического здоровья. Для группы студентов-идеалистов на юридическом факультете некоторые уроки давались тяжелее других, а этот, в котором «помощь людям» не всегда приводит к хорошему

результату (или, может быть, термин «помощь» означает совершенно разное от случая к случаю, и должен быть рассмотрен с большой осторожностью) – был самым трагичным для всех вовлечённых сторон. Загвоздка была в том, что невозможно было знать, как обернулась бы жизнь Тони без вмешательства Дэна.

В целом, однако, помощь психиатрическим пациентам приносила мне удовлетворение. Столько много было факторов в их разнообразных госпитализациях, и столько шансов для ошибок и небрежности в том, как их лечили. Каких-то ошибок *можно* было не допускать; некоторые жизни *можно* было изменить к лучшему. Я достаточно рано поняла, что посещение палат, где лежали душевнобольные, вызывает у меня сильные переживания – возможно, оно будило мою собственную потребность в зависимости, а также гнев на то, как со мной обращались, когда я сама лежала в больнице. Но я ничуть не сомневалась в том, что я понимала гораздо лучше многих (как медиков, так и обывателей), что это значит - быть беспомощным больным на кровати или запуганным до ужаса пациентом, связанным по рукам и ногам.

И всё же, хотя я и непреклонно отрицала свою болезнь, я хорошо понимала пределы своих возможностей. Если я не могла говорить перед аудиторией даже в классе, маловероятно, что я смогла бы быть страстным адвокатом, сражающимся в окопах судебных залов, стараясь привлечь к себе внимание администраций больниц или непреклонной юридической системы. Если мне хотелось что-то изменить в жизни психиатрических пациентов, мне нужно было найти другой способ это сделать.

«Йельский юридический журнал» печатал (и продолжает печатать) «авторские академические работы во всех областях закона и юриспруденции». В этом журнале публикуются статьи и эссе многих ведущих профессоров и юридических умов со всего мира, но также журнал печатает короткие статьи студентов-сотрудников журнала. Чтобы стать сотрудником журнала, я должна была подать заявку с темой своей статьи - использование усмирительных ремней и рубашек в психиатрических больницах. Когда моя заявка была одобрена, я спросила Стива, не поможет ли он мне отредактировать и приготовить статью к публикации, и, конечно, он согласился. Я хотела, чтобы моя аргументация была как можно более убедительной и веской. На самом деле, где-то в глубине души, я хотела, чтобы эта статья совершила невозможное – вернулась в прошлое и изменила жизнь той молодой женщины, которая была привязана к кровати в больнице Йельского психиатрического института и в отделении Спецпалаты номер 10 Нью-Хейвенского госпиталя в Йеле. Я хотела, чтобы мои слова изменили образ мыслей всех врачей, которые меня когда - либо лечили, и всё делали неправильно. Возможно, для меня это было слишком поздно. Но, возможно, это не было слишком поздно для кого-то другого.

Исследование, которое я провела, показало, что усмирение не применялось в Англии в течение более чем двух веков; и уж точно я не видела никаких признаков усмирения, когда я там была (а я не была особенно послушным или готовым к сотрудничеству пациентом). И, тем не менее, оно широко применялось в Соединённых Штатах. Неужели это лучшее, что мы можем сделать? Каковы были правила, каковы были критерии, какова была в разумной мере необходимая (и чрезмерная) осторожность при обращении с пациентами, которые уже были напуганы до ужаса в тот момент, когда лицо, облеченное властью, насильно их связывает? В своей статье я предлагала примерный статут (закон, который мог бы послужить моделью для законодательства каждого из штатов); в дополнение я приводила доводы в пользу большей степени свободы перед тем, как врач будет обвинён в халатности за то, что он *не* применил усмирение – короче, я хотела изменить систему стимулирования врачей. Моих врачей, врачей всех других пациентов.

В процессе подготовки моей статьи я разговаривала с одним профессионалом в области душевного здоровья, тогда работавшего на факультете Йельского университета. «Разве вы не согласны, что быть связанным - невероятно унижительно?» - спросила я. «Не говоря уже о том, что это больно. И страшно».

Профессор посмотрел меня так, будто он знает все на свете. «Вы не понимаете», - сказал он добрым голосом. – «Эти люди не такие, как я или вы. Это не действует на них так, как подействовало бы на нас вами». *Если бы он только знал*, подумала я про себя.

Моя статья «Использование медицинского усмирения в психиатрических больницах» была опубликована Йельским юридическим журналом в 1986 году. Меня распирало от гордости. Через несколько месяцев – уже после выпуска – мне позвонила юрист из Базелонского юридического центра психического здоровья, тогда и сейчас считающимся ведущей частной юридической компанией, представляющей интересы людей с психическими заболеваниями. Базелон, находящийся в Вашингтоне, специализируется на адвокатской защите, как в судах, так и в Конгрессе, тех избирателей, которые в большинстве случаев не могут сами защитить собственные интересы. «Я прочитала вашу статью с большим интересом», - сказала она и объяснила, что она использовала информацию из статьи для того, чтобы организовать и довести до суда серьезный групповой иск против применения усмирительных средств в одной из больниц Среднего Запада. Моя статья помогла кому-то. Моя работа послужила толчком к изменениям. Она помогла другому юристу и пациентам, которые ничем от меня не отличались. Ничем не отличались.

Время выпуска стало для меня (как оно стало, подозреваю, практически для каждого)

временем раздумий. Для меня это означало задать себе вопрос, как так случилось, что я нахожусь здесь, что держало меня в учебной аудитории, а не в больнице, и как я могла обеспечить свою безопасность в смутные времена, которые меня ожидали.

Сначала я последовательно занималась «разговорной психотерапией» с психоаналитиком, который понимал меня и относился ко мне с уважением. Своей кропотливой работой по интерпретации моего поведения Берриман помог мне открыть окно в мой внутренний мир, показав, что мой психоз служил мне защитой от тягостных мыслей и болезненных переживаний. Мой психоз играл свою роль в моей психологической жизни - подсознание служило защитой сознанию. Почему-то , понимание этого сделало всё менее ядовитым, более послушным. Может, я и не контролировала полностью свой психоз, но я, в то же время, и не была полностью отдана на его милость.

Вдобавок (как и миссис Джоунс, и в отличие от современных лечащих врачей), Берриман не отшатнулся от меня. Он никогда меня не госпитализировал (что делалось как бы для того, чтобы меня защитить, а на самом деле – чтобы защититься самому), а твёрдо держался, даже когда я была в самом пугающем состоянии, и обещал защищать меня. Он знал лучше кого бы то ни было, что в такие моменты я была буквально напугана до смерти.

Когда дело доходило до сложной ситуации с приёмом медикаментов, Берриман поощрял, но никогда не заставлял меня. При всех моих двойственных чувствах, касающихся приёма лекарств, я, тем не менее, принимала их почти всё время - потому что в Берримане я чувствовала медика-профессионала, который действительно меня слушал, доверял мне, и я в ответ доверяла ему.

В Стиве я, наконец-то, нашла настоящего друга, душевное родство, который знал о моей болезни и принимал меня вместе с ней, и при этом не относился к ней как к центральной части моей личности. Эта связь - с добрым человеком, с умным человеком, с любящим , весёлым и пристрастным человеком - дала мне возможность почувствовать и себя саму настоящим человеком. И это дало мне надежду, что я найду и других людей, как Стив, и что они тоже смогут разглядеть меня за моей болезнью и ценить меня настоящую.

Я проходила учебную программу, которая сочетала в равной степени структуру (в которой я нуждалась), и неструктурированное время (которым мне надо было научиться управлять). Каждому, на каком-то уровне, нужна хорошая дневная программа: для меня такой стала Йельская юридическая школа.

Итак, я с этим справилась и умудрилась создать инструменты для выживания. Я нашла учебное заведение, которое позволило мне процветать, психиатра, который дал мне почувствовать, что жизнь стоит того, чтобы жить, и друга, который позволил мне почувствовать себя человеком. И хотя может пройти много времени, прежде чем я найду мужчину, который позволит мне почувствовать себя женщиной, то, чего я достигла к своему выпускному дню, было очень даже неплохо, принимая во внимание, через что я прошла. Успешное окончание университета было победой - к тому же администрация выбрала меня и ещё одного студента на роль церемониймейстеров наших классов - студентов, которые поднимаются на сцену, чтобы получить дипломы от имени выпускного класса. Вся моя семья была в зале, когда я поднялась на сцену, и я не могла не думать о том, какой долгий путь мы все прошли.

Это был хороший день.

И всё же. И всё же передо мной стояли немаловажные вопросы: экзамены на юридическую квалификацию, и поиск работы, и необходимость съехать из общежития и заняться поиском нового места для проживания. День после выпускного был стопроцентным днём перемен, а Перемены – это совсем не моё.

Я решила остаться в Коннектикуте на какое-то время; я не была готова оставить Берримана, и он согласился с моим мнением. И Стив тоже там оставался. Он собирался поступить в школу клинической психологии, но ему нужно было для начала получить опыт клинической работы. Поэтому он поступил на работу с проживанием в общежитии для больных с тяжёлыми психическими расстройствами, где он работал с пациентами в качестве студента юридического факультета.

Мой экзамен на юридическую квалификацию был назначен на середину июля; поиск работы должен был подождать, пока я его сдам. Я не очень хорошо спала те несколько дней перед экзаменом и немного нервничала - любой бы нервничал, не только я. Но я получила хорошие результаты на экзамене по юридической практике, да и к тому же в течение трёх лет в Йеле все подбодряли нас: «Не волнуйтесь, курс подготовки к экзамену на квалификацию научит вас всему, что вам понадобится», - у меня не было выбора, кроме как поверить, что они были правы. Мне дали ещё один совет: «*не думай*». Что я и сделала, и умудрилась получить преимущество перед девяноста девятью процентами из тех, кто сдавал в этот день экзамен.

У нас со Стивом были в работе еще несколько дел в организации юридической службы. Однажды (вскоре после экзамена), когда расписание работы по подготовке к экзамену и

предвосхищение этого дня прошли, я вошла в офис ОЮУ и поприветствовала Салли, одну из секретарей, которая стала нашей подругой.

«Как идут дела?» - спросила я. «Не хотите ли немного похулиганить в юридической школе месте со мной? Я не знаю, кто это слушает, но тут большой заговор по поводу вопросов. Точки. Точки зрения. А не выпрыгнуть ли мне в окно?»

«О чём это ты говоришь?» - спросила Салли, полу-смеясь.

«А, просто прикалываюсь», - сказала я. «Шутки связаны с тихоней. Я застенчивая. Ты кого-нибудь когда-нибудь убивала? Я убила много людей своими мыслями».

С лица Салли исчезла улыбка. «Элин, ты меня слегка пугаешь».

«Не бойся», - сказала я. «Я просто кошка. Рыба ужасно вкусная. Мне просто надо идти работать».

«О, нет, погоди», - сказала она. «Я думаю, что тебе нужно остаться здесь на несколько минут».

Я села и начала петь, потом остановилась. «Ты не возражаешь, если я сделаю шляпу из этой вешалки?» - спросила я у Салли. «И после этого, я думаю, я, может быть, выпрыгну в окно».

Салли вместе с другим секретарем, Марией (которая, слава богу, тоже стала моей подругой), быстро позвонили Стиву Визнеру, директору ОЮУ. Визнер немедленно прибежал оттуда, где бы в тот момент он ни находился, они в течение нескольких минут изложили ему суть дела, и затем позвали меня в его кабинет. «Так что происходит, Элин?» - спросил он. «Вы, кажется, немного расстроены - у вас всё в порядке?»

«У меня все хорошо, спасибо, все хорошо», - прошептала я. «Я писала песни для фильмов. В юридических сводках идёт контрабандный трафик. Нас засудят, но моё имя не Сью, спасибо большое. Как вам удалось стать таким высоким? Не смотрите свысока». Я уже истерически хохотала, с трудом удерживаясь, чтобы не свалиться со стула на пол кабинета.

Почти за два года до этого я рассказала Визнеру о своей болезни и истории жизни, и он знал всё это время про лечение, которое я проходила. «Я бы хотел позвонить доктору Берриману», - сказал он.

«Я не думаю, что это необходимо», - сказала я. «Но вы можете позвонить, если хотите».

Дозвонившись Берриману, Визнер рассказал ему, что происходит, и передал мне трубку. «Поднять дозу навана до двадцати миллиграмм, Элин», - произнёс спокойный голос Берримана. «Прямо сейчас, пожалуйста».

Вернув трубку Визнеру, я залезла в свою сумку, вытащила флакон и послушно проглотила нужное количество таблеток. «О, мне сразу стало лучше!» - жизнерадостно проинформировала я Визнера - и мы оба начали смеяться, он с облегчением, я, всё ещё в бреду, но уже с достаточным осознанием, чтобы чувствовать себя смущённой за сцену, которую я учинила. Как бы то ни было, моё настоящее улучшение заняло немного больше времени.

За три года, прошедших после моей последней госпитализации, это был всего второй раз, когда меня так явно накрыло в присутствии кого-либо, кроме Берримана и Стива, и это было частью моего поведенческого паттерна: я определяла для себя цели, успешно их достигала, а потом разваливалась на куски. В этот раз опять всё знакомое и привычное либо уходило из моей жизни, либо оставалось в прошлом. То, что было впереди, было новым и пугающим. Строительные леса были убраны, и я не была уверена, смогу ли я самостоятельно подпирать это здание.

Когда меня накрывал психоз, некий занавес (цивилизации, или социализации) поднимался, и открывалась секретная часть моего «я». И затем, когда психоз проходил, я страдала от подавляющего чувства стыда: меня видели. *Теперь они знают.* Но этот раз существенно отличался от предыдущих. Я работала с Салли, Марией и Визнером в течение трёх лет; я доверяла им, и они доверяли мне - как другу и как профессионалу, который считался достаточно знающим, чтобы ответственно заниматься пациентами и их делами. Поэтому, оглядываясь назад, можно считать почти нормальным, что я пошла в этот офис, чтобы там распасться на части. Когда вы испуганы, на волоске от срыва, вы инстинктивно знаете, куда направиться, где вы будете в безопасности; в месте, где вы проявите нечто настолько интимное, как психоз, вы хотите, чтобы свидетелями были люди, которым вы доверяете.

В последующие дни я была до странности успокоена, обнаружив, что мой инстинкт выживания с годами, как казалось, стал сильнее - вместо того, чтобы приступ случился на улице или в овощном магазине, или в очереди в банке, я как-то умудрилась отсрочить его до того момента, пока я не доберусь до безопасного места. Хотя мои коллеги и не факт, что были готовы к тому, что произошло, отношения, которые между нами сформировались, дали им средства, чтобы справиться с ситуацией, а также и справиться со мной. Они действовали спокойно, делали правильные вещи, и этот момент прошёл.

Моё первое «настоящее» собеседование о приеме на работу прошло в организации «Юридическая помощь Нью-Хейвена», - пожалуй, лучшим рабочим местом такого рода в Коннектикуте. Я нервничала, но не была напичкана лекарствами больше обычного. У меня было хорошее резюме; я думала, что у меня есть хорошие шансы получить эту работу. После интервью юристы компании позвонили Стиву Визнеру и сказали ему, что, несмотря на мой хороший опыт и образование, и приятное впечатление, которое я производила, они не могли предложить мне эту работу. Короче, я провалила интервью - я была, как они сказали, «в коматозном состоянии».

Во время моей следующей встречи с Юридической службой Коннектикута в Бриджпорте - ЮСК, поверенный по делам персонала, который провёл моё первое интервью, посоветовал мне стать немного «поживее» при разговоре с исполнительным директором. Ну что сказать, «живость» никогда не была моим сильным качеством - и я никогда не видела её написанной в требованиях к кандидатам на должность. Может, мне просто нужна была ещё одна чашка кофе. Как бы там ни было, мне удалось произвести внушающее доверие впечатление и мне предложили работу в юридической службе.

Офис находился в старом ветхом здании в некогда приятной части Бриджпорта, которая теперь находилась в центре трущоб. Я сразу же начала представлять интересы клиентов, половину моего времени занимаясь семейными делами, половину - жилищными. На обычной работе в юридической службе (которой и был Бриджпорт) очень мало времени остаётся на то, чтобы подумать, поучиться, разработать стратегию. Ресурсы и персонал минимальны, и сами клиенты обычно находятся в таком плачевном положении к тому моменту, когда они обращаются в юридическую службу, что очень часто юристы мало что могут для них сделать. В мой первый рабочий день меня попросили сходить - в одиночку - в Father Panik Village (посёлок отца Паника), в то время шестом по размеру в стране государственным жилищем для бедных, пользующимся самой дурной славой, с его сорока шестью кирпичными зданиями на сорока акрах земли и населением почти в пять тысяч человек, с семьями с низкими доходами, положение которых ухудшалось с каждым днём; с огнестрельным оружием, наркотиками, домашним насилием, всеобщим беспределом и общим хаосом.

Паник было именем священника, который изначально был активным борцом за этот жилищный проект бриджпортского жилищного управления в период Великой Депрессии; тем не менее, словесная ассоциация была очень уместна. Я сказала, что пойду туда, только если меня кто-нибудь будет сопровождать, что было быстро организовано. Мне передали дело в этот мой первый рабочий день, которое должно было слушаться в суде всего лишь через неделю. Никакой подготовки проведено не было. Никто, собственно, даже не видел

клиента. Дело было улажено.

Я быстро поняла, что в ОЮУ меня избаловали. Мы сами выбирали для себя дела, и выбирали только самые интересные, или те, которые могли пролить свет на какой-то аспект права. Мы работали с экспертами в разных областях (которые были рады перезвонить, когда мы говорили, что мы - студенты Йельского университета), у нас было достаточно времени для исследования и разработки стратегии, и у нас были сотрудники, которые нам помогали. У нас было время на работу, время на размышления; и размышления по-настоящему ценились.

В ЮСК я проводила большую часть своего времени в переговорах с ловкими юристами, которые представляли интересы подлых владельцев трущоб, или мужей, регулярно избивавших своих жён. У меня не было времени звонить или перезванивать; у меня не было времени проводить исследования или думать о законе, а ведь именно этот интеллектуальный аспект и привлекал меня в юриспруденции. Хотя многие люди, интересы которых я представляла, мне нравились, а некоторыми я даже восхищалась (когда я могла найти время с ними собственно поговорить), эта работа казалась мне бесконечно изнурительной, и вскоре я почувствовала, что с меня хватит. Я не была Перри Мейсоном, и уж конечно я не была Жанной д'Арк, и к концу каждого дня я была едва жива. Я переживала, что я не помогаю моим клиентам так, как должна была бы. Лихорадочно я начала искать другую работу, любую другую работу, на которую бы меня взяли. Я чувствовала себя виноватой в том, что хочу уйти, но недостаточно виноватой, чтобы остаться.

В 1993 году последний из жильцов посёлка отца Паника был переселён. Годом позже здания были снесены - достойный конец этой слишком оптимистичной идее создания высоток с большой плотностью населения как решения проблемы дешёвого жилья, которая признаётся современными специалистами по городскому планированию как совершенно нереалистичный (и зачастую бесчеловечный) кошмар. На этом месте сейчас множество новых домов на одну семью или две семьи, с недавно засажеными зелёными дворами и молодыми деревьями. Кажется, прежний Бриджпорт возвращается. Мне иногда интересно, не вернулись ли и некоторые из моих прежних клиентов.

Я продолжала работать - без гонорара, бесплатно - над одним из дел в области закона о психическом здоровье: над делом Джефферсона. Как только Стиву и мне удалось устроить его в общежитие, мы начали заниматься вопросом его образования. Проблема была в том, что ему был уже двадцать один год, а соответствующие законы обеспечивали специальное образование только детям до двадцати одного года. И тогда мы попробовали

новаторский подход: раз Джефферсон не получил вообще никакого образования во время своего пребывания в психиатрической лечебнице в течение пяти лет, ему было положено «компенсаторное образование» за потерянное время. Этот подход сейчас широко признан в области специального образования, но когда мы его предложили, это было в новинку. И мы одержали победу, хотя и сложными окружающими путями. Джефферсон получил пять лет образования в одном из лучших учреждений штата по специальному образованию.

Во время моей работы в Бриджпорте мне было сложно находить время для сеансов психоанализа с Берриманом. Мы пытались учитывать и его, и моё расписание работы, но зачастую было сложно встречаться все четыре дня. И затем однажды возник вопрос относительно моего диагноза.

Мы обнаружили, что моя медицинская страховка от работы в ЮСК может оплатить часть моих психотерапевтических сеансов. Но для того, чтобы это случилось, Берриман должен был заполнить форму, в которой указывался диагноз. Я надеялась, что он напишет что-нибудь безобидное – типа тревожного невротического расстройства – чтобы я смогла избежать официальной записи о серьёзном психиатрическом заболевании. Я надеялась, что в моей жизни в будущем будут и другие работы, и хотела получить их, будучи не связанной по рукам и ногам. Но Берриман дал мне ясно понять, что он намеревался честно заполнить форму и сказать правду. И я быстро поняла, что это было необсуждаемо.

Когда мы только начали работать вместе, Берриман затронул тему моего диагноза. Он думал, что я страдала в основном от депрессии, не шизофрении, что было для меня огромным облегчением. «Но давайте пока не будем навешивать ярлыки», - сказал он. «Они только отвлекают внимание, а у нас с вами есть более серьёзные задачи».

Конечно, меня очень заинтриговал его окончательный диагноз – депрессия, даже психотическая депрессия, была всё равно расстройством чувств, хоть это я могла признать. Шизофрения (или её варианты) была «расстройством мыслей», в её основе лежал психоз – и это было совершенно другое дело.

Через день или два Берриман вернул мне форму. Я чувствовала, как мой пульс отдавался у меня в ушах, когда я её увидела в его руке, протянутую ко мне. Я взяла форму и прочитала слова: «шизофреническое расстройство депрессивного типа». Расстройство психики. Болезнь всего в одном шаге от шизофрении. Для меня было смерти подобно - видеть эти слова – исходящие от кого-то, кого я знала, чьё суждение клинициста я не могла оспаривать. И тут, как будто для того, чтобы полностью вжиться в диагноз, я быстро начала распадаться.

В тот вечер, когда мы прогуливались со Стивом, я рассказала ему, что я видела диагноз Берримана, и как он напугал меня. «Мягкая умственная задержка, сопровождающаяся сверх-достижениями, проявляющимся в успешном окончании Йельской Юридической школы», - сказала я тихо, бросив на него взгляд украдкой, в ожидании реакции.

Стив покраснел и начал заикаться, зная, насколько важно для меня мнение Берримана.

«Элин, я знаю, что Берриман очень умный, но, может, он ошибся с этим? Я просто не думаю, что ты умственно отсталая». Он посмотрел на меня и увидел, что я улыбаюсь.

«Попался!» - сказала я и рассмеялась. Я могла сказать по выражению его лица, что он не мог решить, смеяться ли вместе со мной или развернуться и пойти в противоположном направлении.

Несмотря на мой смех, в моей ситуации было мало забавного; любой диагноз, начинающийся с «шизо» был для меня проклятием, и я это знала. *Почему Берриман так про меня думает? Я что, действительно настолько больна? Разве всё, что я сделала, чего я достигла, было просто шуткой? Что мне действительно место в психиатрической больнице в конечном итоге?*

И как будто бы для того, чтобы посмеяться надо мной, вселенная опять уронила меня в чёрную дыру, и галлюцинации вернулись ко мне в гости.

По настоянию Берримана я опять увеличила дозу навана; за несколько дней я была на ровном киле. Но диагноз продолжал преследовать меня. Я была так уверена, что я достигла реального прогресса; я верила, что я продвинулась дальше того первого диагноза, который мне поставили в больнице. Но теперь вес берримановского вердикта был осязаемым, не предвещающим ничего хорошего, это бы вес моего собственного сизифова камня – я катила его вверх по холму, он скатывался вниз, я катила его вверх, он скатывался обратно вниз. У него были все шансы раздавить меня окончательно.

Я продолжала проводить много времени со Стивом, который полюбил свою работу и начал делиться ею со мной; я находила наше время, проведённое вместе, умиротворяющим. Стив считал свою работу в общежитии приносящей большое внутреннее удовлетворение и сравнивал свою жизнь там с жизнью в монастыре. Я часто заходила к нему на ужин, или просто, чтобы посидеть за кухонным столом и поговорить с людьми, которые там жили. Однажды я столкнулась в дверях с новым жильцом, который оказался пациентом из моей палаты в Йельском психиатрическом институте. Между нами прошло несколько неловких минут, пока мы не поняли, что кофе и разговор означали для нас обоих одно и то же, и по тем же причинам.

Время, проведённое в общежитии, напомнило мне, что в положении больного есть и свои преимущества. Персонал в палатах экстренной помощи и в больницах всегда уделял пристальное внимание тяжело больным пациентам, и люди из общежития почти всегда могли найти собеседника. Но «пойти на поправку» означало отказаться от этого внимания, или найти другой, лучший способ его получить. Это был знакомый урок: уехать из дома здорово, но немногие люди совершают это путешествие без того, чтобы оглянуться назад, хотя бы несколько раз, в начале пути.

Тем летом я узнала о должности сроком на два года в местной юридической школе (сейчас это юридический университет Квиннипиака) – в котором шло изучение законодательства и правоприменительной практики, а также юридических трудов. У этой

должности не было перспективы стать постоянной академической работой, но она давала мне возможность вырваться из юридической службы; быть практическим юристом никогда не давалось мне легко, и в поселке отца Паника я совершенно зашивалась. К тому же на этой работе я смогу остаться в Нью-Хейвене и продолжать психоанализ с Берриманом. Итак, я подалась на эту должность.

Во время моего интервью (которое было большим прогрессом по сравнению с моими запинаящимися интервью в двух других фирмах, оказывающих юридические услуги), очень приятный декан предупредил меня, тонко, как только мог, что эта преподавательская работа может быть гораздо ниже моих талантов. Мне было всё равно. Мне нужна была работа, и я хотела работать; кроме того, у него не было полной информации обо мне. И я не собиралась ему её давать.

Когда я получила предложение, я согласилась в тот же день.

«Мне нужно тебе кое-что сказать». Это был Стив, со своим мягчайшим голосом. Я собралась с духом, догадываясь, что последует. «Я уезжаю из Нью-Хейвена в Вашингтон».

Он начал отношения с женщиной – женщиной, которая мне очень нравилась, очень мягкой и доброй, которая вызывала у него улыбку. Она получила свою степень в Йеле и была принята на докторскую программу в университете штата Вирджиния в Шарлотсвилле. Стив хотел быть неподалёку от неё, я это понимала, и я это поддерживала; на самом деле я задолго до этого знала, что когда-нибудь между нами будут мили, это был только вопрос времени.

Тем не менее, мне было больно, очень. Он был моим коллегой, моим доверенным лицом, моим лучшим другом, и моим лучшим свидетелем – моей болезни, моей темноты, и моей борьбы за то, чтобы остаться в мире и стать полезным членом профессионального сообщества. Он критиковал мои статьи, он помогал мне держать в целостности мой фрагментированный разум, он составлял график моего прогресса (и напоминал мне самой, чего я достигла) – он даже иногда заканчивал за меня мои предложения. А я часто заканчивала его. Не было ничего, чего бы он не знал обо мне. Не было ничего, о чём бы мы не говорили, ничего, о чём бы я не хотела получить его совета, какой бы области это ни касалось - личной, или профессиональной, или академической. И сейчас он меня оставляет? Не удивительно, что моей первой реакцией было «Нет!».

«Да», - сказал он. «Пришло время».

«Я не думаю, что я смогу справиться без тебя рядом», - сказала я. Мой голос дрожал.

«Нет, ты сможешь», - сказал он. «Элин, вся твоя жизнь была историей твоей борьбы за то, чего ты хотела, и *достижением* этого. Ты квинтэссенция выживания – ты нашла друзей, терапевтов, профессоров, которые верят в тебя. И теперь ты начинаешь свою профессиональную жизнь. Не я сделал это за тебя – *ты* этого достигла!»

«Но ты мне помог», - сказала я.

«Ну, на это ты всегда можешь рассчитывать», - сказал он. «Это не конец дружбы – ничто не может к этому привести. Да ну, признайся же самой себе, что однажды и ты переедешь куда-нибудь. У тебя есть дело, которое для тебя важно, и где бы я ни жил, когда это случится, не имеет значения».

В день его отъезда мы вместе позавтракали. Я едва смогла съесть омлет, медленно, по маленькому кусочку, а вкус кофе казался таким, будто его сварили неделю назад. После этого Стив забрался в свою машину, Форд Пинто, купленную им за пятьсот долларов, и уехал в направлении шоссе I-95 Юг. Я стояла и смотрела ещё несколько минут, думая о том, как давным-давно Кенни и Марджи Коллинс уехали из Вандербильта, и покинули меня. Моё сердце разбилось в тот день, и оно разбивалось сейчас, но я выживу – как ни грустно мне было, я знала это. И я забралась в свою машину и поехала обратно (плача всю дорогу) в юридическую школу на деловую встречу. Я припарковала машину и взяла себя в руки. Стив был прав – у меня были дела. Пора было взяться за работу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Мой выбор преподавательской работы, хотя совсем не престижной (как мне намекал и сам декан), был одним из лучших профессиональных решений в моей жизни.

Это была небольшая школа, с гораздо меньшим прессингом и напряжением, чем в Йеле; студенты были очень трудолюбивые и со здоровыми амбициями, с сильным желанием слушать и учиться (хотя был и существенный процент отчисления за неуспеваемость, в отличие от Йеля). Моя основная обязанность – проверка меморандумов и записок по делу – занимала много времени, но была незамысловатой, а бывали дни, когда и довольно лёгкой. Несмотря на мою стеснительность в публичных выступлениях, обмен мнениями со студентами помог моей уверенности в себе. Я начала думать о себе как о настоящем

учителе.

Одним из моих коллег был профессор по имени Сэнди Мейкледжон, внук знаменитого философа и учёного, занимавшегося Первой Поправкой, Александра Мейкледжона²¹. Сэнди работал профессиональным теннисистом в перерыве между окончанием юридической школы и началом работы в качестве практического юриста, и он сам был удивлён, что умудрился получить преподавательскую работу. Однако, начав работать, он открыл для себя, что семейная традиция преподавания (Александр-старший был деканом Брауновского Университета с 1901 по 1912 и президентом Амхерстского колледжа с 1913 по 1923) была у него в крови. Сэнди любил преподавать и, несмотря на репутацию очень требовательного преподавателя, он был для многих любимым профессором – он никого не опекал, но и никому не попустительствовал. И он служил мне прекрасным примером.

Мы стали с Сэнди близкими друзьями и часто ужинали вместе; он был добрым наставником, руководствующимся собственной интуицией, в течение моих нестабильных первых дней в моей роли институтского преподавателя; он помог мне написать исследовательскую работу, которую я готовила к публикации. По очевидным причинам меня заинтересовал вопрос, какие критерии или свойства входят в понятие «дееспособность» применительно к людям, которые хотят сами принимать решения о том, чтобы принимать (или не принимать) психотропные медикаменты. Как это определяет закон? Как это понимают медицинские учреждения и персонал? И как мы *должны* его понимать? Поскольку Сэнди изучал договорную дееспособность, его мнение по вопросу другой дееспособности было жизненно важным для меня.

Этот год преподавания пронёсся незаметно, и мои дела шли хорошо – уж точно лучше, чем я могла ожидать. Я приспособилась ко многим переменам в моей жизни гораздо легче, чем когда бы то ни было. На преподавательской работе мне было легче организовывать и посещать сеансы с Берриманом, и, хотя я страстно желала жизнь без лекарств, я оставалась на наване и на антидепрессанте элавиле (амитриптилине) (но время от времени я экспериментировала с дозами, конечно же). Я чувствовала себя уверенно в своей роли преподавателя, у меня появились новые друзья, моя статья о дееспособности продвигалась вперёд с помощью Сэнди, который читал каждую версию и подавал мне идеи, куда можно её отослать. Я надеялась, что если мне удастся опубликовать статью в юридическом журнале, может быть (после ещё одного года работы с Берриманом), я буду чувствовать себя уверенной настолько, чтобы подать заявление на какую-нибудь другую должность где-нибудь еще, и уехать из Нью-Хейвена.

И тут Берриман сообщил мне, что он собирается вскоре уйти на пенсию, а точнее – через три месяца.

²¹ Широко известны два юридических подхода к проблематике свободы печати в теории массовой коммуникации, которые вытекают из анализа судебной практики. Первый – «функциональный» или как его ещё называют «структуралистский» -- представлен трудами Александра Мейкледжона и основан на том утверждении, что Первая Поправка к Американской Конституции гарантирует свободу печати только в том случае, если ею пользуются в интересах всеобщего блага

Как будто кто-то нажал кнопку выключателя - так быстро я упала духом – мое состояние было хуже, чем когда-либо после Оксфорда и тех первых ужасных месяцев в Йеле. В течение нескольких дней, вся уйдя в себя, и практически немая, я снова начала раскачиваться и невнятно бормотать, независимо от того, была ли я одна или в кабинете у Берримана. На меня накатила разрушительная энергия и напал невыразимый страх. «Пожалуйста, не уходите», - умоляла я Берримана. «Вы не можете это сделать. Настанет конец света».

К счастью, юридическая школа участвовала в соревновании по учебному судебному процессу, поэтому мне достаточно было только появляться на работе – что было для меня очень хорошо, поскольку я была не в силах разговаривать. Однажды я принесла все свои ювелирные украшения в кабинет Берримана, вместе с чеком на большую сумму – почти всем, что у меня было. «Я хочу, чтобы вы отдали эти украшения вашей жене», - сказала я ему. «Они мне больше не понадобятся. И деньги мне не нужны будут тоже, поэтому возьмите их».

«Элин, вы знаете, что я не могу этого принять. Может, вам пора в больницу?»

Нет! Только не больница. Большую часть времени я проводила в своей квартире, свернувшись калачиком на диване и бормоча. Друзья приносили мне сигареты и еду, но я не могла есть. Я начала говорить о насилии, когда кто-нибудь был недалеко от меня. «Я убила многих людей», - сказала я. «И теперь, когда Берриманом завладел дьявол, мне нужно будет убить и его. И он не один такой».

Стив путешествовал, объезжая университеты по всей стране, проходя интервью на различные программы по докторантуре в области психологии. Он много раз звонил, чтобы проверить, как мои дела, но я не отвечала на звонки, поэтому он позвонил нашим друзьям, которые сказали ему, что случилось. Он сразу же вернулся в Нью-Хейвен.

Я открыла дверь в мою квартиру-студию. Стив позже расскажет мне, что то, что он увидел в тот день, превосходило все, что он видел, когда я была в бреду, и это шокировало его. Я не ела неделю или дольше. Я была изможденной и двигалась так, как будто мои ноги были из дерева. Мое лицо производило впечатление маски (и было похоже на нее). Поскольку я опустила все шторы, квартира (в ранние часы полдня) была погружена в почти полную темноту. Воздух был зловонным, в квартире был кавардак. Стив работал со многими пациентами, страдавшими серьезными психиатрическими расстройствами. Но до сего дня он говорил мне, что в тот день я выглядела хуже всех, кого ему приходилось видеть.

«Привет!» - сказала я, и затем вернулась на диван, где я сидела в молчании в течение почти пяти минут. «Спасибо, что приехал, Стив», - в конце концов сказала я. «Мир рушится. Мир. Голос. Скажи часам, чтобы остановились. Время времени пришло».

«Берриман уходит», - сказал Стив мрачно.

«Меня толкают в могилу. Ситуация тяжелая», - простонала я. «Тяжесть тянет меня вниз. Она все пытаются убить меня. Скажи им, чтобы они ушли прочь. Мне страшно».

Стив провёл со мной несколько дней, пока я слушала музыку, и то неразборчиво бормотала, то угрожала совершить насилие. Я не хотела выходить из квартиры, только лишь затем, чтобы увидеть Берримана, а также, чтобы сохранить видимость присутствия на работе, но Стив мягко настоял, что мне нужно выходить в свет почаще. Мне нужно было принять душ, почистить зубы, сменить одежду на чистую, и поесть что-нибудь. Мы даже поужинали вместе с друзьями однажды вечером; на моё счастье, никто практически не прореагировал на моё тихое бормотание за столом, пока все получали удовольствие от трапезы.

А затем всё опять поменялось. Выяснилось, что Берриман не уходит, по крайней мере, пока ещё нет. Йель убедит его остаться ещё на один год, поскольку им нужно было какое-то время, чтобы найти ему замену. Облака развеялись. Дьявол отступил; моя голова прояснилась. Когда я пришла в себя, Берриман вернулся к интерпретациям. «Вы питаете иллюзии, что эта ситуация имеет к Вам какое-то отношение», - сказал он мне на сеансе. Конечно, имеет. Он же *остался* из-за меня, разве нет?

Почему я так распалась на части, когда Берриман сказал мне, что уходит? Прямо сейчас – где бы вы ни были – у себя в комнате, в библиотеке, на скамейке в парке, в автобусе – буквально сотни вещей шумно требуют вашего внимания. Снаружи это звуки, взгляды и запахи; изнутри – ваши мысли, чувства, воспоминания, желания, мечты и страхи. Каждый из них, как внутри, так и снаружи, стучится в вашу дверь, и все стучатся одновременно.

Но у вас есть власть выбирать, на какую из этих вещей (или их комбинацию) обратить внимание. Может быть, это ощущение книги в ваших руках, или температура в комнате, где вы сидите. Вы передвигаете подушку за вашей спиной. Вы перечитываете последний абзац на странице, затем переходите к следующему. Вы думаете о том, чтобы встать и пойти на кухню, может быть, приготовить что-то перекусить. Хотя эти действия представляют собой только малую часть того, что происходит внутри и вокруг вас, вы можете *выбирать* их, и отодвигаете другие на задний план.

Теперь представьте: регулятор, который направляет определенную информацию к вам и фильтрует другую информацию, внезапно выключился. Моментально каждый взгляд, каждый звук, каждый запах, которые вы чувствуете, несёт в себе равный вес; каждая мысль, чувство, воспоминание и идея представляются вам равноценно яркими и глубокими. Вы получаете десятки разных сообщений через десятки разных каналов связи – телефон, электронная почта, телевизор, CD-плеер, друг, стучащийся в дверь, мысли в вашей голове – и вы не способны выбрать, который из них должен выдвинуться на передний план, а который должен отойти в категорию «позже». Это толпа зрителей на соревнованиях на Кубок кубков, и они все вопят вам в лицо.

Или попробуйте вот это: встаньте в середине комнаты. Включите музыку, телевизор, игру-стрелялку, и пригласите в комнату несколько маленьких детей с мороженым. Врубите громкость каждого устройства на полную катушку, а потом отберите у детей

мороженое. Представьте себе, что такая ситуация происходит с вами каждый день и каждую ночь вашей жизни. Что вы будете делать?

Сначала вы будете отчаянно пытаться хоть что-то разобрать в этом грохоте, заглушить гвалт – найти что-то, на чём сфокусироваться, за что зацепиться. Медики могут помочь вам, если химия вашего тела способна их перенести. Вы можете приложить усилия, чтобы сделать вашу жизнь настолько предсказуемой, насколько это возможно – буквально контролировать различные составляющие вашей жизни – чтобы вы знали заранее, что от вас ожидается, что произойдёт, и как к этому подготовиться. Вашей основной целью будет избежать сюрпризов. Медленно, кропотливо, вы выстроите заново ваш внутренний регулятор, с помощью структуры и предсказуемости. То, что вы потеряете в непосредственности, вы приобретете в здравомыслии.

Я успешно прошла через трудности получения университетского образования, через трудную работу в государственном секторе, переключилась на преподавание, и училась новым навыкам. И через отъезд Стива. И, в основном, я оставалась на ногах. И потом, я сформулировала план, как дальше жить своей жизнью. Берриман был центральной фигурой этого плана, и план работал. Я знала, как с ним работать и чего от него ожидать – это давало мне соломинку, за которую можно было зацепиться; это создавало структуру моей жизни. Конечно же, я знала, что перемены неизбежны; я этому научилась. Но я всё ещё училась, как ориентироваться во всем этом. Известие об уходе Берримана на пенсию было катастрофической неожиданностью, как удар молнии. За то время, что понадобилось ему, чтобы изречь эти слова, структура и предсказуемость, вокруг которых я построила свою жизнь, взорвались перед моими глазами. Мой Регулятор – который я создала так старательно, чтобы заменить *отсутствующий* Регулятор – сломался. Каждый взгляд, звук, запах, воспоминание, эмоция, мысль и идея взрели все хором и оглушили меня.

Я всегда была уверена, что тот срыв, который произошёл со мной в течение моих первых месяцев в Йеле, был частично вызван тем, что я не закончила мою работу с миссис Джоунс - теперь, с сообщением Берримана, что-то внутри меня подсказало, что история повторяется. Но все пошло не по самому худшему из сценариев. Стив пришёл как посланец из внешнего мира, и изменившиеся планы Берримана восстановили порядок в моём внутреннем мире.

Тем не менее, если бы Берриман следовал своему первоначальному плану выхода на пенсию и не смог бы лечить меня ещё один год, на который я рассчитывала, я бы уж точно опять оказалась в больнице. Я очень хорошо знала, что рано или поздно придёт время, когда мы с Берриманом придём к решению, что наша совместная работа подошла к концу. Но для того, чтобы мне оставаться во вменяемом состоянии, «конец» нашим отношениям должен был произойти в правильном времени и месте. И теперь это опять становилось возможным.

Все же это соскальзывание было пугающим, и моё восстановление, хотя и было

облегчением, почти так же лишило меня присутствия духа. Я начала понимать, что моё душевное равновесие зависело не только от моих усилий и решительности, но и, в равной степени, от чистой случайности. Для того, чьё выживание зависело от структуры и предсказуемости, это было *плохой* новостью.

Летом 1988 года я закончила год в качестве преподавателя и готовилась к тому, чтобы с головой нырнуть в рынок труда преподавателей юридических школ. Я закончила писать рукопись своей статьи для юридического журнала о правомочии отказа от медикаментов, и была уверена, что статья была достаточно хорошей, чтобы использовать её на предстоящих собеседованиях. Всё опять шло по плану.

В выходные Четвёртого июля²² я планировала съездить ненадолго в Майами повидать семью. Но в ночь перед полётом у меня неожиданно началась ужасная головная боль.

Сколько бы у меня ни было медицинских проблем, в этом списке не было головных болей. И эта, казалось, не собиралась проходить. Она длилась почти целых два дня. У меня болела голова, шея, спина, и почти всё время меня тошнило.

Я пыталась отнестись к этому философски, и быть снисходительной к своему организму. У меня были друзья, страдающие мигренями; может, настал и мой черёд. Может быть, на этот раз, то, что я испытывала, было нормальным - обычный бытовой стресс. Или, может быть, это была жара. Или влажность. В любом случае, головная боль прошла так же неожиданно, как началась.

Две недели спустя она вернулась. Я была ошеломлена силой боли, и моей неспособностью с ней справиться. Приятель, по имени Джон, с которым я познакомилась через Стива, который был не только мудрым священником, но и одарённым психиатром, наконец-то уговорил меня пойти к врачу. Я позже узнала, что его мать умерла в молодом возрасте после симптомов, схожих с моими.

Врач согласился со мной - да, это была мигрень, возможно вызванная стрессом. Он выписал мне тайленол с кодеином. После моего визита я поехала на машине обратно в Йель повидаться с друзьями из юридической службы; последнее, что я помню, было то, что меня вырвало. Даже сейчас я ничего не могу вспомнить из того, что происходило в последующие пять дней.

Мозаика, которую я смогла сложить из кусочков, после того, как меня стошнило, была следующей: Мария и Салли отвезли меня на машине домой и сказали мне, чтобы я немедленно легла в постель. На следующее утро они позвонили мне, чтобы проверить, как мои дела, но мой телефон была занят. В течение многих часов. К полудню они были взволнованы настолько, что вернулись в квартиру, где обнаружили меня в той же одежде, что и накануне. Моя постель была нетронута, и я продолжала повторять одну и ту же фразу: «Почему вы здесь, почему вы здесь?» Они мне ответили, и через несколько секунд я опять продолжала их спрашивать, буквально неспособная удержать мысль в голове ни

²² День независимости США

на секунду.

Они быстро запихнули меня в автомобиль и отвезли в отделение неотложной помощи. Где случилась предсказуемая катастрофа: в неотложке обнаружили, что у меня была история психиатрического расстройства. И на этом диагностическая работа со мной закончилась.

Стигма психической болезни - это многоликая гидра, и медицинское сообщество повинно во многих ее ликах. Однажды пациент на программе, в которой работал Стив, ходил неделями со сломанной спиной; никто из медицинского персонала, к кому бы он ни обращался, не принимал его боль всерьёз - он был психически больным. Поэтому, как только в отделении неотложной помощи узнали, что у меня было психическое расстройство, и я была на нейролептиках, диагноз был высечен в камне: у меня «просто» был приступ. Бедная Мария буквально стояла на ушах, стараясь объяснить любому, кто был готов слушать, что она видела меня в момент психоза, и что это было что-то совершенно другое. Но её показания не помогли - я была психическим пациентом. Неотложная помощь отослала меня прочь.

Мария решила, что я должна поехать с ней к ней домой; что бы со мной ни происходило, для неё было очевидным, что меня небезопасно оставлять одну. К тому времени, как мы приехали к ней домой, я уже не помнила, что происходило в отделении неотложной помощи, и не понимала, где мы были и почему. Пытаясь меня устроить, она позвонила моим родителям. Мама немедленно прилетела из Майами - отец поправлялся после глазной операции, и последовал за ней, как только смог.

Мама сразу же приехала к Марии, провела полчаса или около того с нами, и затем отвезла меня обратно на мою квартиру. Она вышла на несколько минут, чтобы купить нам что-нибудь поесть в местном магазинчике. Когда мама вернулась и постучала в дверь, я открыла её и удивилась, увидев её с покупками. «Что ты тут делаешь?» - спросила я.

«Я только что вышла купить еды», - сказала она. - «Ты что, не помнишь, что я привезла тебя от Марии домой?»

«Нет. А почему ты здесь? Кто-нибудь заболел?»

«Нет, Элин, никто не заболел. Кроме, пожалуй, тебя. Поэтому я здесь, чтобы увидеть, что с тобой происходит, и чем я могу помочь».

Пятью минутами спустя: «Мама, что ты тут делаешь?» И пятью минутами позже: «Что ты тут делаешь?» И потом опять: «Что ты тут делаешь?»

Мама повела меня обратно к врачу. Поначалу он не был особенно обеспокоен - до той поры, пока он не обнаружил, что я совершенно не помню, что приходила к нему раньше - обсудить мои головные боли, или что я получила рецепт. Немедленно он сказал моей маме везти меня обратно в больницу.

Итак, мы поехали в отделение неотложной помощи. Несколько часов я сидела на каталке в холле. Наконец-то я ответила на все стандартные вопросы, и опять нам казалось, что они

собираются отправить меня домой. Но затем осматривавший меня терапевт спросил меня, не было ли мне больно, когда я поднимала ноги и пыталась достать до пальцев ног. И это было больно.

Пункция спинного мозга, которую он немедленно взял, была желтоватого цвета, со следами сухой крови. Мне поставили диагноз субарахноидального кровотечения - у меня шла кровь из мозга.

Процент летальных исходов при этом кровотечении - около пятидесяти, хотя я этого в то время не знала. Мне было тридцать два года и, до той поры, мой мозг вел себя очень хорошо и в то же время – очень плохо.

Было три часа утра, когда нейрохирург вошёл в смотровую комнату. Он хотел провести процедуру, которая называлась ангиограммой, и которая позволила бы ему увидеть кровяные сосуды в моём мозге. Ангиограмма - это всегда рискованная процедура, но в этот раз она было абсолютно необходима. Если ангиограмма обнаружит аневризму, мне понадобится экстренная операция на головном мозге.

Я помню, что я слышала эти слова - с ослепительно сияющими лампами над головой, с больничными запахами и звуками, и я, и моя мама были в слезах. «Если со мной что-нибудь случится, пожалуйста, вы с папой продолжайте жить и живите хорошо. Это то, чего я хочу». Мамины всхлипы стали громче. Как ни была я испугана за себя, я была ещё больше испугана за своих родителей. Если я умру...

Ангиограмма не позволила поставить окончательный диагноз. Зачастую, ангиограмма не может обнаружить причину кровотечения, в этом случае врач предполагает некую структурную аномалию – как, например, очень маленький (и поэтому необнаруженный) аневризм или артериально-венозный порок развития – которая кровоточила и разрушила себя. В конечном счете, мне в любом случае не нужна была операция. Когда я услышала эту новость, я почувствовала такое облегчение, что плакала почти до истерики.

Папа приехал вскоре после того, как меня положили в больницу. Я провела там ещё три недели; через день-другой моя память улучшилась, хотя для того, чтобы прошли головные боли, понадобилось больше времени. Были бесконечные анализы - томография, магнитно-резонансное исследование, еще одна ангиограмма, и пункция спинного мозга каждый день, до той поры, пока, наконец, киста моего спинного мозга просто не сплюснулась, и они не смогли больше брать пробы.

Пока я была в больнице, они сняли меня с антидепрессантов; учитывая другие успокоительные, которые я принимала, доктора были уверены, что антидепрессанты были бы слишком большой нагрузкой для моего организма. Поэтому, находясь в центре уколов, ощупываний, всех этих «хммм...» и «ну, с другой стороны это может быть как тем, так и этим», исходящих от стоящего надо мной медицинского персонала, я была невероятно грустна и испугана. И, как следствие, впала в психоз.

Однажды вечером я вдруг уверовала, что я была так называемым «щепочным убийцей»,

мужчиной, который попал под суд в Коннектикуте за то, что разрезал свою жену на куски бензопилой и пропустил их через дробилку для щепы. Прицепленная к стойке с внутривенной капельницей, я побрела к стойке дежурной сестры и сообщила сёстрам, что им нужно было позвонить в полицию и сообщить о моём местонахождении. Очень бережно они отвели меня обратно в палату и положили в постель.

На следующий день во время обхода один из врачей спросил меня о том, что случилось. «Я слышал, вы были расстроены прошлой ночью, в чём было дело?»

«Собственно, я думала, что я «щепочный убийца», - сказала я ему. «Я всё ещё не уверена, он это или я. В любом случае, я очень плохой человек - я зло, на самом деле».

В ответ доктор разразился таким громким смехом, что его слышали медсёстры в коридоре, и это сразу же заставило меня устыдиться. *Он думает, что я сумасшедшая.*

Стояло лето, и доктора Берримана не было в городе, он был в отпуске; на счастье, он попросил коллегу, консультанта, практикующего в больнице, заглянуть и провести меня. Доктор Фейнштейн заходил ко мне почти каждый день, и был очень добрым и успокаивающим, именно таким, в котором я нуждалась.

«Я взаправду испугана,» - сказала я ему. «Я вижу теперь, что можно расстаться с жизнью *вот так*», - и щёлкнула пальцами.

Он кивнул. «Это правда. И это очень печально. Но знаете, Элин, большинство людей приходят к этому заключению, когда им за пятьдесят - вы просто рано это поняли».

Посещения Фейнштейна, вместе с частым обществом моих родителей, которые приходили навестить меня каждый день в течение трёх недель, пока я находилась в больнице, помогли мне безмерно. Мой брат вместе со своей семьёй тоже приехал из Нью-Йорка навестить меня ненадолго; мы все вместе ходили в кафе перекусить или как следует наесться. Поздно ночью, когда все расходились, я спускалась в гостиную, привязанная к своему столбу с капельницей. Здесь я выкуривала сигарету и слушала классическую музыку по музыкальным каналам телевизора, стоящего в общей гостиной. Мои родители прибили к моей двери табличку с надписью «риск самоволки», и, в то время как нас это смешило, докторов это явно раздражало. К нам относились так, будто мы не принимали всерьёз ни госпитализации, ни её причины, хотя на самом деле мы были в ужасе, и наши шутки были способом защититься от этого ужаса.

По мере того, как шло время, нарушение памяти постепенно уменьшилось, но не спешило проходить, как и головные боли – и больничные врачи назначили психологическое тестирование – результаты были написаны от руки в моей карте, и мне легко было их прочитать. Несколько специалистов разных дисциплин спорили о моём состоянии, и разброс их мнений привел меня в восторг. По мнению одного из них, результаты показывали, что меня «должны были беспокоить галлюцинаторные мысли и процессы само-преследования». Ничего нового.

Другой диагност провел у меня длинный тест на память; психолог с дипломом магистра,

который подписывал «Маг.» после своего имени, предложил странную формулировку: результаты показывали, что я намеренно старалась *показаться* больной, особенно в области нарушения памяти. Его руководитель написал заметку, что чем предполагать, что я старалась *казаться* больной, не стоит забывать, что результаты теста с таким же успехом могли означать, что я *была* больна. Маг. также предположил, что мои головные боли были последствием плохого питания, в то время как другой специалист выразил мнение, что мои головные боли были результатом моего «нарушенного мыслительного процесса». Итак, я либо была симулянтом, либо сумасшедшей, либо недостаточно ела. Каким-то образом, важность моего мозгового кровотечения рассосалась сама собой.

Маг. также ставил под вопрос мою способность следить за собой в моей квартире, «в смысле питания и гигиены»; третий специалист рекомендовал меня вниманию социальных служб «для помощи в долгосрочной перспективе». Я нашла бы много удовольствия в плане помощи в долгосрочной перспективе, поскольку мои долгосрочные планы включали в себя многое: опубликовать множество книг в ведущих издательствах, написать десяток с лишним юридических статей и обзоров, и добиться кафедры на юридическом факультете ведущего университета. Даже в лучших условиях и в наилучшем состоянии здоровья любой, кто хотел этого достичь, нуждался в любой помощи, которую ему могли оказать.

По прошествии трёх недель меня наконец-то выписали из больницы без какого-либо определённого заключения о том, что же было причиной моего кровотечения. Хотя моя память так никогда и не заполнила пробелы тех дней до больницы, головные боли отступили. Мои родители вернулись в Майами; я вернулась к своей жизни, с какими бы изъянами, какой бы запутанной, загадочной и подающей надежды она ни была. Какое-то время я чувствовала себя хрупкой; я знала, что произошедшее было по-настоящему пугающим, даже угрожающим. Но я не умерла; я выжила, и я повторяла это себе каждый день. Как будто бы метеорит упал на вашем заднем дворе, не задев дома. Вы можете думать о метеорите, о том, что могло случиться, а можете думать об удачном промахе, о том, чего не случилось. Я решила сосредоточиться на промахе.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В сентябре пошёл второй год моей преподавательской работы в небольшой юридической школе, и я подготовила заявление на постоянную преподавательскую должность где-нибудь ещё. Несмотря на то, что я не пошла традиционным путём выпускника юридического факультета для получения должности преподавателя, работая секретарем в суде и работая летом в крупной юридической фирме, я была вознаграждена чрезвычайно положительной реакцией: более тридцати пяти юридических школ выразили интерес и

ответили мне.

Я хотела быть оптимисткой - и на бумаге были все причины *быть* оптимисткой, но на моём пути стояло небольшое биохимическое препятствие. Со времени моего приключения в больнице я всё ещё не возобновила свою схему приема лекарств. За несколько дней я скатилась с чувства лёгкой грусти до серьёзной депрессии, а затем я стала сползать к суицидальному состоянию. Берриман порекомендовал, чтобы я немедленно вернулась к амитриптилину (прозак разработают только через несколько лет), а Стив прочитал мне по телефону строгую лекцию о стрессе, который я испытывала во время поиска работы, и как я должна была сфокусироваться и быть непоколебимой. «Я знаю тебя, я знаю, о чём ты думаешь,» - сказал он. - «Но в этот раз у тебя нет времени делать глупости с лекарствами.» Как ни жаждала я быть свободной от медикаментов, мне пришлось признать, что он был прав.

Однако мне было слишком легко оступиться и во многом другом. Например, во время короткой поездки в университет Майами, где я проходила собеседование о приеме на работу, продолжавшееся целый день, я была настолько рассеянной и в таком стрессе, что я плохо ела, и во время собеседования и обсуждения работы я произвела плохое впечатление. Опять «практически коматозная». Хуже того, я упала в обморок при выходе из самолёта, когда я прилетела в Нью-Йорк, и меня вывозили на инвалидном кресле. Ужасно сконфуженная, я классифицировала происшедшее как «плохую заботу о себе - Элин, будь бдительна! »

Остальные интервью прошли значительно лучше, и в результате я получила несколько заманчивых предложений. Одно из них понравилось мне больше всего: оно пришло из университета Южной Калифорнии в Лос-Анджелесе. Юридический факультет этого университета пользовался хорошей академической репутацией, входил в двадцатку лучших в стране. Моя поездка на интервью была комфортной и прошла удивительно спокойно; преподаватели, с которыми я общалась, были дружелюбными и добродушными, несмотря на свою блестящую репутацию (я хорошо подготовилась и знала про каждого из них, какие статьи они опубликовали и в каких журналах). И (что было немаловажно) университетский городок был красивым, солнечным и тёплым, и милостивым к моему телу. Поэтому когда из университета Южной Калифорнии пришло предложение о работе, мое решение было быстрым и простым – и я его приняла. Но до собственно переезда было ещё несколько месяцев. Между тем, у меня всё ещё были преподавательские обязанности в Нью-Хейвене, и продолжающееся дело Джефферсона, которого я продолжала представлять, пока он проходил все инстанции государственной системы.

Я старалась посещать его хотя бы раз в неделю - мы встречались в общежитии, где он жил, и шли в местную кафешку поесть мороженого и поговорить по душам. Будучи

крупным мужчиной с явными нарушениями и ограниченной способностью связывать понятия, он часто пугал людей, но со мной он всегда был деликатным и говорил тихим голосом. У него все было хорошо, и он был счастлив.

На самом деле, он делал настолько заметные успехи как в общежитии, так и в процессе обучения в школе, что персонал в обоих учреждениях считал, что его можно было перевести в другое общежитие – для тех, у кого нарушения были менее выраженными. Поскольку нужно было ждать, пока там освободится место, у меня было вдоволь времени для того, чтобы проявить должную осмотрительность от его имени, и я провела много долгих и сложных бесед с персоналом в обоих общежитиях и в его школе. Я также обсудила всё с его матерью, которая недавно вернулась в его жизнь. И я провела несколько серьёзных бесед с Джефферсоном, который не только доверял мне, но видел во мне друга и доверенное лицо. Он несколько раз благополучно ночевал в своём потенциальном новом доме и провёл там выходные; ему там понравилось. Да, сказал он мне, он хотел туда переехать.

На бумаге все это выглядело красиво. Тем не менее, мне нужно было побороться со скептицизмом - моим собственным. Взрослые с умственной задержкой и с такими же поведенческими расстройствами, как у Джефферсона, были широко известны своими стараниями угодить другим, особенно тем, кто имел какую-то власть над их жизнью; по существу, они отчаянно хотели говорить правильные вещи, чтобы все вокруг них были счастливы. Он, казалось, больше заботился о том, чтобы угодить мне, а также персоналу. Поэтому я тревожилась: видела ли я ситуацию в подлинном свете? Был ли выбран нужный момент, и было ли это нужным местом? Да, да, да, повторяли все. Наконец, я согласилась - хорошо, это верное решение. И мы его перевезли.

В течение нескольких недель все шло хорошо; мы все начали успокаиваться. Но потом что-то заставило его взорваться. Мы так и не поняли, что послужило спусковым крючком, но, в любом случае, это привело его в бешенство. Он стал кричать и угрожать соседям и персоналу. Вызвали полицию - оказавшись лицом к лицу с большим рассерженным чернокожим мужчиной, не поддающимся контролю и с нечленораздельной речью, полицейские насильно его усмирили и уволокли в местную психиатрическую больницу. Там случилось худшее: смирительная рубашка, принудительное лечение и изоляция - всё, от чего нам удавалось оберегать его с тех пор, как мы со Стивом начали работать над тем, чтобы перевести его из государственной психиатрической больницы. Всё, что на моём собственном опыте приводило меня в ужас, теперь происходило с Джефферсоном.

К сожалению, это запустило цепную реакцию и деградацию, которая казалась какое-то время необратимой. Тогда он ненадолго попал в больницу в первый раз, но не в последний. Он не мог вернуться в свое прежнее общежитие - его место уже было занято. И он не мог вернуться в новый дом - это явно не сработало, и его возвращение было нежелательным. Слово «буйный» начало появляться в его медицинской карте; его перебрасывали из одного общежития в другое, пока не происходило что-нибудь неладное

и его опять не госпитализировали. Ко времени моего переезда в Лос-Анджелес на новую преподавательскую должность, состояние Джефферсона всё ещё не стабилизировалось.

В конце концов ситуация некоторым образом разрешилась - несколько лет спустя, когда я приехала навестить его, он был в общежитии, где, вроде бы, все было под контролем. Но в течение какого-то времени казалось, что в нём сорвало какой-то переключатель, и ему больше не удалось справиться с ситуацией так же хорошо, как в своем первом общежитии. Все мы, его доброжелатели - не подвели ли мы его? «Дело было во мне?» - спрашивала я Стива. «Или в нас? Может, мы в этом виноваты?»

«Нет, нет», - сказал он. «Мы полагались на собственное мнение и сделали то, что казалось лучшим в этот момент». Но я боялась, что мы боролись за то, что казалось лучшим с нашей точки зрения, не обязательно с точки зрения самого Джефферсона. Может быть, то, что случилось с ним, произошло бы в любом случае, мы не можем этого знать. Ещё один трудный урок для жёлторотых юристов.

С приходом весны подошёл конец и моей жизни в Коннектикуте; я запланировала поездку в Лос-Анджелес на апрельские каникулы, чтобы встретиться со своими будущими коллегами, ознакомиться с университетским городком и городом и подыскать жильё. Вдобавок, мне порекомендовали нескольких психоаналитиков на западном побережье, чтобы я смогла продолжать своё лечение без перерыва. Я была полна решимости построить надёжную базу для своей новой жизни.

Прямо перед моим отъездом раздался звонок от моего отца. «Твой дядя Норм скончался, он покончил с собой,» - сказал он. Дяде Норму, младшему брату моей матери, было всего лишь сорок семь лет, когда он умер. Ни для кого не было секретом, что он страдал от психиатрических проблем большую часть своей жизни - в глубокой депрессии он провёл год в клинике Меннингер в городе Топека, штат Канзас. В какой-то момент, по моей рекомендации, он также провёл несколько месяцев в больнице пенсильванского института с моим тамошним доктором, Миллером; он вышел из больницы «вопреки врачебной рекомендации». И теперь дело дошло до этого - смерть от собственных рук, от передозировки таблеток.

Я была ошеломлена и опечалена, и в то же время не удивлена. Мой отец был спокоен, чего нельзя было сказать о моей матери. Она была подавлена горем - её отец умер незадолго до этого, но эта потеря брата после стольких лет борьбы была гораздо тяжелее. Моего красивого, милого, молодого дяди больше нет. Вот *просто так*. Но я не могла поехать во Флориду, чтобы оплакать его, я должна была лететь в Лос-Анджелес на следующее утро, у меня было назначено много встреч, и у меня было очень мало времени на всё это. Я хотела поехать на его похороны; я сожалела (и продолжаю сожалеть), что я не была там, чтобы поддержать маму и чтобы почтить борьбу моего дяди.

Самоубийство почти всегда оставляет на своих обломках выживших, с чувством, что они

могли бы что-то сделать, *должны* были что-то сделать, чтобы спасти жизнь того, кого они любили. «Если бы только я сказала это или сделала вот это... Что же мы упустили, чего не заметили, где мы потерпели неудачу?» В эти первые ужасные дни невозможно ничего сделать, чтобы облегчить это горе, и любые намеки на то, что это было «неизбежно», отвергаются.

Даже хуже, я начала идентифицировать себя с дядей Нормом. Не случится ли это со мной однажды? Дойду ли я когда-нибудь до состояния, когда одна мысль о ещё одном докторе, ещё одном тесте, ещё одной таблетке, ещё одном кризисе, ещё одной госпитализации просто столкнёт меня с края пропасти?

Повесив трубку телефона, я стояла в одиночестве в своей маленькой квартире с упакованными чемоданами и началом моей новой жизни, и я с вызовом сжала кулаки. *Нem! Нem!* Это был он, его жизнь, его причины; а это была я, в своей.

Жизненно важным шагом в моём выживании и основной причиной для этой поездки был поиск хорошего психоаналитика. Под руководством миссис Джоунс и доктора Берримана я научилась тому, что без страховки в виде разговорной терапии, всё остальное не имело значения. Я побеседовала с четырьмя специалистами (они были рекомендованы друзьями, коллегами и Берриманом) и, в конце концов, мой выбор пал на того, которого предложил Берриман. Его звали Каплан, и его впечатляющий послужной список включал работу со многими серьёзно больными пациентами в больнице лос-анжелесского округа.

Мой первый визит в офис Каплана был обнадёживающим - офис был очень эклектично обставлен коллекцией вещей, которые, казалось, не имели никакой связи друг с другом (повсюду покосившиеся стопки книг, бумаг, и записных книжек, разношёрстные лампы, невзрачная мебель). Для меня это было свидетельством его активной научной жизни, охватывающей многое - преподавание, письменные работы, лечение больных. Поскольку мой офис как тогда, так и сейчас, представлял собой хаотичный беспорядок, мне пришлось по сердцу, что офис Каплана был почти таким же. И он мне также напомнил кабинет миссис Джоунс - в этом было скрытое предположение, что внешняя сторона вещей не имела большого значения, но что путешествие во внутренний мир значило многое.

С первых наших минут вместе было ясно, что Каплан не только понял мою болезнь, но и также был совершенно готов к соединению психоаналитического подхода с медикаментозным (с чем не всегда были согласны другие психоаналитики). Но я задавалась вопросом, был ли он готов к степени проявления моих приступов и насилию, которое иногда овладевало мной в эти моменты. Возможно, он брался за большее, чем мог сделать. «Не беспокойтесь об этом», - сказал мне Берриман. «Не бойтесь её», - сказал он Каплану.

Остальные дела из запланированных - обеды и ужины с людьми, которые вскоре будут моими коллегами, поиски жилья - прошли лучше, чем я могла надеяться; я даже смогла пройти через всё это совершенно невредимой. Внимая увещаниям Стива, я принимала лекарства, хорошо питалась, давала себе отдохнуть, сколько требовалось, и вообще очень неплохо провела время. Квартира, которую я нашла - просторная, с одной спальней - находилась в современном оштукатуренном четырехэтажном здании, типичном для западной части Лос-Анджелеса, и в получасе-сорока минутах езды на машине от университетского городка. Поскольку я давно решила, что никогда не буду жить на первом этаже - потому что кто же знает, что таится по ту сторону окна? - я чувствовала себя комфортно наверху. После того, что я пережила с говорящими домами в старшей школе (воспоминание, которое нервирует меня и по сей день), мне не хотелось жить в опрятном маленьком бунгало или коттедже. И никакого двора, террасы, или балкона, чтобы я не видела вокруг деревьев и странных теней, притаившихся в углах. Я хотела быть надёжно защищённой в четырёх недоступно-высоких стенах.

Все мои будущие коллеги не только делали вид, что хотят, чтобы я чувствовала себя как дома, но и сделали все для этого. Когда мы прогуливались по кампусу²³, я начала ориентироваться - вот здание юридического факультета, вот библиотека, а здесь гараж-парковка для преподавательского состава - я остро ощущала на своих плечах тёплое солнце и какую-то мягкость воздуха. *Здесь мне будет хорошо*, думала я. *Здесь мне будет очень хорошо. Здесь всё встанет на свои места.*

За исключением, конечно же, того далеко не являющегося случайным вопроса, как поведет себя мой непредсказуемый мозг. Несмотря на мою историю, несмотря на диагнозы и прописанные медикаменты, частые галлюцинации и гибельную божью кару - несмотря на Каплана - я всё ещё не была уверена, что у меня была психическая болезнь. Не была я уверена и в том, что мне действительно нужны были лекарства. Признать одно или другое означало признать, что в моем мозге была серьезная поломка, и у меня просто не было сил сделать это. И я также не могла посвятить других в свою тайну.

Я решила не рассказывать окружающим про состояние моего психического здоровья в контексте профессиональных отношений (в отличие от личных), за исключением ситуаций, когда не рассказать означало бы напрямую солгать. Например, в заявлениях о приёме на работу во всех юридических школах, кроме одной, спрашивали, была ли я вынуждена взять отпуск в других школах по причине эмоциональных трудностей. Формально, *мне не надо* было брать академический отпуск, когда я болела во время учебы в Оксфорде, потому что я писала диссертацию, а не посещала занятия. Поэтому везде я отвечала «нет» без зазрения совести. Однако в Стэнфорде меня спросили, вынуждена ли я была когда-либо взять отпуск или снизить нагрузку из-за эмоциональных проблем. В этом случае я вынуждена была ответить «да», хотя в пояснении я сделала акцент на депрессии, не на психозе. Если бы я поступила по-другому, это резко снизило

²³ Кампус (от англ. *campus*) – университетский городок.

бы мои шансы на любую карьеру - как только это было записано в документах, все мои мысли и всё, что я бы ни написала, стало бы восприниматься как бред сумасшедшей. *Не обращайтесь на неё внимания, она ненормальная.* Я не могла позволить этому случиться.

Мой мозг был инструментом моего успеха и моей гордостью, но он также был и орудием моего разрушения. Да, таблетки помогали, но каждый раз, когда я клала их в рот, служил напоминанием, что некоторые люди - умные люди, которым я доверяла и которых уважала - считали меня психически больной, что я была неполноценной; каждая доза навана была уступкой этому. Больше всего на свете я хотела быть здоровой и целостной; я хотела существовать в мире как свое подлинное «я» - и я была убеждена, что лекарства подрывали веру в это. И поэтому я продолжала пытаться их избежать, играя с дозировкой, проверяя, насколько далеко я могу зайти, прежде чем обожгусь. И, конечно, я обжигалась каждый раз - даже в своём отрицании, я это знала. Но если огонь, который меня обжигал, означал моё разрушение, это был тот же огонь, который поднимал меня утром из постели и посылал меня в библиотеку даже в самые ужасные дни.

Стив называл меня «моторчик, который всё может», и я была горда этим прозвищем. Каждый раз, когда меня сбивало с ног, я поднималась снова и снова. Не было причины, по которой я не могла бы продолжать это делать. Мне просто нужно было контролировать мой ум, а не наоборот, и если я буду осторожной, я смогу полнокровно жить той жизнью, какой я хочу.

Когда годы, проведенные мною в Нью-Хейвене, подошли к концу, я сказала горьковато-сладкие слова прощания всем своим друзьям, и доктору Берриману в особенности. Мы были хорошей командой - я не только твердо стояла на ногах, но и продвигалась вперед. Итак, в выходные Четвертого июля 1989 года - ровно год спустя с того дня, когда появились первые симптомы моего кровоизлияния в мозг - я поднялась на борт рейса в Лос-Анджелес, в этот раз улетаю туда навсегда. И в этот раз это была гораздо более спокойная поездка.

Вопрос, конечно, был не в том, *будет ли* у меня эпизод психоза, а в том, *когда* он будет.

Пункт, в который входит упаковать всю вашу жизнь и начать её заново, стоит вверху списка больших жизненных стрессов - он занимает ту же ступень, что и развод, серьезный диагноз, увольнение с работы, переход на новую работу, и оплакивание усопшего члена семьи. А также возник ряд других вопросов помельче, которые нужно было решать каждый день: Где находится продуктовый магазин? Где мой банк? Где лучше всего покупать зубную пасту, или электролампочки, или свежие фрукты, или взять видео напрокат вечером в пятницу? Когда придёт работник телефонной компании и где моя переадресованная почта?

Добавьте к этому шизофренический «регулятор» и необходимость его ещё раз выстроить. Как в новом и незнакомом пейзаже кто-то может построить полностью предсказуемую, знакомую, управляемую жизнь, в которой нет сюрпризов? И построить её быстро, потому что от этого буквально зависит вся ваша жизнь.

Мне помогло, что Лос-Анджелес напоминал мне о доме - широко раскинувшиеся предместья, пальмы, голубое небо, близость океана. Я даже вскоре решила, что Лос-Анджелес – улучшенный Майами: с лучшей погодой, лучшей едой, кинотеатрами, театром, без ураганов (несмотря на редкие землетрясения), и (часто) меньшей влажностью. Хотя всё остальное было в полном беспорядке.

Стив был в двух тысячах миль от меня; он начал работу в аспирантуре в университете штата Мичиган в Анн Арбор. Мы разговаривали по телефону почти каждый день, но это было не то же самое, что сидеть всю вторую половину дня напротив друг друга, поедая пиццу. Я скучала по нему и по тому, как он клал руку мне на плечо или мягко похлопывал меня по спине, давая мне понять, что всё будет в порядке. Когда в последний раз кто-нибудь меня коснулся или смог меня подбодрить, так же, как мог только он, как мог только он один?

И хотя доктор Каплан был очень хорошим специалистом, он не был Берриманом (не больше, чем Берриман был миссис Джоунс). Всё в нём было другим; особенно беспокоил меня тот факт, что стулья в его кабинете стояли не на тех же местах, что в доме Берримана - незначительная деталь, но эффект был такой, будто я была слепой, входила в знакомую комнату и обнаруживала, спотыкаясь о стулья, что кто-то переставил мебель.

Мои коллеги-преподаватели были дружелюбными и радушными, но я не знала никого из них. Преподавательский состав юридического факультета университета Южной Калифорнии был довольно неформальным и студенческим по стилю общения на многих уровнях - я наблюдала с завистью, как они приветствовали друг друга в коридорах, читали работы друг друга, вместе планировали семинары. Когда это случится и со мной? Случится ли это *когда-нибудь* со мной?

Мне нужна была стратегия. Мне нужна была самоорганизация. Мне нужно было составить ещё один список: моих целей и шагов, которые я должна была предпринять, чтобы их достичь. Прежде всего, был вопрос постоянной должности: университет требовал трёх пространственных опубликованных статей; мне понадобится четыре года, чтобы написать их. Эта часть была простой - я буду проводить за работой большую часть времени в своём офисе. Я знала, что работа поддержит меня так, как ничто из того, что я умела делать. В действительности четыре года казались больше, чем достаточным - за это время я смогу легко написать четыре или, возможно, даже пять работ. От них не требовалось быть блестящими, достаточно было, чтобы они были хорошими, адекватными, трудными, но интересными, хорошего качества, чтобы заслужить постоянную штатную должность. И если я буду много и долго работать, я смогу всё сделать заранее и дать себе запас времени на тот случай, если я опять заболею и мне понадобится отпуск - что почти непременно должно было случиться. Это будет все равно что положить сделанную работу в банк на чёрный день.

Университет Южной Калифорнии требовал, чтобы преподаватели на первом году работы преподавали один курс в каждом семестре; в течение академического года это означало

один небольшой класс-семинар и один большой класс. Мне повезло и моим первым классом был семинар по закону об охране психического здоровья, на котором было только восемь студентов. Я знала материал лучше, чем любой из моих студентов мог себе представить; мы будем рассматривать такие вопросы как принудительная госпитализация, право отказа от медикаментов, конфиденциальность и дееспособность. Таким был мой план. Когда я не буду занята подготовкой или проведением занятий, я буду писать. Никаких проблем.

С самого начала первого занятия я увидела, что студенты были толковыми, бойкими, и вовлечёнными - в целом, хорошая группа. С ними я проведу время с пользой, так же, как и они - как я надеялась. Наши обсуждения охватывали широкий спектр вопросов, поскольку я стремилась найти правильный баланс между краткой сводкой, историей, теорией, и правовыми нормами, которые применялись к психически больным. Одно из дел, которое мы рассматривали, было об одной студентке-медике, которая, будучи психически больной, была исключена из университета из-за того, что она царапала и резала себя, когда кто-либо из администрации выводил её из равновесия. Какое-то время спустя она обратилась с просьбой о восстановлении на факультете.

«Должно ли быть вообще позволено отчисление в таком случае?» - спросила я. «Или это непозволительная дискриминация?»

Некоторые студенты указали на то, что с момента её отчисления она получила степень магистра здравоохранения и выполняла ответственную работу. Вдобавок, было совершенно не однозначно, что если она станет медицинским работником, она автоматически будет представлять собой риск для пациентов - например, она могла заниматься исследованиями. Действительно, для неё даже не исключалась и работа мануальным терапевтом - было очень мало указаний на то, что импульсивное причинение боли самому себе приводит к существенному риску нанесения вреда другим - в этом случае работает совершенно другая психодинамика.

Одна из студенток (медсестра психиатрического отделения) высказала мнение, которое меня больно задело. «Конечно, психические пациенты не должны быть врачами!» - сказала она. «Особенно, если они наносят себе раны. Полно людей, которые причиняют боль себе, а потом идут и причиняют боль другим, даже если не все из них так поступают. Что остановит эту пациентку, такую импульсивную, от того, чтобы причинять травмы пациентам?»

Мне понадобилось какое-то время, чтобы собраться с мыслями, и потом я спросила: «Думаете ли вы то же самое про юристов, в руках которых не находится *физическая* безопасность других людей?»

«Пошли бы *вы* на приём к юристу, который принимает психотропные медикаменты?» - скептически спросила она. «Потому *я* точно не пошла бы».

«Да», - сказала я. «Да, я, на самом деле, пошла бы». *А что бы вы сказали по поводу*

посещения занятий, которые ведёт преподаватель, принимающий психотропные препараты? - задумалась я.

И потом был вопрос о дееспособности. «Должны ли пациенты иметь право отказываться от приёма медицинских препаратов, когда они находятся в больнице?» - спросила я у класса.

«Было бы глупо госпитализировать кого-то для того, чтобы его лечить», - ответил один из студентов, - «и не быть способным лечить его. Это будет также стоить много денег».

«Но», - вернул свое слово другой студент, - «разве же мы не позволяем дееспособным людям принимать самые разные дорогостоящие и рискованные решения - например, прыгать с парашютом?»

Ну, теперь мы к чему-то придем, - подумала я.

Итак, занятия начались удачно, так же продвигалась моя работа по первой статье на тему дееспособности. Но это ничего не гарантировало, и однажды в выходные ранней осенью, после того, как схлынул адреналин первых дней, я почувствовала, как соскальзываю. Я была в своём офисе, одна, и работала над статьёй. Я начала чувствовать присутствие других - существ, которые всегда были неподалеку, когда я была больна - они были в офисе вместе со мной. Присутствие зла, которое нарастало. *Почему они здесь? Они пытаются завладеть моим разумом? Почему они хотят причинить мне боль?*

Эти мысли становились всё более навязчивыми; через несколько минут я больше не могла от них отбиться. Время было послеполуденное; я знала расписание Стива и знала, что пройдет несколько часов, прежде чем я смогу с ним связаться. Поэтому вместо него я позвонила Стиву Визнеру из Нью-Хейвена.

«Элин!» - раздался его голос в телефоне. - «Как я рад тебя слышать!»

«Как твои дела?» - спросила я. - «Я - герой, не геморрой. Героические усилия. Вложены в чье-то время. Как тюрьма. Я вижу сквозь призму жизни. Я убила множество людей».

«Ты должна позвонить своему врачу прямо сейчас», - сказал он. Он знал про Каплана; он знал, что Каплан взялся за моё лечение по рекомендации Берримана.

«Ладно», - сказала я и позвонила Каплану на автоответчик. Пока я оставляла ему сообщение на одном берегу страны, Визнер звонил с другого, оставив срочное сообщение, что моя ситуация была действительно экстренной.

В течение часа мне перезвонил Каплан. «Стив Визнер сказал мне, что сегодня вы не очень хорошо себя чувствуете», - сказал он. «Что происходит?»

«Прохождение - это просто в некотором смысле. Снисхождение - это уже ближе к делу. Мне это совершенно не нравится, спасибо большое. Я отказываюсь быть убитой. Я убью в ответ. Люди пытаются меня убить?»

«Я хочу видеть вас в моём офисе через час», - сказал он. «Вы можете придти?»

«Да, но ведь сегодня воскресенье», - сказала я. «Воскресные одежды, ожерелья и серьги. Со всеми вмешательствами».

«В моем офисе через час, договорились?»

«Договорились», - сказала я. «Договорились». *Только самые ужасные пациенты приглашаются на приём в воскресенье. Может быть, Каплан откажется от меня? Зачем ему эта головная боль. Кто вмешивается в мои мысли? Что они хотят от меня? Что они заставят меня делать?*

Каплан уже был в офисе, когда я туда добралась. «Входите, Элин».

Я села. Напуганная, я обхватила себя, и сидела, раскачиваясь.

«Кажется, вам нелегко приходится», - сказал он.

«Мне сейчас трудно. За все преступления. Хотя это они делают всё это через меня. Те, которые в небе. Я - инструмент. Инструмент дьявола. Пожалуйста, не позволяйте им убить меня. Внутри моей головы очень горячо. Я боюсь, она может взорваться».

«У вас симптомы психоза», - сказал он. «То, что вас пугает, на самом деле не происходит».

«Я знаю, что они настоящие», - ответила я. «Они кажутся вам безумными, но они настоящие. Я их делаю стоящими. Скажите им, чтобы они уходили!» Я раскачивалась и гримасничала, размахивая руками, как будто я отбивалась от вмешательства каких-то существ.

«Берриман обычно поднимал вашу дозу навана, когда вы себя так чувствовали», - произнес он. «Поэтому я бы хотел, чтобы вы начали принимать по тридцать шесть миллиграммов в течение нескольких дней».

«Это не медицинская проблема», - простонала я. «Это дело добра и зла. Страдают невинные дети. Есть запас и что в запасе. Крики и шёпот. Страх, и дрожь, и болезнь до смерти».

«Да, я знаю, что вам очень больно», - сказал он. «Наван у вас с собой?»

«Да».

«Тогда отсчитайте восемнадцать таблеток и примите их прямо сейчас, хорошо?»

«Хорошо». Я открыла сумку, стала рыться в поисках коробочки с таблетками, тщательно отсчитала на столе восемнадцать пилюль. Тут моя паранойя переключилась на Каплана. «А вы на чьей стороне?» - спросила я. «Вы хотите причинить мне боль или помочь мне?»

Он подал мне стакан воды. «Я пытаюсь помочь», - сказал он. «Вам сейчас тяжело, но вы скоро почувствуете себя лучше. Я увижу вас завтра утром на приёме, а сегодня вечером я позвоню вам домой, чтобы проверить, как у вас дела. Договорились?»

«Да», - сказала я, послушно приняла таблетки и пошла домой.

Капкан перезвонил вечером, как и обещал; меня всё ещё терзали страхи, существа ещё не полностью отступили, поэтому, услышав его голос, я слегка приободрилась. К следующему утру я чувствовала себя гораздо лучше.

Итак - теперь он всё видел. Он не испугался и не попытался положить меня в больницу; он сделал точно то же самое, что сделал бы Берриман, и он обсудил это со мной. Меня успокоила эта преемственность. Они оба говорили, что мы сможем сделать этот переход, но я боялась, что этого не произойдёт, и теперь я увидела, что всё было в порядке.

С другой стороны, Капкан уже занял гораздо более жёсткую линию относительно лекарств, чем Берриман. Это стало темой обсуждения на нескольких наших следующих приёмах. Он хотел, чтобы я сидела на более высокой дозе навана; я сопротивлялась, веря, что чем меньше лекарства я принимала, тем менее ущербной я была. Я осталась на тридцати шести миллиграммах, как раз достаточных для того, чтобы чувствовать себя лучше, и стала опять украдкой снижать дозу. Я не пропустила ни одного занятия, и была способна вернуться к написанию статьи через пару дней.

Итак, с самого старта Капкан и я заложили основу для нашего сражения в течение следующего года – его мнение о том, как много лекарств он считал необходимым для меня, против моего мнения о том, как мало лекарств я считала необходимым. Наши отношения будут похожими на любые другие отношения между двумя другими решительными и упрямыми людьми, которые часто встречаются друг с другом. Были дни, когда это хорошо работало, а были дни, когда это было явной катастрофой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я начала чувствовать себя более или менее комфортно с несколькими моими новыми коллегами, и когда я встречалась с ними один на один или в составе маленькой группы из трех-четырех человек, встретившихся, чтобы выпить кофе или перекусить, я думала, что я очень даже неплохо управляю собой. Действительно, я вскоре стала человеком, который каждый день собирает вокруг себя людей, чтобы пойти пообедать вместе. Я заставляла себя это делать, потому что я боялась, что если я не буду тем, кто собирает всех вместе, то меня исключат из коллектива, и я останусь одна. (Фактически я до сего дня продолжаю всех собирать, и стала известна на юридическом факультете как «обеденная мама». Я думаю, что мне должно это зачесться в послужной список, но декан, подозреваю, с этим не согласится).

Тем не менее, когда вокруг меня собиралось много людей, это было для меня пыткой - термин «болезненная застенчивость» подходил мне как никому другому. Когда мне нужно было обращаться к большой группе людей, моё сердце замирало от ужаса. Я была убеждена, что я не могла сказать им ничего стоящего. Может быть, университет совершил ошибку, приняв меня на работу; может быть, другие люди уже начали задаваться этим

вопросом. Я хорошо себя зарекомендовала на интервью, но поддерживать это первое впечатление месяцами и годами, которые понадобятся, чтобы получить штатную должность - я волновалась, что я не смогу с этим справиться.

Наверное, почувствовав эту мою внутреннюю борьбу, один из моих старших коллег, Майкл Шапиро, заинтересовался мной и моей работой. Несмотря на его грубоватую внешность, я быстро открыла для себя, что Майкл имел необыкновенную способность к сопереживанию и старомодной дружбе. Будучи известным учёным в области биоэтики и конституционного права, он написал свою первую книгу судебных дел по биоэтике, «Биоэтика: право, казусы, материалы и проблемы» (совместно с Роем Г. Списом младшим). Майкл начал читать черновики моих статей и обсуждать со мной свои идеи для статей. Каждые несколько недель он приглашал меня к себе домой на ужин со своей тогдашней женой и маленьким сыном (а потом и двумя маленькими сыновьями). Сидеть за столом вместе с семьёй – случится ли такое когда-нибудь и в моей жизни? Я не отдавала себе отчёта, насколько я изголодалась по человеческим отношениям, пока Майкл не протянул мне руку дружбы, и насколько вовремя был этот дар. Как штатный профессор, он уж точно мог бы проводить своё время по-другому, но он выбрал проводить его со мной. Если такой человек находит ценным общение со мной, думала я, тогда, может быть, я чего-то и *стою*.

Эдвард Маккаффри был другим коллегой, который со всей присущей ему добротой делал всё, что мог в эти первые дни, чтобы я чувствовала себя принятой в коллективе. Эд был моим «одноклассником» на юридическом факультете - мы начали занятия в одно и то же время, наши офисы находились рядом, и мы, в конце концов, получили профессорскую кафедру в один и тот же год. Как «новички», мы с Эдом проводили вместе много часов, пытаюсь раскусить наших старших коллег, разрабатывая стратегии получения штатной должности и делясь идеями о том, как заработать хорошую репутацию в наших областях - его областью была федеральная система налогообложения и её византийский кодекс. Он много публиковался, и его много читали и уважали учёные в области юриспруденции по всей стране.

По мере того, как проходил первый семестр и я, казалось, неплохо справлялась, я начала думать о второй статье для юридического журнала. Кто-то из моих коллег упомянул, что видел в газете статью о мужчине, страдающим множественным расщеплением личности, который находился под следствием за убийство своих родителей. Я тут же была заинтригована юридическими вопросами, которые подняло это дело: как может суд оценить уголовную ответственность кого-то, у кого множество личностей? Если человек имел десять личностей, должны ли все десять быть признанными виновными, чтобы посадить этого человека в тюрьму? Или достаточно будет одной виновной личности для осуждения? Если было десять личностей, и только одна осознавала факт совершённого преступления, каким было право на защиту остальных личностей?

Чем больше я думала об этом деле и его практических сложностях, тем более захватывающими становились для меня философские вопросы: Что такое личность? Какая разница между человеком и личностью? Может ли человек иметь больше, чем одну личность? Я быстро обнаружила, что хотя такой сюжет годами обыгрывали в дневных телевизионных мыльных операх, на эту тему было написано очень мало научных работ. Даже до того, как я начала серьёзное исследование, я набросала в голове черновик статьи. Если я буду много работать, подумала я, то смогу завершить черновик к концу следующего лета. Моя статья о дееспособности тоже будет к тому времени готова к сдаче в юридические журналы.

Размышления о множественном расщеплении личности, конечно же, заставили меня задать сходные вопросы и о себе: Кто была я, по своей сути? Была ли я в первую очередь шизофреником? Определяла ли эта болезнь мою личность? Или это было «случайным свойством» существования - и только чем-то второстепенным, но никак не моей «сутью»? Я наблюдала, что психически больные люди бились над этими вопросами, возможно, даже отчаяннее людей с серьёзными физическими заболеваниями, потому что психическая болезнь вовлекает ваш разум, как и центр вашей личности. Женщина, больная раком, не становится «раковой женщиной»; мужчина с болезнью сердца не является «сердечнобольным мужчиной»; подросток со сломанной ногой не становится «сломанноногим юношей». Но если, как наше общество, по всей вероятности, считает, хорошее здоровье означает до некоторой степени власть разума над материей, какая надежда остаётся у человека с поврежденным разумом?

Моим классом во втором семестре было уголовное право, и меня встретила на первом занятии показавшаяся мне огромной разверстая аудитория, заполненная семьюдесятью студентами, каждый из которых смотрел прямо на меня. Хотя занятие представляло собой чтение лекции, я была настолько ослабевшей от переживаний, что меня не держали ноги, и через несколько минут мне пришлось сесть. Я так и сидела весь оставшийся семестр.

Когда я решила взяться за это, я знала, что я не была таким специалистом в уголовном праве, каким была в области психического здоровья и права, и с самого начала я чувствовала себя отстающей больше, чем самый последний студент. По большинству вопросов, которые мне задавали в классе, мне приходилось искать и читать информацию после занятий. Зачастую я оказывалась настолько взволнованной и рассеянной, что я не понимала большую часть из того, о чем меня спрашивали или что мне отвечали студенты. Мне не нравился сценический аспект чтения лекций на большую аудиторию; я знала, что никогда не смогу овладеть этим умением. И мне совершенно не хотелось, чтобы все эти люди на меня смотрели.

В конце этого семестра характеристика, данная мне курсом (в отличие от положительной, которую я получила за свой семинар по психическому здоровью), показала, что не я одна ощущала все происходящее пыткой. Один из студентов написал: «Профессор Сакс очень приятный человек, но очень посредственный преподаватель». Другой комментарий был

ещё более неприятным: «Неужели никто не провел собеседования с этой женщиной перед тем, как принять её на работу?» Когда я прочла это в первый раз, мне хотелось опустить голову на стол. Со временем я смогла прочитать это ещё раз и нашла в этом некоторый юмор. Он был прав; я была ужасна. Он поступил в хороший университет, он (или кто-то ещё) заплатил за это приличные деньги, и за всё это он получил меня.

Для последнего в этом году юмористического выпуска Юридического обозрения класс, которому я читала лекции, предложил следующую шутку: «Элин Р. Сакс, сидячий сократический метод: уроки динамизма».

Я преподавала курс криминального права в течение четырёх лет, и хотя я совершенствовалась с каждым разом, я никогда не чувствовала себя в своей тарелке, и приближение момента оценки моей работы всем курсом всегда вызывало у меня страх. Мои оценки становились лучше, но я никогда не любила преподавать у первокурсников. Как я любила говорить, невроты студентов-первогодок всегда слишком конфликтовали с моими собственными.

Я сражалась со своими привычными демонами и за стенами класса. Я всё ещё со многими не общалась, за исключением трёх или четырёх человек, с которыми с течением времени я стала близка. После одного особенно трудного совещания преподавательского состава одна из коллег отвела меня в сторону и сказала, что мне стоило бы принимать большее участие в обсуждении рабочих вопросов, как формально, так и не формально. «Я не хочу вас обидеть, Элин», - сказала она, - «но на собраниях вы бываете практически в коматозном состоянии». Если бы я не была так подавлена, я бы рассмеялась вслух, услышав знакомую терминологию.

«Спасибо», - искренне сказала я. «Я ценю то, что вы подошли ко мне, чтобы сказать это». Я едва ли могла рассказать ей, как тяжело было расслабиться и получить удовольствие от совместной трапезы или встречи с коллегами, когда твои демоны бьются о закрытую дверь чулана и требуют, чтобы их выпустили.

Когда первый год наконец-то подошёл к концу, это было для меня большим облегчением, и мы с Эдом пошли в ресторан поужинать, чтобы это отпраздновать. Мы оба выпили (нечто необычное для меня, поскольку я не люблю эффект, вызываемый алкоголем и, кроме того, алкоголь не очень хорошо сочетается с психотропными препаратами) и подняли тост за успех каждого из нас: мы продержались целый год.

С окончанием занятий у меня было четыре месяца, чтобы работать над моим долгосрочным планом. И, конечно, я не могла вдоволь насладиться одиночеством. Так как я не несла больше ответственности за студентов, я решила, что пришло время серьёзно заняться тем, чтобы перестать принимать наван. Каплан с неохотой согласился сотрудничать, и я стала медленно снижать дозу. Месяцем позже мой психоз взял надо мной верх.

За исключением моих посещений Каплана я проводила время одна. «У меня головные

боли», - сказала я ему. «Головные боли, больные головы. Может быть ещё одно кровотечение. Простая кровь. Ха-ха-ха. Смех раздаётся позади сцены. Я возьму сценичную роль».

Каплан тотчас понял, что меня беспокоило. «Вы беспокоитесь за своё здоровье», - сказал он. «И это понятно, зная вашу историю болезни. Так вот, почему бы вам не взять быка за рога и не сходить к доктору, чтобы себя успокоить? Я очень рекомендую одного стажёра, Эдвина Якобсона».

«Везде кровь. Я без крова. Для меня всё кончено», - сказала я. «Хорошо, я схожу на приём к доктору Якобсону».

Придя в кабинет Якобсона, я объяснила, что у меня в прошлом было кровотечение и теперь меня мучили страшные головные боли. Он задал мне несколько вопросов; я отвечала, как могла. Кое-что из сказанного мною имело смысл; многое не имело. «Я волнуюсь из-за головных болей. Мой мозг может ползть из ушей, и я утоплю множество людей. Я не могу позволить этому случиться».

Очевидно, что Каплан с ним поговорил, и он отвечал очень чётко и точно: «Не волнуйтесь по поводу того, что утопите людей в своем мозге, Элин. Этого не может произойти». Он говорил спокойно и обнадеживающе. «Похоже, что доктор Каплан прав: вам нужно повысить дозу лекарства. Представьте, что у вас диабет - вам нужно достаточное количество лекарства, чтобы поддерживать уровень сахара в крови».

Он не спорил со мной; он не пытался давить своим медицинским авторитетом. Вместо этого он заверил меня, что мне не о чем волноваться. А это-то мне и было нужно больше всего - чтобы мой врач помог мне побороть тревогу, что он и сделал. И он использовал метафору, которая была мне близка и понятна. Как и диабет, моя болезнь *поддавалась* лечению; мне просто нужно было её лечить, как лечат диабет. Я слышала это сравнение и раньше, но в этот раз оно засело у меня в голове.

На нашем следующем сеансе Каплан дал мне ясно понять, что он хотел бы, чтобы я увеличила дозу навана. Этот сеанс меня очень расстроил по двум причинам: во-первых, Каплан дал мне команду, что мне делать; во-вторых, потому что увеличение дозы было для меня поражением. И я противилась и тому, и другому, но, скрепя сердце, согласилась вернуться к тридцати шести миллиграммам.

Вскоре после этого я уехала в отпуск на несколько дней в Нью-Йорк, где повидалась с родителями и провела, совсем, увы, немного времени с моими маленькими племянниками. Я не ожидала, что у меня будут собственные дети, поэтому общение с этими двумя детьми всегда доставляло мне большую радость.

Я также специально съездила в Нью-Хейвен, чтобы повидаться в Джефферсоном, который в тот момент жил в общежитии, и чье состояние было более или менее стабильным.

«Привет, Элин,» - сказал он с той красивой улыбкой, которую я помнила. «Я тебя помню, ты мой друг. Всё идёт хорошо. Пошли поедим мороженого. Где ты была?»

«Я переехала в Калифорнию», - сказала я ему. «Это на другом конце страны, поэтому мне сложно тебя навещать чаще. Как твои дела?»

«Хорошо», - сказал он. «Я нашёл работу. Я складываю вещи в коробку. Это хорошо».

Это звучало хорошо; я надеялась, что так оно и было. «Пойдём за мороженым!» - сказала я. «И я приду тебя повидать в следующий раз, когда буду в Коннектикуте. И знаешь, ты можешь мне звонить, когда хочешь. В общежитии записан мой номер».

«О'кей!» - сказал он. «Мороженое, и потом ты скоро приедешь ещё раз».

Я была рада, что он себя чувствовал лучше - я хотела, чтобы у него все было хорошо. Учитывая его уязвимость к изменчивости всей системы, мне было легко увидеть в нём себя. Если он был в безопасности и счастлив, это означало, что может быть, я тоже когда-нибудь буду в безопасности и счастлива.

Со временем новости о нём становились ещё лучше: недавно я узнала, что про Джефферсона писали в местной газете - о каких-то его артистических достижениях, и это дало мне некоторое успокоение, что, в конце концов, наше вмешательство в его жизнь привело к чему-то хорошему.

Когда я вернулась в Лос-Анджелес, впереди было ещё много летних дней. Я вернулась в свой офис, где я проводила почти всё время, кроме сна. Покуда я была на лекарствах, я была способна сконцентрироваться, и к концу лета я завершила первый черновик моей работы по множественному раздвоению личности. Я также закончила работу над статьёй по дееспособности, первой частью моего портфолио, необходимого для получения постоянной должности. Она была готова для отсылки в юридические журналы на отзыв для публикации.

Меморандум относительно Боба Кавера был моей проверочной работой как студентки юридического факультета; статья о дееспособности будет моей первой проверкой как профессора права. Я отправила сорок экземпляров статьи и сопроводительного письма по почте, скрестила пальцы и пожелала им удачи.

Юридические журналы сообщают о том, что они приняли статью к публикации, по телефону; отказы приходят по почте. В течение следующих двух недель мой почтовый ящик был заполнен, мой телефон не звонил. Отказ в публикации моей первой статьи означал конец шансам на получение постоянной должности и крушение всех надежд на то, чтобы стать настоящим профессором. Я чувствовала, как будто проходила тест на какую-то смертельную болезнь; в любой момент доктор Дум²⁴ принесёт плохие новости.

²⁴ **Виктор Фон Дум** ([англ. Victor von Doom](#)), более известный как **Доктор Дум** ([англ. Doctor Doom](#)) — [суперзлодей комиксов](#) издательства [Marvel Comics](#), [заклятый враг](#) команды супергероев [Фантастической Четвёрки](#).^[1] Сын цыганской ведьмы, Доктор Дум является одним из величайших злодеев и лидером вымышленной нации Латверии. Он одновременно учёный и волшебник, в комиксах был как злодеем, так и героем. В то время, как главным противником Дума была Фантастическая четвёрка, он часто сражался

Я смотрела на телефон, как будто на живое существо. И однажды он действительно зазвонил.

Звонок был из журнала, который был не самым уважаемым, и публикация в котором мало помогла бы мне для получения должности. К следующему дню, не получив звонков ни от кого другого, я уверовала, что моя попытка стать профессором права шаткой походкой приближалась к провалу. Я закончу свои дни на улице, в одиночестве и бесчестии. Буквально за несколько часов моё разочарование обернулось психозом. *Они пытаются убить меня притворной похвалой, и моя голова настолько раскалена внутри, что мне больно.*

Я позвонила Стиву и оставила сообщение, затем отправилась к Каплану. Он подошёл к сути дела со скоростью лазерного луча. «Вы боитесь, что закончите так же, как ваш дядя Норм, который покончил с собой, верно?» - спросил он. «Если вы не получите должности, вы себя убьёте. Или в лучшем случае станете хроническим психическим пациентом в задней палате больницы до конца своих дней».

Стив был так же прямолинеен, хотя и по-другому. «Да что с тобой, Элин?» - сказал он, явно выходя из терпения. «Ты ещё не получила ответа из пятнадцати или двадцати журналов. Это отличная статья, её опубликуют в отличном юридическом журнале. Ты убедила себя, что ты потерпишь поражение, *остановись!*» Вместо того, чтобы погасить мой энтузиазм, его слова подняли мой дух. Раз он так думает, то, может быть, так оно и было.

Тем не менее, я застряла в слабо выраженном психозе на пару недель, и в течение этого времени я увеличила дозу лекарства. Эд, который получил предложение о публикации своей статьи почти сразу же, понимал, через что я проходила (хотя он не знал о демонах, кружащихся в моей голове). Он мог бы вести себя как конкурент, даже злорадствовать, но вместо этого он был, и был таким всегда, добрым и готовым прийти на помощь; я видела, что он искренне обо мне заботится. «Это случится, Элин, в любой момент. Просто подожди, они позвонят со дня на день».

Через десять дней после того, как я распалась, я получила предложение от «Юридического обозрения Северной Каролины», очень уважаемого юридического журнала. Публикация в нём зачтётся в пользу получения мною должности. Я победила. Статья была одобрена. Я была признана. Я могла дышать полной грудью; я не стану дядей Нормом, по крайней мере, не сейчас.

Ко второму семестру следующего года я провела ещё один небольшой курс семинаров и чувствовала себя более уверенно на лекциях по криминальному праву. Я уже могла

против [Человека-Паука](#), [Доктора Стрэнджа](#), [Мстителей](#), [Людей Икс](#), [Карателя](#), [Блэйда](#), [Железного Человека](#), [Серебрянного Сёрфера](#) и других

слышать студентов; я даже могла им отвечать. Статья о множественном раздвоении личности готовилась к выходу. В марте я представила её на совещании преподавательского состава. Реакция была ободряющей; людям понравилась моя работа.

И затем один из коллег - у которого не особенно легко шли дела на кафедре - тихо отвёл меня в сторону и посоветовал мне поработать над статьёй ещё год.

«Но я не понимаю», - сказала я. « Все остальные говорят, что статья готова к публикации».

«Это они говорят вам в лицо, но вы не всегда можете им верить».

Я была поражена в самое сердце; я неверно поняла реакцию коллег? Неужели у них был некий странный замысел, чтобы вдохновить меня на публикацию не очень хорошей работы? И говоря о скрытом камне за пазухой, почему старший коллега скинул такой комок грязи на голову молодого коллеги, которая явно нуждается в помощи? Чем больше я об этом думала, тем более ясным становилась для меня ситуация. *Доверься своей интуиции, Элин, сказала я себе. Это хорошая работа. Твои друзья тебе это сказали.*

Я начала работать над третьей статьёй, ещё одной про условия, при которых люди не имели права принимать решение об отказе от приема нейролептических препаратов, особенно такие люди, чьи сложности происходили от некогнитивных повреждений, то есть, от чего-то другого, нежели от расстройства мышления. Я доказывала, что многим людям (большому числу людей, чем мы думаем) должно быть разрешено отказываться от приёма лекарств. Как одна из числа тех, кто получает пользу от медикаментов, я знаю, что вопрос о том, когда можно позволить отказаться от них, довольно сложен. Но я также верю в то, что свобода личности жизненно важна, даже драгоценна – в конце концов, именно она делает нас людьми на этой планете – со свободной волей и правом распоряжаться собой.

По мере продвижения работы и с течением времени мои друзья-преподаватели стали значить для меня многое. Совместные обеды, ужины, приветствия в коридорах – я была за всё это благодарна. Я чувствовала себя менее одинокой; я чувствовала себя более компетентной. Может быть, пришло время, когда я даже могла сказать своим друзьям правду о себе.

И потом был Каплан. Как всегда, я экспериментировала с дозировкой лекарств, понижая её, когда только могла, и чувствовала эффект, к его растущей и очевидной досаде. Однажды вечером в конце лета я позвонила Каплану, чтобы сказать, что земля рушилась, и что ему нужно бежать в укрытие. Он вздохнул. «Элин, примите побольше лекарств». Казалось, он всегда так отвечал, когда бы я ни впадала в психоз.

Позже в этом году Каплан планировал уйти в долгий отпуск – поехать в Китай, что я каким-то образом узнала. Внезапно я начала соскальзывать. Демоны были везде, и зло начало сочиться со стен. Я не могла сфокусировать свои мысли, я не могла писать. Через несколько дней я лежала в своём кабинете на диване, свернувшись калачиком,

бессмысленно бормоча в телефонную трубку Стиву, который сразу же понял, что со мной случилась беда, и дозвонился до Каплана – то, чего он никогда не делал с энтузиазмом и никогда не любил. Но на этот раз он решил, что это было необходимо.

Позже Стив передал мне их разговор слово в слово: «Доктор Каплан, я очень озабочен состоянием Элин. Она не казалась такой психотичной уже довольно давно, я подумал, что вы должны это знать. Например, она сказала мне, что она поедет в Китай заранее до вашей поездки, чтобы расчистить путь от злых людей».

«Это очень заботливо с её стороны!» - сухо ответил Каплан. И затем он предложил мне увеличить дозу медикаментов.

На взгляд Каплана, у меня были три различные линзы, через которые я видела себя – три «меня», как он это называл, не подразумевая, что это были действительные «я», или личности, или люди, или что бы то ни было в этом роде – это была чисто эвристическая модель. Одной из меня была Элин, другой была профессор Сакс, и третьей «я» была «дама из медицинской карты» - личность, которая была психиатрическим пациентом. Я не могла спорить с метафорой, поскольку она довольно хорошо отражала мою жизнь: я была Элин с моей семьёй и друзьями, профессором Сакс, когда я преподавала или писала статьи, и дамой из медицинской карты, когда я была больна. Каплан считал, что из всех троих наиболее заброшенной была Элин.

Часто случалось, что я верила, что я была никем иным, чем дамой из медицинской карты – сумасшедшей женщиной, которая обманным путём добилась преподавательской работы и вскоре будет выведена на чистую воду и отправлена туда, где ей место – в психиатрическую больницу. В другое время я отрицала само существование дамы из медицинской карты, потому что моя болезнь не существовала. Если бы я только могла успешно отделаться от лекарств, дама из медицинской карты исчезла бы. Потому что как я могла примирить существование дамы из медицинской карты с Элин и профессором Сакс? Либо я была психически больна, либо я могла иметь полноценную и удовлетворяющую личную и профессиональную жизнь, но оба эти состояния не могли быть одновременно правдой; они были взаимно исключаящими состояниями бытия. Признать одну - означало отрицать другую. Я просто не могла иметь и то, и другое. Неужели никто этого не понимает?

Весной нашего второго года совместной работы отношения с Капланом стали очень неустойчивыми. Как мне всегда удавалось, я приберегала большую часть своих психотических мыслей для наших сеансов. На диване в его кабинете я могла лечь и расслабиться: здесь я чувствовала себя в безопасности. Если дверь чулана, в котором я держала взаперти своих демонов, распахивалась нараспашку, и они все вырывались на свободу - в этом не было ничего страшного. Я была на сеансе психоанализа, где такого рода вещи и должны были происходить по определению. Говори то, что у тебя на уме - так учили меня миссис Джоунс и доктор Берриман.

Но Каплан решил, что мой способ использования сеансов психоанализа сам по себе стал проблемой; это был мой способ не разбираться с более назревшими проблемами. Это была дама из медицинской карты, которая всё время разговаривала, а Элин нигде не было. Я заполняла свои часы на психоаналитической кушетке психотическим бормотанием. За многие годы я ни разу не ходила на свидания, и уж точно у меня не было перспективы отношений или замужества в обозримом будущем, чего я теперь очень хотела. Каплан считал, что анализ стал слишком расплывчатым, и дал мне об этом знать.

Потом, по какой-то причине, ему нужно было уехать; во время его отсутствия я посещала другого психиатра, который подменял Каплана, и который мне очень понравился. Когда Каплан вернулся через пару недель, он сказал мне, что доктор на подмене сообщил ему, что заметил у меня дрожание мышц вокруг губ, возможные первые признаки поздней дискинезии - ПД - двигательного расстройства, вызванного антипсихотическими препаратами. Возможно, вы видели это у бездомных с психиатрическими расстройствами: чмоканье губами, вываливающийся язык, неконтрольное подёргивание конечностей. ПД - это точный знак того, что что-то не так; это было всё равно что носить табличку с надписью «душевнобольной». Даже хуже того, обширные медицинские показания подтверждают, что это расстройство прогрессирует, и оно необратимо.

Каплан немедленно послал меня к эксперту, доктору Стефану Мардеру, всемирно известному исследователю шизофрении. Он, действительно, поставил мне диагноз лёгкого случая ПД. На тесте, который называется «аномальные произвольные движения» (АНД), мои губы произвольно двигались; глаза моргали слишком сильно и слишком часто. Хотя движения были едва различимыми, не было никакой гарантии, что они таковыми и останутся. Мои друзья в юридической школе тоже что-то заметили, как они сказали мне позже. Но по доброте душевной (и не зная, чем это вызвано), они ничего мне не сказали.

Несмотря на диагноз Мардера, Каплан настаивал, что он никогда не видел произвольных движений. «Я не убеждён, что у вас ПД,» - сказал он твёрдо. И хотя Мардер был экспертом в ПД, тем не менее, Каплан отказался подтвердить диагноз, что, как мне казалось, было пренебрежительным отношением к моим очень серьёзным опасениям, вызванным экспертом, к которому сам же Каплан меня и направил. Благодаря моим докторам, которым я доверяла, теперь оказывается, что я принимала лекарства, побочные эффекты которых позволяют окружающим без всякого сомнения видеть, кто я была такая: трясущаяся, психически больная дама из медицинской карты.

Я не могла вспомнить, когда в последний раз (если такое вообще было) я была так разгневана и расстроена. Берриман и Каплан с их постоянными настойчивыми требованиями, чтобы я принимала лекарства, *предали* меня. Конечно, я знала о риске, но всё равно, слово «предательство» звенело у меня в ушах. Я всегда очень хорошо умела прятать то, что я думала, но как только у меня начнётся ПД, как я смогу прятать то, как я выгляжу?

Словно этого было мало, Каплан добавил: «Вы больше не можете лежать во время наших сеансов», - сказал он. «Отныне вы должны сидеть в кресле».

Какого чёрта? Насколько я могу судить, он только что сказал, что для сеансов психоанализа я недостаточно хороша. В то время как Каплан настаивал, что эффективный анализ может происходить как на кушетке, так и без неё, я слышала, что он говорил мне, что я «не поддавалась анализу». Я была дамой из медицинской карты. До свидания, Элин. До свидания, профессор Сакс.

«Я всерьёз думаю о том, чтобы уйти от вас», - в запале сказала я ему, и повторяла то же самое Стиву по телефону до и после сеансов.

«Нет смысла, Стив, продолжать с ним работать; он не хочет, чтобы я там появлялась, это ясно, как день. Я его раздражаю, я не делаю, что мне велено. Кроме того, он не обращает внимания на меня - другие люди видят, что мои губы дрожат, а он не видит. Другие видят, что мои глаза вибрируют и моргают, а он не видит. Чего он добивается?»

«Чего вы добиваетесь?» - спросила я Каплана. «Вы не только думаете, что я только дама из медицинской карты, вы, кажется, полны решимости выставить меня таковой напоказ всему миру».

Мой гнев перемежался с глубоким отчаянием. Мой аналитик, тот, кто предположительно должен был знать меня лучше всех; чья работа состояла в том, чтобы помочь мне ориентироваться и понять мой собственный мир, явно думал, что я обречена стать всего лишь бездомной. Ну тогда, может быть, я должна просто уйти на улицу и покончить с этим. *Мне предназначено деградировать. Я принадлежу улице. Всё остальное - притворство.*

Мои фантазии о жизни на улице становились всё ярче с каждым днём; как-никак, о такой вероятности заговорили не впервые. Эксперты в Спецпалате номер 10 предсказывали именно это, когда я лежала в больнице Нью-Хейвена. Может, они были правы с самого начала; может быть, я была права.

Каплан был непоколебим, но Стив был моим утешением. Каждый день мы часами разговаривали по телефону, он выслушивал мои громкие сцены, и пытался, как мог, уговорить меня выпустить пар. «Я думаю, что в его безумии есть метод», - сказал он.

«В *ego* безумии?» - спросила я.

«Да. Он как бы создаёт новый структурный компонент, другую динамику между вами двумя, чем ты была когда-то. Продолжай психоанализ, Элин, и сиди, если так надо. Что в этом ужасного? Ты пишешь, ты преподаёшь, всё идёт нормально. Всё, что захочешь – в твоих руках, если только ты пройдёшь с ним через этот сложный период. Неужели же ты от всего этого откажешься только потому, что ты разозлилась?»

И потом Каплан нанёс смертельный удар: его диагноз. Шизофрения. «В прошлом я диагностировал вас как атипичный психоз. Но это позволило вам только преуменьшить серьёзность вашего расстройства. Теперь я думаю, что я был неправ». Он преподнес это так холодно и резко, как ножом отрезал. Вот вам мои условия: выбирайте. «Когда вы больны, вы совершенно не отличаетесь от самых тяжёлых больных шизофренией. Это не изменится, это не улучшится, и это не превратится во что-то ещё. Пришло время это признать и перестать сражаться».

«Перестать сражаться?» - если до этого я была рассержена, теперь я была взбешена. «Перестать сражаться? Я-то думала, что это я из нас двоих в этой комнате - сумасшедшая».

Я ему покажу; он не оставил мне выбора. Я покажу Каплану и всему миру, что я не была психически больна. Я была Элин, и я была профессор Сакс, но я не была дамой из медицинской карты; она была плодом *ego* воображения, а не моего. Я им всем покажу - я перестану принимать эти чёртовы лекарства раз и навсегда. И тогда они увидят, что к чему.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Каптан просил меня сдать. Так я его поняла, и я так чувствовала всей глубиной моей души. Не просил, чёрт возьми, требовал, чтобы я сдалась. Я никогда не сдавалась ничему в своей жизни. Если доктора до этого момента были правы, то не должна ли я была уже быть в соответствующем учреждении? Практически каждый эксперт в тот или иной момент говорил, что таков мой удел. Если бы я когда-нибудь поверила им, если бы я приняла их взгляд на меня как на личность (вместо того, чтобы упрямо держаться за свою версию меня самой), я бы всё ещё ползала по туннелям под Уорнфордом, жгла бы себе руки и ноги зажигалкой и ждала бы, пока дьяволы взорвут этот мир с помощью моих нейротрансмиттеров каким-то необъяснимым злостным способом.

Но я им не поверила, и вот кем я стала: юристом, учёным, с множеством академических степеней и наград, с многообещающим началом преподавательской карьеры, и человеком, чьи труды публикуются. Я жила самостоятельно, заводила друзей, каждый день кожей ощущала тёплое калифорнийское солнце, и была благодарна за это. А теперь - сдать? Всё бросить? Перестать бороться? Я не могла. Мои родители меня так воспитали, операция «Возвращение» меня этому научила: не сдаваться. Сражаться. Бороться.

Мысль о том, что и в капитуляции может быть некая победа, совершенно чужда практически каждому, кого я когда-либо знала, богатым или бедным, больным или здоровым, счастливым или несчастным. Капитуляция чувствуется как провал, несостоятельность, как поражение. Даже хуже, как *потеря* - себя, своей независимости и надежды. Сдаться - это то же самое, что собрать свою палатку и улизнуть с поля боя. Это то же самое, что сказать «Я недостаточно силён. Я уйду». Поступить так было не в моем характере. Итак, у меня был план. Сначала я нашла когнитивно-поведенческого психолога, доктора Бенсон, и попросила её помочь мне держать под контролем мои психотические мысли, пока я буду снижать дозу лекарств. Эта встреча и наше обсуждение очень напомнило мне о докторе Хамильтоне в Оксфорде - он помог мне успешно преодолеть первые месяцы острого расстройства, и доктор Бенсон придерживалась того же теоретического направления, что и Хамильтон. Тактично, но доказательно она, как могла, объяснила мне, что может случиться в последующие недели. «Это будет тяжело», - сказала она. «И нет гарантий, что это сработает».

«Но я должна попробовать», - сказала я ей.

«Да», - сказала она. «Я полагаю, что вы должны».

Я бесконечно снова и снова просматривала мой план вместе со Стивом, который пытался быть терпеливым, как мог, но который не мог скрыть своего скептицизма. Как всегда, он был готов поддержать меня во всём, что бы я ни решила, но он очень ясно дал мне понять, что это была так себе идея. Ни один из нас не видел противоречия в том, что он

придерживался обеих позиций; это была одной из тех головоломок, которые всегда содержала в себе наша дружба - если, несмотря на очевидность обратного, я хотела бы совершить что-то вроде прыжка с обрыва, то он бы предостерег меня сначала, а затем заверил бы, что он будет внизу, чтобы поймать меня. «Будь осторожна, Элин», - предостерег он. «Это ты не дозу аспирина регулируешь от головной боли».

Поскольку я знала, что Каплан никогда не согласится с тем, что я намеревалась сделать, я сказала ему очень расплывчато и в общих чертах, что я планировала снизить дозу - в первую очередь из-за беспокойства по поводу побочных эффектов. Я надеялась, что, в конце концов, я совсем откажусь от лекарств, но я буду действовать осторожно, сказала я, снижая дозу наименьшими возможными порциями; ничего большого, ничего резкого.

В конце концов, я поговорила с Мардером, экспертом в ПД и шизофрении. Он сказал, что если я была полна решимости снизить дозу, я должна это делать по одному миллиграмму каждые шесть месяцев. Я уже довела себя до шести миллиграммов; при скорости, предложенной Мардером, у меня займёт три года, чтобы избавиться от лекарств. Недостаточно быстро. Недостаточно чисто. Я решила снижать по одному миллиграмму каждый месяц - в шесть раз быстрее рекомендации Мардера, но гораздо медленнее, чем я когда либо делала это в прошлом. В идеале, я буду свободна от лекарств к середине лета.

И я начала. Я была на тропе войны. В конце ее я стану или дамой из медицинской карты, или приемлемой комбинацией Элин и профессора Сакс. Но кто-то должен был уйти.

Весной по предложению доктора Бенсона я присоединилась к группе поддержки, Ассоциации больных маниакально-депрессивным психозом и депрессией Лос-Анджелеса (АМДП). Я искала группу поддержки для больных шизофренией, но тщетно. АМДП была лучшей альтернативой. Мы встречались раз в неделю в больнице, расположенной неподалеку .

Как ни тревожилась я о том, что могло потребоваться в группе поддержки - полная открытость, присутствие и мнения незнакомых людей, мужчин и женщин, которые боролись со своими собственными демонами - быть там было на удивление легко. Почти каждый присутствующий в комнате принимал какое-либо лекарство, или комбинацию нескольких, и большинство (даже тех, кто принял свою болезнь) это возмутило. С нами что-то было не так, мы были ничтожными, в нас чего-то не хватало. Как бы много проблем любой из нас ни имел, никому в этой комнате не нравилось знать, что решение было в маленькой пластиковой бутылочке по рецепту. Или двух бутылочках. Или трёх. «Я просто сам не свой, когда я принимаю эти пилюли», - сказал один. «Они превращают меня в кого-то ещё».

Несколько участников АМДП не верили, что они были больны, а уж ещё меньше они верили в то, что им были необходимы постоянная бдительность и лекарства. Периодически кто-то приходил на встречи в маниакальном состоянии - по две или три недели подряд - и потом, по какой-то причине, он решал принять лекарство; на следующей неделе он выглядел и чувствовал себя гораздо лучше. Тем не менее, он

говорил «В следующий раз я просто должен сильнее стараться. Я знаю, что я могу это сделать в следующий раз». Я кивала; я знала, о чём он говорил.

Моя упорная настойчивость в «сопротивлении», тем не менее, не всегда встречала поддержку у других в группе. Одним из моих ближайших друзей в АМДП был мужчина с незаурядными умственными способностями, примерно моего возраста, который боролся со своей болезнью в течение многих лет. Хотя его интеллект и другие способности казались мне в целом сохранными, он практически отказался от всякой надежды достичь чего-либо ещё в этой жизни. Вместо этого он сел на пособие по инвалидности и работал на разных работах, по своему желанию или необходимости. Хотя мне нравилось проводить с ним время, я начала чувствовать, что я становилась всё более нетерпимой к его отношению к его болезни и работе. «Мне кажется, что ты просто сдался», - сказала я однажды за ужином. «Ты просто поддался. Тебе слишком удобно играть роль психически больного».

В ту же секунду, как эти слова сорвались с моего языка, я хотела забрать их обратно. На его лице явно читалась боль, даже скорбь. Он мне доверился; теперь он об этом сожалел.

Каплан иногда говорил, что у меня было некое республиканское супер-эго, когда речь шла о моих психически больных друзьях. Я заставляла себя бороться годами; это помогло мне выжить. Поэтому я не была готова позволить кому-то ещё делать то, чего я не могла позволить себе. Конечно же, моя нетерпимость больше говорила обо мне, чем о моём друге. Она причинила ему боль. И она стоила мне его дружбы.

Прошёл мой первый месяц на сниженной дозе навана. Я чувствовала себя... неуверенно. *Есть тут ещё люди, в этой комнате, кроме меня и Каплана? Всё кажется странным. Я не знаю, на чьей стороне Каплан.*

Прошёл второй месяц. Я снизила дозу до четырёх миллиграммов. Занятия закончились. Я могла писать, но едва-едва - сложно сосредоточиться, когда в вашей голове развернули ядерную войну двухсантиметровые коротышки. *Кто-то подмешивает анти-анти-психотические вещества в мою кровь и заставляет меня выглядеть психически больной. Но я не психически больная. Нет уж, спасибо, слава богу, я вам сама скажу, когда я в психозе.*

С большим усилием я скрывала свои симптомы от Каплана. Поступить по-другому означало только доказать его правоту. Я сидела в кресле; я контролировала свою бессвязную речь.

Однако ещё один член группы АМДП попыталась обойтись без медикаментов, и ей это не удалось. Да, да, она чувствовала себя лучше теперь, когда она приняла свои таблетки. «Но я думаю, что с точки зрения химии моего тела был выбран неправильный момент», - сказала она. «В следующий раз я сделаю это по-другому».

В этот вечер, разговаривая со Стивом по телефону, я сказала: «Я знаю, что болезни отличаются друг от друга, и что лекарства тоже бывают разные. Но знаешь, я начинаю

думать, что есть интересные параллели между тем, что я пытаюсь сделать, и что люди в группе пытаются сделать».

«Ха! Ты так думаешь?» - сказал Стив. Я практически видела улыбку на его лице.

«Ой, замолчи».

Я была на трёх миллиграммах в день. Дни и ночи теперь проходили гораздо тяжелее. Само физическое усилие держать моё тело и мои мысли в узде ощущалось, как попытка удержать стадо диких лошадей. Я спала урывками, сон был наполнен видениями, которые заставляли меня просыпаться в поту от ужаса. Тем не менее, я снизила дозу до двух миллиграммов.

Несколькими месяцами ранее я была приглашена на совещание в Оксфорд, и я приняла это приглашение. Было слишком поздно отменять моё участие, не рассердив людей, причинив им большие неудобства, и это представило бы меня как безответственного человека. В каком бы смятении я ни находилась, я должна была поехать. Там я каким-то образом удержалась на волоске, хотя я уверена, что многие сочли меня самым странным человеком, с каким они когда-либо встречались. К тому моменту, когда я поднималась на борт самолёта, чтобы лететь домой, я была полной развалиной.

Когда я вошла в кабинет Каплана в первый день по возвращении, я прямиком направилась в угол, села на пол и начала трястись. Меня окружили мысли о злых созданиях, вооруженных кинжалами. Они разрежут меня на тонкие кусочки или заставят меня глотать раскалённые угли. Позже Каплан опишет меня как «корчащуюся в агонии».

«Элин, вы должны увеличить дозу», - немедленно сказал он. «Вы в остром психозе».

«Одно. Усилие. Число. Взрыв».

«Вы увеличите дозу лекарства?» - спросил Каплан.

Меня трясло, но я замотала головой. Я не могла принимать большую дозу. *Миссия ещё не закончена.*

Сразу же после этого я пошла на приём к Мардеру. Он до этого никогда не видел меня больной; он думал (и я его не выводила из заблуждения), что у меня было лёгкое психотическое расстройство, и что моей основной заботой было избежать ПД. Войдя в его кабинет, я села на кушетку, сложила пополам и начала бормотать. Я была растрёпанна, я не могла вспомнить, когда я спала или что я ела. Когда я мылась - в Оксфорде? До Оксфорда? И имело ли это значение, когда мы все скоро умрём? Любой, кто вошёл бы в этот момент в кабинет, подумал бы, что Мардер лечит шизофреничку с улицы. Неделями позже он сказал мне, что я именно так и выглядела.

«Взрывы в голове и люди, которые пытаются убить. Ничего, если я разнесу ваш кабинет?»

«Вы должны уйти, если вы думаете, что вы это сделаете», - сказал Мардер.

«Хорошо. Маленькие. Огонь на льду. Скажите им, чтобы они меня не убивали. Скажите им, чтобы они меня не убивали! Что я такого сделала? Все эти взрывы. Сотни тысяч с мыслями. Запрет».

«Элин, вы думаете о том, что вы представляете опасность для других людей? Или для самой себя?» - спросил он.

«Это вопрос - подвох», - сказала я.

«Нет», - сказал он. « Я серьёзно, я думаю, что вам нужно быть в больнице. Я могу устроить вас в Клинику Калифорнийского Университета прямо сейчас, и всё пройдет без лишней огласки».

«Ха-ха-ха. Вы *предлагаете* положить меня в больницу? Больницы - это плохо, они безумны, они грустны. Лучше держаться от них подальше. Я Бог. Или я раньше им была. Я даю жизнь, и я её забираю. Извините, но я не знаю, что я делаю».

«Я *действительно* думаю, что лечь в больницу будет правильно», - сказал Мардер.

«Нет, спасибо, о, спасибо большое», - сказала я.

«Хорошо, в таком случае, на вашем месте, я бы не ходил на работу какое-то время. Вы же не хотите, чтобы ваши коллеги всё это увидели».

«Спасибо, бацибо, бум-бум-пум. До скорой встречи». Не обращая внимания на выражение его лица, я ушла.

Вечером Каплан позвонил мне домой. «Элин, доктор Мардер сказал мне о вашей беседе. Он обеспокоен, и я тоже. Это серьёзно, даже опасно. Если вы хотите избежать госпитализации, вы должны принять лекарство прямо сейчас».

«О нет, о нет, о нет», - пролепетала я. «Я знаю, что если я только получше постараюсь, я смогу обойтись без лекарств. Мойки и койки. Я иду спать».

Где-то внутри у меня запечатлелось, что Каплан был расстроен как никогда. Но моя миссия ещё не была выполнена. Дама из медицинской карты была ещё жива и здорова.

Я не знаю, как я спала той ночью. Мне казалось, что мои руки и ноги вот-вот улетят в четырёх разных направлениях. Может быть, я просто отключилась от изнеможения. На следующее утро я дотащила себя до офиса - моё укрытие, моё убежище.

Но в коридоре я натолкнулась на Эда МакКаффери. Несколько месяцев назад я рассказала ему о своей болезни, но только в общих чертах. Он был совершенно не готов к тому, чтобы увидеть перед собой человека, дико ёрзающего и выглядящего, как будто его застиг торнадо. Я попыталась уцепиться за какую-то связную мысль в тщетной попытке обмануть его, но эта мысль распалась на абсолютную чепуху.

«Там эти карлики со взрывами. В моей голове. Автоответчик и лишение дееспособности - нужно что-то с этим сделать. Здесь есть кто-то ещё? Я была там, и потом они сказали «икс, игрек, зет», и там были смертельные поля, но кто знал про судимость?»

Сначала Эд слегка улыбался, думая, что я шучу, но по мере того, как я всё больше заводилась, он начинал понимать, что происходит. «Элин, что, чёрт возьми, творится? Я думал сначала, что ты шутишь, но ты не шутишь, верно? Кто-нибудь ещё про это знает? Я могу сказать кому-то ещё?»

«Я не против, чтобы ты сказал Майклу», - сказала я. «Но не архангелу, другому».

«Оставайся здесь», - твёрдо сказал он. «Оставайся здесь. Я пойду, позвоню Каплану. И Донне». Донна, тогдашняя жена Эда, была врачом.

Через несколько минут Эд вернулся, и тут же зазвонил телефон. Я подняла трубку и услышала на другом конце провода голос Майкла Шапиро, моего доброго коллеги по биоэтике. «Элин, как ты себя чувствуешь?» - спросил он.

«О, очень хорошо, спасибо. Но здесь есть лишение дееспособности, и я ответственна за много смертей. Я тебя ещё не убила?»

«Дай трубку Эду, пожалуйста», - сказал он просто.

Я внимательно слушала, что говорил Эд. «Нет, нет, мы не можем звонить заместителю декана», - сказал он поспешно. «Я разговаривал с её врачом, он позвонит нам через пару минут. Мы сделаем так, как он скажет. Но это что-то серьёзное, поверь мне». Как только он положил трубку, телефон зазвонил опять. Это был Каплан.

«Я не собираюсь принимать большую дозу», - сказала я ему. «Я могу это сделать, я просто должна получше постараться». И я бросила трубку.

Если бы я только могла контролировать мой непредсказуемый мозг, если бы я могла продержаться ещё чуть-чуть, моя миссия по уничтожению дамы из медицинской карты не провалилась бы. Я сражалась за Элин и за профессора Сакс. Я никогда не терпела неудачи, не собиралась и сейчас.

«Я отвезу тебя домой», - сказал мне Эд. «И я останусь с тобой на некоторое время. Элин, тебе нужно принять твоё лекарство».

«Нет», - сказала я. «И да. Нет лекарству, да отвезти меня домой».

«Ты не выпрыгнешь из машины?» - спросил он.

«Нет, не выпрыгну. Поехали на природу, в голубую даль».

Во время нашей поездки из университета до Вествуда Эд продолжал со мной разговаривать. «Я не понимаю», - сказал он. «Твоя карьера, твои статьи и исследования - это всё работает, когда ты принимаешь лекарства, разве не так? Разве это не очевидно? Я имею в виду, что тебе нужно его принимать?»

Я потрясла головой. «Нет», - сказала я. «Это не так ясно. Ясно, прекрасно, опасно, опасно. Я не могу потерпеть неудачи».

Как только мы добрались до моей квартиры, Эд позвонил Донне, чтобы сообщить ей, где он находится, и как были мои дела. «Что ты хочешь, чтобы я сделал - повалил её на землю?» - прошипел он в телефонную трубку. Его голос звучал расстроено. Я тоже была не весела.

Я позвонила Каплану. «Я хочу перестать принимать медикаменты!» - простонала я.

«Я знаю, что вы этого хотите», - сказал он. «Но то, что вы делаете, приведёт вас прямоком на больничную койку. Вам нужно смириться с тем, что вы больны, и вам нужны лекарства, чтобы держать болезнь под контролем. Это несправедливо, это невесело, но это так».

Нет, нет. Я не могу принимать лекарства, и я не могу быть в больнице! Комната была полна кружащимися, дразнящимися демонами, силами, исходящими из стен и потолка. Эд их не мог видеть, но я знала, что они были здесь. В любую минуту что-то ужасное могло случиться с нами обоими.

«В меня вторгаются, - кричала я Каплану, - я ужасно боюсь, помогите мне, пожалуйста!»

«Лекарства у вас с собой?» - спросил он.

«Да», - сказала я.

«Тогда пришло время их принять. Тридцать шесть миллиграммов – восемнадцать таблеток. Прямо сейчас».

Я подняла глаза. Эд пристально смотрел на меня. Стив должен был вот-вот позвонить, как он делал каждый день, чтобы сказать мне, что пришло время принять лекарства. Мардер говорил Каплану, чтобы тот положил меня в больницу. Каплан сказал мне, что без медикаментов больница была моей следующей остановкой. «Ладно», - пробурчала я в телефонную трубку. «Ладно».

Я проиграла.

Я приняла всю дозу за один раз. Через пару минут я стала бессильной и сонной. Эд ушёл, я легла в постель и, за исключением моих встреч с Капланом, я не выходила из дома в течение следующих нескольких дней.

Я больше не могла отрицать очевидного, и я не могла изменить реальности. Стена, которая отделяла даму из медицинской карты от Элин и профессора Сакс, была разбита вдребезги, и осколки лежали у моих ног. Леди из медицинской карты была реальной. *Вот что было правдой.*

В течение многих дней я чувствовала себя как человек, переживший автомобильную катастрофу: разбитая, выдохшаяся до такой степени, что лёгкое дуновение ветра могло бы сбить меня с ног. Я старалась, как могла, не смотреться в зеркало в ванной, но там опять была она, женщина с безумным взором, которую я в первый раз увидела в зеркале в

Уорнфорде: спутанные грязные волосы; лицо, как у скелета, тощее костлявое тело. Любой, кто бы попытался определить мой возраст, легко бы мог добавить лет двадцать к реальной цифре. *Проиграла, проиграла*. Надежда умерла, и я была в трауре. Я хотела придти в ярость, разбушеваться, но я слишком устала для чего бы то ни было большего, чем взять в руки зубную щётку и, со временем, расчёску.

Психоз высасывает из вас энергию как чёрная дыра во вселенной, а в этот раз я превзошла себя. Когда я, спотыкаясь, шла по тротуару – осторожно, шаг за шагом, как бы проверяя мостовую, как будто в любую минуту я могла провалиться или быть проглоченной – всё, о чём я могла думать, были старушки, которые так ходили, и как я их жалела. Одна только мысль о походе за покупками – составить список, сесть в машину, куда-то поехать и осделать такое простое дело, как купить масла, яиц, хлеба и кофе – подавляла меня. Слава богу, что есть хорошие друзья.

После любой потери люди обычно тяготеют к привычному, чтобы почувствовать себя в своей тарелке. Как раненое животное, я зарылась в своей норе и окружила себя знакомыми вещами и голосами. Я часами разговаривала со Стивом по телефону, проигрывая каждое решение, которое я принимала, сортируя путаницу, пытаюсь понять, что я сделала, как я должна была бы поступить, и каждый раз пытаюсь придти к иному результату. На наших сеансах с Капланом в воздухе висело «Я же говорил», но это не было произнесено. Я проводила время со своими друзьями, которые видели меня больной, не отвернулись от меня с отвращением, и почему-то заботились обо мне.

И, в конце концов, я вернулась в свой офис в университете, где я пыталась работать над статьёй и подготовиться к осенним занятиям. Но в основном я слушала классическую музыку и подолгу дремала на кушетке. Несмотря ни на что, кушетка всё ещё была моей, стены были моими, книги и бумаги были моими, и на двери офиса висела табличка с моим именем. Когда ты боишься упасть, ты хватаешься за всё, что можешь.

К началу занятий осенью я уже кое-как стояла на ногах, была способна сконцентрироваться и с искренним удовольствием ожидала встречи со студентами и коллегами, которые уезжали на лето. Чтобы объяснить произошедшее, проще всего было сказать, что я перенесла сильный грипп, выздоровление было долгим, но день ото дня мне всё лучше и лучше. Даже в солнечной двух-сезонной Калифорнии²⁵ сентябрь всегда чувствуется особенно многообещающим месяцем.

Несмотря на мои несчастья с лекарствами, мне удалось придерживаться своего плана по получению постоянной должности – написать и опубликовать достаточно работ, чтобы у меня был запас на тот случай, если мне придётся взять отпуск по болезни. Я уже опубликовала в нескольких юридических журналах свою статью о правомочии отказа от

²⁵ зд. Имеются ввиду два сезона: зима и лето.

лечения, и работа, которую я написала во время класса Джорджа Маля по Фрейду в Йеле, вышла в психоаналитическом журнале. Я также закончила писать свою первую работу по уголовной ответственности людей с расстройством множественных личностей, и начала набрасывать черновик ещё нескольких статей, изучавших это расстройство и соответствующие статьи закона. По понятным причинам психоанализ и закон стали основными областями интереса и академических исследований для меня.

Несколько преподавателей медицинского факультета Университета Южной Калифорнии заметили мои работы и я была польщена и очень довольна, когда мне предложили там должность научного сотрудника. Я с радостью согласилась, но поняла, что я должна покинуть мою группу поддержки – АМДП – должность была в отделении психиатрии, и я не могла рисковать, чтобы они узнали о моей болезни, уж точно не до того момента, когда я получу постоянную должность. Я позвонила Стиву Визнеру в Йель и сказала ему, что я поднялась над моим пожизненным статусом пациента и становлюсь коллегой целому медицинскому факультету. «Я проникла в ряды врага!» - сказала я. Его смех был мне наградой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Мои отношения с Капланом развивались не лучшим образом. Что бы я ни делала или ни говорила, я как будто испытывала его терпение. Например, я проходила медобследование, во время которого врач нашёл у меня узел в щитовидке и назначил биопсию. После этого меня осмотрел эндокринолог и сказал, что у меня, возможно, был синдром Марфана - генетическое заболевание соединительных тканей, при котором женщины в среднем живут до сорока пяти лет (недавно этот срок был повышен до шестидесяти пяти). В то время мне было тридцать семь. Я была раздавлена и сходила с ума от тревоги.

Я сделала то, что всегда делала – нашла статьи, упоминающие Марфана, фанатично прочла их все и узнавала себя на каждой странице. Я, несомненно, обладала многими физическими характеристиками: высокая и худая, обладающая очень гибкими суставами, а также быстрым сердцебиением, и перенесшая мозговое кровоизлияние. Я была обречена, я это знала. Моя кончина была близка и неминуема.

«У Линкольна был синдром Марфана», - причитала я в разговоре со Стивом.

«Но он умер не от этого, Элин. Ну же, возьми себя в руки. Только не ходи в театр».

Каплан незамедлительно дал мне понять, что он считает всё это чепухой, и сразу же от этого отмахнулся. «Доктора слышат звон, да не знают, где он», - заявил он .

«Но он эксперт», - протестовала я. «Профессор южно-калифорнийского университета. И он сказал, что он удивится, если у меня не обнаружится синдрома Марфана. Почему вы не принимаете его слова всерьез?»

Тщательное медицинское обследование показало, что у меня действительно не было синдрома Марфана. Это не остановило захлестывающий меня психоз в течение ещё нескольких дней. Мне надо было признаться: я была настоящим ипохондриком. Моё тело подводило меня столько раз в прошлом, так почему Каплан ожидал от меня такого поведения, будто этого никогда больше не случится?

И вскоре я вернулась к знакомой теме: «Я тут подумала», - сказала я. «Может быть, если мне начать принимать успокоительное, я смогла бы обойтись без психотропных лекарств».

Каплан взорвался. «Я столько раз вам повторял, что вам нужно будет принимать лекарства в течение всей вашей жизни, что ваши попытки перестать их принимать водят вас по замкнутому кругу – от хорошего самочувствия до симптомов психоза, и обратно, к хорошему самочувствию». Он почти перешел на крик. «Я не собираюсь с этим больше мириться! Если вы опять снизите дозу, вы не сможете больше лечиться у меня. Да вы даже не можете *говорить* о снижении дозы и продолжать лечиться у меня. Это должно прекратиться сейчас, немедленно».

Его лицо пылало гневом. Это был конец. Больше и речи не могло быть о том, чтобы обсуждать с Капланом прием лекарств. Вопрос был снят с повестки дня.

Стив с ним согласился. Так как он был обеспокоен моим последним приступом, мы имели на руках все данные. «Когда ты снижаешь дозу, ты ставишь под угрозу свою способность рассуждать», - сказал он. «Каждый раз тебя засасывает в воронку, одно неверное решение за другим, и ни одно из них тебе не на пользу. Это... утомительно. Разве ты тоже от этого не устала?»

О, боже, конечно же, да, я устала – устала от того, что я одна, устала выкручиваться, устала от того, что бьюсь головой о стену. В течение стольких лет я отвергала «костыль», предлагаемый мне лекарствами – принимать их означало показать слабость воли, слабость характера. Но теперь я начинала сомневаться в своей независимости. Если бы, например, у меня была сломана нога, и мне необходим был костыль, я бы, не раздумывая, пользовалась им. Не был ли мой мозг достоин такого же ухода, как и нога? Действительность была такова, что у меня было расстройство, которое требовало медикаментов. Если я их не принимала, я становилась больна; если я их принимала, мне было лучше. Я не знаю, почему мой путь обучения этому был так тернист , но это был мой путь.

Один из моих друзей использовал аналогию разрывного течения: тебя засасывает, и инстинктивно ты пытаешься сопротивляться. Чем сильнее ты противишься, тем больше сил ты теряешь. Но простая истина состоит в том, что разрывное течение сильнее тебя; ты не можешь его побороть силой, и если ты продолжишь бороться (если ты проявишь, как в моем случае, «неадекватное упорство»), ты утонешь. Простой урок (который получают калифорнийские серферы каждый год) – это перестать бороться и отдаться течению. Сбережь силы, перестать сражаться, и разрывное течение само быстро вынесет тебя со своего опасного пути в более спокойные воды. В этот момент, если ты сберёг свои силы, ты можешь доплыть до берега самостоятельно. Но сначала тебе нужно поддаться.

Каким бы раздражающим и пугающим мой многолетний процесс игры с лекарствами ни был для моих друзей и врачей, я теперь понимаю, что для меня было жизненно важно пройти через этот этап; это была необходимая стадия развития, которую мне нужно было пройти, чтобы стать полноценно самой собой. Только так я могла примириться со своей болезнью.

Итак, я поклялась принимать наван и больше не экспериментировать. То, что случилось после этого, стало приятной неожиданностью: почти сразу же я действительно почувствовала себя лучше. В очередной раз я поняла, что не моё упорство или дисциплина держали демонов под контролем; это были лекарства. Я знала, что демоны были здесь; каждый божий день они находили возможность напомнить о себе, каким бы неуловимым ни было это напоминание. Но, тем не менее, *они были за дверью*, которая была надёжно заперта, по крайней мере, сейчас. И кроме этого, я решила, что в моей жизни были другие, более интересные составляющие, которыми стоило заняться.

Я встретила одного человека, очень приятного. Его звали Дэвид, и он был микробиологом – и, кажется, я ему нравилась. Он пригласил меня на настоящее свидание, моё первое свидание со времён учёбы на юридическом. Первое свидание прошло хорошо. Второе свидание тоже прошло неплохо. Вскоре, однако, он начал оказывать на меня давление, чтобы мы начали сексуальные отношения. Я не была к этому готова с ним, или с кем бы то ни было, и наши отношения продолжались, но уже не с такой легкостью. Спустя некоторое время, вместо того, чтобы приносить удовольствие, время, проведённое с Дэвидом, стало напрягать меня, а напряженная атмосфера была последним, в чем я нуждалась.

Мы перестали встречаться, но остались хорошими друзьями до сих пор. Он добрый, умный и забавный, и это тот человек, чьей дружбой я дорожу. Закончить отношения было правильным решением, но мне было очень грустно. Не потому, что я уже не была в романтических отношениях с Дэвидом, но из-за более важного вопроса: был ли на свете кто-либо, кто бы мне подходил? Многие из моих коллег-женщин временно приостановили свою личную жизнь, пока они получали образование и строили карьеры, однако недавно, кажется, многие из них начали находить партнёров, влюблялись, заводили детей – жили

той жизнью, о которой я могла только мечтать. Я смотрела фильмы, в которых люди встречались и влюблялись, и чувствовала, что я была как будто с другой планеты. *Чёрт возьми, я тоже этого хочу.* Интимность, любовь, доверие, прикосновение чьей-то руки, обнимающей меня за плечи, чьей-то руки в моей. Дама из медицинской карты в эти дни хранила молчание, а профессор Сакс работала себе потихоньку. Так что же мы будем делать с Элин?

Чем больше я изучала расстройство множественных личностей (РМЛ), тем больше я была заинтригована, и раз моя статья на эту тему была хорошо принята, я подумала, что я могу попробовать написать об этом книгу. В качестве подготовки к этому мне нужно было прочитать о последних клинических описаниях и объяснениях этого расстройства. Поэтому я ходила в местную больницу раз в неделю в течение нескольких месяцев, и там встречалась с людьми, которым был поставлен этот диагноз, и которые проходили лечение.

Первая молодая женщина, с которой я поговорила, была совершенно прелестной – очень оживлённая, очаровательная и полностью преданная терапии и стремящаяся к выздоровлению. Она недавно вышла замуж, сказала она мне, но только после двухлетней помолвки, в течение которой её жених, по его настоянию, сделал предложение и получил согласие каждой из её чередующихся личностей!

Я также провела не одну сотню часов, просматривая видеозаписи пациентов, которым проводилась диагностика с помощью инструмента, называющегося «Структурный клинический опросник для диссоциативных расстройств» (СКОДР). Хотя можно было поспорить, что РМЛ был диагностирован слишком во многих случаях – и иногда создавался самими врачами – эти видеозаписи делали совершенно очевидным для меня, что РМЛ было подлинным явлением.

Как ни странно (но к счастью), пребывание в госпитале и просмотр интервью с пациентами по СКОДР не растревожили меня, и не разбудили моих демонов. У меня мало было общего с этими пациентами, хотя я наблюдала нескольких, у кого явно было РМЛ, но которые полностью это отрицали (ну уж *это поведение* было мне до боли знакомо). Наблюдение за процессом открыло мне глаза на некоторую общность всех психиатрических болезней; оказалось, мы все друг с другом в чём-то пересекаемся.

У меня состоялся очень забавный телефонный разговор с одним из моих племянников, пока я работала над книгой о РМЛ. Ему было где-то лет десять в то время и он спросил меня, чем я занималась на работе в этот день.

«Я пишу книгу о множественных личностях», - сказала я ему.

«А это что такое?» - спросил он.

О боже, подумала я, *и как мне из этого выпутаться?* «Ну, некоторые люди думают, что у них внутри много разных людей», - сказала я. «И если один из этих людей делает что-то

плохое, должны ли все эти люди сидеть в тюрьме?»

Он над этим немного поразмышлял, мы поболтали ещё чуть-чуть, и потом попрощались.

Через несколько дней позвонил мой брат. «Что ты нарасказывала парнишке?» – спросил он не слишком довольным голосом. «Как-то на днях он себя плохо вёл, и мама велела ему перестать. Но он не унимался, и в конце концов она спросила «Да что это с тобой сегодня?» И он сказал ей: «Я ничего плохого не делал, это был ещё кто-то внутри меня».

Осенью моего пятого года в Южно-Калифорнийском Университете я подала документы на постоянную должность: пять длинных статей, четыре коротких, и длинное описание будущей книги. Эд и Майкл вдвоем очень обнадежили меня. Подкомитет из трёх человек прочитает мои работы и разошлет их десятку рецензентов; после получения отзывов подкомитет соберется и проголосует; потом моя кандидатура будет представлена всем постоянным преподавателям юридического факультета. Всем преподавателям будет выдан бюллетень голосования, и в течение недели они должны будут вернуть его в офис декана. Это голосование и решит, стану ли я профессором.

Этот год прошёл спокойно, даже гладко. Я преподавала и писала. Я проводила время с друзьями. Я навестила Стива в Анн Арборе, где он заканчивал работу над докторской диссертацией по клинической психологии. Я принимала лекарства в тех дозах, которые Каплан счёл приемлемыми. Хотя свиданий больше не было, какой-то ещё человек привлёк моё внимание, оказавшийся сотрудником юридической библиотеки. Он был привлекательным блондином, одетым в очень открытом, неказистом стиле – он носил фланелевые рубашки, волосы схвачены в хвостик. Он не был серьезным, как многие студенты; и не был слишком деловым, как многие преподаватели. Он был чем-то посередине, спокойным, как будто у себя дома. Его звали Уилл, как я узнала. Он работал здесь уже давно. В свободное время он мастерил мебель и занимался садоводством, кто-то мне рассказал. На второй или третий раз он улыбнулся, увидев меня. Это была очень приятная улыбка. *Так-так*, подумала я. Возможно, я покраснела. Я даже уверена, что я покраснела.

Как-то я пожаловалась Каплану, что каждый день за обедом я была самой старшей за столом и мне это не особенно нравилось.

«А», - сказал он. «Вы имеете в виду, что вы утёнок, который не хочет стать уткой!» Я рассказала эту историю нескольким друзьям. Получение должности в Университете Южной Калифорнии стало называться «стать уткой».

Бюллетени голосования были разосланы офисом декана в пятницу в феврале, через четыре с половиной года со дня моего приезда в университетна юридический факультет. Прошла целая неделя. В следующую пятницу я сидела в моём офисе – *пожалуйста, пусть кто-нибудь постучит*. Или позвонит мне. Или пришлет сообщение по электронной почте. Или

пошлёт почтового голубя через окно. Что-нибудь, что угодно. В середине второй половины дня наконец-то зазвонил телефон. Дрожая, я ответила на звонок.

«Поздравляю вас, профессор Сакс», - ответил наш декан.

Профессор Сакс. Я победила; я была профессором на постоянной должности в юридической школе Гулд университета Южной Калифорнии. Я, наконец-то, стала уткой. Один из коллег подарил мне футболку с Могучими Утятами²⁶ чтобы я могла этим покрасоваться.

В этот момент произошло ожидаемое: начался психоз. Перемены, хорошие или плохие, никогда не были лучшим временем для меня. «Аэробус может плавно лететь через сильные и порывистые ветра», - сказал Стив. «Но маленький самолёт подпрыгивает и при лёгком бризе». Мой самолёт был очень маленьким; получение профессорской должности было сильным, хотя и приятным, ветром, и в течение нескольких недель я боялась, что он меня перевернёт.

В тот вечер мои коллеги пригласили меня на ужин, чтобы отпраздновать моё назначение. Я не хотела тревожить их сообщением, что небесные создания использовали мой мозг, чтобы распространить смерть и разрушение по всей земле – это бы подпортило нам вечер (не говоря уж о том, что они поменяли бы своё мнение и пожалели о своих отданных голосах). Я поговорила с Капланом, добровольно увеличила дозу, немного пораскачивалась из стороны в сторону, пока демоны танцевали по краям мой комнаты. Потом всё опять пришло в норму. Дама из медицинской карты отступила; профессор Сакс получила должность. Пришло время обратить внимание на наиболее обездоленного члена нашего трио - на Элин.

«Теперь, когда у вас есть должность», - сказал мне Каплан, - «главным вопросом вашей жизни становится не выживание, но желание».

Хорошо, я выжила. Теперь – чего же я хотела?

Мне понадобилось пять лет, чтобы научиться использовать время, которое я проводила с Капланом. Сначала я приносила на наши сеансы свой психоз, как я это делала с миссис Джуонс и Берриманом. Одновременно я изо всех сил старалась спрятать симптомы от окружающих, кроме нескольких друзей в Лос-Анджелесе – но даже с ними я делилась своими психотическими мыслями очень умеренно, или когда я была в худшем состоянии, чем когда бы то ни было, и просто не могла с этим справиться. Но с Капланом я могла снять защиту, так же как вы можете отдохнуть на тенистой скамейке во время долгого подъёма на холм.

Но как он говорил мне много раз, Каплан начал думать, что мне стало слишком комфортно на этой скамейке, и в конце концов он поставил ультиматум: я не могу больше на ней сидеть. Заполнять часы наших встреч ничем, кроме как бесвязной психотической

²⁶ [Могучие утята \(серия фильмов\)](#) — трилогия фильмов [Walt Disney Pictures](#) о детской хоккейной команде.

речью, больше не разрешалось. Вместо этого мы обсуждали жизнь, которую мне бы хотелось вести, и как моя болезнь часто была препятствием к тому, чтобы мне жить этой жизнью.

Каплан занял жёсткую позицию, и сначала я была напугана. Если я не смогу приносить свой психоз в эту комнату, то куда я его понесу? Но он мне помог через это пройти; он перебивал мои бессвязные высказывания, останавливал меня, и направлял мои мысли в ином направлении – на мою преподавательскую деятельность, моих студентов, мои статьи и исследования, моих друзей. Наши сеансы всё меньше и меньше вращались вокруг психоза; всё больше и больше они были о моей «настоящей» жизни. К нашему шестому году совместной работы – на следующий год после получения мною должности – дама из медицинской карты только иногда появлялась в эпизодических ролях и уже не бывала в центре сцены. Пришла пора позаботиться о других вещах.

Чаще всего шизофрения как болезнь поражает молодых людей, в позднем подростковом возрасте и в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет – в то время, когда мы должны учиться, находить друзей, сохранять их, находить наш путь в этом мире. Но шизофрения может выбить вас из седла на три или четыре года – а некоторых и навсегда. Фактически, по мере нашего прогресса в исследовании и лечении, недавняя статистика показывает, что только один из пяти человек с шизофренией, может, будет когда-либо жить независимо и иметь работу.

Выпадать периодически из вашей собственной жизни (на период психозного срыва или лечения в больнице) - это не то же самое, как сойти с поезда на станции, а потом сесть на следующий. Даже если вы можете вернуться (и шансы не в вашу пользу), вы будете там один. Люди, с которыми вы сели на поезд, уже далеко, далеко впереди вас, и вы вынуждены догонять.

Важнейшей частью формирования дружеских отношений является рассказ о своем прошлом, что может быть рискованным, когда вы больны шизофренией. Как объяснить пробелы в вашей жизни? Всегда можно выдумать истории, но начинать дружбу со лжи о вашем прошлом не очень хорошо. Или вы можете ничего не сказать о том, как вы провели последние несколько лет, что покажется людям очень странным. Или вы можете рассказать им о вашей болезни, и обнаружить на своём собственном опыте, что большинство людей не готовы о ней слышать. Психическая болезнь несёт на себе клеймо позора, и это клеймо может вызвать негативную реакцию, даже со стороны самых приятных людей с хорошими намерениями и добрым сердцем. Даже для многих из них люди с психическим заболеванием – это другие; они не такие, как «мы».

Ближе к концу моего пятого года в Южно-Калифорнийском Университете я как-то шла на ужин с администратором юридического факультета и рассказывала ей о статье, которую я писала, о праве отказываться от психотропных препаратов.

«Я боюсь психически больных людей», - сказала Лесли. «Они могут быть агрессивными и могут причинить боль многим людям».

Несколько огорошенная, я терпеливо объяснила, что показали исследования. «Подавляющее большинство психически больных не более опасны, чем кто-либо ещё», - сказала я. «И менее подвержены агрессии, чем многие».

«Я не знаю», - сказала Лесли. «Я не могу не верить, что они способны бог знает на что. Может быть, это предубеждение. Я имею в виду, я никогда не знала никого, у кого бы было психическое расстройство».

Я шаловливо улыбнулась и сказала: «Ты имеешь в виду, что ты никогда не знала никого, о ком бы ты *знала*, что у него психическая болезнь».

Лесли посмотрела на меня с притворной нервозностью и отпарировала: «Я, пожалуй, поеду на своей машине». Мы обе рассмеялись.

Вечерние новости не сообщают о «сумасшедших людях», которые успешно живут своей жизнью; мы слышим о них только тогда, когда случается что-то ужасное. Женщина, которая утопила своих детей; мужчина, который припарковал машину на железнодорожных путях, чтобы покончить с собой, но в последний момент выпрыгнул из неё и смотрел, как пассажиры поезда погибали в катастрофе. Мужчина, который застрелил Джона Леннона; мужчина, который стрелял в президента Рейгана. Джон Нэш, математик, который получил Нобелевскую премию, и чью жизнь показали в фильме «Игры разума», является исключением, которое подтверждает правило.

В каждом из нас живёт сильное желание говорить о наших травмах. «Пережить приступ психоза – это как пережить травму», - сказал Стив. Я думаю, что Стив прав, когда он сравнивает психоз с травмой. Психоз вас травмирует, почти так же, как если бы вы пригибались от пуль в зоне военных действий или пережили бы ужасную автомобильную аварию. И лучший способ справиться с переживаниями, это говорить о том, что случилось.

Люди, пережившие травму, будут рассказывать о том, что с ними произошло, снова и снова – если смогут и когда смогут. Процесс рассказа и пересказа может быть несколько утомительным для друзей, но он очень важен и полезен для психического здоровья, поэтому хорошие друзья его только приветствуют. С психозом, однако, вам приходится очень тщательно балансировать между стремлением поделиться и неизбежными последствиями этого. Открыть правду о себе даже тому, кого вы хорошо знаете и доверяете, приносит свои собственные осложнения. Люди с шизофренией – люди как я – читают газеты и смотрят вечерние новости. Мы видим, как люди с психическими болезнями представлены в средствах массовой информации и что наш новый друг станет про нас думать, как только узнает правду. Мы продвигаемся вперёд с большой осторожностью, потому что мы должны себя так вести. Мы вынуждены... просто потому, что поступать по-другому было бы безумием.

Чтобы показать это на конкретном примере, давайте перенесёмся в день 11 сентября 2001 года. Стив позвонил мне рано утром из Вашингтона, чтобы сообщить об ужасных атаках на Нью-Йорк и Пентагон. В Лос-Анджелесе в это время было на три часа раньше. Он знал, что я всё ещё была в постели, и хотел, чтобы я узнала о новостях от него, чтобы он смог смягчить их, как только можно, иначе меня оглушило бы сообщение по радио или кто-то на парковке в университете.

В тот день у меня была встреча с Капланом рано утром; было ещё слишком рано, чтобы он уже услышал новость. Я начала наш сеанс в состоянии эмоционального возбуждения, говоря о том, как нация была в осаде террористов и о том, что тысячи людей погибли или были при смерти. Осторожно Каплан начал направлять разговор в другом направлении – и в этот момент по громкоговорителю объявили, что здание эвакуируется. Я убеждена, что вплоть до этого момента Каплан думал, что я была в эпицентре психического срыва.

Помимо тех двух лет изоляции в Оксфорде, мне удалось, как это ни невероятно, приобрести и сохранить несколько хороших друзей, любящих и верных, которые поддерживали со мной связь. Но у меня практически не было романтических отношений. Я могла сосчитать на пальцах одной руки число свиданий со времени моего первого курса в Вандербилте. Я понятия не имела, как привлечь чьё-либо внимание. Я не умела флиртовать; я не знала, как показать кому-либо, что я была им заинтересована; я не знала, как выяснить, был ли он заинтересован во мне. Как будто бы я отсутствовала во время урока «как быть девушкой».

Например, взять Уилла, приятного библиотекаря. Его улыбка, когда он меня видел, была искренней, но я точно не знала, как ответить на неё. И я осторожно улыбнулась в ответ. В следующий раз, когда я пришла в библиотеку, я сглотнула, сделала глубокий вдох и сказала «Привет!»

Он сказал: «Привет!» - в ответ.

Хорошо, а теперь что мне нужно сделать? Что должно происходить дальше? Прошло несколько дней. Я опять пришла в библиотеку. Я улыбнулась, он улыбнулся. «Привет», - сказала я. «Привет», - сказал он.

«Я..хм... я слышала, что ты мастеришь мебель», - однажды удалось мне произнести, заикаясь. «Я бы очень хотела как-нибудь взглянуть на нее. У меня в квартире почти нет мебели; может быть, это потому, что главным образом я живу в своём офисе». *Замолчи, Элин. Да замолчи же.*

«Конечно», - сказал он. «Я буду рад показать вам. Там не на что особо смотреть, но мне нравится это делать».

Я кивнула. «А, ну хорошо», - сказала я. «Может быть, мы можем пообедать вместе как-нибудь».

«Отлично», - сказал он. «Давайте».

Я покинула библиотеку юридического факультета, как будто здание было объято огнем.

Шло время, в конце концов, Уилл ушёл из библиотеки. Но мы иногда видели друг друга мельком, и однажды в моём офисе зазвонил телефон.

«Привет», - сказал мужской голос на другом конце провода. «Это Уилл. Из библиотеки. Я хотел поинтересоваться, не будет ли у вас свободного дня на этой неделе, чтобы вместе пообедать».

Мы пошли в маленький итальянский ресторанчик около студенческого городка, и я даже умудрилась проглотить немного еды. Он рассказал мне о мебели, как он любил над ней работать, как он использовал лучшее дерево и красители, и как тратил много дней на разработку дизайна и на доведение каждого изделия до ума. И у него был попугай, которого он дрессировал и любил. А потом ещё садоводство, от которого он получал огромное удовольствие. Думаю, что я в основном кивала – в таком я была восторге.

На следующий день Уилл неожиданно наведёлся ко мне в офис. В руке он держал красивое разноцветное перо. Он подошёл к моему столу, взял кусочек клейкой ленты и прикрепил перо к моему компьютеру. «Это от моего попугая», – сказал он и ушёл.

Я сидела, прикованная к месту, минут пятнадцать, глядя на это перо. Это было единственным украшением в офисе – у меня не было ни фотографий, ни рисунков, никаких попыток к созданию атмосферы или проявлению личной эстетики; стены были голыми. У меня никогда не было никаких украшений ни в одном офисе, которые я занимала; я не думала, что их заслуживаю, мне казалось очень подходящим, что в офисе ничего не было. И теперь здесь было это маленькое перо. Оно практически светило.

Тем же вечером я говорила по телефону с Кенни, моим другом из Вендербильта. «Кенни, у меня вопрос. Не думаешь ли ты, что парень, который выдернул из своей птицы перо и подарил мне... что я ему нравлюсь?»

Он рассмеялся. «Я не знаю, Элин, но он точно любит тебя больше, чем свою птицу!»

Где-то через неделю я получила от Уилла письмо – настоящее письмо, написанное от руки и иллюстрированное нарисованными вручную цветами. Он спрашивал, не хочу ли я провести день в поездке в Маковый заповедник Долины Антилоп около Ланкастера, в Калифорнии. Маки были в полном весеннем цвету, и там сейчас было очень красиво. Не хотела бы я туда поехать?

«Да», - сказала я, когда ему позвонила. «Я бы очень хотела туда поехать».

Там было красиво и было так здорово быть целый день вдали от студенческого городка. Цветы были великолепны – гектары и гектары маков, всех оттенков – от пылающего оранжевого до цвета слоновой кости и масляно-жёлтого. Но, несмотря на солнце над головой, было прохладно; весна начиналась очень медленно в этом году. Сама себе поражаясь, я продолжала намекать, что мне холодно. Я хотела почувствовать руку

мужчины, обнимающую меня. Я *на самом деле* хотела, чтобы его рука обвила меня. Но этого не случилось.

В конце дня, высаживая меня из машины, Уилл помедлил секунду, когда мы прощались. Потом он наклонился и поцеловал меня. Это был долгий, медленный поцелуй. Это было здорово. Это было фантастично. Это было даже лучше, чем опубликовать статью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Как-то раз, ещё в Нью-Хейвене, Берриман сказал мне, что получение постоянной должности научными работниками высвобождает время для работы над своими лучшими творениями. Я надеялась, что он был прав, потому что я хотела сделать столько всего, и теперь у меня была свобода этим заняться. Первый раз за многие годы я могла вздохнуть, оглядеться, и вдохновиться будущим. Действительно, я ожидала должности почти как подростки ожидают своего двадцать первого дня рождения: Поздравляем, ты теперь официально взрослый! Теперь – что дальше?

Что касается моей личной жизни - я лелеяла хрупкую, но растущую надежду на отношения с Уиллом. На первых порах наши отношения были робкими и ласковыми; он был деликатным и добрым, и, самое главное - с ним было весело. Несмотря на то, что у меня было, как я думала, довольно хорошее чувство юмора, мне было не очень весело с тех пор, как я заболела. Когда я случайно слышала, что где-то люди смеются вместе, я оборачивалась на звук, как цветок поворачивается к солнцу. Смеяться, поддразнивать; не бояться сказать или сделать что-то дурацкое или бестактное, потому что даже если ты это сделаешь, тебя всё равно будут любить, и ты всегда это знаешь. Каково это - быть совершенно как дома в чьей-то жизни и не быть одиноким? Идти через университетский городок и видеть того, кого я люблю, идущего навстречу мне и думать: *вот это он – мой человек?*

Я этого хотела, и постепенно я начала верить, что это действительно может произойти. Я ещё не рассказала Уиллу о себе, хотя я знала, что я должна буду; на самом деле, я этого хотела. Это принесет облегчение, но я хотела быть уверенной в себе, когда я это сделаю. Вопрос интимных отношений меня пугал; вопрос чувства долга - возможно, ещё больше. Я поклялась быть реалистичной и терпеливой с нами обоими. Это не будет просто, я это знала, но и спешки тоже не было. Мы договорились не торопиться и разбираться во всем по мере продвижения вперёд.

Между тем Уилл приносил мне цветы на работу, и испёк торт на мой день рождения. Я с трудом разбиралась, на какие кнопки нажимать на микроволновке в моей квартире (не говоря уже о том, чтобы понимать, как работает духовка), но Уилл не только умел готовить, он любил это делать – и действительно произвёл домашний кокосовый торт,

чтобы отпраздновать день, в который я родилась! Он был восхитительно вкусным, и я изумилась – как это мне так повезло? Как такое могло быть?

И опять Уилл добавил что-то милое к декору моего когда-то голого офиса – мою фотографию во время нашей поездки в Ланкастер, на которой я смотрела на широкое поле ярко-оранжевых маков. Он даже придумал подпись: «Персефона призывает весенние цветы, чтобы осветить мир, утомленный зимой».

Если дружба со Стивом дала мне возможность почувствовать себя человеком, то с Уиллом я почувствовала себя женщиной.

Направление моей профессиональной жизни также менялось. До сих пор всё было старательно просчитано для получения постоянной должности. Большинство моих опубликованных работ были посвящены юридическому статусу людей с серьёзно повреждённой психикой, и я изучала отношение между психической болезнью и законом в контексте важных медицинских решений, таких, как согласие на операцию или отказ от приёма психотропных медикаментов. Меня интересовала этическая сторона психиатрических исследований, и изначально я сфокусировалась на вопросе дееспособности в этом контексте. Действительно, в сотрудничестве с коллегами Калифорнийского университета, медицинской школой Сан Диего я разработала инструмент для измерения этой дееспособности, который мы использовали для изучения пациентов с психозом. (Я была тронута и это было для меня честью, когда мне предложили позицию адъюнкт-профессора²⁷ по психиатрии в медицинской школе Южно-Калифорнийского университета Сан Диего. Может быть, объективный критик мог бы покритиковать меня за работу с темами, не слишком мне близкими. Но с другой стороны, кому ещё лучше заниматься ими? Меня пичкали лекарствами против моей воли, меня держали в смиренных ремнях, кричащую и умоляющую об освобождении. Это не было для меня академическим интеллектуальным упражнением; это было про мою жизнь.

Тем не менее, когда постоянная позиция была благополучно достигнута, я спрашивала себя, не пришло ли время изучить что-то другое. Мне было интересно – если бы Фея Карьеры обещала исполнить одно моё желание, что бы это было? Ответ был немедленным и очевидным: я хотела обучиться психоанализу.

Фрейд и его учение всегда захватывали меня, даже в старшей школе. Какое-то время в университете я даже думала об обучении психоанализу. Но это было до того, как я заболела. После этого я особенно об этом не думала. Мой годовой курс по Фрейду в Йеле привёл к тому, что я написала статью о случае Шребера, поэтому я не чувствовала себя полным новичком. Я знала, что я не хочу сменить карьеру – мне нравилась моя работа в Университете Южной Калифорнии (и до сих пор нравится, каждый божий день). Но когда

²⁷ здесь: доцента

я думала о моих профессиональных достижениях и проделанной работе (и одновременно о пройденном жизненном пути), мне казалось очевидным, каким должен быть следующий шаг.

Закон базируется на теории личности; то есть, понятии о человеке, который может делать выбор и испытывать последствия этого выбора, который осознает угрозу санкций (мер наказания). Доктрина осознанного согласия²⁸ (в действительности, занимающая значительное место в американской политической теории) полагает, что мы не столько субъекты, которых надо направлять, сколько независимо действующие существа, способные принимать самостоятельные решения. И для меня психоанализ давал наиболее интересный путь к пониманию, что это в действительности значит, потому что психоанализ задаёт фундаментальные вопросы: Почему люди поступают так, а не иначе? Когда они могут нести ответственность за свои действия? Имеет ли отношение к ответственности подсознательная мотивация? И что делает человека *не* способным делать выбор?

Я хотела знать, как и почему психоанализ сработал для меня. Я хотела знать, что было на уме у моих психоаналитиков, когда они меня лечили. Я хотела быть по другую сторону кушетки. И, если возможно, я хотела найти способ отплатить – использовать то, чему я научилась и что я пережила, совмещённое с профессиональной подготовкой, чтобы, возможно, помочь кому-то ещё - так же, как помогли мне.

Однако я не была уверена, что моя болезнь (не важно, насколько хорошо контролируемая) мне это позволит. Время шло, и моя жизнь была менее беспокойной, а моя работа (и отношения) с Капланом улучшались, и я осторожно стала доставать эту идею из маленькой коробки, которую я давно убрала подальше, чтобы еще раз хорошенько взглянуть на неё. В конце концов, мне удалось достичь много, чего я не должна была бы достичь. Почему нельзя добавить к этому списку курс обучения психоанализу?

Когда я в первый раз упомянула о возможности моего вступления в психоаналитическое общество и институт Лос-Анджелеса (ПАНИЛА), реакция Каплана была негативной. Это даже не подлежит обсуждению. Если не сказать, неприлично. Кроме того, моя собственная история может быть причиной для отказа, и мы оба знали, какой будет моя эмоциональная реакция на такую отсортировку. Тем не менее, мы просто продолжали говорить об этом, и мало-помалу позиция Каплана смягчилась. Может быть... может быть, только может быть, это может сработать.

Вдохновлённая переменой в его отношении, я позвонила председателю приемной комиссии ПАНИЛА и попросила о встрече. К счастью, свидетельства моей профессиональной квалификации удержали его на линии, и он согласился встретиться со

²⁸ т.е. основанного на имеющейся у индивида информации

мною во время обеда, где мы говорили о моих шансах быть принятой. Он спросил меня о причинах моего интереса к обучению психоанализу о моей научной работе и про мой опыт психоаналитической терапии. Он не спросил, впрочем, конкретно о моей психиатрической истории. Разумеется, раз меня ни о чем не спросили, я не стала добровольно делиться информацией. Когда мы закончили пить кофе, он поддержал меня в намерении подать заявление и намекнул, что если я его подам, то, скорее всего, меня примут.

До сих пор решение открыть или утаить информацию о моей болезни всегда было связано с моей попыткой себя защитить – то есть, не позволить чему бы то ни было встать на пути получения мною образования, серьёзной работы, принадлежности к уважаемой профессии. Я очень хорошо знала, что стигма психической болезни может в один из этих дней поставить мне подножку, но я уж точно не собиралась способствовать собственному «падению», если я могла этого избежать. Даже Конгресс Соединённых Штатов признал потенциальный ущерб, когда одобрил Закон о защите прав граждан с ограниченными возможностями, который запрещает работодателям (и образовательным учреждениям) даже спрашивать о психиатрической истории.

Теперь, однако, вопрос был более сложным, чем мои собственные цели и стремления. Если у меня будет возможность лечить пациентов, не поставит ли их моя болезнь под удар? Не помешают ли мои периоды бреда (какими бы короткими они ни были) знать, что (и кто) был реальностью? Каплан предположил, что более важными вопросами были следующие: Была ли у меня способность знать, когда у меня были проблемы? Могла ли я судить здраво, чтобы знать, когда у меня наступает момент ухудшения? И хватило бы мне честности и верности своим принципам, чтобы принять защитные меры? Мы оба, Каплан и я, знали, что ответом было «да».

Итак, на заявлении о приёме я с сознанием долга подняла красный флаг о том, что у меня были психологические проблемы – подразумевая «турбулентный период» в моей ранней жизни, который «пробудил мой интерес к вопросам психического здоровья». Я решила, что я не скажу ничего более того, если меня не спросят. Другими словами, хотя я не лгала в открытую, я намеренно утаила информацию, которая, по мнению других, могла бы быть жизненно важной.

За годы проб и ошибок я научилась управлять собой и тем, какой меня видели другие, как любой с хронической болезнью или инвалидностью старается сделать, чтобы быть частью этого мира. В любом случае, я знала, что, возможно, никогда не настанет такое время, когда я не буду сама проводить собственное лечение, что само по себе служило бы эффективным предохранителем. Но это не означало, что этические вопросы имеют однозначный ответ, вовсе нет. И это так же и сейчас. Это сложные, возможно даже полемические вопросы, и таковыми всегда будут. Но я никогда не приходила к их решению – преподавать, пойти в институт психоанализа, работать с клиентами – в вакууме. Я детально обсуждала эти вопросы как с Берриманом, так и с Капланом.

К счастью, ПАНИЛА казался гораздо более заинтересованным в моих талантах и образовании, чем в моём «турбулентном периоде», и на моём шестом году в Калифорнии, я стала кандидатом в первокурсники Лос-анджелесского психоаналитического общества и института. Во время моей подготовки к курсу обучения на психоаналитика я дивилась на стечение обстоятельств, которые меня сюда привели: если лекарства сохраняли мне жизнь, то психоаналитики помогли мне найти жизнь, которой стоило жить.

Наш класс встретился накануне начала занятий – небольшая группа из пяти человек, которые знали, что будут видеть друг друга каждую неделю в течение последующих четырёх лет (шести для тех из нас, кто решит писать докторскую).

В отличие от других больших перемен в моей жизни, эта прошла с минимальным стрессом; я была воодушевлена и абсолютно уверена, что это было для меня верным решением. К счастью, меня также поддерживали мои коллеги по юридическому факультету и его декан; некоторые коллеги даже выразили мнение, что то, что я делала, было «круто». Во многих отношениях я чувствовала, как будто весь мой жизненный путь вёл меня сюда – с институтом и университетом я ощущала, что я получила лучшее из двух миров. И действительно, я чувствовала себя настолько как дома на нашем первом собрании группы, что я даже состригла, что мы станем заклятыми друзьями, и тут же сказала «Это только шутка!»

«Ну уж нет», - кто-то возразил со смехом, и таким образом я познакомилась с Алисией. (Когда я рассказала об этом Каплану на следующий день, он сказал: «На той двери должно быть объявление «Не курить! Не интерпретировать!»). Алисии было где-то за семьдесят, но она выглядела едва ли на пятьдесят – спортивная, энергичная, живущая полной жизнью. Я любила слушать историю про то, как её отец дал ей боксёрские перчатки, когда ей было всего три года, и сказал: «Никогда не позволяй никому сбить тебя с ног!» Слово «бесстрашная», возможно уже набило оскомину в наши дни, но в этом случае, лучше не скажешь.

Муж Алисии умер от рака за несколько месяцев до того, как я с ней познакомилась. Она умудрилась превратить скорбь в мудрость о человеческом уделе – неудивительно, что обе её дочери стали врачами и что она сама была одарённым диагностом.

Джанет была старше меня на несколько лет; она была толковой и весёлой, замужем (имея детей и внуков) за мужчиной, у которого тоже была своя частная практика. Она специализировалась на зависимостях и расстройствах пищевого поведения, и мне было с самого начала легко обсуждать с ней мою собственную болезнь. Я была поражена, когда узнала, что она проводила сеансы психоанализа с одним человеком, который знал мою миссис Джоунс; я люблю такие совпадения в нашем тесном мире.

Большую часть моей жизни я думала о себе как о стеснительном, неуклюжем человеке, не расстающемся с книгами, который был сфокусирован на себе из-за своей болезни. Я знала, что время и обстоятельства изменили мою внешнюю жизнь, но я не знала, что моя внутренняя жизнь тоже изменилась – что мгновенная дружба была для меня не только

возможна, но могла быть драгоценной и длиться всю жизнь. Встреча с Алисией дала мне это понять, и прямо рядом с ней в этом же классе была Джанет. Среди многих даров, которыми одарил меня ПАНИЛА за последние несколько лет, эти две женщины были самыми неожиданными и самыми дорогими.

Наша группа встречалась по средам утром на двух занятиях по два часа каждое. Ласкающее взгляд здание было покрыто плющом, в нем было четыре зала в ряд для проведения семинаров; как интересное упражнение в «конкретности мышления» - с каждым завершённым годом ты продвигался в следующую комнату – первокурсники были в первой, второкурсники во второй, и т.д. В самый первый день занятий я предложила, чтобы мы все вместе ходили обедать после занятий, и с тех пор мы всегда так делали - в простом японском ресторанчике через улицу. Мы очень быстро стали довольно близки и часто встречались друг с другом на выходных, чтобы поужинать или сходить в кино.

Наши занятия были разнообразны, от исторических до теоретических и клинических; был курс по «франнему Фрейд», по «объектным отношениям», по технике психоанализа, и презентации длящихся случаев. Были представлены все школы психоанализа – классическая, само-психологическая, клейнианская. Как и во всех ситуациях преподавания – обучения, некоторые преподаватели были потрясающе хороши; другие не могли объяснить свою мысль классу даже под дулом пистолета. Поскольку я сама набилась себе не одну шишку, учась тому, как нелегко преподавать, я воздерживалась от осуждения; и в этом учреждении никогда не было нехватки знания.

Поскольку занятия шли с маленькими группами и были зачастую очень интенсивными из-за природы предмета изучения, народная мудрость говорила о неизбежности возникновения конфликтов среди однокурсников. Однажды вечером за ужином декан что-то сказал об этом феномене.

«В нашей группе ничего такого не было,» - сказала я. «Поразительно, как мы хорошо друг с другом ладим!»

«Я знаю», - сказал декан с уморительным выражением лица, - и нам всем это очень подозрительно!»

После того, как я уже достаточно поднахваталась знаний, я начала принимать пациентов к концу моего первого году обучения, и я принимала пациентов в течение нескольких лет под строгим надзором. Работа была трудной, но благодарной. Понять анализ было трудно без опыта нахождения «по другую сторону кушетки». Я не намеревалась продолжать клиническую работу, поскольку психоаналитик должен был оставаться «анонимным» для своих пациентов, и эта книга сделала бы это сложным.

Чем больше я работала вместе со всеми в институте, тем больше я начала понимать, насколько важным (для всех нас) было рассказать им про свою болезнь; в конце концов я пришла к Джин, главе институтской комиссии по успеваемости (которая следила за

нашими успехами и переводила нас на следующий год или на другого пациента), и начала рассказывать ей про себя.

«Погоди, погоди», - сказа она и моё сердце на секунду ушло в пятки. *Меня выгонят, меня выгонят*. Но это было совершенно не так. «Ты не возражаешь, если я буду записывать?» - спросила она. «Потому что это поразительно!» В этот день она стала моим консультантом, и как она, так и комитет, всегда относились ко мне положительно и поддерживали меня в моей работе. Хотя моя клиническая работа должна была быть приостановлена на какое-то время, я уже наработала достаточно для моей докторской диссертации – на тему «информированное согласие на психоанализ». ПАНИЛА незадолго до того слился с психоаналитическим институтом Южной Калифорнии, и мы теперь назывались «Новый психоаналитический центр».

Каплан, конечно, пристально следил за моим прогрессом; это, конечно же, лило много воды на нашу психоаналитическую мельницу. Кандидаты в психоаналитики обычно имеют массу жалоб на свои институты, сказал он мне, «но, кажется, вы в своем институте расположились с удобством».

«Да, именно так», - ответила я. – «Я очень счастливый постоялец».

Стоить отметить, что Стив и я занимались не только тем, что говорили о моих кризисах в наших частых телефонных марафонах; мы часто работали, и очень тяжело. Он был очень умелым, творческим и бесконечно терпеливым учителем в работе над моей статьёй о применении средств усмирения, а также в сотрудничестве со мной в работе над книгой «Суд над Джекилом: расстройство множественных личностей и уголовное право», опубликованной нью-йоркским университетским издательством в 1977 году, и получившей положительные отзывы.

Из Мичигана Стив переехал в Гарвард, где получил должность главного психолога в дневном стационаре больницы массачусетского центра психического здоровья, где он работал с практически такими же пациентами, которые жили в реабилитационном центре в Нью-Хейвене. Постепенно этика стала занимать первое место в его интересах, и он был назначен научным сотрудником совета колледжа гарвардского центра по профессиональной этике. Он также занял должность и на медицинском факультете Гарварда, на отделении медицинской этики, и со временем стал директором по этике американской психологической ассоциации в Вашингтоне. Несмотря на то, что мы жили на противоположных концах страны, наша дружба становилась только сильнее. Мы часто разговаривали, вместе писали работы, виделись на профессиональных встречах, и тогда, когда я ездила на восток, чтобы повидаться с семьёй.

Интересно, что (несмотря на его сотрудничество) Стив не согласился с основным посылом моей книги по РМЛ – что человек с РМЛ, чьё альтер-эго совершило преступление, должен быть признан невиновным по причине невменяемости, потому что невиновные альтер-эго

не должны быть наказаны. («Лучше освободить десять виновных, чем...»). Стив считал, что «цельная личность» не должна была освобождена от ответственности. Он спросил моего разрешения написать статью, которая, по сути, будет спорить с моей аргументацией. Смеясь, я сказала: «Да пожалуйста!» Когда его работа была опубликована, нас вместе пригласили на телевизионную передачу канала NBC Дейтлайн, где мы представляли противоположные юридические точки зрения.

Дружба, поддержка и интеллектуальное общение со Стивом служило мне проводником по интересным путешествиям сквозь годы, но это событие было первой ласточкой. Оно было очень напряженным, стрессовым, и на каком-то уровне - сюрреалистическим. Интервью длилось четыре-пять часов, но, в конце концов, они показали только три минуты из него. Это не было *испытанием на прочность*. Мы продемонстрировали свой высокий профессионализм, давали в меру доходчивые объяснения, и воздержались от обмена персональными колкостями, хотя пару раз Стив сказал «Ну это ты как всегда». Думаю, что я могла бы подколоть его по поводу похода в парикмахерскую, но тогда он мог бы поддразнить меня за то, что я купила по этому случаю новый синий костюм. Это очень непросто, дебатировать со своим старым другом, который знает тебя так же хорошо, как Стив знал меня – на самом деле позже мне пришло в голову, что Стив мог прекрасно представить и отстаивать обе точки зрения, а я могла бы прекрасно оставаться дома с Уиллом.

*

Как и любой медицинский препарат, наван, который я принимала в течение десятка лет, имеет побочные эффекты. Некоторые из них опасны, такие как злокачественный нейролептический синдром, потенциально летальное расстройство, при котором лекарство становится буквально ядом для вашего организма; другие были малоприятны взгляду и очень некомфортны, как ПД (поздняя дискинезия)²⁹ Сюда же относится седативный эффект, когда нетвёрдо держишься на ногах, с чем я боролась обильным количеством чёрного кофе.

У женщин одним из обычных побочных эффектов был назван повышенный уровень пролактина - гормона, который вызывает производство молока для новорождённых. Тринадцать – это нормальный уровень пролактина. Большинство женщин на психотропных препаратах достигают уровня тридцати или сорока. Мой был постоянно на уровне ста тридцати - ста сорока. Есть основание полагать (хотя это исследование и вызвало полемику), что рак груди связан с повышенным уровнем пролактина. Мой

²⁹ В узком смысле под *поздней дискинезией* понимается [хореиформный гиперкинез](#), включающий в себя жевательные и причмокивающие движения губ и языка, гримасничанье из-за поражения мышц лица и рта^[4]. Поздняя дискинезия в некоторых случаях бывает *необратима*, поэтому в борьбе с ней главную роль играют [профилактические](#) меры.

гинеколог был согласен с тем, что повышенный пролактин был фактором риска для меня, и после этого я сказала Каплану, что хочу рассмотреть другие медикаменты.

Он предложил лекарство под названием зипрекса - один из нового класса психотропных препаратов, который был весьма перспективным и только недавно появился в продаже. Несмотря на хорошие отзывы о нём, я настороженно относилась к новым лекарствам и хотела бы немного подождать, чтобы посмотреть, будет ли зипрекса и его варианты такими же безопасными и эффективными. Но уровень пролактина в сто тридцать – сто сорок убедил меня, что пришло время сменить лекарство, и я начала принимать зипрексу вместо навана.

Перемена была быстрой и поразительной. Во-первых, побочные эффекты были гораздо меньшими, чем при приеме навана. Вместо того, чтобы быть заторможенной или усталой, я чувствовала себя в полной готовности, отдохнувшей, энергичной, как я не чувствовала себя очень давно – так давно, что я в действительности почти забыла, как можно себя так хорошо чувствовать. С другой стороны, я быстро набрала вес – семь килограммов. Однако в последние годы я была довольно худой, поэтому помимо моего смятения по поводу жмущей в талии одежды, я просто решила, что мне нужно больше физических упражнений, чтобы сбросить немного веса.

Клинические результаты тоже были – без преувеличения – как лучом солнца после долгой ночи – я могла видеть мир так, как никогда не видела его до сих пор. Хотя наван и «приручил» мой психоз, мне всегда нужно было оставаться начеку. Психотические мысли всегда присутствовали, и я часто испытывала «симптомы прорыва» - мимолётные психозные мысли – по многу раз каждый день. С зипрексой, правда, я захлопнула дверь и, в первый раз за многие годы, она оставалась закрытой. Я могла отдохнуть, уйти с дежурства, немного расслабиться. Я не могла себя обмануть – болезнь всё ещё была здесь – но она не командовала мной, как когда-то раньше. И наконец, я могла сосредоточиться над текущим моментом, необременённая угрозой притаившихся демонов.

Наиболее глубоким эффектом нового лекарства было то, что это убедило меня раз и навсегда, что я действительно была больна. В течение двадцати лет я боролась с тем, чтобы принять этот факт, в какой-то момент приходя к нему, но чаще – убегая от него. Ясность, которую дала мне зипрекса, разбила вдребезги мои оставшиеся доводы.

Несмотря на мой интеллект и образование, несмотря на всех докторов, психозные срывы и госпитализации, и уроки, которым я научилась, обжегшись много раз, я, тем не менее, умудрилась цепляться за убеждение, что, в общем и целом, в моих мыслях не было ничего необычного. Мозг каждого человека содержал в себе хаос, как и мой, просто другие могли управлять им гораздо лучше меня. Все люди верили, что их контролировали злые силы, которые вкладывали мысли в их головы, забирали их, и использовали их мозги, чтобы убивать целые народы - просто другие люди об этом не говорили *вслух*. Моей проблемой был не столько мой мозг, думала я, сколько недостаток социальных навыков. Я не была психически больной. Я была социально неадаптированной.

Конечно, это было не так. У большинства других людей не было таких мыслей, как у меня. Они не были приучены убаюкивать своих демонов, у них их просто не было (или, по крайней мере, не такие, которые могли довести до психиатрического диагноза). Благодаря новым химическим веществам, курсирующим по моему телу, я испытала долгие периоды, когда я жила как другие люди – без всяких бредовых мыслей. И это сделала zipрекса.

Невозможно переоценить, каким громом среди ясного неба было для меня это откровение. А с ним моё самое глубинное сопротивление мысли, что я была психически больна, начало уходить. Ирония была в том, что чем больше я принимала свою психическую болезнь, тем меньше эта болезнь меня характеризовала – и в этот момент разрывное течение меня отпустило.

* * *

К счастью, я обнаружила, что тема, которую я хорошо знала, которой искренне интересовалась, и по которой писала работы – психические болезни и различные аспекты правового контекста – интересовала и других людей, включая издателей и редакторов журналов. Моя работа «Отказ от лечения: насильственное лечение и права психически больных» была опубликована в 2002 году издательством Юниверсити оф Чикаго Пресс. Темы этой работы были очень близки моему сердцу: принудительная госпитализация, право отказа от медикаментов, усмирение и изоляция. Книга была хорошо принята, получила хорошую рецензию в «Литературном приложении Таймс» и особенно хорошую в «Медицинском журнале Новой Англии».

Хотя я всё ещё считала преподавание большим стрессом, студенты меня очень любили, и я стала особенно близка с несколькими из них, особенно с теми, которые проводили для меня исследования. Хотя я и не рассказывала о своей болезни на занятиях, студенты знали, что я относилась с особой эмпатией к психически больным. Неудивительно, что некоторые студенты, которые выбирали предмет психического здоровья, сами имели личные с ним проблемы; однажды одна девушка принесла мне записку в середине занятия, на которой было написано «Я хочу покончить с собой», и я тут же отвела ее в студенческую консультационную службу. Другая студентка (начальных курсов) открылась мне, что ей поставили неверный диагноз, напичкали сильными медикаментами (включая наркотики, а не просто обычными психотропными лекарствами), и госпитализировали, и во время госпитализации её терапевт её соблазнил. Она верила, что ее каким-то образом запрограммировали совершить самоубийство к определенной дате. Она считала, что обучение на моём курсе и возможность со мной поговорить об этом ужасном опыте, удержало её от этого шага.

Я оправила её к другому терапевту – к такому, который соблюдал принципы врачебной этики, и у которого был очень богатый опыт работы с пациентами с похожими проблемами. Студентка возбудила уголовное дело против её бывшего терапевта. В то время я с ней разговаривала время от времени, и с большой гордостью наблюдала за ее успехами. Недавно она успешно сдала экзамен на право адвокатской практики. В её отказе

быть снятой со счетов или потерпеть поражение я видела часть себя самой – и мне это нравилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Мне было почти сорок лет, и я влюбилась в первый раз в жизни.

Даже сейчас, когда я смотрю на это предложение, меня охватывает чувство изумления и радости. Я знала, что Уилл мне небезразличен; я знала, что я была для него важна. Но только после того, как мы сильно поссорились, а потом помирились, я все-таки сказала заветные слова. «Ты первый человек в моей жизни, которого я полюбила.» - сказала я ему. «Мне от этого очень грустно», - сказал он и обнял меня.

Как мы и обещали друг другу с самого начала, мы, не торопясь, узнавали друг друга настолько, чтобы расслабиться и почувствовать близость, которая вела к чему-то более глубокому и сложному, чем любые мои предыдущие отношения. Мы решили жить вместе; он переехал в мою квартиру в высотном доме, где мы вместе пытались расшифровать символы продвинутой европейской духовки, которой я даже и не пыталась пользоваться.

Да Уилл и не был похож ни на одного мужчину, которого я когда-либо знала. Мебель, которую он делал, была далеко не «ничего особенного», она была красивой, каждое изделие было уникальным, заботливо и с любовью созданным его собственными руками; *музейные экспонаты*, думала я. Он выковал из меди фонарь для сада, со вставками из стекла, которое отражало лучи сине-зелёного света, подобно океану. У него была огромная коллекция музыки всех жанров, а также гигантская акустическая система. Садоводство было для него актом творения; так же как и выпечка шоколадного пирога, или безе, или торта. Одним словом, у него была любопытная, ненасытная душа художника, и что-то в этой душе приняло решение заботиться обо мне.

Каплан сказал мне, что зачастую женщины чувствовали, что у них нет права выбора в сексе, и за то время, что мы провели вместе, он помог мне понять, что у меня было право выбора – когда, с кем, и при каких обстоятельствах. Я знала слишком хорошо, что моя болезнь усложняла жизнь – я рисковала больше, чем остальные. Снять с себя одежду было тем же самым, что снять с себя доспехи; обнаружить свою уязвимость – то же самое, что пережить опасность. И даже самый здравомыслящий человек должен признаться, что физическое переживание оргазма может быть дезориентирующим, даже несколько галлюциногенным – для меня это чувство снятия контроля, расслабления, свободного полёта через пространство не всегда приносило пользу. Когда пространство

подозрительно похоже на бездну, и «потеря себя» означает то же, что и психоз, передача контроля в чужие руки может приводить в ужас.

За многие годы секс принес мне достаточно разочарований, чтобы знать, что в следующий раз, когда я возьму на себя риск физических отношений, это должно быть только по любви. И хотя, как и у любой другой пары, у нас с Уиллом были свои подъёмы и падения, он интуитивно знал, насколько это было важно для меня, и когда пришло время, всё прошло так нежно и любяще, что и мечтать нельзя. То, что случилось между нами, было всем, на что я надеялась. Я чувствовала себя в безопасности в его объятиях, и любимой, и удовлетворенной. (И когда на следующее утро я пошла в ванную, на зеркале было большое сердце, нарисованное зубной пастой, которое скрепляло свершившееся как печатью).

Но всё же оставалась одна последняя правда обо мне, которую нужно было рассказать, и через много месяцев после начала наших отношений я всё ещё не набралась достаточно смелости, чтобы это сделать. Как он отреагирует? Не ужаснётся ли он, не отшатнется ли с отвращением? Не оттолкнёт ли это его физически? Не оставит ли он меня? Снова и снова я проигрывала в голове эту сцену: «Уилл, знаешь, я посещаю психоаналитика, но, собственно, моя ситуация с психическим здоровьем несколько более сложная. У меня серьёзная психическая болезнь...». И тут, по счастливой случайности, он меня опередил.

Однажды он дал мне журнал. «Я бы хотел, чтобы ты прочитала эту статью», - сказал он мне. Статья была про синдром Аспергера, высокофункциональной форме аутизма. Уилл подчеркнул некоторые части. «Кое-что из этого очень напоминает тебя, тебе не кажется?»

«Да, это похоже на меня», - сказала я. «И это потому что это так и есть, в общем-то. Уилл, я давно хотела тебе сказать, но боялась. Боялась твоей реакции, боялась, что ты можешь меня оставить. В течение многих лет у меня серьёзная психическая болезнь, и она никогда не пройдёт». Я пристально наблюдала за его выражением лица по мере того, как я сообщала эту новость. Пока я не увидела ничего, что бы меня встревожило.

«Правда?» - спросил он. «Я, в общем-то, подозревал, что это было что-то в этом роде, но я не хотел спрашивать. Я подумал, что ты как-нибудь сама мне расскажешь. Что это, собственно, за болезнь?»

«Шизофрения», - сказала я. «Ты знаешь, что это такое? Это не раздвоение личности».

«Думаю, что знаю», - сказал он медленно. «Это когда люди теряют связь с реальностью. Это немного меня пугает. Но это не меняет моего к тебе отношения. Как часто это случается? От этого есть лекарства?»

«У меня всё ещё бывают приступы», - сказала я. «Да, от этого есть лекарства, и довольно эффективные. Но у меня бывают иногда проходящие симптомы. Совершенно разные вещи могут их запустить. Стресс и все такое».

«Ты мне скажешь, когда это с тобой случится?» - спросил он. «Я хочу знать».

Интересно, что большинство людей, которым я открывалась про свою психическую болезнь – включая профессионалов в этой области – были удивлены, узнав правду, или, возможно, её степень. Тот факт, что Уилл не был удивлён и сказал, что он подозревал что-то с самого начала, был очень показателен. Или он узнал меня гораздо ближе, чем кто-либо другой, или он был более откровенен о том, что подозревал, или он увидел гораздо большее в моих странностях. «А как ты узнал?» - спросила я.

«Ну, ты всегда была больше чем немного эксцентрична», - сказал он мягко. Я видела, что он обдумывал каждое своё слово. «И у тебя много белых пятен. В культурном плане, я имею в виду. Когда я упоминаю практически всё между 1965 и 1980, ты смотришь на меня непонимающе. Как будто бы ты была где-то ещё в это время. Многое из культурной жизни послевоенного поколения прошло мимо тебя, ты это знаешь?»

Да, я знала. Он обратил на это внимание, он о чём-то догадался, он был прав. Сейчас трудно это объяснить, но что-то в том, как он полностью присутствовал в комнате в тот вечер – что-то в его позе, жестах, глазах, голосе – сказало мне, что мы будем вместе. Он не дрогнул, не рассмеялся и не ушёл. Конечно, он ещё не видел меня в самом «расцвете» психоза, но я чувствовала, что когда это случится, он не отступит.

Однажды вечером я пришла домой после ужина с одной коллегой, которая представила свою статью на нашем совещании. «Я ей по-настоящему завидую», - сказала я Уиллу.

«Почему?» - спросил он .

«Ну. У неё потрясающая должность на юридическом факультете в очень хорошем университете, она очень умная и она счастливо замужем. Чего ещё можно желать?»

Он вышел из комнаты минут на десять, потом вернулся. «Погоди минутку, - сказал он. – Ты имеешь в виду, что быть замужем – это что-то хорошее по твоему мнению? То, чего ты бы хотела?»

«Да, разумеется». Я думала, что моё сердце выпрыгнет из моей груди прямо на пол гостиной.

«Ну, тогда – не хочешь ли ты, чтобы мы с тобой поженились?»

Мне не надо было над этим думать и секунды. «Да!»

И начался цирк, который знаком всем помолвленным парам во всём мире: «Подготовка к свадьбе». Месяцы и месяцы «Подготовки». На какое-то время я от всего этого отказалась – всё это казалось запутанным, сложным; это приводило к моим приступам тревоги, головным болям. Где проводить церемонию, какого рода церемонию проводить, когда её проводить, что есть, что пить, кого пригласить – очень быстро это стало невыносимым. А потом как будто воздух очистился. Да, да, я хотела *всего* – церемонии, вечеринки, празднования, семьи, друзей, коллег, публичного признания наших обязательств друг перед другом. Я хотела всего этого по полной программе.

Я позвонила родителям и сообщила, что происходит; и когда я спросила маму, не хочет ли она приехать на запад страны, чтобы помочь с приготовлениями, она поколебалась один момент и неуверенно ответила, что может быть, было бы лучше, если бы я занялась всем сама. Меня как будто ужалили, но уже через минуту я решила, что это, возможно, и к лучшему. Уилл и я взялись за работу по организации свадьбы – и Уилл заявил, что он целиком и полностью берет на себя выполнение одной из задач. «Я испеку свадебный торт», - объявил он.

Забавное происшествие случилось, когда мы встречались с раввиншей Джулией, которая согласилась провести свадебную церемонию. После часа, проведенного за рулём по дороге в глубины долины Сан Фернандо, мы, наконец-то, подъехали к её дому. Проводя нас в прихожую, её муж спросил нас, не будем ли мы столь любезны и не снимем ли обувь, чтобы не испачкать белый ковёр. Затем мы провели около часа с раввиншей Джулией, потом забрали свои ботинки и через час были дома. Когда мы шли по входному холлу нашего здания, я посмотрела на свои белые «Рибоки» и спросила Уилла: «А не в чёрных ли я «Рибоках» поехала к раввинше?» Я умудрилась уехать в ботинках ее мужа!

Вскоре после нашей с Уиллом помолвки до нас дошли плохие новости: моей дорогой подруге Алисии поставили диагноз рака груди.

Как только Алисия услышала про нашу помолвку, она предложила провести свадьбу в её доме, в её тенистом, усыпанном цветами заднем дворе. Теперь всё перевернулось с ног на голову. Как я могла планировать такое радостное событие, когда Алисия боролась за свою жизнь? Нам нужно найти другое место для свадьбы. О, нет, погоди, может быть нам не нужно жениться прямо сейчас, после всего этого.

«Об этом не может быть и речи», - сказала она. «Это будет чудесно – организовать такое красивое празднество. Да ладно, всё будет в порядке, и мне будет, о чем помечтать!»

Я посмотрела на календарь и вспомнила, что мне самой было пора сделать маммограмму. И тут события приняли ещё один неприятный оборот. Техник делал снимок за снимком, и в периодах между ними, в соседней комнате, казалось, происходила какая-то дискуссия. Когда доктор Джулиано наконец-то вошёл, чтобы сказать мне, что на снимках были «аномалии», которые вызвали его озабоченность, я вдрызг расстроилась. Все мои защитные механизмы были сметены, и комнату затопил психоз.

«Флисы и кисы и астрономические пропорции с людьми, растящими опухоли. Это индустрия роста».

«Что вы имеете в виду, Элин?» - почти хором спросили доктор Джулиано и медсестра Беки Крейн.

«Направление прилива изменилось. Ему уже ничего не останется. Утопцы и обломцы. Один никогда не выживет».

«Ваша подруга Алисия сейчас в моём кабинете», - сказал Джулиано. «Может быть вам поможет, если вы поговорите с ней?»

Алисия знала, что у меня было психическое заболевание, но не знала подробностей и уж точно никогда не видела меня больной. Когда я вошла в смотровую, где она сидела, я начала испуганно и жалобно лепетать. Алисия ответила с невероятной добротой и спокойствием. «О, моя дорогая, что случилось?» - спросила она. «Ну же, ну, всё будет хорошо. Нет, твоя голова не взорвётся». Она крепко обняла меня и держала в своих объятиях. И я за неё держалась.

На следующий день мне сделали биопсию. Еще через день Уилл, Алисия и я пошли за результатами: у меня тоже был рак груди. В моей груди было несколько больших местных образований (так называемые ПКИС - протоковые карциномы *in situ*)³⁰, и небольшие инвазивные образования. Это значило, что только малая часть раковых клеток вышла за пределы грудных протоков; остальная часть была локализована. Когда Джулиано и Бекки сообщили мне результаты, я потеряла самообладание и опять начала невнятно бормотать. Уилл никогда меня не видел такой; через несколько месяцев, он, наконец, признался, что выпал в осадок от увиденного.

Хотя рак был на довольно ранней стадии, мне необходима была операция, с последующими неделями радиационного лечения. Стресс от всего этого сокрушил меня – опять мой маленький самолёт был в центре шторма. Я научилась ожидать бедствий за каждым поворотом – я думала, что такова моя судьба – но Уилл был оптимистом, и спокойно продолжал вести себя именно так.

Каплана в этот момент не было в городе, и я пошла на приём к заменяющему его психоаналитику. Я знала, что его дочь в молодости умерла от рака. Когда я сказала ему о своём диагнозе, у него навернулись слёзы на глазах, и меня это тронуло. Когда Каплан вернулся, он немедленно меня принял и дал мне знать, что он будет всегда доступен, когда бы у меня ни возникла необходимость его увидеть.

Первоначальная интенсивность страха и мучений постепенно уменьшились, но ещё много дней после постановки диагноза я почти ничего не могла делать, кроме как сидеть дома и слушать музыку, пытаясь понять, что же было реальностью. Уилл инстинктивно знал, что я не могла переносить никакой другой интимности, помимо объятий. Позже он так же каким-то образом знал, когда я была готова к любви.

Мои родители приехали так быстро, как только смогли. Друзья и коллеги также сплотились вокруг меня. И многие прислали цветы. Когда приехал Стив, он, посмотрев

³⁰ Форма рака молочной железы из эпителия протоков без прорастания в прилежащие ткани и метастазирования. Отличается относительно медленным ростом и благоприятным прогнозом при своевременном лечении

после нашего приветственного объятия на стол в гостиной за моей спиной, сказал по поводу множества цветочных букетов, там лежащих: «Когда у тебя рак, люди присылают тебе цветы; когда ты теряешь рассудок, они тебе ничего не присылают». Ничто не может так сфокусировать ваш разум, даже весьма истрёпанный, как диагноз рака. Пока я проходила радиационное лечение – пять дней в неделю в течение восьми недель – мне сложно было думать о чем бы то ни было, кроме как о том, где я была, что я тут делала, и почему. Я беспокоилась, что моим друзьям будет неприятно находиться со мной; может быть, я напоминала им об их собственной смертности. От этого не было пилюли – это было игрой случая, и я молилась каждый день, чтобы удача повернулась ко мне.

Я живу в самом большом в мире эпицентре землетрясений, но я не боюсь землетрясений. Я не боюсь автомобильных аварий, и я не боюсь нападений и ограблений, когда я иду из офиса к машине тёмными вечерами. Но моё здоровье, непостоянство моего тела пугало меня до смерти. Сколько раз, думала я, придётся мне иметь дело с предательством этой массы нервов, кровяных сосудов, мышц и кожи? Это доводило меня до дикой тревоги, даже гнева.

Моя дорогая подруга Джанет (из ПАНИЛА) однажды работала над уставом Лос-Анджелесского Общества Здоровья - группы поддержки для тех, кто пережил рак, основанная в середине восьмидесятых (и стала известной благодаря популярности одной из первых её членов, известной Джильды Раднер). По настоятельной рекомендации Джанет я решила попробовать. Я не могла сформулировать, что же мне было надо, когда я в первый раз пришла туда, но чем бы это ни было, я это там нашла.

Эмпатия между людьми, которые сражаются с раком – это сильнейшая вещь; в ней есть сила, солидарность, и прирожденное понимание, которого нет у «здоровых» людей, несмотря на их огромные усилия. В Обществе Здоровья я встретила самых близких и дорогих друзей. Неизбежно, по природе того, что свело нас вместе, я также и теряла друзей. Иногда меня спрашивают, не было ли это ещё тяжелее - проводить время в комнате, полной людей, больных раком, и никогда не пропускать встречи. Но мне нужно было встречаться с ними. Там были люди, заболевшие гораздо тяжелее меня, и люди, которые болели дольше меня, и они спокойно жили своей повседневной жизнью с достоинством, даже с юмором. Как могла я отказать себе в утешении и уроках, которые они так щедро предлагали? И по мере того, как шло время и «новые» люди выстраивались за мной, как же я могла не поделиться тем, чему я научилась у них?

Побитые, но с гордо поднятой головой, Алисия и я (и наши семьи) прошли через битву с раком. Мы были уставшими, еле держались на ногах, и были немного потрёпаны, но, слава Богу, мы собирались сыграть свадьбу!

За несколько недель до неё Уилл пёк торты, чтобы попробовать разные рецепты, и каждые несколько дней была произведена очередная сладость. Помните, когда вы были детьми и говорили что-то вроде «Когда я буду взрослой, я буду есть все пирожные, какие захочу!»

Вот этим-то мы и занимались, каждый вечер после работы. Французский торт, со взбитыми белками и арахисом. Имбирный торт, со свежей малиной. Кремовый лимонный, который Уилл потом поменял на апельсиновый. Да, мы оба согласились – этот был лучшим! Обрадованные, мы затем наняли профессионального поставщика провизии для банкетов, чтобы он приготовил и подал остальную еду. Если бы Уилл взялся за что-либо ещё, помимо торта, наша кухня и наши отношения оказались бы в большой опасности.

Он также проходил курс компьютерной анимации и уже прошел половину курса «усовершенствованные методы редактирования», когда предложил оригинальную и забавную форму для свадебного приглашения. Это было видео, которое открывалось музыкальной темой из фильма «Я люблю Люси»³¹ со шрифтом, знакомым всем по этому шоу, и чёрно-белой сценой в гостиной Люси и Рики Рикардо – с Уиллом, играющим Рики, и мной в роли Люси, которые должны были сыграть диалог по написанному сценарию. Для фона он использовал раскадровку из Nick-at-Night³² потом наложил видео кадр за кадром, заменяя меня и его на «портреты» Люси и Рика на стене гостиной. Затем он добавил инструкции, как до нас доехать на машине, используя музыкальную тему из старого телесериала Дорога 66³³, а завершил приглашение он темой из телешоу Джэки Глисон. Мы разослали пятьдесят копий по всей стране. Нет, не для меня тяжёлая бумага с переплётом из слоновой кости от Тиффани; нет, эта свадьба была объявлена современным культурным артефактом!

Мы поженились в июне, в прекрасный солнечный день. Джанет и её муж Эл, и Майкл с

³¹ «Я люблю Люси» ([англ. I Love Lucy](#); [США, 1951—1957](#)) — [американский](#) комедийный телесериал. В России транслировался на Телеканале «[ТНТ](#)» с 1999 по 2001 г. Жена певца и актёра, Люси тоже мечтает оказаться на сцене, но её муж всячески противится этому, считая её неталантливой. Для него она домохозяйка: любящая жена и мать. В ответ на это Люси демонстрирует свой талант дома, устраивая невероятные комические сцены.

³² Nick at Nite» дебютировал [1 июля 1985 года](#) как вечерний блок программ на «[Nickelodeon](#)». Вещание проводилось с 22:00 до 6:00 семь дней в неделю и показывал в основном классические [ситкомы](#).

³³ **Route 66** (*U.S. Route 66*, также известное как **Шоссе Вилла Роджерса** (*Will Rogers Highway*, в разговорной речи также известно как «Главная улица Америки» или «Мать Дорог») — одно из первых шоссе в системе шоссе США.

³³ Одной из самых популярных песен про шоссе 66 является песня [Бобби Траупа](#) — «(Get Your Kicks On) Route 66», также называемая просто «Route 66». Песня была написана в [1946 году](#) и изначально записана трио [Нэта Кинга Коула](#). Также она входила в репертуар многих исполнителей, включая [Чака Берри](#), [The Rolling Stones](#) и [Depeche Mode](#).

Эдом с юридического факультета были моими свидетелями; Стив и Алисия были моей свитой. После церемонии Стив поднял очень нежный и очень смешной тост.

Несмотря на свободный формат этого события, оно было достаточно традиционным, чтобы удовлетворить моё ожидание того, какой должна быть настоящая свадьба. Моя семья была с нами. Моему брату, который долгое время страдал жуткой фобией полётов, тоже удалось приехать. Это был самый щедрый подарок, какой он мог мне сделать.

Хотя и не сказать, что день прошёл без происшествий. Утром, когда я сделала причёску, мы со Стивом сидели в моей машине, тихо разговаривая, вдали от гама приготовлений. Часами меня мучал важный вопрос, и наконец, я просто должна была его задать: «А пришельцы будут на приёме?»

«Нет», - спокойно сказал он, и взял меня за руку. «Там не будет никаких пришельцев, Элин. Не волнуйся об этом».

Мне нужно было услышать его заверение, и, получив его, я счастливо провела весь день. Всё было красиво, как я себе и представляла, и это заставило меня почувствовать себя очень хрупкой, как если бы неожиданный шум или движение унесли прочь мою мечту. Это действительно происходило – я выходила замуж за мужчину, которого я любила.

Мы с Уиллом провели медовый месяц во Франции и Англии. Там мы встретились с моими старыми друзьями со времен Оксфорда – Патриком, Дайной и Джанет – и замечательно провели время в воспоминаниях. У Джанет был роман с приятным американцем, и её прелестная дочь Оливия была в том же возрасте, что и я, когда жила в доме Джанет. Хотя я и жила далеко, я продолжала любить и ценить этих людей, которые оставались моими постоянными друзьями, и я всегда верила, что они чувствовали то же самое в моем отношении. И теперь я могла добавить Уилла в этот список. Уилла, моего мужа.

После того, как прошло несколько лет, за которые я успела опубликовать пару десятков статей и написать три книги, меня посчитали достойной получить собственную кафедру, тем самым оказав мне самую высокую честь, которую университет может оказать преподавателю. Весенним днём юридический факультет университета Южной Калифорнии назвал меня профессором юриспруденции, психиатрии и бихевиоризма Оррин Б. Эванс³⁴ в присутствии моих друзей и семьи. Эд Маккаффри – мой «одноклассник» и дорогой друг – был удостоен похвальной чести, получив собственную кафедру. Было нетрудно вспомнить наши первые дни в университете, когда мы бродили по его коридорам вместе, пытаясь разобраться, что от нас требовалось, чтобы достичь успеха, и ужасно переживая, что в любую минуту мы будем разоблачены как фигляры. Я

³⁴ В США должности завкафедрой/профессора, получающего плату из специального фонда, сформированного за счет целевого взноса, называются в честь людей, сделавших данный денежный взнос.

была страшно рада, что Эд и я были удостоены такой чести в одно и то же время. В моей речи в честь принятия этой должности я даже рискнула пошутить, намекнув, что для меня кушетка была бы более подходящей, чем кафедра. Затем был очень приятный обед в заведении «Город и мантия» (которое часто называли гостиной университета), после чего последовало ещё одно празднество - вечеринка, которую устроила моя семья. Это был красивый день, и вечер был полон веселья и сильных эмоций. Казалось, что наконец-то я достигла того периода моей жизни, в котором было больше хороших дней, чем плохих.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Человеческий мозг составляет два процента массы человеческого тела, но потребляет больше двадцати процентов вдыхаемого кислорода и контролирует сто процентов действий этого тела. Поэтому если сравнить, какую территорию он занимает, с тем, какую власть он имеет – это действительно мощная сила. И хотя со временем (особенно в последние двадцать лет), мы узнали многое про наш мозг, мы ещё очень далеки от полного понимания. Каждое открытие сравнимо с дверью, ведущей к новым вопросам;

каждая раскрытая тайна ведёт к новой тайне. Для учёного-исследователя, в центре интересов которого находится мозг, лаборатория, должно быть, иногда кажется зеркальной комнатой; для меня и моего отчасти случайного исследования мозга, бывают дни, когда я чувствую, как будто я иду по кромке Большого Каньона, постоянно рискуя сделать один большой неверный шаг. И всегда, прямо перед падением, мне приходит в голову тот же вопрос: А как я сюда попала?

Как ни была успешна моя схема лечения зипрексой, я, как всегда, беспокоилась по поводу побочных эффектов; в конце концов, это был относительно новый препарат. И потом была досадная прибавка в весе, с которой мне было сложно бороться. Поэтому опять я стала интересоваться снижением дозы. Могу ли я это сделать, и, если да, то как далеко могу я зайти, всё ещё оставаясь в безопасности? Когда я обсудила это с Капланом, он согласился попробовать это со мной в этот раз, но при одном абсолютном условии: если, по его мнению, я буду не в порядке, и он решит, что мне нужно повысить дозу, я это сделаю немедленно – никаких торгов, никаких увёрток.

«Вы должны мне это пообещать», - сказал он твёрдо.

«Хорошо», - согласилась я. «Зато честно».

По мере снижения дозы в течение следующих нескольких недель, я почувствовала, как потихоньку стал надвигаться туман, ранний знак начала дезорганизации. Я сжала зубы и сконцентрировалась на работе. *Я могу к этому приспособиться, думала я. Это пройдет. Надо просто подождать.* Я полетела на восток страны на десятую годовщину нашего выпуска (сопровождая знакомыми ужасами во время полёта), и во время вечерней программы в Йеле я большую часть времени сидела рядом со Стивом, и боролась с позывом вскочить с моего кресла и закричать об ужасных созданиях, парящих вокруг меня.

Когда я вернулась домой и рассказала об этом Каплану, он быстро расторг наше соглашение: я должна была вернуться обратно к обычной здоровой дозе зипрексы. Мы сошлись на моей обычной дозе в сорок миллиграммов, двойной дозе по сравнению с рекомендованным производителем максимумом, но срабатывающей в моем случае .

Вскоре после этого я поехала в Сан-Франциско, где должна была представить две работы на конференции по диссоциативным расстройствам, которая длилась неделю. Очевидно, что период воздержания от зипрексы оказался гораздо тяжелее для моего организма, чем я думала, оставив меня уязвимой и даже несколько хрупкой. Я начала чувствовать себя «не так» вскоре после приезда в отель. Опять я стиснула зубы и сфокусировалась на моей работе и на моих обязанностях на конференции, надеясь, что никто ничего не заподозрит. Но галлюцинации и расстройство личности усилились; я трещала по всем швам. Я позвонила Каплану.

«Если вы можете, представьте свою работу в субботу, как и планировалось, - сказал он, - и

возвращайтесь. Потом вы можете вернуться на конференцию утром в среду, чтобы представить вторую».

На каком-то уровне его предложение имело смысл; я никогда не чувствовала себя хорошо на незнакомой территории, но, может быть, я смогу вернуть контроль, когда вернусь в Лос-Анджелес, в мою собственную квартиру или под укрытие моего офиса. Но по мере обдумывания предложения Каплана, я решила, что оставить конференцию будет признаком провала. Из двух зол – быть больной или потерпеть поражение – я легче могла перенести первое. И я решила остаться.

И в этот момент моя болезнь приняла новый, ужасный оборот. По какой-то причине я решила, что Каплан и Стив были самозванцами. Они выглядели так же, они звучали так же, они были идентичны оригиналу по всем показателям – но они были подменены кем-то или чем-то. Была ли это работа пришельцев? Я не могла этого знать, и я была в ужасе.

Гораздо позже я узнала, что то, что я испытывала, называлось синдромом Капграса. Научная литература об этом синдроме сравнивает ощущение, которое он вызывает, с культовым фильмом «Вторжение похитителей тел». В моём мозгу люди, от которых я так зависела, просто исчезли, и эти двое, которые остались, были не теми людьми, которыми притворялись. Поэтому я не могла доверять ни одному из них.

Это было очень тяжело, но я сделала доклад в среду и улетела обратно в Лос-Анджелес, в полном раздвиге и паранойе. За почти десять лет лечения я не пропустила ни одного приёма с Капланом. Теперь я не пошла на следующих два запланированных сеанса, и не позвонила ему, чтобы сказать, почему. Тогда он позвонил мне. «Элин, вы не пришли на приём. Что происходит?»

Я не ответила. Это не он. Не говори ни слова, это не он.

«Элин, что происходит?»

Ничего.

«Я думаю, это очень важно, чтобы вы приходили на сеансы», - сказал он. «Я ожидаю вас у себя завтра. Могу ли я что-нибудь для вас сделать?»

«Я знаю, что происходит, и кто вы такой», - сказала я в конце концов.

«Это нас никуда не приведёт», - сказал он. «Говорите прямо».

Ничего. Нет ответа. *Потому что вы – это не вы.*

«Хорошо, тогда до встречи завтра», - и он повесил трубку.

Я не пришла на следующий приём.

Стив, чувствуя, что что-то не в порядке, звонил часто. Я не отвечала и не перезванивала.

Уилл, конечно, понимал, что я была очень возбуждена, но не знал, почему. «Что происходит?» - спросил он.

«Двое, которые называют себя Капланом и Стивом – самозванцы», - сказала я. «Настоящие исчезли, и были заменены; те, которые оставляют мне сообщения на автоответчике – фальшивые».

К его огромной чести, Уилл остался спокоен. Я предупредила его, что такое может случиться, и вот оно произошло. «Может быть, я должен позвонить Стиву», - сказал он.

«Я не вижу в этом смысла, раз Стива уже больше нет», - сказала я. «Но звони, пожалуйста, если тебе будет от этого лучше». Он обдумал это немного, затем позвонил Стиву в середине ночи. Стив проснулся рано, обнаружил сообщение, и перезвонил. Как мог, Уилл объяснил, что происходило.

Стив начал звонить и оставлять сообщения по десять, иногда двенадцать раз за день. Я их игнорировала – потому это был не Стив. И я рассердилась – потому что он относился ко мне как к непослушному ребёнку. В психоанализе для этого есть термин: инфантилизация. Как он смеет, думала я, глядя на автоответчик, как будто и им тоже манипулировали пришельцы. Но, конечно, его положение было нестерпимым.

Я была испугана и изолирована. Хотя я каким-то образом знала, что Уилл был настоящим Уиллом, меня это не успокаивало. Я не могла спать, я не могла работать, и я не могла разобраться, что было реальностью, а что не было ею.

На следующий день, после третьего пропущенного приёма с Капланом, он позвонил и настоял, чтобы я повысила дозу зипрексы. Хотя я знала в глубине души, что это был ненастоящий Каплан, я его послушала, потому что я была в отчаянии и несчастна – и за несколько последующих дней деллюзия мало-помалу прошла.

Если я и хранила хоть какую-то надежду, что я смогу когда-нибудь быть свободной от необходимости принимать психотропные препараты, потеря и Каплана, и Стива из-за моего психоза окончательно убедила меня в обратном.

Это был первый опыт для Уилла, когда я была в бредовом состоянии. Он не особенно испугался, он не убежал, и никогда не относился ко мне иначе как с добротой и нежной заботой. Впоследствии он признался, что он был потрясён, увидев меня такой невменяемой и несчастной, и был в отчаянии от того, что не мог меня утешить или успокоить. «Но я всё равно хочу, чтобы ты говорила мне, когда ты начинаешь себя так чувствовать», - настаивал он. «От меня будет немного пользы, если ты не будешь давать мне понять, что происходит».

Иногда, даже сейчас, когда начинается приступ, я не говорю ему – не для того, чтобы хранить это в секрете, но чтобы не обременять его. Тем не менее, он почти всегда знает. Он может понять по моему молчанию – или особому типу молчания. Это подарок – быть рядом с человеком, который меня так хорошо знает.

Доктор Каплан и я прошли через годы хорошей совместной работы – тринадцать лет, если

быть точной. И я миновала многие вехи за это время. Но он часто был суров со мной, и со временем (невзирая на сильные стороны Каплана и его человеколюбие как психоаналитика) мне стало казаться, что это слишком жёстко, даже так, будто он меня наказывал. Почему-то он начал меня ущемлять во всем – например, он не хотел, чтобы я передвигалась по офису; он не хотел, чтобы я закрывала лицо руками во время наших сеансов - то есть, всё то, что я делала в присутствии всех своих психоаналитиков – это помогало мне чувствовать себя в безопасности и держать себя в границах. Он повторял, что если это не изменится, то он «уволит» меня. «Я собираюсь покончить с вами». Слышать это было мучительно жестоко это повторять. Делал ли он это, чтобы вызвать какую-то мою реакцию? Я больше не чувствовала себя с ним в безопасности; он был непредсказуем, непостоянен, даже сердит. Иногда я выходила с приёма, чувствуя себя так, будто меня побили.

«Мы с вами никуда не продвигаемся», - говорил он. «То, что мы делаем, это не терапия. У нас все идет наперекосяк в течение двух лет», - сказал он; со времени моего онкологического диагноза и помолвки с Уиллом. Я целиком и полностью осознавала, что мы в разладе, но думала, что это происходит только в последние пару месяцев.

И тогда Каплан пригрозил, что он расскажет в институте, что я больше не прохожу психоаналитическое лечение. Мой институт (как и большинство других в то время) был «внеотчетным», то есть ваш психоаналитик не должен был отчитываться о вашем прогрессе (в анализе) в институтской комиссии по успеваемости. Но он сообщал о количестве часов, посвященных психоанализу, поэтому в его силах было дать понять окольными путями, что вы не дотягиваете до стандарта. В конце концов, я сказала своему научному руководителю в институте, чем мне угрожал Каплан. Через несколько сеансов он сказал мне, что больше не считает нужным осуществлять свои угрозы. Но меня он не убедил. Я не могла больше проходить для него через тяжелые испытания, и в конце концов, я больше не могла с этим справляться. Я решила, что мне нужно посоветоваться с кем-то, кто может быть объективным, и записалась на приём к доктору Роту, с которым я виделась как-то, когда он подменял Каплана, и которого я знала по институту.

«Вы вместе проделали годы успешной работы, Элин», - сказал Рот. «Отношения трансформируются периодически; возможно, это просто ещё один переходный период. Вам нужно попробовать проработать это с Капланом. То, что вы сделали – жизненно важно».

Я не была уверена, что я это смогу; я не была уверена, хочу ли я даже попробовать. «Если мы не можем – если я не могу – согласитесь ли вы быть моим психоаналитиком, если я не смогу продолжать работу с Капланом?»

Он покачал головой. «С моей стороны не этично даже обсуждать это с вами, пока вы находитесь на лечении с ним. Идите к нему и обсудите это с ним, Элин. Вы должны прийти к какому-то решению».

Я пошла в свой офис и разработала план, что-то вроде переговоров. Что должно

измениться, подумала я, чтобы мне остаться с Капланом? Я составила список: Мне нужно было, чтобы он перестал говорить, что мы никуда не движемся. Мне нужно было, чтобы он перестал угрожать «покончить со мной». Мне было необходимо смягчение физических ограничений. Ничто из этого не казалось слишком обременительным. Я сказала Каплану, что мне нужны все эти изменения, чтобы я продолжала работать с ним.

Каплан наотрез отказался менять что бы то ни было.

Я была ошеломлена. «Я сожалею», - сказала я. «Я думаю, что это значит, что мы должны закончить нашу совместную работу».

Остаток сеанса прошёл, как будто над дверью висела табличка «Выход». Когда мы закончили, и я приготовилась выйти через эту дверь, я обернулась и посмотрела на него. «До свидания», - сказала я. «Спасибо за всё. Ещё увидимся». И тут я увидела, как Каплана передернуло.

Затем я позвонила доктору Роту и сказала ему, что ушла от Каплана. Я не знаю, что бы я сделала, если бы Рот не согласился быть моим психоаналитиком, но он согласился.

Каплан позвонил через несколько дней. «Где вы были?» - спросил он. «Вы пропустили два назначенных сеанса».

Я набрала воздуха в легкие. «Я сказала Вам, что я с вами покончила, и это было всерьёз», - сказала я. «Я перевелась к доктору Роту».

На другом конце провода повисла минута молчания. Удивления? Гнева? «Я думаю, что вам нужно придти и поговорить со мной об этом», - сказал Каплан.

«Нет, не нужно», - сказала я, но я уже почувствовала, что я начала колебаться. Я никогда не умела продолжать конфронтацию. Может быть, я приняла решение слишком быстро. Может быть, я была права.

«Мы можем обсудить те изменения, о которых вы попросили», - сказал Каплан. «В любом случае, это слишком внезапно. Если нам суждено закончить совместную работу, то сначала мы должны прийти к некоему решению, некоему согласию».

Я согласилась встречаться с ним два раза в неделю, пока подводили итоги нашей совместной работе; одновременно я встречалась с Ротом. То ли из-за перенапряжения, то ли из-за боли переходного периода, но в течение следующих четырёх недель каждый сеанс с Капланом я проводила в рыданиях – чего я обычно не делаю, несмотря на то, что я довольно эмоциональный человек. Я просто не плакса. Но *что-то* в его присутствии в этой комнате рвало меня на части каждый сеанс. Я чувствовала себя очень уязвимой, и мне было грустно; я оставляла кого-то важного, что-то важное, и мне было горестно.

К его чести, Каплан не использовал это время, чтобы заставить меня вернуться, и когда я сказала ему, что я действительно собираюсь продолжать работать с Ротом, он сказал мне, что Рот был замечательным клиницистом и что он желает мне всего хорошего. И на этом всё закончилось.

Доктор Каплан помог мне, пожалуй, больше, чем кто-либо другой в моей жизни, и я люблю его сейчас так сильно, как не любила никого другого. В течение долгого времени я носила в себе осязаемое ощущение потери. Решение его оставить было таким ужасным, но я не могла найти никакого другого выхода; кроме того, мне всегда казалось, что он первым принял это решение. Отказавшись вести со мной переговоры, угрожая мне и наказывая меня, он по факту меня уволил. Он меня отверг, он меня предал. И почему я не оказалась в больнице в результате этого потрясения, до сих пор не могу понять.

И всё же даже сейчас, когда мне плохо, я первым делом думаю о том, чтобы позвонить Каплану. На самом деле я часто звоню на его автоответчик, чтобы услышать его голос. Но я не оставляю сообщения. Это время прошло.

*

Доктору Роту было около шестидесяти, я бы сказала, и он выглядел очень добрым. В отличие от Каплана (который, как и мой отец, очень сильная личность), Рот обладает некой мягкостью и деликатностью. В то же время он стоит на своём. Он не наносит мне ударов; он сразу же нацеливается на то, что я чувствую, и помогает мне понять, каким образом иногда я использую свои психотические мысли, чтобы избежать обычных неприятных чувств, которые мы все испытываем – грусти, ярости, заурядного разочарования.

Рот также верит в процесс анализа больше меня; он даже думает, что я смогу когда-нибудь полностью перестать принимать медикаменты. Вдобавок он пытается понять мои бредовые размышления как мотивированные подсознанием и имеющие смысл (который, конечно же, они имеют). Иногда, интерпретируя их, он отказывается обсуждать диагноз. «Шизофрения - это всего лишь ярлык», - говорил он, - «и совершенно бесполезный».

Оба этих мнения взволновали меня до глубины души. Я провела годы, борясь с мыслью, что я была шизофреником и нуждалась в лекарствах. Теперь, когда я признала, что я шизофреник и нуждаюсь в лекарствах, он ставит это под вопрос, говорит, что, возможно, всё не так ясно. Я думаю, что Рот, частично, пытается дать мне надежду и, частично, недооценивает очень реальную биологическую основу моей болезни. Его больше всего заботит психоаналитическая сторона; и поэтому он направил меня к психофармакологу, доктору Гитлину, имеющему международную известность в своей области, чтобы заняться ее медицинским аспектом. Гитлин считает, что я должна буду принимать лекарства всю оставшуюся жизнь.

Недавно мне пришлось опять сменить лекарство. Зипрекса стала как-то менее надёжной, и у меня случалось много симптомов, «сметающих всё». Увеличение дозы было невозможно; я уже была на дозе, дважды превышающей рекомендованную. Поэтому Гитлин предложил клозапин, лекарство, которое обычно выписывают тем, кто в какой-то степени «устойчив к лечению», и он прописал мне мощную дозу, шестьсот миллиграммов. Клозапин - очень неудобный медикамент в применении; вначале он требует еженедельного анализа крови, чтобы контролировать побочные эффекты и следить за

признаками агранулоцитоза - резкого снижения количества белых кровяных телец, которое может быть пагубным. Однако он работает, и работает хорошо; сейчас у меня бывают дни, когда я даже испытываю вину за то, что чувствую себя так хорошо.

Но это случилось не за один день. Действительно, переход от одного лекарства на другое может быть трудным, как случилось, когда я начала лечиться у Гитлина и мы попытались сменить медикаменты. Очень быстро я стала очень психотичной.

«Элин, что происходит?»

«Вы настоящий доктор Гитлин или марионетка - доктор Гитлин?»

«Почему вы спрашиваете? Я – настоящий доктор Гитлин», - сказал он.

«Это именно то, что сказала бы марионетка».

Доктор Гитлин позже скажет мне, что он серьёзно рассматривал возможность моей госпитализации в результате этого приступа. Слава богу, вместо того, чтобы пойти лёгким путём, он выбрал трудный и ждал, пока мне станет лучше.

Итак. Смена лекарства может вызвать психоз, потому что биохимические перемены в моём теле от одного медикамента к другому могут потребовать времени. Резкие перемены тоже могут его вызвать; вот почему находиться в знакомом месте и обстоятельствах это моя лакмусовая бумажка. И стресс – от внешних источников, давления, или событий, которыми я не могу управлять – может иметь эффект масла, добавленного в огонь моих симптомов.

Как это случилось и с диагнозом рака груди, рутинный осмотр показал, что есть вероятность, что у меня рак яичников. И опять реальность быстро отступила, и на смену ей пришли дьяволы. Перед операцией было двухнедельное ожидание; после операции мне пришлось ждать окончательных результатов ещё две недели. Я слышала, что процент выживших после заболевания этим типом рака в течение последующих трех лет был 20 % . Я была крайне испугана и очень опечалена; неужели я столько всего прошла, так сильно боролась, только для того, чтобы опять быть побежденной моим ненадёжным телом?

Опять квартира была наполнена цветами; и опять Уилл ни на секунду не дрогнул в своей нежности и непоколебимой вере в том, что всё будет хорошо. Мои друзья сплотились вокруг меня; Стив приехал из Вашингтона; даже некто, с кем я несколько раз ходила на свидания в Йеле – психиатр и юрист, который остаётся моим хорошим другом – приехал, чтобы повидать и поддержать меня. Но мои родители были среди отсутствующих.

Ну, технически-то нет; они звонили по телефону. Мой отец не хотел приезжать и не объяснял, почему. Моя мама сказала с видимым отсутствием энтузиазма: «Может быть, я смогу приехать на пару дней. И отец приедет, если диагноз подтвердится».

Отказ моих родителей приехать был для меня большим ударом. Всю свою жизнь я их идеализировала, хотя в наших отношениях и было много сложностей. Когда я чувствовала себя на пороге смерти, и их первым и последним порывом было оставаться там, где они

были, я была раздавлена. Я не могла больше отрицать, что у них есть недостатки (как и у всех нас), и что иногда они специально делали выбор в пользу своей недоступности от меня. Может быть, это было частью их собственной психологической адаптации, может быть, это заболевание было просто чем-то слишком чудовищным для них. Или может быть, это был результат тех сигналов, которые я им посылала: я в порядке, я сильная, я в вас не нуждаюсь. Я не уверена; мы так никогда и не поговорили об этом.

Мне иногда приходит в голову, что в моей жизни происходят два типа надувательства. Болезнь – некая сущность – всегда здесь, очень близко, просто чуть в стороне, только чуть-чуть ушла из виду. Но я знаю, что она здесь. И она пытается обмануть меня, чтобы я поверила, что это не настоящий Уилл, что это не настоящий Стив, что реальность это не реальность, что я могу убить тысячи людей своими мыслями, или что я полное ничтожество и воплощение зла.

В то же время я пытаюсь обмануть людей вокруг меня. Я в порядке, я функционирую, у меня всё хорошо. И может быть, иногда, эти решительные настойчивые усилия обмануть их обманывают саму болезнь. Это как одно большое надувательство. Стив говорит, что никогда не видел никого, кто бы так сражался, как я. Я не считаю себя бойцом (и я уж точно не произвожу впечатления сильной). Но если он прав, тогда, возможно, в моём детстве и в этом «несовпадении по фазе» с моими родителями, можно увидеть не только начало моей болезни, но также и зачатки моего здоровья и силы. Если я боец, возможно, это потому что они научили меня быть такой.

«Ладно, забудь», - сказала я маме. «Не приезжайте. Мы позвоним вам, когда все закончится».

Результат анализа был очень хорошим, несмотря на присутствие всех тревожных признаков; в результате я прошла полную гистерэктомию (полное удаление матки) и овариэктомию (удаление яичников). В отличие от чувства грусти и потери, которое многие женщины испытывают после такой тяжелой процедуры, то, что чувствовала я, было почти облегчением. Опасность миновала. И поскольку я давно смирилась с реальностью того, что я – мы с Уиллом – никогда не будем иметь детей, меня это не тревожило.

*

Что такое шизофрения? В Соединённых Штатах диагнозы, в большинстве своём, ставятся в соответствии с категориями, установленными Американской Психиатрической Ассоциацией в Руководстве по диагностике и статистике психических расстройств. Руководство не проводит четких границ между расстройством *мышления* и расстройством *настроения*. Шизофрения - это пример расстройства, которое пагубно влияет на мышление, поэтому она относится к расстройствам мышления. Биполярное расстройство (которое раньше называли маниакально-депрессивным синдромом) – это пример расстройства настроения, или «аффективное» расстройство – расстройство, которое в основном выражается в том, какие чувства испытывает человек.

Пособие позиционирует шизофрению среди мыслительных расстройств, характеризующихся психозом. Общее определение психоза – разрыв с реальностью – это то, что один из моих профессоров в Йеле как-то назвал «когда не все дома».

Шизофрения, наиболее серьёзное из психотических расстройств, поражает каждого сотого человека. Некоторые исследователи считают, что это может быть целым комплексом разных болезней, не одним заболеванием, что могло бы объяснить, почему люди с одинаковым диагнозом так отличаются друг от друга. В любом случае, чем бы шизофрения ни была, это не «раздвоение личности», хотя эти два расстройства часто путают обычные люди; шизофренический разум не расщеплён, он разбит вдребезги.

Общим заблуждением является то, что люди с шизофренией все время находятся в бурном психозе. Большинство, как и я, в нем не находятся. Когда у меня проявляются симптомы, я страдаю от бреда и галлюцинаций, и моё мышление становится спутанным и дезорганизованным. Когда у меня, пусть и нечасто, бывают галлюцинации – иногда я вижу что-то, иногда я слышу что-то – я часто становлюсь откровенно помешанной. Дезорганизованное мышление, которым я страдаю, также является ключевой особенностью шизофрении.

Это так называемые «позитивные» симптомы шизофрении, то есть то, что вы не хотите, но имеете. Многие люди с шизофренией также имеют и «негативные» симптомы, своего рода недостаток или нехватка чего-то, такие как апатия и аутизм, глубокое чувство «мне всё равно», или, точнее, отсутствие беспокойства по поводу того, что тебе все равно. Мне повезло, если не считать первых моих лет в Оксфорде – я избежала негативных симптомов.

Что важно во всём этом, так это то, что у меня расстройство мышления. Я не из тех, чьё заболевание состоит в основном из очень хорошего и очень плохого настроения. И этот аспект моей болезни – её когнитивная природа – был ключевым для моего решения написать эту книгу.

Многие люди, страдающие маниакально-депрессивным расстройством или депрессией, ведут полноценную и богатую жизнь: журналисты Майк Уоллас и Джейн Поли, писатель Уильям Стайрон, психолог и писатель Кей Редфильд Джэмисон – вот всего несколько выдающихся примеров. Известные исторические деятели, возможно, тоже страдали от аффективного расстройства – Авраам Линкольн, Винсент Ван Гог, Вирджиния Вульф и Самуэль Джонсон. Сходите на любую группу поддержки для людей с аффективными расстройствами и, с неким понятным чувством гордости, они назовут своих знаменитых предшественников и современных героев.

Однако люди с расстройствами мышления не ведут список известных и успешных людей, которые разделяют их проблему. Они не могут, потому что такого списка нет. Сравнительно немного шизофреников вели счастливую и продуктивную жизнь; те, у кого она была или есть, не спешат сообщить миру о себе.

При этом некоторые люди с расстройством мышления достигают очень высоких вершин до того, пока их не выведет из строя болезнь. Джон Нэш, например, получил нобелевскую премию за открытия, сделанные на первых ступенях его карьеры. Он затем провёл большинство своей последовавшей взрослой жизни в галлюцинациях, бродя по принстонскому университетскому городку, дрейфуя бесцельно в библиотеку и из библиотеки. Со временем Нэш (вместе с семьей и врачами) построили систему поддержки - достаточную, чтобы он смог в целом управлять своей болезнью и даже «выздороветь», что было так волнующе показано в фильме «Игры разума».

Однако более типичным примером того, как люди с расстройством мышления появляются в средствах массовой информации, служит трагический пример Майкла Лодора. Как и я, Лодор учился в Йельском университете на юридическом факультете. В 1955 году, вскоре после выпуска, Нью-Йорк Таймс опубликовала статью, посвящённую тому, как этот кто-то с шизоаффективным расстройством умудрился закончить лучший, по общему мнению, юридический университет страны. Лодор сказал в интервью Таймс, что «У Йельского юридического самая лучшая служба и инфраструктура поддержки психического здоровья во всей Америке». После выпуска он получил контракт на написание книги о своей жизни, муках и успехах.

И потом в 1998 году, по какой-то причине – никто не знает, по какой именно – Лодор перестал принимать лекарства. Когда его беременная невеста попыталась убедить его, что ему были необходимы как лекарства, так и, может быть, госпитализация, он зарезал её около их кухонного стола.

Я долгое время размышляла о том, чтобы написать книгу о моей жизни, когда история Лодора стала достоянием публики. Я уже испытывала смешанные чувства о том, чтобы описать все это на бумаге. Душераздирающая история, случившаяся на другом конце страны, только усилила мои сомнения. Может быть, публичное откровение о моей болезни изменит то, как мои друзья, коллеги и студенты меня воспринимают. Может быть, когда они узнают правду, они будут думать, что я слишком хрупка или слишком страшна, чтобы доверять мне как профессиональному коллеге или близкому другу. Может быть, они поверят, что трагический агрессивный срыв неизбежен.

Однако, в конце концов, именно история Лодора убедила меня написать книгу. Неистовство в средствах массовой информации, окружавшее эту историю, только добавило к мифу, который питает стереотип: что шизофреники агрессивны и представляют собой угрозу. В действительности подавляющее большинство шизофреников никогда никому не вредят; гораздо более вероятно, что они нанесут вред себе, чем другим.

Другой причиной, по которой я чувствовала себя вынужденной написать про свою жизнь – это дать людям надежду: диагноз психической болезни не означает автоматического приговора к блёклой и мучительной жизни, без удовольствий или радости или достижений. Я также хотела развеять миф, которого придерживаются многие

профессионалы в области психического здоровья – что люди с серьёзными расстройствами мышления не могут жить независимо, не могут работать с полной отдачей всех сил, не могут иметь настоящих друзей, не могут состоять в значимых, сексуально удовлетворяющих любовных отношениях, не могут жить богатой интеллектуальной, духовной или эмоциональной жизнью.

Медикаменты, без сомнения, сыграли центральную роль в управлении моим психозом, но то, что позволило мне найти смысл в моей борьбе – найти смысл во всём, что случилось до и во время моей болезни, и мобилизовать все силы, которые у меня были, чтобы жить богатой и продуктивной жизнью – это терапевтические беседы. Для людей с расстройством мышления не ожидается большой отдачи от этого способа лечения; разговорная терапия ориентирована на понимание и базируется на отношениях. Но мне она помогла. Может быть, и есть замена связи между людьми – двоих людей, сидящих вместе в комнате, один из которых может свободно говорить обо всём, что он думает и чувствует, и зная, что другой фокусируется на нём с участливым и вдумчивым вниманием – но я не знаю, что может быть такой заменой. Это, в самой сути своей, *отношения*, и для меня это было ключом ко всем другим отношениям, которые мне дороги. Часто я веду корабль своей жизни по переменчивым, даже угрожающим водам – мне нужны люди в моей жизни, которые бы мне сказали, что безопасно, что реально, и за что стоит держаться.

Я пишу также потому, что я знаю, что такое быть психически больной. И я знаю лучше большинства из нас отношение закона к пациентам с психическими расстройствами, унижение привязывания к кровати против нашей воли и принудительное пичканье лекарствами, о которых вы не просили, и о которых вы ничего не знаете, и в которых ничего не понимаете. Я хочу, чтобы это изменилось, и теперь я активно пишу и выступаю об этой вопиющей необходимости перемен. Я хочу принести надежду тем, кто страдает от шизофрении, и понимание тем, кто ею не страдает.

Теперь у меня есть в жизни практически всё, чего я могла бы пожелать, но моя болезнь тоже взяла своё. Я потеряла годы своей жизни. Я упустила несчётное количество контактов – близких друзей, дорогих возлюбленных. У меня никогда не было детей. Я никогда не смогла испытать радость от работы в большой и известной юридической фирме, со сложными делами и чрезвычайно тяжело работающими и талантливыми коллегами. Даже сейчас я не могу путешествовать так, как мне бы хотелось – спонтанно, неделями в незнакомых и новых местах. Я говорю по-испански, но я не могу поехать в Испанию. Мой лимит комфорта для поездок за город даже с Уиллом – это около четырёх дней. Он угрожает поставить мне компьютерную программу «виртуальный офис», чтобы мы могли ездить, и всё же я чувствую себя в безопасности в моём офисе в университете Южной Калифорнии. Работа - это одновременно моя отрада и моё зеркало – когда я теряюсь, кто же я, она здесь на КТУЛХУ странице, чтобы напомнить мне об этом; когда я вдали от неё, я теряю ориентацию.

Годами я относилась к своему телу как к месту, где я живу, и настоящая я была в моём разуме; тело было просто футляром, и при этом не очень надёжным— чем-то грязным, животным.. Уилл, а также то, что я заболела раком и выжила, изменили в этом отношении очень многое. У меня хорошие отношения с собственным телом в последнее время, может быть, я даже отношусь к нему по-хозяйски – но и одновременно - настороженно. В конце концов, оно не раз меня подводило.

Поэтому я борюсь с летаргией, причина которой – моя погруженность в книги, в сочетании с успокоительными препаратами. Физические упражнения мне всегда давались нелегко – я никогда не любила беговую дорожку в тренажёрном зале или велотренажеры; мне они были скучны. И в отличие от большинства в Калифорнии, я уж точно не была бегуньей. Поэтому я катаюсь на роликах. Мои родители начали кататься на роликах в Центральном парке много лет назад, и однажды они позвали меня с собой; я подумала, что они немножко сбрендили, но пошла с ними и сразу же полюбила кататься. Поэтому теперь я катаюсь и беру уроки – фигурное катание, танцы на роликах, плюс базовые шаги и фигуры. Какое-то время я делала это два раза в неделю; теперь я могу выделить время только на один урок в неделю с профессиональным тренером. Это собранность, дисциплина, предсказуемость и вдохновение. А большую часть времени это просто чистое удовольствие.

Написать эту книгу значило, что я должна была (и хотела) начать говорить правду о своей болезни людям, которым я её ещё не сказала. Некоторые из них были довольно близкими друзьями, но такими друзьями, которым, по той или иной причине, я не решалась открыться раньше. Например, один из моих друзей часто рассказывал шутки о психически больных; я думала, что он будет смотреть на меня свысока, когда услышит правду. Другие друзья были моими недавними коллегами, и я не хотела, чтобы они потеряли веру в мои академические способности.

Мой опыт, который я получила, раскрыв правду о себе всем этим людям, был настоящим открытием. Большинство людей принимали это нормально; многие сказали, что они понятия об этом не имели и были шокированы. Неужели же это случилось много лет назад, и теперь уже не было проблемой? Один профессор права в ответ открылся мне, что он страдал от биполярного расстройства; после этого откровения – вместе с нашей взаимной поддержкой в течение многих лет – мы стали близкими друзьями. Другая подруга, психиатр, уговаривала меня использовать псевдоним при написании книги, но я подумала, что это только произведёт неверное впечатление, скомпрометирует саму идею книги – как будто это было слишком страшным, чтобы говорить об этом вслух. Тогда она сказала нечто, что заставило меня задуматься. «Но Элин, неужели ты действительно хочешь стать известной как шизофреник, у которого есть работа?» Этот вопрос меня поразил. Неужели это и есть то, кто я есть? Неужели я - *только* это?

В конце концов, я решила, что литературное произведение о себе сделает больше, чем

любая моя академическая статья, когда - либо написанная. Зачем тогда делать это под псевдонимом, если то, что я хочу – это рассказать правду? Я не хочу, чтобы меня вынесли за скобки; я боролась против этого всю свою жизнь.

Мне нужно было соединить две чрезвычайно важные идеи: что я могу одновременно быть психически больной и жить насыщенной и полной жизнью. Мне нужно было заключить мир со своими демонами, чтобы я перестала тратить энергию на борьбу с ними. Мне нужно было научиться прокладывать свой путь как в карьере, так и в отношениях - с иногда слабым пониманием того, что же было реальным. Мне нужно было понять, что скрывалось за моими ужасающими мыслями и чувствами, и как мой психоз служил моей защитой. За годы тяжёлой и интенсивной работы миссис Джоунс, Берриман, Каплан и Рот помогли мне найти путь к жизни, которой стоило жить. Мои последние две госпитализации оставили меня с «очень плохим» и «неблагоприятным» прогнозами. И я бы оправдала эти прогнозы, если бы со мной рядом не было умелых и беззаветных терапевтов, исцеляющих беседой – психоаналитиков.

Я верила (по крайней мере, не имела причины не верить), что навыки и таланты распределены среди психически больных примерно так же, как и среди всех остальных. У каждого есть своя ниша. Конечно, ресурсы распределены сильно не в пользу психически больных, и большинство из них никогда не имеет шанса реализовать даже часть своего потенциала. При этом я буду чувствовать себя ужасно, если узнаю, что кто-то, прочитав эту книгу, скажет члену своей семьи или другу : «Она это смогла, поэтому и ты можешь». Я *не* утверждаю, что каждый больной шизофренией или психотическим расстройством может стать успешным профессионалом или академиком; я – исключение из многих правил, и я это знаю. Но многое из этого было счастливым лотерейным билетом, который я вытянула: родители со средствами, доступ к квалифицированным и талантливым профессионалам и зачастую непривлекательная упрямая сторона моего характера, которая работала как мне на пользу, так и во вред.

*

Моя сегодняшняя жизнь не обходится без проблем. У меня очень серьёзная психическая болезнь. Я никогда полностью не излечусь от шизофрении. Я всегда буду принимать психотропные медикаменты, и проходить курсами терапию беседами. У меня всегда будут хорошие и плохие дни, и я всё ещё больна.

Но лечение, которое я получила, позволило мне жить жизнью, которую я считаю прекрасной и стоящей жить. Юридический факультет Южно-Калифорнийского университета - это идеальное место для меня, чтобы писать и преподавать. У меня умные и щедрые коллеги, которые ухаживали за мной в трудные времена испытаний. Я считаю декана и его заместителя своими хорошими друзьями, и они были ко мне добры. Университет поддержал меня, когда я отважилась работать с другими дисциплинами, психиатрией и психологией, и дал мне гранты для проведения практических исследований, относящихся к моим юридическим научным изысканиям. В 2004 году меня

удостоили наградой за креативность в исследованиях Южно-Калифорнийского университета, которая даётся ежегодно двум профессорам – наивысшая награда, даваемая университетом за академическую работу. В то же время моя работа «Отказ от лечения» была отмечена наградой Южно-Калифорнийского университета Фи Бета Каппа³⁵ По словам администрации, ещё никому не удавалось получить обе награды за один год.

Недавно моя профессиональная жизнь стала ещё лучше. Кроме первых нескольких лет преподавания уголовного права, я всегда была довольно популярным преподавателем. Но со временем, несмотря на то, что этот процесс должен был идти в противоположном направлении, преподавание становилось всё большим и большим стрессом для меня. Благодаря декану, с которым мне ужасно повезло – он всегда меня поддерживал и находил для меня приемлемые варианты - мне предложили новую работу - заместителем декана по исследовательской работе. Вместо преподавания я теперь помогала коллегам получать исследовательские гранты. Конечно, больше всего мне нравится заниматься своими собственными исследованиями, но принимая во внимание все обязанности, которые нам надо было выполнять как юридическому преподавательскому составу, помогать моим коллегам в поисках финансовой поддержки для их работы означало занять почетное второе место.

Моя учёба на исследователя-психоаналитика также проходила в плодородном окружении и дала мне интересных и деятельных коллег, многие из которых стали моими близкими друзьями. Я активно вовлечена в жизнь руководящего комитета психоаналитического института. Я всё ещё часто – практически каждый день – разговариваю с дорогим Стивом, и я получаю удовольствие от нашей совместной работы. Я люблю и замужем за добрым и весёлым мужчиной, который понимает и принимает меня, и благодаря которому я чувствую себя женщиной. То есть, в целом – это хорошая жизнь.

Недавно, однако, друг задал мне вопрос: «Если бы существовала такая пилюля, которая бы тебя мгновенно излечила, ты бы её приняла?» Поэту Райнеру Марии Рильке предложили психоанализ. Он отказался, сказав: «Не забирайте у меня моих демонов, потому что мои ангелы тоже могут улететь». Я могу это понять. Мания в маниакально-депрессивном расстройстве была описана как приятное состояние приподнятого настроения, дающее ощущение всемогущества. Но шизофрения такого не приносит, по крайней мере, не мне. Мой психоз - это ходячий кошмарный сон, в котором мои демоны насколько ужасающи, что все мои ангелы уже сбежали. Поэтому приму ли я пилюлю? В мгновение ока.

При этом я не хочу, чтобы вы думали, что я сожалею, что я не жила жизнью, которой я могла бы жить, если бы не была больна. И я никого не прошу о жалости. То, что я хочу сказать, это что человечность, которая нас объединяет, гораздо важнее, чем психическая болезнь, которую мы можем и не разделять. При условии правильного лечения,

³⁵ (привилегированное общество студентов и выпускников колледжей)

психически больной человек может вести полноценную насыщенную жизнь. То, что делает жизнь прекрасной – хорошие друзья, работа, приносящая удовлетворение, отношения любящих людей – так же ценно для тех из нас, кто борется с шизофренией, как и для всех других.

Если у вас психическая болезнь, трудность состоит в том, чтобы найти жизнь, которая вам подходит. Но на самом-то деле, разве это не так для всех нас, психически больных или здоровых? Моё счастье не в том, что я излечилась от психической болезни. Я не выздоровела, и никогда не поправлюсь. Моё счастье в том, что я нашла свою жизнь.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Как и моя жизнь, эта книга - плод сотрудничества, результат вклада многих моих друзей и коллег.

Что касается собственно написания книги, два человека играли центральную роль. Ларкин Уоррен помогла дать жизнь этой книге, чтобы позволить мне обращаться ко многим

людям с этих страниц. Стефен Бенке, одарённый писатель и мой близкий друг, знает меня и мои психотические состояния – «сглаз», как Стив иногда их называет, дразнясь - и это самое удачное название. Стив предложил многие метафоры для этой книги, чтобы помочь передать ощущения, переживаемые мною во время болезни.

Я хочу поблагодарить людей из издательства, которые сделали эту книгу реальностью: моего агента Дженнифер Джоел, и моего издателя Лесли Уэллз. Каждый из них блестящий профессионал в своей работе. Это их усилиями «Все рушится, не держит сердцевина: записки о моей шизофрении» стала возможной.

Я хотела бы также поблагодарить моего издателя, Роберта Миллера, за великолепное название для этой книги.

Другие писатели принимали участие в ее написании : Тристина Райнер, мой первый учитель в жанре мемуаристики; Саманта Данн, преподаватель двух курсов по написанию мемуаров; и Глэдис Топкис, друг-редактор, которая читала и комментировала рукопись. Многие другие читали рукопись и вносили свои предложения. Я хотела особенно поблагодарить Скотта Алтмана, Джудит Армстронг, Грега Блоша, Катрин Брогер, Дайну Каннелл, Кенни Коллинза, Джерарда Дэвидсона, Сюзан Эстрих, Эстер Файн, Сюзан Гарет, Майкла Гитлина, Джанет Холл, Джеймса Хай, Лисси Джарвик, Дилипа Жесте, Шэннона Келли, Стефани Лози, Эдварда Маккаффри, Александра Мейклджона, Томаса Мораветца, Стефана Морза, Майкла Шапиро, Дэвида Шора, Ларри Саймона, Джанет Смит, Мэттью Спитцера, Филипа Стивака, Номи Стольценберг, Рэнди Стурман, Кармело Валона, Марлен Вагнер и Джун Вульф. Я также хотела бы поблагодарить всех в университете Южной Каролины, кто помог мне с административной стороны, чтобы я могла посвятить себя написанию книги: моего помощника Киса Стиветсона, и библиографов-консультантов Брайана Рафаэля и Джессику Вимер.

В течение моего университетского обучения некоторые люди открыли для меня многое. Оглядываясь назад, это они направили меня на путь использования моего разума, чтобы излечить его . Джон Лакс, мой профессор философии в Вандербильте, пробудил во мне радость размышления и познания. Джозеф Гольдстейн и Джэй Кац с юридического факультета Йельского университета подчеркнули важность этого урока в контексте моей заинтересованности в психическом здоровье. Стефен Визнер помог мне поставить мою способность думать на службу помощи людям, которые в ней нуждались - урок, который Стив преподносил поколениям студентов-юристов Йеля, не только словами, но и самой своей жизнью. Джордж Маль преподавал мне курс по Фрейдю, который был одним из лучших курсов, которые я когда-либо проходила, и пробудил во мне интерес к обучению психоанализу.

Друзья - это группа людей, которые делают жизнь стоящей, и мне повезло – у меня их много. Среди самых близких Расс Абботт, Скотт Алтман, Джудит Армстронг, Меирам Бендат, Грег Блош, Катрин Брогер, Дайна Кэннелл, Джоэл Чеслер, Мария Швирко, Кенни и Маржи Коллинс, Пол Дэвис, Патрик Деннис, Эстер Файн, Пол Форбат, Рональд и

Сьюзан Гарет, Элизабет Гарретт, Томал Гриффит, Джанет Холл, Нора Хинан, Карри Хемпел, Джошуа и Тамар Хоффс, Лисси Джарвик, Эхуд Камар, Кен Кресс, Мартин ЛеВей, Андрей Мармор, Эдвард Маккаффри, Александр Мейклдзон, Томас Моравец, Крейг Пэрриш, Аллан Рабинович, Ноэл Рэгсдейл, Дария Ройтмайр, Катрин Сабатини, Сэм Шеер, Джин Скотт, Майкл Шапиро, Ларри Саймон, Дэвид Слоусон, Джанет Смит, Эдвард Соколницки, Мэтью Спитцер, Номи Столценберг, Кристофер и Энн Стоун, Рэнди Стурман, Дженнифер Урбан, Роберт фон Барген, Катарин Веллз, Ричард Виттенборн, Стефен Визнер, Джон Янг и Марк и Марта Янгблад.

В более общем плане я хочу поблагодарить всех моих коллег на юридическом факультете Южно-Калифорнийского университета. Вы все сами знаете, кого я имею в виду, и я глубоко ценю вашу дружбу и поддержку.

Я также встретила хороших друзей в Обществе Здоровья, группе переживших рак. Наш руководитель группы, Карла, помогла мне и многим другим в нашей борьбе, и у меня образовалась тесная связь со многими людьми в группе, включая Алекса, Энн, Брача, Карла, Кристину, Хайама, Джанет, Джулию, Маржи, Миру, Сару, Трейси и Труды. Никто не понимает рак лучше, чем другие раковые пациенты, и мои товарищи по группе часто были для меня источником вдохновения.

Моими наиболее важными наставниками в Новом Центре Психоанализа были Джеральд Аронсон, Хелен Десмонд, Маймон Леавит и Хейман Ван Дам. Они помогли мне понять, что психоанализ говорит нам о сложностях в человеческих отношениях.

Мои психиатры и терапевты спасли мне жизнь. Я безмерно благодарна психиатрам, которые работали с биологической стороной моей болезни, включая Майкла Гитлина и Стефена Мардера. Они помогли мне справиться перед лицом ужасных симптомов и привели меня в то состояние, когда я могла получить наибольший эффект от психоанализа. Я не называю четырёх психоаналитиков (в книге я использовала псевдонимы), потому что это может затруднить их отношения со старыми и новыми пациентами. Я обязана своим успехом и благополучием – долг, который я никогда не смогу отплатить – нашей совместной работе с этими психоаналитиками.

Я хочу сказать последнее слово о тех, кто мне наиболее дорог. Мои родители и братья дали мне любовь и поддержку, которая позволила мне продолжить жить. Я не всегда делилась с ними всем, по сложным причинам, в которых были заинтересованы все мы, но я их очень люблю. Стив был моим коллегой, доверенным лицом, ближайшим другом, свидетелем моей борьбы. Стив понимает меня, как никто, и он много раз давал мне силы продолжать бороться. Уилл – что я могу сказать об Уилле? Он - моя настоящая любовь, он даёт тот смысл моей жизни, который я никогда не считала возможным обрести. Каждую ночь я ложусь спать, и каждое утро просыпаюсь с мыслью о том, как мне повезло в жизни встретить его.

От всех этих людей и множества других (слишком многих, чтобы упомянуть каждого) я получила то, что мне нужно было для полноценной жизни. Я надеюсь, что этой книгой я

помогаю другим сделать их жизнь немного лучше.

(обратная обложка)

«Давайте залезем на крышу!»

Я несусь к ближайшему большому окну, вылезая через него и ступаю на крышу. За мной, через пару секунд, следуют мои соучастники. «Это настоящая я!» - объявляю я, размахивая руками над головой. «Сюда, во Флориду, к лимонному дереву! Сюда, во Флориду, к солнцу и в чащи! Где растут лимоны. Где живут демоны. Эй, да что это с вами?»

«Ты меня пугаешь!» - выпаливает один из них.

Элин Сакс – профессор юриспруденции и психиатрии в юридической школе «Гулд» Университета Южной Калифорнии. Она является автором нескольких книг. Состоит в счастливом браке. И – у неё шизофрения.

«Шизофрения - это зловещее слово; и мы слишком часто отождествляем его с мученической, изолированной жизнью, полной душевных терзаний. Я не могу найти лучшего опровержения этому, чем «Не держит сердцевина» - подробные записи о том, как, с помощью медикаментов, деликатной помощи (и, в случае профессора Сакс –

психоанализа), человек с тяжелой формой шизофрении может вести жизнь, полную достижений, творческой работы, любви и дружбы. Это наиболее светлые и обнадеживающие воспоминания человека, живущего с шизофренией, которые я когда-либо читал».

ОЛИВЕР САКС

Перевод выполнен esmoms по изданию Virago Press, Great Britain, 2007.

esmomsrt@gmail.com